

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ДЕЛО ТАБАК

Snuff

НОВИНКА!

Annotation

В жизни Сэмюэля Ваймса настали нелегкие дни: его отправляют в отпуск. Подумать только! К нему, всю свою жизнь посвятившему работе, отнеслись столь неблагодарно.

Более того, бесстрашному командору предстоит поездка не на курорт (ах, золотистый песок, лазурные воды), а семейный выезд в Овнец-Холл, в деревню. А ведь всем давно известно, что деревня так называется потому, что, кроме деревьев, там ничего нет! Тем более столь милых сердцу Ваймса преступлений...

Впрочем, хороший стражник (если очень хорошо покопается) всегда найдет какое-нибудь завалящее преступленьце. А разве кто-то сомневается в способностях герцога Анкского?

Впервые на русском языке!

- [Терри Праггетт](#)
  -
  - [Эпилог](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)

- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)

Терри Пратчетт

Дело табак

Посвящается Робу – в промежутках между выходными.

Эмме, которая помогла мне понять гоблинов.

И Лин – как всегда.

Terry Pratchett

Snuff

Copyright © 2011 by Terry and Lyn Pratchett

© В. Сергеева, перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Представления об окружающем мире у гоблинов облечены в форму культа или, если угодно, религии под названием «коготт». Если вкратце, это необычайно сложная система воззрений, основанных на идее воскрешения и священности всех телесных выделений. Основной догмат коготта гласит: то, что исходит из тела гоблина, некогда, несомненно, являлось его частью, и, следовательно, с ним надлежит обращаться почтительно и должным образом хранить, чтобы в свое время предать погребению вместе с владельцем. Пока владелец жив, упомянутые выделения хранятся в коготтных горшочках – примечательных изделиях, о которых речь пойдет дальше.

И тут появляется неприятное осознание того, что достигнуть этой цели может лишь существо, обладающее внушительным богатством, массой свободного места и покладистыми соседями. Поэтому в реальной жизни большинство гоблинов соблюдают так называемый «хад» – более распространенную и менее строгую форму коготта, которая предполагает хранение ушной серы, обрезков ногтей, а также слизи из носа. Вода, в общем и целом, не считается коготтом, поскольку просто циркулирует по телу, не становясь его частью, и гоблины полагают, что нет никакой

очевидной разницы в воде до употребления и, так сказать, после (к сожалению, это дает понять, какой сомнительной чистоты воду они пьют в своих подземных логовищах). Сходным образом, фекалии считаются едой, которая просто перешла в иное состояние. Как ни странно, зубы не представляют для гоблинов никакого интереса; они считают их чем-то вроде грибов, и волосам они тоже не придают особого значения – впрочем, их у гоблинов все равно немного.

Тут патриций Ветинари, правитель Анк-Морпорка, перестал читать и уставился в пустоту. В следующее мгновение в пустоте возник силуэт Стукпостука, личного секретаря (который, нужно заметить, годами упражнялся сливаться с пустотой).

Стукпостук сказал:

– У вас задумчивый вид, милорд.

К этому наблюдению он присовокупил самый почтительный знак вопроса, который повис в воздухе.

– Я обливаюсь слезами, Стукпостук, обливаюсь слезами.

Стукпостук перестал смахивать невидимую пыль с блестящей черной поверхности лакированного стола.

– Пастор Овсец весьма убедительно излагает, не правда ли, сэр?

– О да, Стукпостук. Но основная проблема никуда не делась, и заключается она вот в чем: человечество сумело примириться с гномами, троллями и даже орками, как бы они ни были временами устрашающи, и знаешь почему, Стукпостук?

Секретарь осторожно сложил тряпочку, которой вытирал пыль, и взглянул в потолок.

– Осмелюсь предположить, милорд, это потому, что в их жестокости мы узнаем свою?

– Отлично сказано, Стукпостук, я еще воспитаю из тебя настоящего циника. Хищники уважают друг друга, не так ли? Иногда они даже уважают добычу. Лев порой способен лечь рядом с ягненком, пускай в итоге на ноги поднимется только лев. Но он никогда не ляжет рядом с крысой. Крысы, Стукпостук. Целая раса опустилась до уровня крыс!

Патриций Ветинари грустно покачал головой, и неизменно бдительный Стукпостук заметил, что пальцы его светлости в третий раз за день вернулись к странице, озаглавленной «Коготтные горшочки». И вдобавок в процессе патриций разговаривал сам с собой, что было весьма необычно...

«По традиции, горшочки делает сам гоблин, из чего угодно, начиная с

драгоценных камней и заканчивая кожей, деревом и костью. Из кости получают самые изящные и тонкие, как яичная скорлупа, вместилища, когда-либо существовавшие в мире. Разграбление гоблинских поселений охотниками за сокровищами и месть разгневанных гоблинов – вот в чем доньше заключаются отношения людей и гоблинов».

Патриций Ветинари откашлялся и продолжал:

– Я цитирую пастора Овсеца, Стукпостук. «Должен признать, что гоблины живут на грани смерти, в основном, потому, что их туда оттеснили. Они выживают там, где не выживет больше никто. Их обычное приветствие – «ханг» – означает «держись». Я знаю, им приписывают ужасающие преступления, но и мир никогда не был к ним добр. Скажем прямо – те, чья жизнь висит на волоске, прекрасно понимают жуткую алгебру необходимости, которая не знает милосердия. Когда же необходимость становится крайней, женщины делают коготтные горшочки под названием «душа слез», самые красивые, украшенные резьбой в виде цветов и омытые слезами...»

Стукпостук, идеально рассчитав время, поставил на стол перед своим господином чашку кофе, как раз когда патриций Ветинари дочитал до конца и поднял глаза.

– Жуткая алгебра необходимости, Стукпостук. Мы-то знаем, что это такое, правда?

– О да, сэр. Кстати говоря, сэр, мы получили сообщение от Алмазного короля троллей, который благодарит нас за непоколебимую позицию в отношении тролльих наркотиков. Отлично сделано, сэр.

– Я бы даже не назвал это уступкой, – заметил, отмахнувшись, Ветинари. – Ты знаешь мое мнение, Стукпостук. Я, в общем, не возражаю, если люди принимают всякие вещества, от которых им становится лучше и веселее, ну или они видят маленьких танцующих фиолетовых человечков или даже собственного бога, почему бы и нет. В конце концов, это их мозг, и общество не имеет на него никаких прав, лишь бы в это время они не работали за станком. Но продавать троллям наркотики, от которых у бедняг в буквальном смысле взрывается голова, – это самое настоящее убийство, тяжкое уголовное преступление. И я рад отметить, что командор Ваймс полностью согласен со мной по данному вопросу.

– Да, сэр, и, с вашего позволения, напоминаю, что в скором времени он уезжает. Вы желаете его проводить?

Патриций покачал головой.

– Думаю, что не стоит. Наверняка он не в лучшем настроении, и, боюсь, мое присутствие только усугубит ситуацию.

Стукпостук с едва заметной ноткой соболезнования в голосе произнес:
– Не вините себя, ваша светлость. В конце концов, и вы, и командор Ваймс в руках высших сил.

Его светлость герцог Анкский, командор сэр Сэмюэль Ваймс из анк-морпоркской городской Стражи яростно тыкал за голенище карандашом, чтобы унять зуд. Но тщетно. Никогда это не помогало. От носков у него чесались ноги. Сто раз он собирался сказать жене, что вязание не входит в число ее многочисленных блистательных достоинств. Но Ваймс предпочел бы вообще остаться без ног. Ведь Сибилла бы страшно огорчилась.

Носки действительно были ужасные, толстые, бугристые, сплошь в узлах, так что приходилось покупать обувь на полтора размера больше. Он так и делал, потому что Сэмюэль Ваймс, который ни в один храм не входил с религиозными намерениями, боготворил госпожу Сибиллу и каждый день с крайним удивлением сознавал, что она испытывает к нему сходные чувства. Он сделал ее своей женой, а она его – миллионером; благодаря Сибилле нищий, одинокий, циничный, мрачный коп стал богатым влиятельным герцогом. Впрочем, свой цинизм Ваймс умудрился сохранить, и даже запряжка быков, накачанных стероидами, не вытащила бы копа из души Сэма Ваймса. Этот яд проник слишком глубоко, впитался в становой хребет. И теперь Сэм Ваймс чесался и подсчитывал плюсы, пока у него не закончились цифры.

А среди минусов была бумажная работа.

Бумажная работа существовала всегда. Хорошо известно, что всякая попытка сократить количество бумаг ведет к их увеличению.

Разумеется, для бумажной работы у Ваймса были люди, но рано или поздно ему как минимум приходилось что-то подписывать, а если не удавалось увернуться, так даже читать. И положить этому конец было невозможно; в конце концов, в полицейской работе всегда есть вероятность, что где-то взлетит на воздух очередной сортир. Инициалы Сэма Ваймса на бумаге извещали мир, что это *его* сортир и, следовательно, *его* проблемы.

Он окликнул через открытую дверь сержанта Задранец, которая исполняла обязанности ординарца.

– Еще что-нибудь, Шелли? – с надеждой спросил Ваймс.

– Не в том смысле, как вы думаете, сэр. Но, полагаю, вам приятно будет узнать, что я минуту назад получила клик от временно исполняющего обязанности капитана Пикши из Щеботана, сэр. Он говорит, что дела у него идут неплохо, сэр, и «а-ля» ему очень даже нравится^[1].

Ваймс вздохнул.

– Еще что?

– Тихо как в колодце, – сказала гномиха, выглядывая за дверь. – Жарко, сэр. Слишком жарко, чтобы драться, слишком липко, чтобы воровать. По-моему, чудесно, сэр.

– Где стражники, там и преступление, – буркнул Ваймс. – Запомни это, сержант.

– Я помню, сэр, хотя, на мой вкус, лучше звучит, если слова поменять местами.

– Я так понимаю, нет никаких шансов, что меня отпустят без экзекуции?

Сержант Задранец явно встревожилась.

– Простите, сэр, но, боюсь, увильнуть не удастся. Капитан Моркоу официально заберет у вас значок в полдень.

Ваймс стукнул кулаком по столу.

– Я посвятил всю жизнь городу и не заслуживаю такого обращения!

– С вашего позволения, командор Ваймс, вы заслуживаете гораздо большего.

Ваймс откинулся на спинку кресла и застонал.

– И ты туда же, Шелли?

– Простите, сэр. Я знаю, вам нелегко.

– Меня вышвыривают отсюда после стольких лет! Ты же знаешь, как я просил! А такому человеку, как я, просить нелегко, можешь не сомневаться. Я умолял!

На лестнице послышались шаги. Ваймс вытащил из ящика стола коричневый конверт, что-то сунул в него, сердито лизнул, запечатал плевком и бросил на стол. Конверт звякнул.

– Вот, – произнес он сквозь стиснутые зубы. – Мой значок. Как велел патриций Ветинари. Сдаю добровольно. Никто не скажет, что его у меня отобрали!

В кабинет вошел капитан Моркоу, пригнувшись под притолокой. В руках он держал какой-то сверток, а за спиной у него теснились несколько ухмыляющихся стражников.

– Прошу прощения, сэр, верховная власть и все такое. По-моему, вам повезло, что вас отправляют в отпуск всего на две недели. Госпожа Сибилла изначально настаивала на месяце.

Моркоу протянул Ваймсу сверток и кашлянул.

– Мы с ребятами тут скинулись, командор, – произнес он с натянутой улыбкой.

– Предпочитаю то, что звучит разумнее, например «старший констебль», – сказал Ваймс, забирая сверток. – Знаешь, я тут подумал: если мне надают побольше титулов, я в конце концов найду тот, с которым смогу смириться.

Он разорвал бумагу и извлек маленькое разноцветное ведерко и лопатку, к общему восторгу притаившихся зевак.

– Мы знаем, что вы едете не на взморье, сэр, – начал Моркоу, – но...

– И очень жаль, что не на взморье! – жалобно произнес Ваймс. – Там бывают кораблекрушения. Контрабандисты. Утопленники. Преступники так и кишат! Хоть что-то интересное.

– Госпожа Сибилла говорит, вам будет чем развлечься, сэр, – сказал Моркоу.

Ваймс застонал.

– В деревне-то? Чем можно развлечься в деревне? Ты знаешь, почему она называется деревней, Моркоу? Потому что там, черт побери, нет ничего, кроме проклятых деревьев, которыми почему-то полагается восхищаться, хотя на самом деле они просто сорняки-переростки! Там скучно! Сплошное воскресенье! А еще мне придется общаться со всякими шишками!

– Сэр, вам понравится. Я не помню, чтобы вы когда-нибудь брали выходной, разве что когда бывали ранены, – сказал Моркоу.

– Да и то он непрерывно ворчал и беспокоился, – произнес голос в дверях. Он принадлежал госпоже Сибилле. Ваймса изрядно обижало то, что стражники слушались его жену. Он, разумеется, до безумия обожал Сибиллу, но не мог не заметить, что в последнее время его любимый сэндвич с беконом, салатом и помидором превратился из традиционного сэндвича с БЕКОНОМ, салатом и помидором в сэндвич с САЛАТОМ, ПОМИДРОМ и беконом. Разумеется, жена пеклась о его здоровье. И все вокруг словно сговорились. Почему ученые не откроют какой-нибудь овощ, который вреден для здоровья? И что не так с луковой подливкой? В конце концов, в ней же лук! И желудок он прочищает будь здоров. Это ведь полезно, не так ли? Что-то такое он точно читал.

Две недели отпуска, в течение которых за каждым приемом пищи будет надзирать жена. Об этом нестерпимо было даже думать... но Ваймс все равно думал. И потом еще Юный Сэм, который рос как сорная трава и всюду совал свой нос. Две недели на свежем воздухе, по словам Сибиллы, пойдут мальчику на пользу. Ваймс не спорил. Бессмысленно было спорить с Сибиллой: даже если ты думаешь, что победил, оказывается, на самом деле тебя неверно информировали. Это какая-то магия, совершенно

недоступная мужьям.

По крайней мере, ему позволили выехать из города в доспехах. Они были частью Сэма Ваймса, такие же потрепанные, как и он сам, с той разницей, что вмятины на доспехах чинились при помощи молотка.

Ваймс, держа на коленях сына, смотрел на удалявшийся город, а карета везла его навстречу двум неделям буколических грез. Он чувствовал себя изгнанником. Но, с другой стороны, в городе просто обязательно случилось какое-нибудь ужасное убийство или дерзкое ограбление, которое *по очень важным* соображениям морали (на худой конец) потребовало бы присутствия главы Стражи. Оставалось лишь надеяться.

Сэм Ваймс со дня вступления в брак знал, что у его жены есть дом в деревне. В частности, потому, что Сибилла подарила этот дом ему. Точнее, она перевела на мужа все владения своей семьи (упомянутая семья состояла из одной лишь Сибиллы), следуя старомодному, но очаровательному убеждению, что владеть собственностью должен супруг^[2]. И она настояла на своем.

Из деревни регулярно, в зависимости от сезона, на Лепешечную улицу прибывала телега, груженная фруктами и овощами, сыром и мясом. Все это выращивалось и производилось в поместье, которого Ваймс никогда не видел. И не горел желанием видеть. Про деревню он точно знал, что она хлюпает под ногами. Да, конечно, под ногами хлюпали большинство анк-морпоркских улиц, но, черт побери, они хлюпали *правильно* – и он хлюпал по ним с тех самых пор, как только выучился ходить (и, что неизбежно, падать).

Официально поместье носило название Краделл, хотя обычно его называли Овнец-Холл. Овнецам принадлежал отрезок форелевого ручья длиной в милю, а также паб, как запомнил Ваймс из документов. Владеть пабом – да, вполне понятно; но как можно владеть форелевым ручьем? Ведь твой отрезок, пока ты на него смотришь, уплывет вниз по течению, разве нет? И перед тобой окажется вода, которая раньше принадлежала твоему соседу, живущему выше по течению, и этот надутый сноб, возможно, сочтет тебя браконьером. Вот сукин сын. А рыбы вообще плавают, где им вздумается. Так откуда тебе знать, которая из них твоя? Может быть, она вся помечена? С точки зрения Ваймса, это было вполне по-деревенски. Жить в деревне значит постоянно держать оборону. Совсем не так, как в городе.

Патриций Ветинари громко рассмеялся, что было для него весьма

необычно. Почти сияя от радости при мысли об унижении своего врага, он положил на стол экземпляр «Таймс», открытый на странице с кроссвордом.

– Тыквина – многосемянный плод с тремя плодолистиками! Я все-таки утер вам нос, мадам!

Стукпостук, который аккуратно раскладывал бумаги, улыбнулся и спросил:

– Очередная победа, милорд?

Всем была известна битва, которую Ветинари вел с главной сочинительницей кроссвордов в «Таймс».

– Кажется, она теряет хватку, – сказал Ветинари, откидываясь на спинку кресла. – Что это у тебя, Стукпостук? – он указал на толстый коричневый конверт.

– Значок командора Ваймса, сэр. Доставлен капитаном Моркоу.

– Запечатано?

– Да, сэр.

– Значит, в нем не значок.

– Да, сэр. Осторожное прощупывание конверта навело меня на мысль, что внутри лежит крышка от жестянки из-под нюхательного табака «Двойной гром». Мое предположение подтверждается запахом, милорд.

Ветинари, по-прежнему разгоряченный, произнес:

– Но капитан тоже наверняка это понял, Стукпостук.

– Да, сэр.

– Конечно, это весьма в духе командора, – продолжал Ветинари. – Потому мы его и ценим. Он одержал маленькую победу. А человек, который одерживает маленькие победы, способен одержать и большую.

Стукпостук неожиданно помедлил, прежде чем ответить:

– Да, сэр. Кстати говоря, госпожа Сибилла ведь *сама* заговорила о поездке в деревню, если не ошибаюсь?

Ветинари поднял бровь.

– Ну конечно, Стукпостук. Ума не приложу, кто еще мог бы это сделать. Храбрый командор известен своей преданностью делу. Кто, кроме любящей жены, сумел бы внушить ему, что несколько недель отдыха на природе прекрасная идея?

– О да, сэр, – ответил Стукпостук и предпочел не развивать тему, потому что не видел в этом никакого смысла. У патриция были источники информации, недоступные даже для Стукпостука, как бы он ни старался; одни лишь боги знали, кто прибегал к Ветинари по длинным неосвященным лестницам. Жизнь в Продолговатом кабинете представляла собой мир секретов, догадок и ошибок, и правда здесь менялась, как цвета

радуги. Стукпостук это знал, поскольку играл не последнюю роль в спектре. Но выяснить, что именно знал патриций Ветинари и о чем он думал, было психологически невозможно. Каждый мудрый человек признал бы это и продолжил раскладывать бумаги.

Ветинари встал и посмотрел в окно.

– Это город попрошаек и воров, не так ли, Стукпостук? Я горжусь тем, что среди них есть мастера своего дела. Более того, если бы существовала такая вещь, как международный конкурс воров, Анк-Морпорк взял бы главный приз, да еще прихватил бы несколько чужих бумажников. Воровство имеет цель, Стукпостук, но человек подсознательно чувствует, что раз есть вещи, по определению недостижимые простым людям, то есть и вещи, которые нельзя позволять богатым и сильным.

Ход мыслей Ветинари Стукпостук понимал настолько, что стороннему наблюдателю это могло показаться волшебством. И впрямь удивления было достойно, сколь многое ему удавалось постичь, наблюдая за тем, что патриций читает, прислушиваясь к внешне бессмысленным замечаниям и соотнося их, как умел делать только Стукпостук, с насущными нуждами и заботами. И теперь секретарь сказал:

– Контрабанда, сэр?

– Отчасти, отчасти. Я ничего не имею против контрабанды. Контрабандисту нужны предприимчивость, хитрость и оригинальное мышление, свойства, которые надлежит поощрять в рядовом человеке. По правде говоря, контрабанда не причиняет так уж много вреда и позволяет ощутить легкий трепет восторга. Каждый должен время от времени нарушать закон каким-нибудь безобидным и приятным способом, Стукпостук. Это гигиена мозга.

Стукпостук, чей мозг неизменно сверкал чистотой, сказал:

– И все-таки, сэр, налоги следует платить. Город растет. И для этого нужны деньги.

– Разумеется, – ответил Ветинари. – Я мог бы обложить налогами все подряд, но предпочел ввести пошлину за то, без чего, по сути, можно прекрасно обойтись. Трудно назвать эту штуку вызывающей сильное привыкание, не правда ли?

– Некоторые так считают, сэр. И многие недовольны.

Ветинари даже не поднял взгляда от своих бумаг.

– Стукпостук, – заметил он, – жизнь сама по себе вызывает привыкание. Если горожане будут жаловаться слишком громко, придется обратить их внимание на этот факт.

Патриций вновь улыбнулся и сомкнул пальцы домиком.

– Короче говоря, Стукпостук, на безвредный бандитизм среди низших классов до некоторой степени надлежит смотреть сквозь пальцы, если и не активно поощрять, во имя общественного здоровья. Но что делать, когда безобразничать принимаются богатые и высокородные? Если бедняк проведет год в тюрьме за кражу, совершенную от голода, как высоко надлежит вздернуть богача, который нарушает закон из жадности?

– Я повторяюсь, сэръ, что сам покупаю себе скрепки, – немедленно вернул Стукпостук.

– Да-да, конечно, но, позволь мне с удовольствием отметить, что твой действительно чистый мозг не нуждается в дополнительных гигиенических мерах.

– Я сохраняю все чеки, – продолжал Стукпостук. – На тот случай, если вам захочется взглянуть.

Мгновение стояла тишина, затем секретарь произнес:

– Командор Ваймс сейчас уже на пути к Овнец-Холлу, милорд. Возможно, это счастливое стечение обстоятельств.

Ветинари не повел и бровью.

– О да, Стукпостук. О да.

Дорога в Холл занимала целый день – два, если ехать в карете, с ночевкой на постоялом дворе. Ваймс проводил время в ожидании, не раздадутся ли крики нагоняющего карету всадника, который привезет столь желанные вести об ужасной катастрофе. Обычно Анк-Морпорк поставлял катастрофы что ни час, но теперь решительно отказывался выручить своего отчаявшегося сына в час нужды.

Солнце нового дня озаряло упомянутого сына своими лучами, когда карета остановилась у ворот. Спустя несколько мгновений из ниоткуда появился старик – древний старик, – который торжественно, прилагая максимум усилий, отворил ворота и замер по стойке «смирно», сияя от сознания хорошо проделанной работы, пока карета проезжала мимо. Миновав ворота, она остановилась.

Сибилла, занятая чтением, толкнула мужа локтем и сказала, не отрываясь от чтения:

– Полагается дать мистеру Гробу пенни. В прежние времена мой дедушка держал в карете небольшую жаровню, чтобы греться, но в основном для того, чтобы докрасна раскалить монетки. Потом он брал их щипцами и бросал привратнику. Дедушка утверждал, что это было очень весело, но больше мы так не делаем.

Ваймс порылся в кошельке в поисках мелочи, а потом открыл дверцу

кареты и вышел, к огромному удивлению мистера Гроба, который попятился в густые заросли, глядя на Ваймса как загнанное животное.

– Молодчина, мистер Гроб, вы отлично подняли засов, просто блеск, – Ваймс протянул монетку, и мистер Гроб попятился еще дальше, в любую секунду готовый пуститься наутек. Ваймс подбросил монетку в воздух, перепуганный старик поймал пенни, метко сплюнул на него и исчез в кустах. Казалось, он разочаровался, не услышав шипения.

– Как давно твои родственники перестали бросать слугам раскаленные монеты? – поинтересовался Ваймс, усаживаясь в карету, которая тут же тронулась с места.

Сибилла отложила книгу.

– Мой отец положил конец этому обычаю. Мама жаловалась. Привратники тоже.

– Да уж не сомневаюсь.

– Нет, Сэм, они жаловались, что обычай отменили.

– Но это же унижительно!

Сибилла вздохнула.

– Да, знаю, Сэм, но ведь они получали деньги просто так. Во времена моего прадедушки, если съезжалось много гостей, привратник порой зарабатывал шесть пенсов в день. А поскольку старик, не переставая, хлестал ром и бренди, он иногда швырял и доллар. Настоящий старинный золотой доллар. На него можно было неплохо прожить целый год, особенно в деревне.

– Да, но... – начал Ваймс, но жена улыбкой заставила его замолчать. Для таких случаев у Сибиллы была особая улыбка – теплая, дружеская... и высеченная из камня. Оставалось либо прекратить дискуссию, либо нестись вперед, рискуя врезаться головой в скалу и причинить ущерб исключительно самому себе. Сэм Ваймс, хорошо затвердивший некоторые уроки, предпочел отвернуться к окну.

Ворота остались далеко позади, а он продолжал смотреть вперед, ожидая увидеть в вечернем свете большой дом, который был центром поместья. Однако Овнец-Холл показался не раньше, чем карета загромыхала по аллее мимо «идиллических пастбищ» – как выразился бы какой-нибудь дурак поэт, – усеянных, насколько мог судить Ваймс, овцами, мимо аккуратно подстриженных рощ, по мосту, который сделал бы честь и городу^[3]. Мост пересекал, как подумал Ваймс, декоративное озеро, но на поверку оно оказалось очень широкой рекой. Пока они с достоинством катили через мост, Ваймс заметил внизу огромную лодку, плывущую без парусов и весел. Судя по запаху, на ней везли скот. В этот момент Юный

Сэм сказал:

– А на этих дамах нет никакой одежды! Что ли они собираются купаться?

Ваймс рассеянно кивнул, потому что десяток обнаженных женщин – вовсе не тот предмет, который стоит обсуждать с шестилетним мальчиком. В любом случае его внимание по-прежнему привлекала лодка; вода вокруг нее так и бурлила, а матросы на палубе приветствовали госпожу Сибиллу, а возможно, одну из обнаженных статуй.

– Это ведь река? – уточнил Ваймс.

– Да, это Щеба, – сказала госпожа Сибилла. – В ее поймах расположена большая часть Октариновых лугов, и тянется она до самого Щеботана. Насколько я помню, большинство местных жителей называет ее Старой Изменницей. У Щебы капризный нрав, но в детстве мне так нравились эти маленькие лодочки. Они просто прелестны.

Карета с грохотом съехала с дальнего конца моста и покатила по аллее – да-да, к величественному дому – наверное, подумал Ваймс, так говорят, если дом вполне под стать какому-нибудь величеству. На лужайке паслось стадо оленей, а у парадной двери толпилось стадо людей. Слуги поспешно выстраивались в две шеренги, как на свадьбе. Что-то вроде почетного караула. Их было больше трехсот, от садовников до лакеев. Все пытались улыбаться, хоть довольно безуспешно. Ваймс вспомнил парады Стражи.

Двое лакеев столкнулись лбами, одновременно попытавшись опустить подножку кареты, и Ваймс окончательно испортил торжественный момент, выбравшись из противоположной дверцы и вытащив за собой госпожу Сибиллу.

Среди перепуганных лиц он увидел одно дружелюбное, и оно принадлежало Вилликинсу, дворецкому и камердинеру Ваймса, приехавшему из Анк-Морпорка. По крайней мере, в этом отношении Ваймс был непреклонен. Если он поедет в деревню, то привезет с собой Вилликинса. Ваймс объяснил жене, что Вилликинс уж точно не стражник, потому что большинство стражников не знают, как зарезать человека при помощи разбитой бутылки, не повредив притом рук, или как превратить обычную кухонную утварь в оружие, пускай не всемогущее, но однозначно смертельное. И вдобавок Юный Сэм, увидев покрытое шрамами лицо Вилликинса, прорвался сквозь толпу удивленных слуг и с размаху обнял колени дворецкого. Тот, в свою очередь, поднял Юного Сэма вниз головой и перекувырнул, прежде чем осторожно поставить обратно на землю. Эта процедура доставила бы любому шестилетнему мальчику огромное удовольствие. Ваймс доверял Вилликинсу. Он мало кому доверял. Человек,

прослуживший много лет стражником, становится в этом отношении довольно привередливым.

Он склонился к жене.

– Что я должен сделать? – шепнул он, потому что ряды нервных улыбок его не на шутку тревожили.

– Что хочешь, милый, – ответила та. – Ты хозяин. Ты ведь принимаешь парады Стражи, не так ли?

– Да, но там я знаю каждого по имени и по званию... и так далее! В городе такого не бывает!

– Да, дорогой, потому что в Анк-Морпорке все знают командора Ваймса.

«Ладно, ничего сложного», – подумал Ваймс. Он подошел к мужчине в потрепанной соломенной шляпе, с лопатой в руках и выражением легкого ужаса на лице, еще похлеще, чем у самого сэра Сэмюэля. Ваймс протянул руку. Мужчина в шляпе посмотрел на нее, как будто никогда раньше не видел протянутых рук.

Ваймс, запинаясь, произнес:

– Привет, я Сэм Ваймс, а вас как зовут?

Мужчина, слышав это, оглянулся в поисках помощи, поддержки, подсказки или пути к бегству, но тщетно; толпа хранила мертвое молчание.

– Уильям Батлер, сэр, с вашего позволения, – ответил он.

– Рад познакомиться, Уильям, – сказал Ваймс и снова протянул руку. Уильям сначала отшатнулся, а потом сунул ему ладонь, на ощупь похожую на старую кожаную перчатку.

Что ж, подумал Ваймс, все не так страшно. И смело шагнул на неизведанную территорию.

– Чем вы здесь занимаетесь, Уильям?

– Я садовник, – запинаясь, ответил тот и выставил перед собой лопату, одновременно как средство защиты и удостоверение личности.

Поскольку Ваймс и сам чувствовал себя не в своей тарелке, он ограничился тем, что попробовал лезвие пальцем и пробормотал:

– Что ж, она у вас в должном виде. Вы молодчина, мистер Батлер.

И подпрыгнул, когда кто-то похлопал его по плечу. Сибилла сказала:

– Ты тоже молодчина, милый, но на самом деле просто нужно было подняться на крыльцо и похвалить дворецкого и экономку за отменную выправку слуг. Мы здесь стоим целый день, если ты будешь болтать с каждым.

С этими словами госпожа Сибилла крепко взяла мужа за руку и повлекла вверх по лестнице, между рядами вытаращившейся челяди.

– Так, – прошептал Ваймс, – я вижу лакеев, поваров и садовников, но кто все эти парни в толстых куртках и котелках? Неужели у нас есть собственные судебные приставы?

– Исключено, дорогой. Это лесничие.

– Котелки им совсем не идут.

– Ты так думаешь? Кстати говоря, их придумал лорд Котелл, чтобы защитить лесничих на случай жестокого нападения браконьеров. Насколько мне известно, эти штуки необычайно прочные. Гораздо лучше, чем стальные шлемы, потому что от удара по котелку в ушах не звенит.

Явно будучи не в силах скрыть свою досаду на то, что новый хозяин предпочел поздороваться за руку с садовником, прежде чем обратиться к ним, дворецкий и экономка – оба, разумеется, румяные и с брюшком, как и предполагал Ваймс – поняли, что ждут напрасно, и заспешили к нему с такой скоростью, какую только позволяли развитые коротенькие ножки.

Ваймс, черт возьми, знал, как живет под лестницей и на чердаке. Не так давно полицейскому, приглашенному в большой дом, частенько предлагали пройти с черного хода, чтобы забрать в участок рыдающую горничную или туповатого мальчишку-чистильщика, без всяких улик обвиненных в краже кольца или серебряной расчески, которую хозяйка дома, как правило, сама находила, протрезвев. Теоретически, стражники существовали не для этого, хотя на самом деле, конечно, именно для этого они и существовали. Все дело было в привилегиях, и молодой Ваймс едва успел сносить первую пару казенных башмаков, когда сержант объяснил ему, что есть что. Это называлось частное право. В те дни влиятельному человеку многое могло сойти с рук, если он обладал правильным произношением, правильной булавкой на галстук и правильными друзьями. А молодой стражник, который чересчур много возражал, рисковал остаться без работы и без рекомендаций.

Сейчас все изменилось коренным образом.

Но в те, прежние времена молодой Ваймс считал дворецких двойными предателями, а потому одарил грузного мужчину в черном фраке убийственным взглядом. И легкий поклон, которым тот поприветствовал Ваймса, отнюдь не улучшил дела. Ваймс жил в мире, где отдавали честь.

– Я Сильвер, дворецкий, ваша светлость, – с легким упреком произнес толстяк.

Ваймс немедленно схватил его за руку и горячо пожал.

– Приятно познакомиться, мистер Сильвер.

Дворецкий поморщился.

– Просто Сильвер, сэр, без всяких мистеров.

– Извините, *мистер* Сильвер. А как вас зовут?

Было забавно наблюдать замешательство дворецкого.

– Сильвер, сэр! Просто Сильвер!

– Знаете, мистер Сильвер, – сказал Ваймс, – лично я считаю, что под одеждой все люди одинаковы.

Лицо дворецкого застыло, и он произнес:

– Возможно, но я был и всегда буду Сильвером, командор. Добрый вечер, *ваша светлость*, добрый вечер, леди Сибилла. В последний раз члены вашего семейства приезжали погостить семь или восемь лет назад. Смею ли я ожидать дальнейших визитов? И позвольте представить мою жену, миссис Сильвер, экономку, – кажется, вы с ней еще не знакомы?

Мозг Ваймса автоматически перевел: «Мне досадно, что ты пренебрег мною, чтобы пожать руку садовнику». Честно говоря, Ваймс сделал это не нарочно. Он поздоровался с садовником просто от ужаса, чистого и всепоглощающего. Дальнейший перевод гласил: «Боюсь, в ближайшем будущем нас ждет не самая простая жизнь».

– Погодите-ка, – перебил Ваймс. – Моя жена тоже светлость, и это покруче, чем просто леди. Си... ее светлость заставила меня взглянуть в табель о рангах.

Леди Сибилла знала повадки своего мужа, как люди, живущие рядом с вулканом, со временем узнают привычки своего опасного соседа. Самое главное – избежать взрыва.

– Сэм, для слуг в обоих наших домах я была леди Сибиллой с самого детства, поэтому я не обижаюсь, когда меня так называют люди, которых я всегда считала друзьями, и ты это знаешь!

«У всех нас, – добавила она мысленно, – есть свои маленькие причуды. Даже у тебя, Сэм».

И пока эта благоуханная отповедь висела в воздухе, она пожала руку дворецкому и повернулась к сыну:

– После ужина, Юный Сэм, ты сразу же ляжешь спать. И никаких споров.

Ваймс огляделся, когда маленькая компания вступила в переднюю, которая, судя по всему, служила оружейной. Любой полицейский счел бы ее оружейной, хотя, несомненно, для Овнецов, которые увешали все стены мечами, алебардами, саблями, булавами, пиками и щитами, эта пестрая коллекция была просто собранием исторических курьезов. И в центре висел огромный герб. Ваймс знал, что девиз гласит: «Что имеем, то храним».

Вскоре госпожа Сибилла уже возилась в огромной прачечной вместе с

горничной Пьюрити, которую, по настоянию Сэма, взяли в дом после рождения Юного Сэма и которая, по твердому убеждению Ваймса и Сибиллы, достигла взаимопонимания с Вилликинсом, хотя для обоих оставалось тайной, каким именно образом. Женщины предавались типично женскому развлечению – они вынимали одежду из одних штукоев и клали в другие. Это могло тянуться долго и предполагало еще кое-какие ритуалы – например, одежду полагалось подносить к свету и печально вздыхать.

В отсутствие каких-либо дел Ваймс вышел на роскошное крыльцо и закурил сигару. Касательно курения в доме Сибилла была непреклонна. Чей-то голос у него за спиной произнес:

– Не обязательно стоять здесь, сэр. В доме есть неплохая курительная комната, в том числе снабженная вентилятором с часовым заводом. Стильная штука, сэр, поверьте, такие не часто увидишь.

Ваймс зашагал за Вилликинсом.

Курительная комната действительно оказалась неплохая, хотя его личное знакомство с подобными помещениями было весьма ограничено. В комнате стоял огромный бильярдный стол, а внизу располагался погреб, в котором спиртного было больше, чем видел когда-либо хоть один завязавший алкоголик.

– Мы ведь предупредили слуг, что я не пью, правда, Вилликинс?

– Да, сэр. Сильвер сказал, что в Холле принято – если не ошибаюсь, он выразился именно так – держать погреб полным на случай гостей.

– Ну, по-моему, жаль упускать такую возможность, Вилликинс, поэтому погреб к твоим услугам. Налей себе выпить.

Вилликинс заметно вздрогнул.

– Нет, сэр. Это совершенно исключено, сэр.

– Почему, старина?

– Так нельзя, вот и все, сэр. Я стану посмешищем Лиги лакеев и камердинеров, если позволю себе такую дерзость и выпью со своим нанимателем. Каждый сверчок должен знать свой шесток, сэр.

Ваймса как поборника равноправия, хоть и относительного^[4], это оскорбило до глубины души. Он сказал:

– Я знаю твой шесток, Вилликинс, и он ничем не отличается от моего, если подсчитать очки и подвести итог.

– Послушайте, сэр, – произнес Вилликинс почти умоляющим голосом. – Так уж получилось, что мы должны следовать некоторым правилам. Поэтому я не стану пить с вами, поскольку сейчас не Страшество и не день рождения вашего наследника, каковые случаи подходят под упомянутые правила. Но я воспользуюсь допустимой

альтернативой, а именно, дождусь, пока вы отправитесь спать, и выпью полбутылки.

«Что ж, – подумал Ваймс, – у всех есть свои маленькие забавные причуды, хотя некоторые причуды Вилликинса не назовешь забавными, если попасть ему под горячую руку в темном переулке». Но он почувствовал облегчение, наблюдая за Вилликинсом, который рылся в битком набитом шкафу с ингредиентами для коктейлей и педантично отмерял капли в высокий стеклянный бокал^[5].

Вроде бы невозможно достичь эффекта присутствия алкоголя в напитке, в который алкоголь не добавляли, но среди талантов, которые Вилликинс с годами развил, а может быть и позаимствовал, была способность готовить из самых обычных составляющих абсолютно безобидный напиток, который, тем не менее, обладал почти всеми свойствами спиртного. В коктейле присутствовали табаско, огурец, имбирь и чили... а касательно всего остального Ваймс предпочитал не задавать лишних вопросов.

Наконец-то с бокалом в руке, Ваймс откинулся на спинку кресла и спросил:

– Как там слуги, Вилликинс?

Дворецкий понизил голос.

– Снимают сливки, сэр, но, в общем, ничего сверх меры. Каждый что-нибудь да тащит, это вроде как дополнительная льгота. Такова жизнь.

Ваймс улыбнулся при виде нарочито бесстрастного лица Вилликинса и громко спросил, обращаясь к тем, кто незримо подслушивал:

– Добросовестный человек этот Сильвер, а? Очень, очень приятно.

– Похоже, на него можно положиться, сэр, – ответил камердинер, возводя очи горе и указывая пальцем на маленькую решетку в стене – входное отверстие пресловутого вентилятора, которым, несомненно, пользовался тот, кто заводил часовой механизм. Упустит ли хоть один дворецкий, достойный своего толстого брюха, возможность узнать, о чем думает новый хозяин? Черта с два.

Дополнительные льготы, да? Разумеется, здешняя публика своего не упустит. И для этого не нужны были улики. Такова человеческая натура. Ваймс не раз предлагал Сибилле – настаивать он бы не посмел, – чтобы дом заперли и продали кому-нибудь, кто действительно хочет жить в этой скрипучей ледяной громаде, способной вместить целый полк. Сибилла слышать ничего не желала. У нее были теплые детские воспоминания об Овнец-Холле – как она лазала по деревьям, плавала, ловила рыбу в реке, собирала цветы, помогала садовникам, ну и о прочих сельских радостях,

которые Ваймсу казались далекими, как Луна, тем более что сам он в отрочестве думал исключительно о том, чтобы выжить. В реке Анк, конечно, *можно* ловить рыбу, главное – не стараться что-нибудь поймать. Более того, человеку, проглотившему всего одну капельку анкской воды, грозило несметное количество болезней. А что касается садовников, то в Анк-Морпорке чаще попадались ссадины и садисты.

День выдался долгий, и ночлег на постоялом дворе трудно было назвать спокойным и полезным для здоровья, но, прежде чем лечь в огромную постель, Ваймс открыл окно и уставился в темноту. В деревьях бормотал вечер. Ваймс недолго любил деревья, но Сибилле они нравились, и этого было достаточно. Вокруг, во тьме, шелестело, щебетало, ухало и сходило с ума нечто, о чем он не желал знать. Ваймс понятия не имел, что это за твари, и надеялся обойтись без знакомства. Как уснуть при таком шуме?

Он лег в постель и некоторое время шарил вокруг, прежде чем нашел жену и успокоился. Сибилла велела оставить окно открытым, чтобы впустить некоторое количество якобы волшебного свежего воздуха, и Ваймс горестно лежал под одеялом, напрягая слух в тщетной попытке услышать привычные звуки – вопль пьяного, бредущего домой, или ругань носильщика, которому заблевали подушки в паланкине, или шум уличной драки, или домашний скандал, или просто пронзительный крик, – и все это под размеренный бой городских часов, которые, как известно, били все вразнобой. И другие звуки, потише, например, громыхание золотарных фургонов Гарри Короля, которые отправлялись вершить свое грязное дело. А самое приятное – крик Ночной Стражи в дальнем конце улицы: «Двенадцать часов, и все спокойно!» Не так давно всякий, кто попытался бы это прокричать, лишился бы колокольчика, шлема и, вероятно, сапог прежде, чем эхо успело бы замереть вдали. Но только не теперь. О нет. Это была современная Стража, Ваймсова Стража, и каждый, кто вздумал бы с нехорошим умыслом напасть на стражника в патруле, услышал бы свист и очень быстро понял, что если кому и надают пинков, то точно не стражнику. Патрульные старались выкрикивать время перед домом номер один на Лепешечной улице с особым, почти театральным тщанием, чтобы командор непременно услышал.

Ваймс сунул голову под огромную подушку и постарался отвлечься от ужасной, пугающей тишины. Отсутствие звуков не давало заснуть человеку, который привык не обращать внимания на регулярный шум. Каждую ночь, год за годом.

Но в пять часов утра Мать-Природа нажала на кнопку, и мир сошел с ума. Все живые твари, в том числе, судя по звукам, аллигаторы, соперничали друг с другом, кто громче рявкнет. Какофония звуков не сразу дошла до ушей Ваймса. По крайней мере, огромная кровать располагала почти неистощимым запасом подушек. Ваймс обожал подушки, когда не спал на собственной кровати. Один-два жалких мешочка с перьями, похожих на запоздалую мысль... нет, это не для него. Он любил зарываться в подушки, превращать их в мягкую крепость, оставив лишь дырку для доступа воздуха.

Ужасающий шум уже стихал, когда он вынырнул на поверхность. Да, вспомнил Ваймс, это еще одно свойство растреклятой деревни. Жизнь в ней начинается слишком рано. Командор по обычаю, по наклонностям и по необходимости вел ночной образ жизни, иногда так и исключительно ночной; с его точки зрения, семи часов было достаточно один раз в день. С другой стороны, он почувствовал запах бекона; в следующую минуту в комнату вошли две взволнованные юные особы, неся подносы на каких-то затейливых металлических штуковинах, которые в разложенном виде практически не позволяли сесть и съесть поданный завтрак.

Ваймс растерянно похлопал глазами. Положение дел явно улучшалось. Сибилла считала своим долгом позаботиться о том, чтобы ее супруг жил вечно; она не сомневалась, что этого блаженного состояния можно достигнуть, если кормить его исключительно способствующими пищеварению орехами, злаками и йогуртом, который, с точки зрения Ваймса, представлял собой сыр, который не созрел. Все это никуда не годилось по сравнению с привычным утренним сэндвичем с беконом, салатом и помидором. Ваймс просто диву давался, что все стражники в этом отношении безоговорочно повиновались жене своего начальника. А если начальник вопил и топал ногами – что вполне понятно и даже простительно для человека, которого лишили с утра куска подгорелой свинины, – они ссылались на инструкции леди Сибиллы, нимало не сомневаясь, что Ваймс грозит не всерьез, а если кого-то и уволит, то тут же вернет на место.

Сибилла выбралась из подушек и сказала:

– У тебя отпуск, дорогой.

Завтрак, который позволялось съесть в отпуске, состоял из яичницы, точь-в-точь как любил Ваймс, и сосисок, но, к сожалению, никакого поджаренного бекона. Даже в отпуске это, видимо, считалось смертным грехом. Зато кофе был черным, густым и сладким.

– Ты крепко спал, – заметила Сибилла, пока Ваймс удивлялся

неожиданной роскоши.

Он ответил:

– Нет, дорогая, заверяю тебя, я и глаз не сомкнул.

– Сэм, ты всю ночь храпел. Я же слышала!

Ваймс достаточно усвоил науку супружества, чтобы удержаться от дальнейших комментариев. Он лишь сказал:

– Правда? Я храпел? Ну, извини.

Сибилла принялась перебирать небольшую пачку пастельных конвертов, лежавших на подносе с завтраком.

– Ну вот, новости уже разошлись, – произнесла она. – Герцогиня Кипсек пригласила нас на бал, сэр Генри и леди Пепелинг пригласили нас на бал, лорд и леди Персст пригласили нас... да, на бал!

– Однако, – сказал Ваймс, – какая прорва...

– Не смей, Сэм, – предупредила жена, и Ваймс робко закончил:

– ...приглашений. Ты же знаешь, дорогая, что я не умею танцевать. Я просто топчусь на месте и наступаю даме на ноги.

– Ну, балы устраивают в основном для молодежи. Многие семьи приезжают на лечебные воды в Хэм-на-Ржи, это неподалеку отсюда. И основная забота у родителей – выдать дочь за подходящего человека, а для этого нужны балы, непрерывные балы.

– Вальс я еще кое-как станцую, – сказал Ваймс, – там главное счет. Но ты же знаешь, что я терпеть не могу все эти танцы с прыжками, контрабансы да ботильоны.

– Не беспокойся, Сэм, мужчины постарше обычно просто сидят и покуривают. Поиском подходящих холостяков занимаются матери. Надеюсь, моя подруга Ариадна выдаст замуж всех своих девочек. Она родила сразу шестерых. Это большая редкость. Юная Мэвис очень благочестива, а здесь наверняка есть какой-нибудь молодой священник, который ищет жену, а главное, приданое. А Эмили миниатюрная блондинка, она превосходно готовит, но стесняется, что у нее слишком большая грудь.

Ваймс уставился в потолок.

– Подозреваю, будущий муж не станет особо упираться, – предрек он. – Назови это мужской интуицией.

– Потом Флер, – продолжала госпожа Сибилла, не обращая на него внимания. – Она мастерит очаровательные шляпки.

На мгновение она задумалась.

– А следующая – Аманда, если не ошибаюсь. Очень интересуется лягушками. Хотя, может быть, я просто ослышалась. И еще Джейн.

Девушка со странностями, как говорит Ариадна. Она как будто не знает, куда себя деть.

Ваймсу было совершенно не интересно слушать о чужих детях, но считать он умел.

– А последняя?

– О, Гермiona. С ней могут возникнуть некоторые сложности, потому что она скомпрометировала семью, по крайней мере в представлении родных.

– Каким же образом?

– Она дровосек.

Ваймс на мгновение задумался и сказал:

– Ну, дорогая, по крайней мере, если женщина умеет владеть разными инструментами, ее не испугает даже самый большой...

Госпожа Сибилла резко перебила:

– Сэм Ваймс, я правильно понимаю, что ты собираешься отпустить неприличную шутку?

– По-моему, ты успела первой, – с ухмылкой заметил Ваймс. – Признай, дорогая, обычно так и бывает.

– Может быть, ты и прав, Сэм, – сказала Сибилла, – но я это делаю лишь для того, чтобы помешать тебе ляпнуть непристойность. В конце концов, ты герцог Анкский и повсеместно считаешься правой рукой патриция Ветинари. А значит, неплохо бы соблюдать некоторые приличия, тебе так не кажется?

Холостяк счел бы слова Сибиллы ненавязчивым советом; но для опытного мужа это был приказ, тем более властный, что отдан он был весьма нежно.

Поэтому, когда сэр Сэмюэль Ваймс, он же командор, он же его светлость герцог Анкский^[6], вышел прогуляться после завтрака, все три упомянутых лица старались вести себя как можно лучше. В отличие от некоторых.

В коридоре, неподалеку от спальни, служанка мела пол; она испуганно взглянула на Ваймса, который приближался к ней, развернулась и напряженно уставилась в стену. Девушка дрожала от страха, и Ваймс знал, что в подобных обстоятельствах не следует задавать вопросов и уж тем более предлагать помощь. Ответом будет испуганный крик. Возможно, сказал он себе, девочка просто стесняется.

Но, похоже, эта застенчивость была заразна: по пути ему попадались и другие служанки, которые несли подносы, подметали пол или стирали пыль, и всякий раз, когда Ваймс проходил мимо, они немедленно

поворачивались спиной и стояли, уставившись в стенку, как будто от этого зависела их жизнь.

Оказавшись в длинной галерее, увешанной портретами Овнецов, Ваймс решил, что с него достаточно. Когда юная особа с чайным подносом сделала пируэт, как балерина на крышке музыкальной шкатулки, он поинтересовался:

– Простите, мисс, неужели я так уродлив?

Во всяком случае, это ведь было лучше, чем напрямую спросить, почему она так невежлива! Так почему же, во имя трех богов, девушка пустилась бежать прочь, гремя подносом? Среди разнообразных Ваймсов верх одержал командор. Герцог был слишком грозен, а Дежурный по Доске просто не справился бы с задачей.

– Стоять! Поставь поднос и медленно повернись!

Служанка заскользила по полу, с трудом остановилась и изящно повернулась, продолжая прижимать к себе поднос. Она стояла, дрожа от страха. Ваймс поравнялся с ней и спросил:

– Как вас зовут, мисс?

Она ответила, продолжая отводить глаза:

– Ходжес, ваша светлость. Простите, ваша светлость.

Утварь на подносе продолжала дребезжать.

– Послушай, – сказал Ваймс, – я не могу собраться с мыслями, пока ты гремишь посудой. Осторожно поставь поднос на пол, ладно? Ничего плохого с тобой не случится. Просто я хочу видеть, с кем разговариваю. Ты очень меня обяжешь.

Она нерешительно взглянула на него.

– Так, – продолжал Ваймс. – Ну и в чем дело, мисс Ходжес? Зачем от меня бегать?

– Пожалуйста, сэр... – с этими словами девушка скользнула к ближайшей двери, обитой сукном, и исчезла за ней. И тогда Ваймс обнаружил, что у него за спиной еще одна юная особа, почти неразличимая в своем темном платье. Она стояла лицом к стене и дрожала. Несомненно, она слышала разговор с мисс Ходжес, поэтому Ваймс осторожно подошел к ней и сказал:

– Я не требую ответа. Просто кивни или покачай головой, когда я задам вопрос. Ты понимаешь?

Она чуть заметно кивнула.

– Прекрасно, это уже прогресс. У тебя будут неприятности, если ты со мной заговоришь?

Снова микроскопический кивок.

– А если я с тобой заговорю?

Девушка, проявив недюжинную изобретательность, пожала плечами.

– А у той, другой?

По-прежнему стоя к нему спиной, служанка выставила левую руку с недвусмысленно опущенным большим пальцем.

– Спасибо, – сказал Ваймс своей незримой собеседнице. – Ты мне очень помогла.

Он задумчиво зашагал обратно наверх, сквозь ряды спин, и с огромным облегчением обнаружил в прачечной Вилликинса. Тот не развернулся к Ваймсу спиной, что было весьма приятно^[7].

Вилликинс складывал сорочки с тщанием, которое в противном случае мог бы направить на аккуратное отрезание уха поверженного противника. Когда манжеты его безупречно чистой куртки слегка задирались, виднелись татуировки на предплечьях, но, к счастью, не подписи. Ваймс спросил:

– Вилликинс, что это за вращающиеся служанки?

Тот улыбнулся.

– Старый обычай, сэра. Не без причины, разумеется. Причина всегда есть, пусть даже на первый взгляд глупейшая. Не обижайтесь, командор, но, зная вас, я бы посоветовал оставить вращающихся служанок в покое, пока вы, так сказать, не освоитесь. Кстати говоря, ее светлость и Юный Сэм в детской.

Через несколько минут Ваймс, пережив еще некоторое количество испытаний, вошел в рай, пусть в нем и попахивало плесенью.

У Ваймса было мало родственников. Весьма немногие горели желанием признать, что их отдаленный предок был цареубийцей. Это все, разумеется, давно стало историей, и свежее испеченный герцог Анкский удивлялся тому, что нынешние учебники превозносили память Старины Камнелица, стражника, который казнил коронованного мерзавца и сделал отчаянный рывок навстречу свободе и законности. Ваймс знал, что история такова, какой ее делают, а патриций Ветинари имел в своем распоряжении весьма широкий выбор средств убеждения, которые по счастливой случайности остались от давних цареубийственных дней и до сих пор хранились в подвале, хорошо смазанные маслом. История такова, какой ее делают, и патриций Ветинари мог сделать из нее... что угодно. А потому ужасный изменник Камнелиц загадочным образом исчез – его никогда не было, вы, наверное, ошиблись, мы в жизни о нем не слышали, нет-нет – и вместо него появился отважный, хоть и трагически непонятый, тираноубийца Камнелиц Ваймс, знаменитый предок высокоуважаемого герцога Анкского, командора сэра Сэмюэля Ваймса. История – чудесная

штука, она движется, как море, и Ваймс плыл по течению.

Семья Ваймса никогда не выходила за пределы одного поколения. Никаких наследств, семейных драгоценностей, салфеточек, вышитых давно умершей тетушкой, любопытных старых кувшинов на бабушкином чердаке, никакого вострого юнца, который все знает о старинных вещицах и утверждает, что эта штука стоит тысячу долларов, так что теперь можно купаться в роскоши. И никаких денег – только неоплаченные долги. Но здесь, в детской Овнец-Холла, аккуратно сложенные рядами, хранились целые поколения игрушек. Некоторые были слегка потерты от долгого использования, особенно лошадка-качалка, почти в натуральную величину, с настоящим кожаным седлом и сбруей из чистого серебра (в чем Ваймс, к своему огромному удивлению, убедился, потеряв уздечку пальцем). Еще здесь стоял игрушечный замок, достаточно большой, чтобы ребенок мог встать во весь рост, и разнообразные осадные орудия подходящего размера, чтобы атаковать крепость, – при поддержке сотен оловянных солдатиков, педантично раскрашенных в полковые цвета и воспроизведенных во всех подробностях. Ваймс и сам не отказался бы сесть на ковер и поиграть с ними. Были в детской и игрушечные яхты, и такой большой плюшевый медвежонок, что Ваймс на мгновение испугался, сочтя его настоящим; были катапульты, бумеранги и планеры... и в середине этого великолепия стоял Юный Сэм, потрясенный, почти в слезах при мысли о том, что не получится играть всем одновременно, как бы он ни старался. У Ваймса было совсем другое детство – он играл в дерьмосалочки с настоящим дерьмом.

Подозрительно рассматривая лошадку-качалку, обладавшую пугающе большими зубами, Ваймс рассказал жене про оскорбительно вращающихся служанок. Сибилла пожала плечами.

– Вполне естественно, дорогой. Они так привыкли.

– Как ты можешь так говорить? Это же унижительно!

Когда доходило до объяснений с супругом, леди Сибилла исполнялась спокойствия и понимания.

– Потому что, чисто теоретически, они *ниже* нас. Они проводят массу времени, прислуживая людям, которые намного значительнее их. И ты, дорогой, возглавляешь список этих людей.

– Но я-то не считаю, что в чем-то значительнее их! – огрызнулся Вайсмс.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, и это делает тебе честь, право слово, – продолжала Сибилла, – но говоришь ты чушь. Ты герцог, командор городской Стражи и... – она помедлила.

– Дежурный по Доске, – машинально добавил Ваймс.

– Да, Сэм, и это величайшая честь, какой только мог удостоить тебя король гномов, – глаза Сибиллы сверкнули. – Ваймс, Дежурный по Доске! Тот, кто стирает написанные слова. Человек, который уничтожает то, что было прежде. Вот кто ты такой, Сэм. Если ты погибнешь, правительственные канцелярии всего мира содрогнутся... и, к сожалению, Сэм, они не содрогнутся от смерти горничной.

Она вскинула руку, потому что Ваймс открыл рот, и продолжала:

– Я знаю, что лично ты бы содрогнулся, Сэм, но, хоть они и чудесные девушки, их смерть, боюсь, опечалит лишь родных, да еще, возможно, какого-нибудь молодого человека, в то время как остальной мир об этом никогда не узнает. И ты, Сэм, понимаешь, что я права. Но если тебя убьют – да, эта мысль ужасна, и, клянусь, я дрожу всякий раз, когда ты уходишь на службу, – о случившемся немедленно узнает не только Анк-Морпорк, но и весь мир. Начнутся войны, и я подозреваю, что положение Ветинари слегка пошатнется. Ты гораздо значительнее, чем служанки. Ты значительнее, чем кто бы то ни было в Страже. Ты просто путаешь значимость с ценностью.

Сибилла поцеловала встревоженного мужа.

– Кем бы ты ни был раньше, Сэм Ваймс, с тех пор ты поднялся, притом заслуженно. Сам знаешь, сливки находятся сверху.

– И мусор тоже, – машинально ответил Ваймс – и тут же пожалел об этом.

– Как ты смеешь так говорить, Сэм Ваймс! Пускай ты был необработанным бриллиантом, но заметно отполировался! И, как ни поверни, муж мой, хоть ты и перестал быть одним из многих, зато стал одним для многих, и я думаю, всем от этого только лучше, ты слышишь?

Юный Сэм обожающе взглянул на отца, пуская лошадку-качалку в галоп. Против объединенных сил жены и сына у Ваймса никогда не было шансов. Вид у него был такой подавленный, что госпожа Сибилла, как обычно делают жены, попыталась его утешить.

– В конце концов, Сэм, ты же требуешь, чтобы стражники выполняли свои обязанности, не так ли? Вот и экономка ожидает, что служанки будут выполнять свои.

– Это совсем другое, честное слово. Стражники наблюдают за людьми, и я никогда не говорил им, что на работе они не имеют права ни с кем общаться. В конце концов, так можно добыть ценные сведения...

Ваймс понимал, что теоретически прав, но всякий, кого на большинстве городских улиц уличили бы в общении со стражником по

более серьезному вопросу, нежели «который час», вскоре вынужден был бы питаться через соломинку. Но аналогия в любом случае была верная – так он подумал, ну или подумал бы, если бы слово «аналогия» входило в его активный словарный запас. Если ты кому-то служишь, это еще не значит, что ты должен вести себя как заводной солдатик...

– Объяснить тебе, почему служанки так вращаются, Сэм? – спросила Сибилла, когда Юный Сэм обнял огромного плюшевого мишку, который напугал его своим рычанием. – Это правило ввели во времена моего дедушки по распоряжению его жены. В те дни Овнецы принимали по праздникам десятки гостей. Разумеется, в их числе было множество молодых людей из лучших городских семейств. Хорошо образованных и полных, так сказать, сил и задора.

Сибилла взглянула на Юного Сэма и с облегчением убедилась, что мальчик выстраивает на полу игрушечных солдатиков.

– Служанки же, естественно, малообразованны, и, к моему прискорбию, они бывают чересчур податливы в присутствии людей, которых привыкли считать вышестоящими, – она покраснела и указала на Юного Сэма, который, к счастью, по-прежнему не обращал внимания на родителей. – Несомненно, ты уловил мою мысль, Сэм? Вижу, что да. У моей бабушки, которую ты почти наверняка возненавидел бы, были благородные побуждения, поэтому она приказала, чтобы все служанки не только воздерживались от разговоров с гостями мужского пола, но и не смотрели на них под страхом увольнения. Возможно, ты скажешь, что она была жестока, но не настолько уж, если хорошо подумать. В результате служанки уходили из Холла с хорошими рекомендациями, и им не приходилось смущаться, надевая на свадьбу белое платье.

– Но я счастливо женат, – возразил Ваймс. – И вряд ли Вилликинс рискнет вызвать гнев Пьюрити.

– Да, дорогой, и я побеседую с миссис Сильвер. Но это провинция, Сэм. Здесь живут по старинке. И вообще, почему бы тебе не погулять с Юным Сэмом и не показать ему реку? Возьми с собой Вилликинса, он знает дорогу.

Юного Сэма не нужно было усиленно развлекать. Более того, он развлекался сам, получая огромное удовольствие от окружающего пейзажа, от сказок, которые он слушал вчера на ночь, и от мимолетных мыслей, мелькавших у него в голове. Наконец, он безостановочно говорил о мистере Свистке, который жил в домике на дереве, а иногда превращался в дракона. Еще у мистера Свистка были большие сапоги, он не любил среды,

потому что они странно пахли, и носил зонтик.

Иными словами, Юного Сэма совершенно не беспокоила деревня; мальчик бежал впереди Ваймса и Вилликинса, показывая на деревья, овец, цветы, птиц, стрекоз, забавные облака и человеческий череп. Находка его совершенно не напугала, и Сэм побежал показать ее папе, который уставился на череп, как будто увидел... ну да, человеческий череп. Несомненно, он пробыл в таком состоянии уже долгое время, и за ним явно ухаживали, в частности полировали.

Пока Ваймс вертел череп в руках, опытным взглядом ища признаки преступления, в кустарнике послышалось какое-то шлепанье, сопровождаемое драматическим монологом на тему о том, что следует сделать с людьми, которые воруют чужие черепа. Когда кусты раздвинулись, незнакомец оказался человеком неопределенного возраста и количества зубов, в грубом коричневом одеянии, с такой длинной бородой, какую Ваймс еще не видывал – а он часто бывал в Незримом Университете, где считалось, что мудрость воплощена в бороде, согревающей колени. Данная же борода неслась за своим владельцем, как хвост кометы, и поравнялась с ним, когда остановились огромные ноги, обутые в сандалии, – и по инерции свернулась в клубок на голове. Возможно, в ней и впрямь заключалась некоторая мудрость, поскольку незнакомцу хватило сообразительности, чтобы немедленно затормозить, увидев взгляд Ваймса. Настала тишина, не считая хихиканья Юного Сэма, любовавшегося бородой, которая словно жила собственной жизнью и лежала на плечах у незнакомца, как снег.

Вилликинс откашлялся и сказал:

– Я полагаю, это отшельник, командор.

– Что ему тут делать? Я думал, они живут в пещерах в пустыне, – Ваймс сердито уставился на оборванца, который явно почувствовал, что от него ждут объяснений, и намеревался предъявить их, не дожидаясь расспросов.

– Да, сэр, я знаю, сэр. Это распространенное заблуждение, и лично я сомневаюсь насчет пустыни, потому что там трудно найти банные принадлежности и все такое. То есть за границей, где солнце и много песка, наверное, еще можно как-то устроиться, но для меня это не годится, сэр, право слово.

Видение вскинуло грязную руку, как будто состоявшую из одних ногтей, и с гордостью продолжало:

– Меня зовут Отрез, сэр, и мне нечасто отказывают наотрез. Это шутка, сэр, ха-ха.

– Понимаю, – ответил Ваймс, не меняя выражения лица.

– Да, сэр, – продолжал Отрез. – Моя единственная шутка. Я занимаюсь благородным ремеслом отшельника уже почти пятьдесят семь лет, исповедуя благочестие, трезвость, целомудрие и стремление к истинной мудрости, как это делали мой отец, дедушка и прадедушка. Вы держите моего прадедушку, сэр, – бодро добавил он. – Здорово блестит, правда?

Ваймс умудрился не выронить череп из рук. Отрез продолжал:

– Боюсь, ваш сынишка забрел в мой грот, сэр. Не обижайтесь, сэр, но деревенские ребята иногда шалят, и всего две недели назад мне пришлось снимать дедушку с дерева.

Только у Вилликинса хватило душевных сил спросить:

– Ты хранишь череп своего прадедушки в пещере?

– Да, джентльмены, и отца тоже. И дедушки. Семейная традиция, понимаете ли. Нерушимая традиция отшельничества на протяжении почти трех сотен лет, распространение набожных мыслей и сознания того, что все пути ведут к могиле, ну и других благочестивых соображений. Мы делимся ими со всеми, кто ищет мудрости, – впрочем, в наши дни таких немного. Надеюсь, сын пойдет по моим стопам, когда вырастет. Его мать говорит, он растет очень серьезным юношей, поэтому я живу надеждами, что в один прекрасный день и он меня хорошенько отполирует. На полке в моем гроте еще достаточно места, что весьма приятно.

– Твой сын? – переспросил Ваймс. – Кажется, ты упомянул про целомудрие.

– Какой вы внимательный, ваша светлость. Каждый год у нас, отшельников, отпуск на неделю. Нельзя же постоянно жить в полном одиночестве у реки, питаюсь улитками и травами.

Ваймс деликатно намекнул, что им пора идти, и предоставил отшельнику осторожно возвращать семейную реликвию в грот, где бы тот ни находился. Когда они вышли за пределы слышимости, он развел руками и спросил:

– Зачем? В смысле... *зачем?*

– О, некоторые старинные семейства содержат отшельников, сэр. Раньше считалось очень романтичным иметь грот с собственным отшельником.

– От него пахнет, – заметил Ваймс.

– Если не ошибаюсь, им запрещено мыться, сэр, и, кстати говоря, сэр, он получает содержание в виде двух фунтов картофеля, трех пинт слабого пива или сидра, трех буханок хлеба и одного фунта свиного жира в неделю. Плюс все улитки и травы, которые он сумеет добыть. Я видел счета, сэр.

Неплохой рацион для садового украшения.

– Вполне сносно, если добавить фрукты и немного слабительного время от времени, – заметил Ваймс. – Значит, предки Сибиллы захаживали к отшельнику поговорить, когда сталкивались с философским дилеммом, так?

Вилликинс явно удивился.

– Помилуйте боги, нет, конечно, сэр, я даже не представляю, чтобы кому-нибудь из них такое пришло в голову. Ни одна философская дилемма никогда не представляла для них ни малейшего затруднения^[8]. Они же аристократы. Аристократы не обращают внимания на философские дилеммы, они их попросту игнорируют. Философия предполагает возможность того, что ты ошибаешься, а настоящий аристократ, сэр, знает, что он *всегда* прав. Это не тщеславие, извольте видеть, это врожденная абсолютная уверенность. Порой аристократы бывают безумны, как мартовские зайцы, но при этом они *абсолютно и несомненно* безумны.

Ваймс восхищенно уставился на него.

– Черт возьми, откуда ты все это знаешь, Вилликинс?

– Я за ними наблюдал, сэр. В старые добрые времена, когда был жив дедушка ее светлости, он требовал, чтобы вся челядь с Лепешечной улицы приезжала летом сюда вместе с его семьей. Вы и сами знаете, что образования мне недостает, как и вам, по правде говоря, но когда растешь на улице, учишься быстро. А если не учишься, то погибаешь.

Они шагали по красивому мосту, под которым, вероятно, протекал пресловутый форелевый ручей – приток Старой Изменницы, как полагал Ваймс. Происхождение этого названия ему еще предстояло осмыслить. Двое мужчин и маленький мальчик шли по мосту, который мог вместить целую толпу, с лошадьми и повозками. Мир утратил равновесие.

– Видите ли, сэр, – продолжал Вилликинс, – уверенность аристократам придают деньги и земли. Иногда, конечно, она их подводит. Один из внучатых дядюшек леди Сибиллы однажды потерял виллу и две тысячи акров лучшей земли, поскольку был абсолютно уверен в том, что гардеробный номерок может сойти за козырного туза. Его убили на дуэли, которая за этим последовала, но, по крайней мере, он был *несомненно* мертв.

– Это снобизм, и он мне не нравится, – сказал Ваймс.

Вилликинс потер нос.

– Нет, командор, не снобизм. По моему опыту, настоящие аристократы этим не страдают. Кто по-настоящему уверен, не беспокоится о том, что подумают соседи, и спокойно расхаживает в старой одежде. Потому что он

уверен в себе. Когда леди Сибилла была моложе, ее семья приезжала сюда на стрижку овец, и старый лорд Овнец возился в навозе вместе с работниками, засучив рукава, а потом ставил всем парням пиво и пил с ними вместе, кувшин за кувшином. Обычно он предпочитал бренди, поэтому пиво ему было что водичка. Так вот, он не волновался из-за того, кто он такой. Отец леди Сибиллы был порядочный человек, и дедушка тоже. Они никогда не теряли уверенности.

Они некоторое время шли по каштановой аллее, и наконец Ваймс мрачно произнес:

– Ты хочешь сказать, я не знаю, кто я такой?

Вилликинс поднял глаза и задумчиво ответил:

– Похоже, в этом году будет много каштанов, командор, и, с вашего позволения, я посоветовал бы привезти сюда Юного Сэма, когда они созреют. В детстве я много лет был чемпионом по «крысиным каштанам», пока не выяснил, что на самом деле они растут на деревьях и не хлюпают, когда их давишь. А что касается вашего вопроса, – продолжал он, – я думаю, Сэму Ваймсу лучше всего, когда он уверен, что он Сэм Ваймс. Господи, как рано они в этом году завязались!

Аллея закончилась, и впереди простирался яблоневый сад.

– Яблоки на снегу, – вдруг произнес Вилликинс, когда Ваймс и Юный Сэм зашагали через дорогу, вздымая тучи белой пыли. Ваймсу показалось, что этим словам недостает логики, но Вилликинс, видимо, придавал саду очень большое значение.

– Мальчику понравится, – с энтузиазмом сказал он. – Я сам это видел, когда служил подручным. Мой взгляд на мир полностью изменился. У третьего графа, Безумного Джека Овнца, был брат по имени Вулсторп, возможно посланный ему за грехи. Он был ученым, и его послали бы в университет учиться на волшебника, если бы старший граф не объявил, что лишит наследства при помощи топора любого из своих братьев, кто выберет профессию, предполагающую ношение платья. Тем не менее юный Вулсторп усердствовал в изучении натурфилософии, как и полагается джентльмену: он раскапывал подозрительные захоронения, какие попадались по соседству, наполнял ящик всевозможными редкими образцами и высушивал цветы, какие успевал найти, прежде чем они становились исчезающими. История гласит, что однажды в теплый летний день он задремал под яблоней и проснулся, когда ему на голову свалилось яблоко. Как выражается биограф, человек меньших способностей не увидел бы в этом ничего особенного, но Вулсторп предположил, что, поскольку яблоки и практически все остальное всегда падает на землю, мир

в конце концов утратит равновесие, если только в природе нет противодействующей силы, которую еще не открыла натурфилософия. Он не теряя времени привел в сад одного из своих лакеев и приказал под страхом увольнения лежать под деревом, пока на голову ему не упадет яблоко. Вероятность этого события увеличилась, когда Вулсторп приказал другому лакею что есть сил трясти дерево. Сам Вулсторп намеревался наблюдать за экспериментом со стороны. И вообразите его радость, когда яблоко неизбежно упало, и тут же второе яблоко сорвалось с дерева и стремительно полетело в небеса, подтвердив тем самым гипотезу, что поднявшееся должно упасть, а упавшее подняться. Тем самым обеспечивается равновесие вселенной. К сожалению, правило работает только с яблоками с одного этого дерева, сорта «малус эквилибрия». Говорят, кто-то открыл, что яблоки на верхушке наполнены газом и взлетают, когда яблоню трясут, чтобы рассеять семена на расстоянии. Удивительная штука природа. Страшно жаль, что на вкус они как собачье это самое, – добавил Вилликинс, когда Юный Сэм выплюнул кусок яблока. – По правде говоря, командор, я и двух пенсов не дам за большинство аристократов, которых мне доводилось видеть, особенно в большом городе, но кое-кто из старой деревенской знати и правда меняет мир к лучшему. Например, Турнепс Овнец, который произвел революцию в сельском хозяйстве...

– Я про него слышал, – перебил Ваймс. – Он, кажется, как-то связан с выращиванием корнеплодов? Именно так он и получил свое прозвище?

– Почти в точку, сэр, – сказал Вилликинс. – На самом деле он изобрел сеялку, что обеспечивало надежный урожай и помогало экономить посевное зерно. Но внешне бедняга был похож на клубень турнепса. Люди иногда бывают жестоки, сэр. А его брат, Резинка Овнец, изобрел не только резиновые сапоги, но и прорезиненную ткань, еще раньше гномов. Он очень интересовался резиной, как я слышал, но мир был бы скучным местом и притом весьма странным, будь мы все одинаковы, а особенно если бы мы все походили на Резинку Овнеца. Сухие ноги и сухие плечи, сэр, – вот о чем молится каждый фермер. Как-то я подрабатывал на сборе капусты, сэр, погода была холодная, как благотворительный суп, и дождь лил так быстро, что дождинкам приходилось выстраиваться в очередь. Тогда я благословил память Резинки Овнеца, ей-богу, даже если правда то, что говорят про юных девиц, хотя, по слухам, им вообще-то очень нравилось...

– Ну ладно, – сказал Ваймс. – Но это не оправдание для глупых, напыщенных...

На сей раз Вилликинс перебил хозяина:

– Ну и, разумеется, летающая машина. Покойный брат ее светлости вложил в нее столько сил, но она так и не оторвалась от земли. Он мечтал летать без метлы и заклинаний, но, к сожалению, умер во время эпидемии кризиса, бедолага. Кстати говоря, модель аппарата стоит в детской. Она работает на резиновых лентах.

– Наверное, этого добра здесь полно, если только Резинка Овнец не прибрал за собой, – заметил Ваймс.

Прогулка продолжалась по лугам, на которых паслись коровы (насколько мог судить Ваймс), вдоль полей, где росла пшеница. Они осторожно обошли ха-ха, на почтительном расстоянии миновали хо-хо и не обратили никакого внимания на хе-хе, затем поднялись по узкой тропке на холм, на котором росла буковая рощица и с которого открывался вид на много миль вокруг, до самого горизонта (если бы не буки). Ваймс разглядел даже облако дыма и испарений, поднимавшееся над Анк-Морпорком.

– Это Холм Висельника, – сказал Вилликинс, пока Ваймс переводил. – И, полагаю, нам незачем идти дальше, – добавил он, когда они приблизились к вершине, – если только вы не намерены объяснять молодому человеку, что такое виселица.

Ваймс вопросительно уставился на слугу.

– Она правда там есть?

– Ну, как я уже сказал, это Холм Висельника. Как вы думаете, сэр, почему его так называли? Черный Джек Рэмкин совершил прискорбную ошибку, когда в пьяном виде заключил огромное пари с одним из своих не менее пьяных собутыльников, что из своего поместья сможет разглядеть городской дым. Землемер, которого пригласили для проверки этой гипотезы, объяснил, что холму недостает тридцати футов. Безуспешно попытавшись сначала подкупить землемера, а затем избить его конским хлыстом, Овнец созвал всех рабочих из своего поместья и соседних деревень и велел им надставить холм на тридцать футов. Весьма честлюбивое предприятие. Разумеется, оно обошлось Овнецу в целое состояние, зато у каждого семейства в округе, скорее всего, появилась теплая одежда на зиму и новые башмаки. Овнец прославился и, разумеется, выиграл пари.

Ваймс вздохнул.

– Отчего-то мне кажется, что я знаю ответ, но все-таки я спрошу: на что они спорили?

– На два галлона бренди, – торжествующе ответил Вилликинс, – которые он выпил лично, стоя на этом самом месте, под торжествующие

возгласы рабочих, а затем, по легенде, скатился с холма вниз, к их пущему восторгу.

– Даже когда я пил, я и то вряд ли сумел бы уговорить два галлона бренди, – заметил Ваймс. – Это же двенадцать бутылок!

– Ну, под конец, наверное, большая часть утекла в штаны. Великих пьяниц тут хватало, даже...

– В штаны, – вмешался Юный Сэм и разразился хриплым смешком шестилетнего мальчишки, который решил, что услышал нечто двусмысленное. Судя по всему, у рабочих, которые подбадривали старого алкоголика, было сходное чувство юмора. Подбадривать человека, пропивающего их годовой заработок за один присест? Какой смысл?

Вилликинс, должно быть, прочел его мысли.

– Деревня грубее города, командор. Здесь любят всё большое и прямолинейное, а Черный Джек был, поверьте, большим и прямолинейным. Поэтому его и любили – потому что знали, чего от него ожидать, даже когда он сам этого не знал. Не сомневаюсь, они им хвастались по всей округе. Могу себе представить. «Да наш старый пьяница перепьет вашего старого пьяницу как нечего делать!» И они этим гордились. Наверное, вы думали, что поступаете правильно, когда здоровались за руку с садовником, но вы озадачили слуг. Теперь они не знают, что о вас думать. Вы хозяин или простолюдин? Шишка или человек из народа? Потому что, командор, с их точки зрения нельзя быть тем и другим. Это противно природе. А деревня не любит загадок.

– Большие загадочные штаны! – воскликнул Юный Сэм и упал на траву, покотившись со смеху.

– Я сам не знаю, что думать, – сказал Ваймс, поднимая мальчика и шагая вслед за Вилликинсом по склону холма. – Зато Сибилла знает. Она записала меня на всякие балы, вечера, ужины, разные там суарэфиксы, – закончил он тоном человека, который генетически запрограммирован не доверять никаким иностранным словам. – То есть все те штуки, с которыми я и в городе как-то смирился. Если будет совсем нестерпимо, я уж позабочусь, чтобы в середине вечера меня вызвали по неотложному делу – по крайней мере, раньше я всегда так делал, пока Сибилла не догадалась. Ужасно, когда подчиненные слушаются приказов твоей жены.

– Да, командор. На кухне леди Сибилла распорядилась, чтобы без ее недвусмысленного позволения сандвичей с беконом не готовили.

Ваймс поморщился.

– Ты ведь захватил наш джентльменский набор, правда?

– К сожалению, ее светлость про него знает, командор. Она запретила

повару выдавать мне бекон, если только приказ не будет исходить непосредственно от нее.

– Честное слово, она не лучше Ветинари. Откуда Сибилла всегда всё знает?

– По правде сказать, командор, я сомневаюсь, что она знает ваши секреты. Она просто знает вас. Считайте это дружеским предупреждением. Однако пора идти, сэр. Я слышал, на ланч подадут салат с курицей.

– Я люблю салат с курицей?

– Да, командор, ее светлость сказала, что любите.

Ваймс сдался.

– Значит, люблю.

На Лепешечной улице Ваймс и Сибилла встречались один раз в день – на кухне, где было уютно и приятно. Они сидели друг напротив друга за столом, достаточно длинным, чтобы вместить огромную коллекцию бутылок с соусом, горшочков с горчицей, баночек с пикулями и так далее. Ваймс разделял распространенное убеждение, что внутри любой емкости обязательно найдется еще чуть-чуть, если достаточно долго болтать ложкой.

В Холле царили иные порядки. Во-первых, здесь было слишком много еды. Но Ваймс не вчера – и не позавчера – родился, а потому удержался от комментариев.

Вилликинс прислуживал Ваймсу и леди Сибилле. Строго говоря, в поездках это не входило в его обязанности, но, говоря еще строже, большинство камердинеров не носят в кармане изящно скроенной куртки латунный кастет.

– Ну, мальчики, чем вы занимались сегодня утром? – весело спросила Сибилла, когда тарелки опустели.

– Мы видели какого-то вонючего и очень худого дядю, – сказал Юный Сэм. – Во-от такая борода! Очень вонючий. И мы нашли яблоню, только у нее яблоки на вкус как кашка.

Безмятежное выражение лица Сибиллы не изменилось.

– А потом вы спустились с холма, похожего на пудинг? А как насчет ха-ха, хо-хо и хе-хе?

– Да, и там везде коровьи кашки! Я в них наступил, – Юный Сэм ждал взрослого ответа, и мать сказала:

– Ну, у тебя есть новенькие сапожки, правда? Они для того и нужны, чтобы наступать в коровьи кашки.

Сэм Ваймс увидел, как личико сына просияло от невероятного

восторга. Сибилла продолжала:

– Твой дедушка всегда говорил мне: если увидишь в поле большую кучу навоза, разбросай ее вокруг ровным слоем, чтобы трава росла хорошенько.

Она улыбнулась, увидев лицо Сэма.

– Это правда, дорогой. Навоз – основа сельского хозяйства.

– Лишь бы он понял, что не стоит пинать грязь в канавах, когда мы вернемся в город, – сказал Ваймс. – Кое-что там способно и сдачи дать.

– Мальчик должен знать, что такое жизнь в деревне. Пусть поймет, откуда берется еда и как мы ее получаем. Это очень важно, Сэм.

– Ну конечно, дорогая.

Леди Сибилла взглянула на Ваймса так, как умеют смотреть только жены.

– Таким тоном ты говоришь, когда считаешь, что тебе навязывают неприятную обязанность.

– Я просто не понимаю...

Сибилла перебила:

– Однажды Юный Сэм будет всем этим владеть, и я хочу, чтобы у него были некоторые представления о деревне. А еще я хочу, чтобы ты расслабился и наслаждался отпуском. Потом я свожу Юного Сэма на Домашнюю Ферму, чтобы показать ему, как доят коров и собирают яйца.

Она встала.

– Но сначала я отведу его вниз, в склеп, чтобы мальчик посмотрел на своих предков, – Сибилла заметила выражение ужаса на лице мужа и поспешно добавила: – Не волнуйся, Сэм, они лежат спокойно. Более того, в очень дорогих гробницах. Может быть, сходишь с нами?

Сэм Ваймс был близко знаком со смертью. Впрочем, самоубийства вгоняли его в уныние. В Анк-Морпорке в основном вешались: самоубийца должен был отличаться чрезвычайной решительностью, чтобы прыгнуть в реку Анк – в том числе потому, что тело отскакивало несколько раз от поверхности, прежде чем проломить корку. Все самоубийства приходилось расследовать на тот случай, если это вдруг было замаскированное преступление^[9]. В то время как мистер Трупер, городской палач, мог отправить человека на тот свет так быстро и гладко, что жертва почти ничего не замечала, Ваймсу слишком часто доводилось видеть, что способны натворить дилетанты.

Семейный склеп Овнецов напомнил ему городской морг после закрытия. Он был переполнен; некоторые гробы стояли боком, как на

полках в покойнице, и оставалось лишь надеяться, что они не свалятся. Ваймс подозрительно наблюдал, как жена водила Юного Сэма от таблички к табличке, читая имена и коротко рассказывая о каждом, и ощущал вокруг холодную, бездонную глубину времени. Холодом дышали сами стены. Каково Юному Сэму знать имена своих прабабушек и прадедушек, живших во тьме веков? Ваймс никогда не знал своего отца. Мать сказала, что старика задавила на улице телега, но Ваймс подозревал, что это была повозка пивовара, которая «переезжала» его много лет подряд. Конечно, был еще Старина Камнелиц, ныне реабилитированный тираноубийца, и его статую в городе никогда не украшали хулиганские надписи, поскольку Ваймс недвусмысленно дал понять, что сделает с посягателем.

Но Старина Камнелиц был просто точкой в истории, чем-то вроде правдивой легенды. Он не имел никакого отношения к Сэму Ваймсу. Их разделяла зияющая бездна.

И все-таки Юный Сэм однажды станет герцогом, и об этом стоило подумать. Он не будет гадать, кто он такой, он будет просто *знать*, и влияние Сибиллы перевесит все проблемы, которые могут возникнуть у того, чей отец – Сэмюэль Ваймс. Юный Сэм еще задаст миру встряску. Для этого нужна уверенность в себе; а пачка занятных, хоть и сдвинутых по фазе, предков, способна впечатлить простого человека. Да и непростого тоже.

Вилликинс слегка покривил душой. Горожанам тоже нравились оригинальные личности, особенно настоящие злодеи, ну или просто достаточно интересные люди, способные внести свою лепту в нескончаемое безумное представление, которое являла собой уличная жизнь Анк-Морпорка. Если у тебя отец пьяница – считай, что тебе не повезло; зато иметь прапрапрадедушку, который мог выпить столько бренди, что моча горела, а потом, если верить Вилликинсу, возвращался домой, чтобы отужинать рыбой и жареным гусем, заливал все это соответствующим количеством вина и до рассвета играл с приятелями в «свинку под седлом»^[10], чтобы взять реванш за вчерашнее... Многим нравятся такие штуки и такие люди – люди, которые дают жизни пинка под зад и орут: «А ну, пошевеливайся!» Таким предком можно гордиться, правда?

– Кажется... я хочу прогуляться один, – сказал Ваймс. – Оглядеться, побродить там и сям, исследовать деревенскую жизнь в своем темпе.

– Вилликинс составит тебе компанию, дорогой, – произнесла леди Сибилла. – На всякий случай.

– На какой случай, дорогая? Я каждую ночь хожу по городским

улицам. Вряд ли мне нужна дуэнья для прогулки по сельской местности! Я пытаюсь проникнуться здешним духом. Буду смотреть на нарциссы – вдруг они наполнят меня радостью, ну или что там им положено делать. Я постараюсь не пропустить какую-нибудь редкую зарядку или поганку. Может быть, я увижу, как кроты пускаются в полет. Я несколько недель читал в газете заметки о природе! Казалось бы, я умею гулять в одиночестве! Командора Стражи не напугает пятнистая мухоловка!

Госпожа Сибилла по опыту знала, когда не стоит спорить. Она сказала лишь:

– По крайней мере, никого не обижай, дорогой, хорошо?

Через десять минут Ваймс заблудился. Не физически, а метафорически, духовно и философски. Аромат цветущих изгородей был каким-то блеклым по сравнению с ядреными городскими запахами, и Ваймс не имел ни малейшего понятия, что такое шуршит в зарослях. Он распознал телок и бычков, потому что часто навещал район скотобоев, но здешние телки и бычки не были охвачены ужасом. Они внимательно смотрели на него, когда он проходил мимо, словно делали мысленные пометки. Да-да! Мир перевернулся вверх дном. Ваймс был стражником, он всегда был стражником – и рассчитывал стражником умереть. Нельзя перестать быть стражником; поэтому он перемещался по городу более или менее незаметно. Его видели разве что те, чьей профессией было замечать стражников, и чья жизнь зависела от того, чтобы заметить стражника первым. По большей части, Ваймс сливался с окружающим пейзажем, пока крик, звон разбитого стекла или звук зловещих шагов не возвращал его к реальности.

Но тут всё наблюдало за ним. Кто-то спешно удирал, испуганно улетал и подозрительно шуршал в кустах. Ваймс был чужаком, нарушителем, незванным гостем.

Он миновал очередной поворот и обнаружил деревню. Трубы в отдалении он видел уже давно, но тропы и дорожки самым замысловатым образом виляли среди разросшихся изгородей и роц, превратившихся в тенистые туннели (что было весьма приятно), и его чувство направления пошло ко всем чертям (что было весьма досадно).

Ваймс совершенно перестал понимать, где находится, он был покрыт потом и раздражен, когда вышел на длинную пыльную улицу, по обе стороны которой стояли дома под соломенными крышами, а в середине возвышалось массивное строение, буквально гласившее «паб». Окончательным доказательством тому служили трое стариков, которые

сидели на скамье возле двери и рассматривали подходившего Ваймса в надежде, что он из тех, кто охотно угощает ближнего пивом. Одежда на них как будто была гвоздями приколочена. Когда Ваймс подошел ближе, один старик что-то сказал своим приятелям, они встали и коснулись указательными пальцами шляп. Один произнес: «Погодка-то, вашшслость». У Ваймса ушло несколько секунд, чтобы истолковать эту фразу. Старики слегка, но весьма многозначительно наклонили свои пустые кружки, намекая, что они действительно пусты и это ошибка, требующая исправления.

Ваймс знал, чего от него ждут. В Анк-Морпорке не было паба, рядом с которым не грелись бы на солнышке точно такие же стариканы, неизменно готовые поболтать с прохожими о добрых старых временах, то есть о тех временах, когда кружки у них в руках еще были полны. Обычай требовал, чтобы ты наполнил их дешевым элем и услышал в ответ: «Большое спасибо, добрый сэръ», ну и, возможно, еще кое-что – кто где был, что делал, когда и с кем. Очень ценная для копа информация.

Но выражение лиц этих троих стариков изменилось, когда один из них что-то живо зашептал приятелям. Они уселись обратно на деревянную скамью и словно попытались сделаться как можно неприметнее, продолжая сжимать в руках пустые кружки – на всякий случай.

Вывеска над дверью гласила «Голова гоблина».

Напротив паба находилось обширное открытое пространство, заросшее травой. Там паслись несколько овец, а в дальнем конце огромной грудой лежали плетеные ивовые загородки, назначение которых Ваймс не мог угадать. Впрочем, он знал, что такое «деревенский выгон», хотя никогда его не видел: в Анк-Морпорке таких не было.

В пабе пахло старым пивом, и это положило конец искушению, хотя Ваймс не пил уже давным-давно и время от времени позволял себе разве что бокальчик хереса на каком-нибудь светском мероприятии, потому что в любом случае терпеть его не мог. Запах несвежего пива возымел на него тот же эффект. В жалком свете крохотных окошек Ваймс разглядел старика, деловито драившего кружку. Тот взглянул на Ваймса и кивнул. Это был универсальный кивок, который везде и всюду означал: «Ты видишь меня, я вижу тебя, решай сам, что будет дальше», хотя некоторые трактирщики дополнительно способны намекнуть, что под стойкой лежит двухфутовый кусок свинцовый трубы – на тот случай, если противная сторона намерена учинить скандал.

Ваймс спросил:

– У вас есть что-нибудь безалкогольное?

Бармен осторожно повесил кружку на крюк над стойкой, пристально взглянул на Ваймса и беззлобно ответил:

– Понимаете ли, сэр, это ж так называемый паб. Люди рассердятся, если я перестану подавать спиртное. – Он побарабанил пальцами по стойке и неуверенно добавил: – Если угодно, моя жена варит пиво из корнеплодов.

– Из каких? – уточнил Ваймс.

– Из свеклы, сэр. Помогает, если заперло.

– Если заперло, помогает лом, – заметил Ваймс. – Дайте пинту... нет, пожалуй, полпинты.

Ответом опять был кивок. Трактирщик ненадолго удалился и вернулся с огромным стаканом, полным красной пены.

– Держите, – сказал он, осторожно ставя его на стойку. – В оловянные не наливаем, потому что металл коробится. За счет заведения, сэр. Меня зовут Джимини, я хозяин «Головы гоблина». Кстати говоря, я все ваше семейство знаю. Моя дочь служит в Холле, ну а я обращаюсь со всеми одинаково, потому как трактирщик – друг любого человека, у которого есть в кармане деньги, а если на него такой стих найдет, так он нальет даже тому, кто временно оказался на мели – те трое олухов снаружи не в счет. Трактирщик каждого видел после пары пинт, поэтому все для него равны.

Джимини подмигнул Ваймсу, который протянул руку и сказал:

– Я охотно пожму руку республиканцу.

Ваймсу уже доводилось слышать эту нелепую тираду. Каждый, кто стоял за стойкой, считал себя одним из величайших мировых мыслителей, и разумнее всего было им подыгрывать. После рукопожатия он добавил:

– Сок отличный. Пряная штука.

– Да, сэр, моя жена кладет в него перец чили и семена сельдерея, чтоб казалось, будто пьешь что-то серьезное.

Ваймс облокотился на стойку, чувствуя необъяснимое умиротворение. Стена над стойкой была увешана головами убитых животных, преимущественно с рогами и клыками. Он испытал некоторый шок, заметив в тусклом свете голову гоблина. «Я в отпуске, – подумал Ваймс. – И потом, его наверняка убили давным-давно». И Ваймс больше не стал об этом задумываться.

Мистер Джимини погрузился в десятки мелких дел, которые всегда найдутся для трактирщика, время от времени поглядывая на своего единственного клиента. Ваймс ненадолго задумался и произнес:

– Не вынесете ли вы пива тем джентльменам снаружи, мистер Джимини? И подлейте в каждую кружку бренди, чтоб чувствовалось.

– Их звать Длинный Том, Короткий Том и Том Том, – сказал Джимини,

доставая кружки. – Приличные парни – тройняшки, между прочим. Сами зарабатывают себе на хлеб, но, честно говоря, мозги у них одни на троих, да и те так себе. Хотя, конечно, ворон они распугивают здорово.

– И всех зовут Том? – уточнил Ваймс.

– Да. Это вроде как, понимаете ли, семейное имя, и их папашу тоже звали Том. Может, чтоб не путаться – им, беднягам, запутаться недолго. Сейчас, конечно, они постарели, но если задать им работенку по силам, всё сделают как положено и не бросят, покуда сам не велишь. В деревне попрошаек не водится, сэр. Всегда полно мелких дел, на которые рук не хватает. С вашего позволения, сэр, много бренди я им подливать не буду, а то запутаются так, что не встанут.

Трактирщик поставил кружки на поднос и исчез за дверью. Ваймс быстро зашел за стойку и тут же вышел. Несколько секунд спустя, когда в открытую дверь заглянули три физиономии, он уже беззаботно облакачивался на стол. С некоторым опасением старики показали три оттопыренных больших пальца и вновь скрылись из виду – вероятно, на тот случай, если странный гость вдруг взорвется или отрастит рога.

Джимини вернулся с пустым подносом и ободрительно улыбнулся.

– Ну, вы тут завели себе друзей, сэр, но не смею больше вас задерживать. Вам наверняка есть чем заняться.

«Стражник, – подумал Ваймс. – Полицейскую дубинку я узнаю с первого взгляда. Это ведь мечта стражника, не так ли? Оставить службу и открыть где-нибудь маленький паб. Поскольку ты стражник, а перестать быть стражником нельзя, ты всегда будешь в курсе событий. Ты всех знаешь, и никто этого не сознает. Неплохой результат. Подождите немножко, мистер Джимини. Я знаю, где вас найти».

И тут Ваймс услышал в отдалении тяжелые и медленные шаги. Они приближались. Он увидел местных жителей – они сходились к трактиру в рабочей одежде, держа в руках предметы, которые большинство людей назвали бы сельскохозяйственными инструментами, а Ваймс – наступательным оружием. Толпа собралась за дверью, и он услышал шепот. Три Тома, судя по всему, делились новостями, и их, судя по всему, выслушивали недоверчиво и насмешливо. Наконец новоприбывшие пришли к какому-то заключению, причем явно не положительному.

Они ввалились в трактир, и мозг Ваймса заработал как часовой механизм. Экспонат номер один – старик с длинной белой бородой и, о боги, в блузе. Неужели здесь действительно до сих пор носят блузы? Как бы его ни звали на самом деле, для остальных, скорее всего, он был «дедулей». Старик смущенно коснулся указательным пальцем шляпы в

знак приветствия и, покончив с неприятной обязанностью, зашагал к стойке. Он нес большой крюк угрожающего вида. Экспонат номер два держал лопату, которая вполне могла послужить топором или дубиной, если знать, что делать. Он тоже был в блузе – и сдержанно помахал в знак приветствия, пряча глаза. Экспонат номер три, с ящиком инструментов (ужасное оружие, если как следует размахнуться), поспешно шмыгнул мимо, едва взглянув в сторону Ваймса. На вид он был молод и худосочен, но, тем не менее, такой ящик способен развить неплохую скорость. Следом показался еще один старик, в кузнецком фартуке, но неподходящего сложения, и Ваймс догадался, что это коновал. Да, разумеется, приземистому и жилистому проще залезть под лошадь. Этот тип довольно четко отсалютовал, и Ваймс не заметил под фартуком никаких подозрительных бугров. Он ничего не мог с собой поделаться; он всегда себя так вел на работе. Даже если ты не ожидаешь беды, ты... ожидаешь беду.

И тут трактир застыл.

За стойкой шел какой-то бессвязный разговор, но он прекратился, как только вошел *настоящий* кузнец. Черт возьми. Все тревожные звонки в душе Ваймса затрелили одновременно и оглушительно, слившись в набат. Мрачно окинув взглядом трактир, кузнец зашагал к стойке по прямой – он должен был пройти совсем рядом с Сэмом Ваймсом, по нему или даже сквозь него. В любом случае Ваймс осторожно отодвинул свою кружку подальше, и неприкрытая попытка «случайно» опрокинуть ее не удалась.

– Мистер Джимини, – сказал Ваймс, – я угощаю всех джентльменов выпивкой, слышите?

Новопришедшие встретили эти слова одобрительными возгласами, но кузнец хлопнул ладонью, похожей на лопату, по стойке, так что стаканы подпрыгнули.

– Я не намерен пить с теми, кто жмет сок из бедняков!

Ваймс выдержал его взгляд и ответил:

– Извини, соковыжималку я сегодня с собой не захватил.

Это было глупо, потому что негромкое хихиканье заинтересованных посетителей бара раздуло пламя, которое кузнец по небрежению забыл затушить, и громила немедля вспыхнул.

– Кто ты такой, чтоб считать себя лучше, чем я?

Ваймс пожал плечами.

– Сомневаюсь, что я лучше, чем ты.

Он подумал: «Ты, первый парень на деревне, смотришь на меня и думаешь, что ты крут, потому что ты сильный и никто не подкрадется сзади»

и не даст тебе по шарам. Боги мои, да ты даже не умеешь правильно стоять. Капрал Шноббс и тот свалил бы тебя с ног и приложил пинком по шарам, прежде чем ты бы понял, что случилось».

Как всякий человек, который боится, что сейчас разобьется что-нибудь ценное, Джимини поспешно выскочил из-за стойки и схватил кузнеца за руку, воскликнув:

– Перестань, Джетро, давай без неприятностей. Его светлость просто зашел выпить, как всякий другой, он имеет право...

И это сработало, хотя лицо Джетро так и дышало агрессией. Ею был густо насыщен сам воздух вокруг. Судя по лицам присутствующих, к подобным демонстрациям силы они привыкли. Плох тот стражник, который не умеет читать толпу в пабе, а Ваймс мог даже написать историю с примечаниями. В каждой компании есть свой подстрекатель, свой безумец, свой политик-самоучка. Обычно их терпят, потому что они добавляют огоньку; соседи говорят: «Ну, он всегда такой», и облака расходятся, а жизнь продолжается. Но Джетро, сидевший в дальнем углу бара над кружкой, как лев над убитой газелью... Джетро, как подсказывал Ваймсу опыт, был готов вот-вот взорваться. Разумеется, миру иногда нужны взрывы, но лучше бы они случались не там, где пил Ваймс.

Он чувствовал, что паб наполняется, преимущественно трудовыми пчелами, но также и людьми, которые ожидали, что к ним будут обращаться «сэр». Они носили цветные шапочки и белые брюки и непрерывно говорили. Снаружи тоже кипела жизнь – там теснились лошади и повозки. Где-то стучал молоток, и жена Джимини теперь стояла за стойкой, пока ее муж бегал туда-сюда с подносом. Джетро сидел в углу, как человек, который поджидает удобный момент, и иногда сверлил Ваймса яростным взглядом, в котором читались ножи, кулаки и сапоги.

Ваймс решил выглянуть в грязное окно трактира. К сожалению, паб был ужасный, так называемый старинный, а значит, окна в нем состояли из крохотных круглых стеклышек в свинцовом переплете. Они предназначались не для того, чтобы в них смотреть, а для того, чтобы пропускать внутрь свет – и пропускали они его столь избирательно, что лучи буквально ломались пополам. За одним окном виднелась, предположительно, овца, больше похожая на белого кита, а когда она двигалась, то превращалась в гриб. Мимо прошел человек без головы, но затем он отразился в соседнем стеклышке, и оказалось, что у него один огромный глаз. Юному Сэму очень бы понравилось, но Ваймс решил не рисковать зрением и вышел на двор.

«Ага, – подумал Ваймс, – какая-то игра».

Ладно.

Ваймс не особенно любил игры, потому что они собирали толпу, а толпа создавала работу для стражников. Но здесь-то он ведь не был стражником, правда? С этим странным ощущением Ваймс вышел из паба и стал обыкновенным зрителем. Он не припоминал, чтобы когда-либо им был. Он почувствовал себя... беззащитным.

Ваймс подошел к ближайшему человеку, который вбивал в землю колышки, и спросил:

– Что здесь такое происходит?

Сообразив, что говорит он как стражник, а не как обычный человек, он быстро добавил:

– Э... расскажите, пожалуйста.

Мужчина выпрямился. На нем тоже была разноцветная шапочка.

– Вы никогда не видели, как играют в крюкет, сэр? Да это же лучшая на свете игра!

Ваймс-в-отпуске изо всех сил постарался сделать вид, что его интересует продолжение. Судя по полной энтузиазма улыбке собеседника, тот намеревался изложить ему правила крюкета, желал он того или нет. «Что ж, – подумал Ваймс, – я ведь сам спросил».

– С первого взгляда, сэр, крюкет может показаться очередной игрой в мяч, где две команды борются друг с другом, пытаясь загнать мяч рукой, палкой или другим предметом в ворота противника. Но крюкет изобрели во время крокетного матча в теологическом колледже Святого Онана, в Хэме-на-Ржи, когда молодой священник Джексон Дрост, ныне епископ Щеботанский, взял свой молоток обеими руками и, вместо того чтобы легонько стукнуть по мячу...

Тут Ваймс сдался – во-первых, правила игры были сами по себе совершенно невразумительны, а во-вторых, молодой человек, исполненный крайнего энтузиазма, позволил энтузиазму взять верх над разумной необходимостью говорить по порядку. Поэтому поток информации периодически прерывали виноватые комментарии типа «ой, извините, нужно было сначала объяснить вам, что второй конус допускается не чаще одного раза за партию, и при нормальном течении игры бывает только один бугор, если только, конечно, речь не о королевском крюкете»...

Ваймс умер. Солнце упало с небес, гигантские ящерицы завладели миром, звезды взрывались и гасли, вся надежда с бульканьем исчезала в сточном отверстии забвения, газ наполнял поднебесье и взрывался, и возникали новые небеса, с одним заботливым обитателем, и новый диск, и было это хорошо воистину, и жизнь выползала из морей – или не

выползала, потому что ее творили боги, это как вам угодно – и ящерицы теряли роговые пластины, ну, или не теряли, и превращались в птиц, а черви в бабочек, а яблоки в бананы, и какая-нибудь обезьяна вдруг падала с дерева и понимала, что гораздо лучше жить, не цепляясь хвостом, и всего лишь через несколько миллионов лет она придумала брюки, полосатые шапочки и, наконец, игру в крюкет, и вот, магически перевоплотившись, появился Ваймс. Чувствуя, как кружится голова, он стоял на деревенском выгоне и смотрел на улыбчивое лицо местного энтузиаста.

Он с трудом выговорил:

– Э... это потрясающе, спасибо большое, я жду не дождусь начала игры.

И подумал: сейчас хорошо бы поскорее пойти домой... но тут прискорбно знакомый голос за спиной окликнул:

– Эй, ты! Я сказал – ты, да, ты! Ваймс!

Это был лорд Ржав из Анк-Морпорка, яростный старый вояка. Без его уникальной стратегии и тактики несколько недавних войн не удалось бы выиграть со столь кровопролитным результатом. Теперь лорд Ржав сидел в патентованном кресле на колесах. Кресло толкал парень, чью жизнь его светлость наверняка превращал в сплошные страдания.

Но у ненависти обычно короткая жизнь, и в последнее время Ваймс смотрел на этого человека просто как на титулованного идиота, который с годами стал совсем беспомощным, хоть и по-прежнему обладал пренеприятнейшим голосом, похожим на лошадиное ржание. Этим голосом можно было валить деревья вместо пилы. Лорд Ржав больше не представлял проблемы. Скорее всего, оставалось подождать несколько лет, чтобы он навеки заржавел в бозе. И где-то в глубине своего неласкового сердца Ваймс по-прежнему испытывал легкое восхищение этим сварливым мясником, с его неувыдаемыми амбициями и абсолютной решимостью ни за что и ни в чем не уступать. В ответ на то, что Ваймс, ненавистный стражник, стал герцогом, а следовательно, еще большей шишкой, чем он, Ржав, старик попросту сделал вид, что такого никоим образом не может быть, и неизменно игнорировал этот факт. С точки зрения Ваймса, лорд Ржав был опасным недоумком, но в том-то и заключалась проблема – он обладал невероятной, хоть и самоубийственной отвагой. Ничего страшного, если бы не гибель несчастных идиотов, которые следовали за ним в бой.

Очевидцы утверждали, что совершалось чудо: лорд Ржав стремился к черту в пасть во главе своего отряда и никогда не отступал, но стрелы и моргенштерны всякий раз миновали его, хотя, к сожалению, разили тех, кто шел следом. Случайные зрители – точнее, люди, наблюдавшие за битвой из

удобного укрытия позади больших камней, – клялись, что именно так оно и было. Возможно, Ржав точно так же игнорировал и летевшие в него стрелы. Но возраст так просто сбросить со счетов нельзя, и старик заметно приуныл, хоть и не утратил прежнего высокомерия.

Ржав, что было весьма необычно, улыбнулся Ваймсу и сказал:

– Первый раз вижу тебя здесь. Сибиллу потянуло вернуться к корням, что.

– Она хочет, чтобы Юный Сэм пошлепал по грязи, Ржав.

– Сибилла умница, что. Мальчику это пойдет на пользу и сделает из него мужчину, что.

Ваймс никогда не мог понять, для чего нужно это взрывчатое «что». Зачем повторять его без какой-либо очевидной причины? Для чего это нужно? «Что» – что? Десятки «что» напоминали колышки, вбиваемые в разговор, но, черт возьми, что они давали, *что?*

– Значит, ты здесь не по официальному делу, что?

Мысли Ваймса неслись так быстро, что Ржав, возможно, расслышал гудение шестеренок. Ваймс проанализировал интонацию, вид собеседника, легчайший, едва ощутимый проблеск надежды, что ответ все-таки будет отрицательным, и пришел к выводу, что, вероятно, бросить котенка в стаю голубей – это неплохая идея.

Он рассмеялся.

– Знаешь, Ржав, Сибилла твердила о поездке в деревню с тех пор, как родился Юный Сэм, и в этом году она настояла на своем, а распоряжение жены, сам понимаешь, сродни официальному приказу, где.

Ваймс увидел, как парень, толкавший огромное кресло, попытался скрыть улыбку, особенно когда Ржав озадаченно откликнулся: «Что?»

Ваймс решил не отвечать «куда». Вместо этого он фамильярно произнес:

– Сам знаешь, как бывает, Ржав. Полицейский повсюду отыщет преступление, если только хорошенько поищет.

Улыбка не сошла с лица лорда Ржава – она лишь стала покислее, когда тот ответил:

– Я бы послушал совета твоей умницы-супруги, Ваймс. Сомневаюсь, что здесь ты найдешь что-нибудь достойное твоего темперамента.

Заключительного «что» не последовало, и это, на свой лад, было весьма красноречиво.

Ваймс не раз убеждался, какая это хорошая идея – занять глупую часть мозга хоть чем-нибудь, чтобы она не мешала умной выполнять важную

работу. Поэтому он целых полчаса смотрел первый в своей жизни крикетный матч, прежде чем внутренний будильник известил его, что нужно возвращаться в Холл, чтобы почтить Юному Сэму – и, если повезет, какашки будут упоминаться не на каждой странице, – а потом подоткнуть сынишке одеяло и пойти ужинать.

Сибилла отметила пунктуальность супруга одобрительным кивком и смущенно протянула новую книгу, которую предстояло читать Юному Сэму.

Ваймс посмотрел на обложку. Книга называлась «Мир какашек». Когда жена удалилась за пределы видимости, он осторожно полистал. Что ж, нужно было признать, что жизнь шагала вперед семимильными шагами, и в современных сказках, как правило, не действовали блестящие маленькие существа с крыльшками. Переворачивая страницу за страницей, Ваймс убедился, что автор, несомненно, знал, как рассмешить до упаду ребенка вроде Юного Сэма. Читая о путешествии по реке, чуть было не улыбнулся сам Ваймс! Но вперемешку с темой какашек книга повествовала о действительно интересных вещах – о канализации, золотарях, удобрениях, о том, как с помощью собачьего дерьма выделывают кожу, и о других вещах, которые, казалось бы, незачем знать, но они намертво запечатлеваются в мозгу, стоит разок о них услышать.

Эту книжку написал автор «Пипи» – и если бы Юный Сэм мог проголосовать за лучшую книгу на свете, он отдал бы свой голос за «Пипи». Его энтузиазм, возможно, подкреплялся тем, что редкий бес озорства заставлял Ваймса издавать все необходимые звуки.

За ужином Сибилла стала расспрашивать, как он провел день. Особенно она заинтересовалась, когда Ваймс упомянул, что видел крикет.

– О, так в него до сих пор играют? Какая прелесть! Ну и как это было?

Ваймс отложил нож и вилку и несколько секунд задумчиво смотрел в потолок, после чего сказал:

– Ну, некоторое время я беседовал с лордом Ржавом, и мне, конечно, пришлось уйти раньше, чтобы успеть домой, но удача благоволила священникам, и их подающий окучил парочку фермеров, ловко орудуя корзинкой. Несколько раз обращались к шляперу, потому что он в процессе сломал свой молоток, и, на мой взгляд, он принял абсолютно справедливое решение, особенно ввиду того, что фермеры разыграли маневр ястреба. – Он сделал глубокий вдох. – Когда игра возобновилась, фермеры продолжали медлить, хоть им и удалось немного перевести дух, когда на поле забрела овца, и священники, решив, что это наверняка положит игре конец, слишком рано расслабились. Тогда Хиггинс Джей запустил

превосходную пилу прямо под брюхо нечестивой скотине...

Сибилла наконец остановила мужа, заметив, что еда совсем остыла. Она воскликнула:

– Сэм! Когда это ты стал знатоком благородной игры в крюкет?

Ваймс взял вилку и нож.

– Пожалуйста, не спрашивай, – он вздохнул. В его голове тем временем внутренний голос повторял: «Лорд Ржав сказал, что здесь нет ничего для меня интересного. Ох, боги, значит, надо выяснить, что здесь творится».

Он откашлялся и сказал:

– Сибилла, ты заглядывала в книгу, которую я читаю Юному Сэму?

– Да, дорогой. Фелисити Бидл – самый знаменитый детский писатель в мире. Она уже много лет пишет для детей. Она написала «Мелвин и огромный волдырь», «Джефри и волшебная наволочка», «Утенок, который считал себя слоном»...

– Это она написала книжку про слона, который считал себя утенком?

– Нет, Сэм, не говори глупостей. Еще она написала «Дафна и ковыряльщики в носу», а «Гастон и его огромная проблема» получила премию Глэдис Г. Дж. Фергюсон – в пятый раз! Мисс Бидл прививает детям интерес к чтению, понимаешь?

– Да, – признал Ваймс, – но они читают про какашки и спятивших утят!

– Сэм, это вполне естественно, поэтому не будь ханжой. Юный Сэм теперь деревенский парнишка, и я очень им горжусь, и он любит читать. В том-то и смысл! А еще мисс Бидл учредила стипендию для Щеботанского колледжа юных девиц. Она сейчас очень богата, и я слышала, что она купила Яблоневоый коттедж – его видно из нашего окна, он стоит на склоне холма. Мне кажется – если ты, конечно, не возражаешь, – что стоило бы пригласить ее в Холл.

– Конечно, – ответил Ваймс, хотя не возражал он исключительно потому, что его жена обладала особой манерой задавать вопросы. Некоторые нюансы дали ему понять, что визит мисс Бидл – это вопрос решенный.

Ночью Ваймс спал намного лучше, отчасти потому, что чувствовал, что где-то поблизости есть загадка, ожидающая ответа. У него уже буквально руки чесались.

Утром, как и было обещано, Ваймс повел Юного Сэма кататься верхом. Ваймс умел ездить, но ненавидел это занятие. Тем не менее

искусству падать вниз головой со спины пони должен научиться любой мальчик, даже если в результате он решит никогда больше этого не делать.

Остаток дня, впрочем, прошел менее приятно. Ваймса, переполненного наихудшими опасениями, не только в переносном, но и почти в буквальном смысле, потащили навестить подругу Сибиллы, ту самую даму, благословленную шестью дочерьми. На самом деле в обитой ситцем гостиной, куда провели Ваймса и Сибиллу, сидели лишь пять. Его торжественно приветствовали как «нашего дорогого отважного командора Ваймса» – он терпеть не мог всю эту чушь, но под внимательным, хоть и кротким взглядом Сибиллы у него хватило ума ничего не говорить, по крайней мере не в таких выражениях. Ваймс улыбался и терпел, пока они порхали вокруг, как огромные мотыльки, безостановочно предлагая кексов и чая. Он бы не возражал, если бы чай не напоминал внешне и по вкусу то, во что обычно чай превращается, когда его выпьют. Сэм Ваймс любил чай, но не в том случае, если дно кружки сквозь него можно было разглядеть прежде конца чаепития.

Еще хуже предлагаемого угощения был разговор, который крутился вокруг шляпок – сферы, в которой невежество Ваймса было не просто всеобъемлющим, но и священно хранимым. И потом, бриджи ему натирали. Уродское барахло! Но Сибилла настояла, сказав, что в них он выглядит очень изящно, точь-в-точь провинциальный джентльмен. Ваймс сделал вывод, что провинциальные джентльмены иначе сложены в области мошонки.

Помимо его самого и леди Сибиллы, в гостиной присутствовал молодой омнианский священник, предусмотрительно одетый в просторную черную хламиду, которая, самоочевидно, не натирала между ног. Ваймс понятия не имел, что здесь делает этот молодой человек, но, видимо, в отсутствие иных жертв юным леди нужно было пичкать кого-то слабым чаем с подозрительными булочками и донимать бессмысленным щебетанием. Когда шляпки утратили прелесть новизны, единственными доступными темами разговора остались наследство и перспективы предстоящих балов. И, разумеется, неумение вращаться в дамском обществе, растущая неприязнь к чаю цвета мочи и светская беседа без малейшего проблеска интеллекта привели к тому, что Ваймс не удержался от вопроса:

– Извините за вопрос, дамы, но чем вы занимаетесь... я имею в виду, вообще? Если по-настоящему?

На него с искренним непониманием воззрились десять глаз. Дочери леди Ариадны совершенно не отличались одна от другой, за исключением

Эмили, которая, что называется, застревала в памяти (как и в дверях). Слегка озадаченно Эмили произнесла:

– Прошу прощения, командор, но, боюсь, мы не понимаем, о чем вы изволили спросить.

– Я имел в виду... э... чем вы зарабатываете на жизнь? Кто-нибудь из вас получает жалованье? Как вы добываете хлеб насущный? У вас есть профессия? – Ваймс не знал, о чем думает Сибилла, поскольку не видел ее лицо, зато Ариадна смотрела на него с радостным удивлением. Ну, раз уж все равно выволочки не избежать, то почему бы не пойти до конца?

– Короче говоря, дамы, – продолжал Ваймс, – на что вы живете? Как окупаете свои расходы? Не считая шляпок, вы что-нибудь еще умеете? Готовить, например?

Другая дочь, возможно Мэвис, хотя Ваймс и не был в этом уверен, кашлянула и ответила:

– К счастью, командор, у нас есть прислуга. Мы – леди. И совершенно, совершенно немислимо, чтобы мы занялись каким-либо ремеслом или торговлей. Какой скандал! Так просто не бывает.

Казалось, они принялись соревноваться, кто кого первым поставит в тупик. Наконец Ваймсу это удалось:

– Разве ваша сестра не занимается заготовкой лесоматериалов?

Он подумал: удивительно, что ни Ариадна, ни Сибилла до сих пор не участвовали в разговоре. Но тут очередная сестра (возможно, Аманда) решила внести свою лепту. И почему, о боги, все они носили какие-то дурацкие полупрозрачные платья? Как можно работать в такой скудной одежде? Гипотетическая Аманда осторожно произнесла:

– Боюсь, сестра поставила нашу семью в неловкое положение, ваша светлость.

– Из-за того, что нашла себе работу? Но почему?

Заговорила следующая девица, и тут уже Ваймс совсем запутался. Она сказала:

– Понимаете ли, командор, теперь у нее нет шансов вступить в приличный брак... по крайней мере, выйти за джентльмена.

Ситуация окончательно превратилась в запутанный клубок, и тогда Ваймс попросил:

– Объясните мне, дамы, что такое джентльмен.

Девушки посоветались шепотом, и та, кого избрали жертвой, нервно ответила:

– Мы полагаем, что джентльмен – это человек, который не марают рук физическим трудом.

Говорят, адамантин прочнее всех металлов, но по сравнению с терпением Сэма Ваймса он был хрупким, как стекло. Ваймс произнес, отчетливо выговаривая каждый слог:

– А, то есть бездельник. Ну и как же, объясните на милость, вы охотитесь на так называемых джентльменов?

Судя по лицам, девушки и впрямь сдавались на милость. Одна из них, запинаясь, проговорила:

– Видите ли, командор, наш милый покойный папа потерпел неудачу с акциями, и, боюсь, вплоть до смерти нашей внучатой тети Мэриголд, на которую все мы так надеемся, ни одна из нас, увы, не получит приданого.

Боги затаили дыхание: Сэму Ваймсу объясняли, что такое приданое. На окнах успел осесть иней, пока он сидел и ошалело размышлял.

Наконец Ваймс откашлялся и сказал:

– Дамы, на мой взгляд, решение вашей проблемы заключается в том, чтобы оторвать ваши хорошенькие попки от стульев, выйти в большой мир и устроить собственную жизнь. Приданое? Иными словами, какому-то мужчине нужно заплатить, чтобы он на вас женился? Да в каком веке вы живете? Я чего-то не понимаю, или приданое – самая идиотская вещь на свете?

Ваймс взглянул на красавицу Эмили и подумал: ох боги, да мужчины должны выстраиваться в очередь на лужайке и драться за тебя, дорогуша. Почему никто никогда тебе об этом не говорил? Конечно, голубая кровь – штука неплохая, но и от практичности есть ощутимая польза. Выйди и покажись миру – возможно, ему будет что сказать тебе. Например, «ого». Вслух Ваймс продолжал:

– Ей-богу, ведь есть столько занятий для молодой девицы, если она не дура. Например, в бесплатной больнице леди Сибиллы всегда охотно примут смышленную девушку, которая захочет выучиться на сиделку. Хорошее жалованье, шикарная форма, отличный шанс подцепить толкового молодого врача, который наверняка сделает карьеру, особенно если жена будет его подталкивать. Ну и, конечно, вы услышите потрясающее количество забавных и двусмысленных историй о том, что бывает, когда... наверное, лучше я об этом помолчу. А еще у вас будет возможность стать старшей сестрой, когда вы достигнете определенного уровня. Очень ответственная должность, приносящая огромную пользу обществу в целом. И в конце долгого пути вы с удовлетворением поймете, что сделали в жизни немало добра.

Ваймс обвел взглядом бело-розовые личики, размышлявшие о прыжке в неведомое.

– Конечно, если шляпки вам больше по душе, у нас с Сибиллой есть приличный дом на Старосапожной улице, в Анк-Морпорке. Он пустует. Раньше район считался непростым, но сейчас там селятся тролли и вампиры, желающие возвращаться в обществе. Не стоит недооценивать «тяжелые деньги» и «темные деньги», особенно если клиент готов заплатить лишку за то, что ему нужно. В общем, довольно продвинутое место. Честное слово, люди там выносят на улицу столы и стулья, и их даже не всегда крадут. Мы могли бы пустить вас на три месяца бесплатно, чтобы посмотреть, как пойдут дела, а потом, возможно, вы бы усвоили идею арендной платы, хотя бы ради самоуважения. Поверьте, дамы, самоуважение – вот чем обладают люди, которым не нужно годами ждать, чтобы какая-нибудь богатая старушка околела. Ну что, есть желающие?

Ваймс счел многообещающим признаком, что девушки переглядывались, видимо крайне ошеломленные мыслью о том, что можно и не быть бессмысленным пристенным украшением. Поэтому он добавил:

– И чем бы вы ни занимались, перестаньте читать идиотские любовные романы!

Остался, впрочем, один очаг – или, точнее, камин – сопротивления. Девица, стоявшая рядом со священником, как будто он принадлежал ей, непокорно взглянула на Ваймса и сказала:

– Пожалуйста, не сочтите меня чересчур дерзкой, командор, но я бы очень хотела выйти за Джереми и помогать ему в приходе.

– Очень хорошо, очень хорошо, – ответил Ваймс. – Ты любишь его, и он любит тебя? Ну же, признайте вы оба.

Оба кивнули, красные от смущения, одним глазом поглядывая на Ариадну, чья широкая улыбка намекала, что это несомненный плюс.

– Что ж, тогда устраивайтесь поскорее, а вам, молодой человек, я советую найти работу, за которую лучше платят. Тут я помочь ничем не могу, но религий в наши дни масса, и на вашем месте я бы впечатлил какого-нибудь епископа своим благоразумием, ведь именно это в первую очередь и нужно священнику... ну, и все остальное тоже, и не забывайте, что наверху всегда найдется еще одно место... хотя, в случае религии, и не на самом верху. – Ваймс на мгновение задумался и добавил: – Возможно, самое лучшее для вас, дамы, – просто смотреть по сторонам, пока вы не заметите какого-нибудь парня, из которого может выйти что-нибудь дельное, и неважно, аристократ он или нет. Если он вам подойдет, цепляйтесь за него, поддерживайте при необходимости, помогайте подняться, если он упал, и вообще, будьте рядом, когда он вас ищет, и пусть он тоже будет рядом, когда вы ищите его. Если вы дружно наляжете на

колесо, наверняка воз стронется. Это самый действенный способ, правда, Сибилла?

Сибилла разразилась смехом, и ошарашенные девушки послушно закивали, как будто они действительно все поняли. Ваймс с радостью почувствовал легкий тычок от жены, который вселил в него надежду на то, что ему не придется платить чересчур большую цену за столь откровенный разговор с этими оранжерейными цветами.

Он огляделся, словно пытаясь слегка поправить дело.

– Ну... ведь так оно и есть, правда?

– Прошу прощения, командор.

Ваймс не сразу понял, откуда исходит голос; эта девушка ни слова не произнесла за весь вечер, но время от времени что-то записывала в блокнот. И теперь она смотрела на него куда более осмысленным взглядом, чем прочие сестры.

– Чем могу служить, мисс? И, пожалуйста, скажите, как вас зовут.

– Джейн, командор. Я мечтаю стать писательницей. Считаете ли вы это допустимым занятием для молодой девицы?

Джейн, подумал Ваймс. Та, странная. Действительно, она была странная. Сдержанная, как остальные сестры, но, глядя на нее, Ваймс подумал, что она видит его насквозь. Читает мысли.

Слегка насторожившись, он откинулся на спинку кресла и произнес:

– Ну, это не так уж трудно, наверное, потому что все слова уже придуманы до вас, и вы сэкономите время, ведь достаточно будет просто расставить их в другом порядке... – На этом опыт Ваймса по части изящных искусств был исчерпан, и он добавил: – А о чем вы намерены писать, Джейн?

Девушка как будто смутилась.

– Сейчас, командор, я работаю над романом, посвященным сложностям личных взаимоотношений, со всеми вытекающими отсюда надеждами, мечтами и недоразумениями, – она нервно кашлянула, словно извиняясь.

Ваймс поджал губы.

– Да. Похоже, идея неплохая, но здесь я вам вряд ли помогу. Хотя на вашем месте я бы ввел побольше батальных сцен – но это просто первое, что пришло мне в голову, – и мертвых тел, выпадающих из шкафа... и, возможно, войну в качестве общего фона.

Джейн неуверенно кивнула.

– Весьма ценные замечания, командор, и многое говорит в их пользу, но, полагаю, тогда личные отношения отойдут на задний план?

Ваймс задумался.

– Да, наверное, вы правы.

А потом непонятно откуда, наверное, из каких-то темных глубин сознания, явилась неожиданная мысль, как это уже случалось не однажды, иногда в кошмарах.

– Мне интересно, задумывался ли какой-нибудь писатель об отношениях между охотником и жертвой, полицейским и загадочным убийцей. Или о слуге закона, который иногда должен мыслить как преступник, чтобы выполнить свою работу, и который бывает неприятно удивлен тем, как хорошо у него это получается. Я просто размышляю вслух, сами понимаете, – неловко добавил Ваймс и задумался, откуда, черт возьми, взялась эта идея. Не исключено, что ее вызвала странная Джейн и даже, возможно, знала ответ.

– Кто-нибудь еще хочет чаю? – бодро спросила Ариадна.

Леди Сибилла молчала, когда они ехали обратно, поэтому Ваймс решил смириться и сделать первый шаг. Вид у жены был задумчивый, что всегда настораживало.

– Ты сердишься, Сибилла?

Та несколько секунд непонимающе смотрела на него, а затем произнесла:

– За то, что ты велел этим оранжерейным цветам перестать хандрить и заняться устройством собственной жизни? Ох, боги, нет, конечно. Ты сделал именно то, что я от тебя ожидала, Сэм. Как всегда. Я сказала Ариадне, что ты ее не подведешь. У нее маленький доход, и, если бы ты не вправил девушкам мозги, полагаю, в конце концов она бы метлой выгнала их за порог. Нет, Сэм, я просто гадаю, что творится у тебя в голове, только и всего. Не сомневаюсь, некоторые полагают, что стражник – это всего лишь работа, но ты ведь так не считаешь, да? Я очень тобой горжусь, Сэм, и другим ты мне не нужен, но иногда я тревожусь. В любом случае ты молодчина. Я с огромным интересом буду ждать, что напишет юная Джейн.

На следующий день Ваймс взял сына на рыбалку. Несколько мешало то, что оба совершенно не владели этим искусством, но Юный Сэм, впрочем, не расстроился. Он нашел среди сокровищ в детской сеть для ловли креветок и возился с ней на отмели, охотясь за раками, а иногда застывал неподвижно, чтобы на что-то посмотреть. Справившись с изумлением, Ваймс осознал, что Юный Сэм совершенно счастлив; один раз он даже показал любящему отцу какую-то штуку в ручье – «это как

насекомые в воде, только шкура у них как из камушков». Ваймс подошел и убедился, что мальчуган совершенно прав. Его это поразило даже больше, чем сына, который на самом деле – как он объяснил отцу, пока они шагали домой обедать, – хотел проверить, бывают ли у рыб какашки. Сэма Ваймса никогда в жизни не занимал этот вопрос, но, видимо, он представлял большой интерес для мальчика, настолько, что на обратном пути Юного Сэма пришлось удерживать, чтобы он не помчался обратно посмотреть – ведь если рыбы не вылезают для этого на берег, то... фу, какая гадость.

Сибилла пообещала вечером еще раз сводить Юного Сэма на скотный двор, поэтому Сэм Ваймс мог заняться своими делами – делами, которые привлекают внимание стражника на тихих сельских тропках. Ваймс обладал городской сметкой, он не знал, что такое сметка деревенская, но, наверное, она была как-то связана с умением душить горностаев и, не нагибаясь, определять, что такое сказала «му» – корова или бык.

Бредя на ноющих ногах по бесконечным акрам и мечтая вновь ощутить булыжники, Ваймс опять почувствовал странный зуд – зуд, от которого у любого копа шерсть вставала дыбом. Натренированные органы чувств подсказывали ему, что поблизости происходит что-то недолжное и громогласно требует к себе внимания. Но неподалеку находился еще один стражник, не так ли? Настоящий старый коп, хоть и ушедший на покой. Впрочем, если ты коп, то до мозга костей; от этого невозможно избавиться. Ваймс улыбнулся. Кажется, настало время дружески выпить с мистером Джимины.

Днем в «Голове гоблина» посетителей не было, не считая вечного трио на скамейке у входа. Ваймс устроился за стойкой со стаканом свекольного пива миссис Джимины и конфиденциально нагнул к трактирщику:

– Ну, мистер Джимины, что интересенького тут есть для старого копа?

Джимины раскрыл рот, но Ваймс продолжал:

– Палисандровая дубинка, псевдополисская городская Стража? Знаю, что не ошибся. Это же не преступление. Вы воплотили мечту стражника и взяли верную дубинку с собой, чтобы под рукой был маленький дружок, на которого можно положиться, если клиент чересчур вольно себя ведет и не понимает намеков... – Ваймс облокотился на стойку и принялся размазывать небольшую лужицу пролитого пива. – Работа преследует, да? А если ты держишь трактир, то тем более, потому что ты много чего слышишь. Слышишь о вещах, которыми больше не занимаешься, потому что уже не стражник... но сам-то ты знаешь, что ты – стражник. И в глубине души тебя должно беспокоить, если в ваших краях что-то идет не

так. Даже я это вижу. У меня чутье стражника. Я чую беду носом. И подошвами. Секреты и ложь, мистер Джимини, секреты и ложь...

Мистер Джимини, с особым старанием вытирая тряпкой пролитое пиво, рассеянно произнес:

– Знаете, командор Ваймс, в деревне все по-другому. Люди думают, что здесь-то можно спрятаться. Но нет. В городе ты всего лишь лицо в толпе. А в деревне на тебя будут пялиться, пока ты не скроешься из виду. Просто ради развлечения. А сейчас, если вы не против, я займусь делами. Скоро придут посетители. Смотрите, куда ступаете, ваша светлость.

Но Ваймс не собирался отпускать добычу.

– Интересная штука, мистер Джимини. Я знаю, вы арендуете паб, но, вы удивитесь, хозяин этой земли по-прежнему я. Мне очень, очень жаль, но еще прежде, чем мы приехали сюда, я взглянул на карту, увидел на нашей земле паб и подумал: какое расточительство... но, таким образом, я – ваш хозяин. Да-да, это не по-республикански, но я хотел бы знать, мистер Джимини: может быть, не все рады видеть командора городской Стражи в этом уютном уголке, м-м-м?

Перед внутренним взором Ваймса появилось видение бедного старого лорда Ржава, прямым текстом сообщившего, что здесь нет ничего интересного.

Лицо у Джимини оставалось бесстрастным, но Ваймс, хорошо знавший эту игру, заметил слегка дрогнувший мускул, что в переводе означало: «Да, но я ничего не говорил, и никто не докажет. Даже ты, друг мой».

Дальнейшая дискуссия не состоялась, потому что один за другим начали собираться труженики села, чтобы отпраздновать окончание рабочего дня. На сей раз в их глазах было гораздо меньше недоверия, когда они кивали Ваймсу по пути к стойке, поэтому он сидел над своей порцией пряного свекольного сока и наслаждался минутой. Блаженство, впрочем, длилось недолго – оно закончилось, когда в бар развязно ввалился кузнец и зашагал прямо к нему:

– Ты занял мое место.

Ваймс огляделся. Он сидел на скамье, совершенно не отличавшейся от всех остальных, но все-таки не стал исключать возможности, что в ней и впрямь было что-то мистическое. Поэтому он взял свою кружку и пересел. Как только Ваймс опустился, кузнец сказал:

– Это тоже мое место. Усек?

Ох, боги, здесь разыгрывалась прелюдия к ссоре, Ваймс в этом деле был не новичок, а кузнец смотрел на него с видом человека, который хотел

подражаться и, вероятно, считал Ваймса идеальным кандидатом.

В кармане брюк Ваймс ощутил легкое давление латунного кастета. Он слегка покривил душой, когда пообещал Сибилле не брать с собой в отпуск никакого оружия. Впрочем, он считал кастет не столько оружием, сколько гарантией выживания. Кастет можно было назвать средством обороны, чем-то вроде щита, особенно в том случае, если обороняться приходилось до того, как на тебя напали.

Он встал.

– Мистер Джетро, я весьма благодарен, если вы будете так любезны указать, какое место желаете занять на этот вечер. После этого я надеюсь *спокойно* допить свое пиво.

Тот, кто говорит, что кроткий ответ отвращает гнев, никогда не работал в баре. Кузнец раскалился ничуть не меньше своего горна.

– Я тебе не Джетро! Зови меня мистер Джефферсон, слышишь, ты?!

– А меня можно звать Сэм Ваймс.

Джефферсон неторопливо поставил кружку на стойку и зашагал к нему.

– Я сам знаю, как тебя звать, мистер...

Ваймс нащупал гладкую поверхность кастета, отполированного многолетним трением о ткань штанов, а время от времени и о чью-нибудь челюсть. Стоило ему опустить руку в карман, и кастет буквально прыгнул навстречу.

– Извините, ваша светлость, – сказал Джимини, аккуратно отодвигая Ваймса в сторону, и обратился к кузнецу: – Ну, Джетро, чего ты шум поднял?

– Ваша светлость? – усмехнулся Джетро. – Ну, я тебя так звать не буду! Я не собираюсь лизать тебе сапоги, как они все! Приперся, понимаешь, чтобы нас шпынять да раздавать приказы, как будто это место принадлежит тебе! Вот оно что! Земля тебе принадлежит! Один человек правит целым округом! Разве это честно? Ну, объясни мне, почему оно так? Давай, объясни!

Ваймс пожал плечами.

– Я не специалист, но, если не ошибаюсь, предки моей жены с кем-то сражались за эти земли.

Лицо кузнеца вспыхнуло злорадством, и он скинул кожаный фартук.

– Ладно, ладно. Допустим. Сражались, да? Что ж, верно. Я тебе скажу, что я сделаю. Я буду драться с тобой, здесь и сейчас. И знаешь что еще? Я буду с тобой драться, и пускай мне одну руку привяжут за спину, потому как ты малость пониже ростом.

Ваймс услышал легкий деревянный стук за спиной – трактирщик украдкой вытащил двухфутовую палисандровую дубинку из уютного места под стойкой.

Джетро, должно быть, тоже это услышал, поскольку крикнул:

– Даже не пытайся, Джим. Я ее у тебя выкручу, ты и спохватиться не успеешь, и на сей раз запихну туда, где солнце не светит!

Ваймс окинул взглядом прочих посетителей, которые с большим успехом притворялись каменными статуями.

– Послушай, парень, – сказал он. – Честное слово, ты не хочешь со мной драться.

– Еще как хочу! Ты сам сказал. Какой-то там предок получил эту землю, потому что подрался за нее. Так? Кто сказал, что драться больше нельзя?

– Коренной и Рукисила, сэр, – произнес вежливый, но ледяной голос из-за спины кузнеца. Ваймс, к своему ужасу, увидел Вилликинса. – Я не жесток, сэр, и не стану стрелять вам в живот. Я просто дам понять, что вы принимаете свои большие пальцы как данность. Нет, пожалуйста, не делайте никаких резких движений. У арбалетов Коренного и Рукисилы чрезвычайно чувствительные спусковые крючки.

Ваймс задышал, только когда Джетро поднял руки. Под толщей ярости, несомненно, крылось на полпенса чувства самосохранения. Тем не менее кузнец яростно уставился на него и сказал:

– Без наемного убийцы не обошелся, да?

– На самом деле, сэр, – спокойно отозвался Вилликинс, – я служу у командора Ваймса в качестве камердинера, а арбалет мне нужен, поскольку иногда его носки дают сдачи.

Он взглянул на Ваймса.

– Какие будут распоряжения, командор? Эй, не двигайся, мистер! Насколько мне известно, кузнецу для работы нужны обе руки!

Он вновь повернулся к Ваймсу.

– Извините за повышенный тон, командор, но я эту публику знаю.

– Думаю, Вилликинс, ты и сам один из них.

– Да, сэр, спасибо, сэр, и лично я себе не доверял бы ни на грош, сэр. Уж я-то с первого взгляда распознаю плохого парня. Каждый день его вижу в зеркале.

– А теперь, черт возьми, опусти арбалет, Вилликинс. Люди могут пострадать, – официальным тоном приказал Ваймс.

– Да, сэр, и это вполне входило в мои намерения. Я бы не смог предстать перед ее светлостью, если бы с вами что-нибудь случилось.

Ваймс перевел взгляд с Вилликинса на Джетро. Этот кипящий котел нужно было охладить. Но парня он винить не мог. Он ведь и сам думал точно так же, и не раз.

– Вилликинс, – сказал Ваймс, – пожалуйста, аккуратно отложи эту чертову штуковину и достань записную книжку. Спасибо. А теперь, пожалуйста, запиши вот что: «Я, Сэмюэль Ваймс, почти против воли герцог Анкский и прочая и прочая, намерен сойтись, столкнуться, сцепиться и прочая и прочая с моим другом Джетро... как твое полное имя, Джетро?»

– Слушай, мистер, я не...

– Я спросил твое имя, черт возьми! Джимини, как его зовут?

– Джефферсон, – ответил трактирщик, держа дубинку, как некий гарант безопасности. – Послушайте, ваша светлость, неужели вам хочется...

Ваймс, не обращая на него внимания, продолжал:

– Так, на чем я остановился? Ах да. «С моим другом Джетро Джефферсоном в дружеском поединке за обладание усадьбой и ее окрестностями, каковы бы, черт возьми, они ни были, и упомянутый поединок будет продолжаться, пока один из нас не крикнет «сдаюсь», и если это буду я, никаких неприятностей для моего друга Джетро не последует, как и для моего слуги Вилликинса, который упрашивал меня не участвовать в этом приятельском обмене тумаками». Понял, Вилликинс? Покажешь это ее светлости, если я пострадаю. А теперь давай сюда, я подпишу.

Вилликинс неохотно протянул записную книжку.

– Не думаю, сэр, что на ее светлость это подействует. Ей-богу, герцогам не положено... – и, увидев улыбку Ваймса, замолчал.

– Ты собирался сказать, что герцогам не положено драться, так, Вилликинс? А я бы тебе ответил, что некогда слово «герцог» произносилось как «херцог» и означало способность отхе... всыпать противнику по первое число.

– Допустим, сэр, – ответил Вилликинс, – но, полагаю, вы должны предупредить его...

Вилликинса перебили прочие посетители, которые спешно проталкивались наружу и разбежались по деревне, оставив Джетро стоять в одиночестве – весьма озадаченного. На полпути к противнику Ваймс обернулся, взглянул на Вилликинса и сказал:

– Тебе, возможно, кажется, что я закуриваю сигару, Вилликинс, но в данном случае, боюсь, глаза слегка тебя подводят. Понимаешь?

– Да. Я не только слеп, но и глух, командор.

– Вот и молодец. А теперь давай выйдем туда, где меньше стекла и вид получше.

Джетро выглядел как человек, у которого из-под ног вышибли опору, и теперь он не знает, куда упасть.

Ваймс закурил и несколько мгновений наслаждался запретным плодом. Затем он протянул пачку кузнецу, который молча отмахнулся.

– Очень разумно, – заметил Ваймс. – Ну а теперь, позволь, я объясню тебе, что как минимум раз в неделю, даже в нынешние времена, мне приходится драться с людьми, которые пытаются убить меня разными предметами, от мечей до стульев, а в одном случае даже огромным лососем. Возможно, на самом деле они не хотят меня убивать – они просто хотят, чтобы я их не арестовал. Послушай, – он обвел рукой пейзаж, – все это... со мной просто случилось, хотел я того или нет. По профессии я обыкновенный стражник.

– Ага, – сказал Джетро, мрачно глядя на него. – Дерешь шкуру со страдающих бедняков.

Ваймс к этому привык, а потому постарался выразиться помягче:

– В последнее время не получается драть шкуру, знаешь ли, соковыжималка мешает. Да-да, признаю, не очень смешно.

Ваймс заметил, что по деревенской улице спешат люди, в том числе были женщины и дети. Похоже, трактирные завсегдатаи переполошили всю округу. Ваймс повернулся к Джетро.

– Ну что, будем драться по правилам маркиза Пышнохвоста?

– Это как? – спросил кузнец и помахал приближавшей толпе.

– Это правила кулачного боя, написанные маркизом Пышнохвостом, – объяснил Ваймс.

– Если их написал какой-то там маркиз, я их знать не желаю!

Ваймс кивнул.

– Вилликинс!

– Я слышал, командор, и занес в записную книжку: «отказался от правил Пышнохвоста».

– Ну что ж, мистер Джефферсон, – сказал Ваймс, – полагаю, сейчас мы попросим мистера Джимины подать сигнал.

– Пусть ваш лакей запишет в книжечку, что мою мамашу не выгонят из дома в любом случае, ясно?

– Договорились, – сказал Ваймс. – Вилликинс, пожалуйста, пометь себе, что мать мистера Джефферсона не выгонят из дома, не побьют палками, не посадят в колодки и не станут притеснять никаким иным

способом, понятно?

Вилликинс, безуспешно пытаясь скрыть улыбку, лизнул карандаш и старательно записал. Ваймс, уже про себя, сделал еще одну пометку. Она гласила: «Этот парень просто источает агрессию. Он гадает, не убьют ли его. Я еще не нанес ни одного удара, даже самого легкого, а он уже готовится к худшему, тогда как самый верный способ победить в драке – это готовиться к лучшему».

Толпа росла с каждой секундой. Подняв голову, Ваймс увидел, как люди несут по улочке дряхлого старика на матрасе. Старик подгонял носильщиков, с удовольствием колотя их тростью по ногам. Матери, стоявшие в задних рядах, поднимали детей, чтобы им было лучше видно, и каждый, независимо от других, явился с оружием. Это походило на крестьянский мятеж, только без мятежа и с очень вежливыми крестьянами. Мужчины касались шляп, когда Ваймс смотрел в их сторону, женщины делали книксен или, по крайней мере, слегка приседали, все не в лад, как педали органа.

Джимини осторожно приблизился к Ваймсу и кузнецу. Судя по заблестевшему от пота лбу, трактирщику было боязно.

– Ну, господа, будем считать это небольшой демонстрацией силы, веселым испытанием удачества, потому что сегодня такой славный вечер, и в душе мы все друг друга любим, правда? – В его глазах появилось умоляющее выражение, и Джимини продолжал: – А когда вы спустите пар, каждого из вас на стойке будет ждать пинта за счет заведения. И, пожалуйста, ничего не ломайте.

Трактирщик извлек из жилетного кармана грязный носовой платой и поднял его в воздух.

– Когда платок коснется земли, джентльмены... – сказал он, поспешно отходя назад.

Полотняный лоскут, казалось, некоторое время боролся с притяжением, но, как только он коснулся земли, Ваймс ухватил взмывший в воздух сапог кузнеца обеими руками и очень тихо произнес, обращаясь к брыкавшемуся Джетро:

– Немного опрометчиво, как по-твоему? И что толку с того? Слышишь, как они все хихикают? Ну, на сей раз я тебя отпущу.

Ваймс выпустил сапог с легким толчком, заставив Джетро попятиться. Он испытал истинное наслаждение при виде того, что противник уже начал проигрывать, но кузнец собрался с духом, бросился на него... и остановился – возможно, оттого, что Ваймс ухмылялся.

– Правильно, парень, – одобрил он. – Ты только что избег ужасной

боли в причинном месте.

Он принял стойку и многозначительно кивнул своему озадаченному противнику поверх левого кулака. Джетро, раскачиваясь, приблизился, получил пинок в колено и оказался на земле. Ваймс поднял его за шиворот и швырнул обратно.

– С чего ты вообще взял, что я собираюсь боксировать? Мы, профессионалы, называем это неправильным курсом. Хочешь обняться? На твоём месте я бы обязательно захотел, но шанса я тебе не дам, – Ваймс сокрушенно покачал головой. – Лучше бы мы дрались по правилам маркиза Пышнохвоста. Насколько мне известно, эта фраза написана на многих надгробиях.

Он от души затыкнулся, не стряхивая пепел с сигары.

Страшно разъяренный, Джетро бросился на Ваймса и получил скользкий удар в голову. Почти в ту же самую секунду колено врезалось ему в живот, вышибив воздух из легких. Они упали вместе, Ваймс – в качестве направляющего. Он уж позаботился о том, чтобы приземлиться сверху. Наклонившись, он прошипел Джетро в ухо:

– Давай проверим, насколько ты умен, парень. Умеешь владеть собой? Если нет, я тебе так расплющу нос, что носовой платок придется подносить на палке. И даже не надейся, что я на такое не способен. Но, по-моему, кузнец должен знать, когда остудить железо, и я даю тебе шанс сказать, что, по крайней мере, ты свалил герцога на пол в присутствии всех своих приятелей, а потом мы встанем и пожмем друг другу руки как джентльмены, коими ни один из нас не является, и толпа будет нас поздравлять, и все пойдут в паб и нальются пивом, за которое я заплачу. Договорились?

Ответом было сдавленное «да». Ваймс встал, взял кузнеца за руку и вздернул ее кверху, вызвав в толпе легкое удивление, но когда он провозгласил: «Сэм Ваймс приглашает вас всех выпить с ним в заведении мистера Джимини!» – удивление потеснилось, чтобы дать место пиву. Толпа хлынула в паб, оставив кузнеца и Ваймса снаружи – ну и Вилликинса, который умел особенно ловко стушевываться, когда хотел.

– Кузнецу следует владеть собой, – заметил Ваймс, когда толпа утекла в направлении трактира. – Иногда холодное лучше горячего. Я мало что про вас знаю, мистер Джефферсон, но Городской Страже нужны люди, которые быстро учатся. Полагаю, вы быстро продвинетесь до сержанта. И в качестве кузнеца вы нам тоже пригодитесь. Просто удивительно, сколько вмятин появляется на старой броне, когда дерешь спины бедняков...

Джетро уставился на свои сапоги.

– Ладно, ладно, вы меня побили, но это еще не значит, что так и должно быть, ясно? Вы и половины не знаете!

Из паба доносились звуки веселья. Ваймс задумался, насколько приукрасят слухи эту маленькую стычку. Он повернулся к кузнецу, который по-прежнему стоял неподвижно.

– Послушай меня, ты, молодой идиот. Я родился отнюдь не с серебряной ложкой во рту. В детстве я если какие ложки и видел, так только деревянные, и только при очень большом везении в них лежало что-нибудь съедобное. Я рос на улице, понимаешь? Если бы меня отправили в деревню, я бы решил, что попал в рай, потому что еда здесь за каждым кустом. Но я стал стражником, потому что там платили, и тому, как стать стражником, меня учили *порядочные* стражники, и поверь, парень, я просыпаюсь каждую ночь при мысли о том, что мог выбрать другой вариант. Потом я встретил хорошую женщину, и на твоём месте, парень, я бы надеялся, что ты тоже такую встретишь. В результате я слегка прибарахлился, и однажды патриций Ветинари – слышал о нем, да? – так вот, однажды ему понадобился человек, чтобы делать разные дела, а перед титулом двери раскрываются сами, так что их не приходится отворять пинком. И знаешь что? Мои башмаки видели за много лет столько преступлений, что сами ведут меня к ним, и я чувую, что кому-то надо дать под зад. Вижу, что и ты чувствуешь. Ну, говори, в чем дело.

Джетро смотрел под ноги и молчал.

Вилликинс кашлянул.

– Командор, может быть, мне побеседовать с молодым человеком? Так сказать, с менее возвышенной позиции. Почему бы вам не полюбоваться пока сельскими красотами?

Ваймс кивнул:

– Пожалуйста. Если ты считаешь, что от этого будет польза.

И он ушел и принялся с огромным интересом рассматривать жимолость, а Вилликинс, в начищенных ботинках и опрятной куртке камердинера, широким шагом подошел к Джетро, обхватил его одной рукой и сказал:

– Я держу возле твоего горла стилет, и это, поверь, не зубочистка, а настоящее лезвие, учти. Ты мелкий поганец, но я не командор – я до кости тебя полосну, если дернешься. Понял? *Не кивай!* Вот и славно, мы быстро учимся, правда? Слушай, мальчик мой. Командор пользуется доверием Алмазного короля троллей и гномьего Короля-под-Горой, которому достаточно кивнуть, чтобы твою жалкую тушку со всех сторон обработали универсальными топорами, а также госпожи Марголотты из Убервальда,

которая в принципе мало кому доверяет, а еще патриция Ветинари из Анк-Морпорка, который не доверяет вообще никому. Ясно? *Не кивай!* А у тебя, юноша, хватило наглости усомниться в его слове. Я человек с легким характером, но от таких штук прямо из себя выхожу, к твоему сведению. Понятно? Я спросил – понятно? А... да, теперь можешь кивнуть. Кстати говоря, будь осторожней, когда кого-нибудь называешь лакеем, слышишь? Некоторые люди к таким вещам относятся весьма болезненно. Послушай совета, парень: я знаю командора, а ты вспомнил о своей старушке матери и подумал о том, что может с ней случиться, и, наверное, именно поэтому он тебя не избил до полусмерти, потому что в глубине душе он очень чувствителен.

Нож Вилликинса исчез так же внезапно, как и появился; другой рукой камердинер извлек маленькую щеточку, которой обмахнул воротник кузнеца.

– Вилликинс, – позвал Ваймс издалека. – А теперь, пожалуйста, пойди, прогуляйся.

Когда дворецкий отошел и остановился под деревом, Ваймс сказал:

– Извини, но у каждого своя гордость. Я об этом помню. И ты помни. Я стражник, полисмен, и что-то здесь не дает мне покоя. Похоже, ты хочешь, чтобы я что-то такое узнал, и дело не только в том, кто сидит в высоком замке, правильно? Здесь случилось что-то плохое, я по твоему лицу вижу. Ну?

Джетро склонился к нему.

– В Мертвяковой логве. В полночь. Ждать не стану.

Кузнец развернулся и зашагал прочь, не оборачиваясь.

Ваймс закурил новую сигару и побрел к дереву, под которым стоял Вилликинс, любуясь пейзажем. Дворецкий выпрямился, завидев Ваймса.

– Пойдемте, сэр. Ужин в восемь, и ее светлость желает, чтобы вы явились в наилучшем виде. Она очень надеется, что вы принарядитесь, сэр.

Ваймс застонал.

– Только не парадные лосины!

– К счастью, нет, сэр, не в деревне, но ее светлость специально напомнила, чтобы я прихватил сливовый вечерний камзол, сэр.

– Она говорит, я в нем произвожу потрясающий эффект, – мрачно произнес Ваймс. – Ты тоже так считаешь? Я вообще способен произвести потрясающий эффект, как по-твоему?

На нижней ветке дерева запели птицы.

– Я бы сказал – сногшибательный, сэр, – ответил Вилликинс.

Они зашагали домой и некоторое время шли в молчании – иными

словами, они молчали, а природа вокруг пела, жужжала и вопила. Наконец Ваймс сказал:

– Хотел бы я знать, что это, черт возьми, за твари.

Вилликинс на мгновение склонил голову набок.

– Синица Паркинсона, глубокогорлый вылупень и обыкновенный веролом, сэр.

– Ты всех их знаешь?

– Да, сэр. Я посещаю мюзик-холлы, сэр, а там всегда держат в штате человека, который подражает голосам животных и птиц. Такие штуки сами собой западают в память. Я теперь знаю семьдесят три деревенских звука, и мой любимый – это когда фермер, у которого один сапог только что завяз в навозе, пытается куда-нибудь поставить ногу в носке и понимает, что наступить некуда, кроме как в упомянутый навоз. Невероятно смешно, сэр.

Они дошли до длинной аллеи, ведущей к Холлу, и под ногами у них закрипел гравий. Ваймс вполголоса произнес:

– Я условился встретиться с юным мистером Джефферсоном в полночь, в Мертвяковой логве на Холме Висельника. Он хочет сообщить мне что-то очень важное. Кстати, Вилликинс, а что такое логва?

– На местном диалекте – нечто среднее между рощицей и леском. Строго говоря, сэр, то, что находится на Холме Висельника, – это небольшой буковый лесок. Помните Безумного Джека Овнеца? Человека, который сделал холм на тридцать футов выше ценой огромных затрат? Так вот, он велел посадить на вершине буки.

Ваймсу нравился скрежет гравия под ногами – он скрывал звук разговора.

– Когда я разговаривал с кузнецом, клянусь, никого в пределах слышимости не было. Но это ведь деревня, да, Вилликинс?

– За изгородью позади вас какой-то человек ставил силки на кроликов, – сказал Вилликинс. – Ничего странного, хотя, на мой взгляд, он чересчур долго с ними возился.

Некоторое время они шагали по аллее, пока Ваймс не произнес:

– Скажи мне, Вилликинс, вот что. Если два человека договариваются о встрече в полночь, в месте, которое называется Мертвяковой логвой на Холме Висельника, что, по-твоему, будет самым разумным образом действий? Учитывая тот факт, что жена одного из этих двоих запретила ему брать с собой оружие в загородный дом.

Вилликинс кивнул.

– Что ж, сэр, следуя вашему принципу, что оружие – это любой предмет, который *ты* считаешь оружием, я бы посоветовал упомянутому

лицу обратиться к соотечественнику, способному, например, раздобыть ключи от шкафа, в котором лежат превосходные кухонные ножи, идеально подходящие для рукопашной. Лично я, сэр, еще прихватил бы проволоку для нарезания сыра, это вполне отвечает моему искреннему убеждению, что в смертельном бою главное одно: чтобы умерли не вы.

– Никакой проволоки, парень! Только не для командора Стражи.

– Хорошо, командор, но могу ли я предложить вам латунный кастет – оружие джентльмена? Я знаю, вы никуда без него не ездите, сэр. Здесь есть какие-то злонамеренные личности, и я знаю, что вам придется с ними столкнуться.

– Слушай, Вилликинс, я вообще не хочу, чтобы ты вмешивался. В конце концов, это просто подозрения.

Вилликинс отмахнулся.

– Вы ни за что не уговорите меня постоять в сторонке, сэр, потому что мне самому интересно. Я оставлю для вас в гардеробной некоторое количество режущих предметов на выбор, сэр, а сам пойду в роццу получасом раньше назначенного времени, со своим верным арбалетом и кое-какими любимыми игрушками. Сейчас почти полнолуние, небо ясное, повсюду будут лежать тени, и в самой густой притаюсь я.

Ваймс несколько секунд смотрел на него, а затем сказал:

– Можно небольшую поправку? Не мог бы ты оказаться во второй по густоте тени за час до полуночи, чтобы взглянуть, кто спрячется в первой?

– Вот почему вы командуете Стражей, сэр, – произнес Вилликинс, и, к огромному удивлению Ваймса, в голосе дворецкого прозвучала нотка страха. – Вы слушаете улицу, так ведь?

Ваймс пожал плечами.

– Здесь нет улиц, Вилликинс.

Тот покачал головой.

– Уличный мальчишка всегда остается уличным мальчишкой, сэр. Он даст о себе знать в ответственный момент. Матери и отцы уходят – если мы вообще знаем, кто они такие, – но улица, сэр... улица всегда о нас позаботится. В самую важную минуту она помогает нам остаться в живых.

Вилликинс побежал вперед и зазвонил в колокольчик, так что лакей отворил дверь, как только Ваймс поднялся на крыльцо.

– У вас как раз достаточно времени, чтобы послушать, как Юный Сэм будет читать, – добавил Вилликинс, шагая по ступенькам. – Удивительная штука чтение, сэр, жаль, что я сам этому не выучился, когда был мальчишкой. Ее светлость вы найдете в гардеробной, а гости начнут собираться через полчаса. Мне нужно идти, сэр. Надо поучить здешнего

дворецкого, эту толстую жабу, хорошим манерам, сэр.

Ваймс вздрогнул.

– Душить дворецких не разрешается, Вилликинс. Кажется, в книжке по этикету я об этом читал.

Виллинс взглянул на хозяина с притворно обиженным видом.

– Не волнуйтесь, сэр, – продолжал он, отворяя дверь в гардеробную Ваймса, – хоть он и первостатейный сноб. Никогда еще не встречал дворецкого, который не был бы снобом. Просто нужно его слегка сориентировать.

– Да, но он дворецкий, и это его дом.

– Нет, сэр, это *ваш* дом, а поскольку я ваш личный слуга, по незыблемым законам лакейской я превосхожу любого из этих ленивых лодырей! Я им покажу, как делаются дела в реальном мире, сэр, не извольте беспокоиться...

Его перебил громкий стук в дверь, за которым последовало решительное дребезжание дверной ручки. Вилликинс открыл, вошел Юный Сэм и объявил:

– Читать!

Ваймс поднял сына на руки и усадил на стул.

– Как провел вечер, малыш?

– Знаешь, – сказал Юный Сэм, явно желая поделиться результатами вдумчивого исследования, – у коров большие мягкие какашки, а у овец маленькие, как шоколадки.

Отец старался не смотреть на Вилликинса, который дрожал от сдерживаемого смеха. С трудом сохраняя серьезное выражение лица, он ответил:

– Э... ну конечно, овцы ведь меньше.

Юный Сэм задумался.

– Коровьи какашки шлепаются, – заявил он. – В «Где моя коровка?» об этом ничего не говорится.

Судя по голосу, мальчик был раздосадован тем, что автор упустил столь важный факт.

– А мисс Фелисити Бидл обязательно бы об этом сказала.

Ваймс вздохнул.

– Да уж не сомневаюсь.

Вилликинс открыл дверь.

– Я оставлю вас наедине, господа. Увидимся позже, сэр.

– Вилликинс, – позвал Ваймс, как только камердинер взялся за ручку. – Ты, кажется, считаешь, что у меня кастет хуже, чем у тебя. Так?

Вилликинс улыбнулся.

– Вам ведь никогда не нравились кастеты с шипами, правда, сэр? – и он осторожно прикрыл дверь за собой.

Юный Сэм уже читал сам, к большому облегчению Ваймса. К счастью, сочинения мисс Фелисити Бидл состояли не только из увлекательных сведений о какашках во всей их красе; ее тоненькие книжки для малышей текли непрерывным потоком и были невероятно популярны, по крайней мере среди детей, потому что мисс Бидл тщательно изучала свою аудиторию. Юный Сэм покатывался со смеху, читая «Писающих человечков», «Войну с сопливыми гоблинами» и «Джеффри и Страну какашек». Эти книжки били прямо в точку, если дело касалось мальчишек определенного возраста. И сейчас Юный Сэм хихикал и фыркал, читая «Мальчика, который не умел ковырять болячки» – хит сезона с точки зрения ребенка, которому едва исполнилось шесть. Сибилла заметила, что эти книжки расширяют словарь Юного Сэма, и не только по туалетной части. И он действительно, при некотором поощрении, начинал читать книги, в которых никто не испражнялся, – что само по себе было чудом, если хорошенько подумать.

Ваймс отнес сына в постель после десяти минут увлекательного чтения, побрился и успел надеть ненавистный парадный наряд за несколько секунд до того, как в дверь постучала жена. Раздельные гардеробные и ванные, подумал Ваймс... если у человека есть деньги, нет лучшего способа, чтобы брак оставался счастливым.

Чтобы брак оставался счастливым, он открыл дверь, и Сибилла влетела в комнату, как турнирный боец (если только на турнире бывают бойцы в турнире^[11]), чтобы поправить сорочку, разгладить воротничок и придать мужу приличный вид.

А потом она сказала:

– Насколько я знаю, ты преподавал кузнецу небольшой урок рукопашного боя, дорогой.

Фраза повисла в воздухе, как шелковая удавка.

Ваймс, запинаясь, выговорил:

– Наверное, здесь что-то не так?

– Да, пожалуй, – сказала Сибилла.

– Правда?

– Да, Сэм, но сейчас не время. Гости придут с минуты на минуту. И если ты сумеешь сдержаться и никого не станешь отправлять в нокаут в промежутке между блюдами, я буду очень тебе благодарна.

По меркам безупречно сдержанной Сибиллы это была ужасающая выволочка. Ваймс сделал то, что сделал бы всякий благоразумный муж, а именно – ничего, но весьма динамично. Внезапно в передней послышались голоса, а во дворе – скрежет колес по гравию. Сибилла расправила паруса и направила вниз – играть роль гостеприимной хозяйки.

На что бы там ни намекала жена, Ваймс неплохо умел справляться со зваными ужинами, поскольку побывал на бесчисленных светских мероприятиях в Анк-Морпорке. Фокус состоял в том, чтобы предоставлять ведение беседы остальным обедающим и периодически с ними соглашаться, давая самому себе возможность подумать о чем-нибудь другом.

Сибилла позаботилась, чтобы нынешний обед проходил непринужденно. Гости, в основном, принадлежали к представителям известного сословия, которые хотя и жили в деревне, но, так сказать, не сливались с ней. Отставные вояки, жрец Ома, старая дева мисс Крошкинс со своей компаньонкой – суровой, коротко стриженной дамой в мужской сорочке и с карманными часами. И – да, мисс Фелисити Бидл. Ваймс выпалил: «А, та дама с какашками!» – и подумал было, что влип, но она разразилась хохотом и пожала ему руку со словами: «Не волнуйтесь, ваша светлость, я тщательно мою руки после работы!» И все рассмеялись. Мисс Бидл была миниатюрная и обладала тем странным свойством, которое встречается у некоторых людей и заставляет их буквально вибрировать, даже когда они стоят неподвижно. У Ваймса возникло ощущение, что, если внезапно сломается некий внутренний регулятор, освободившаяся энергия выбросит мисс Бидл в окно.

Она шутливо ткнула его в живот.

– А вы – знаменитый командор Ваймс. Приехали нас всех арестовать, да?

Разумеется, он каждый раз это выслушивал, если Сибилла принимала приглашение на очередную светскую вечеринку. Но в то время как мисс Бидл смеялась, прочих гостей железными цепями сковало молчание. Они мрачно смотрели на нее, а мисс Бидл пристально разглядывала Ваймса. Он узнал это выражение. Перед ним было лицо человека, который хочет что-то рассказать. Разумеется, прямо сейчас углубляться в тему не стоило, поэтому Ваймс отнес случившееся в графу «интересно».

Невзирая на все опасения Ваймса, в Овнец-Холле состоялся превосходный ужин, и это было главное: законы светского общения предписывали, чтобы Сибилла включила в меню огромное количество вещей, присутствия которых не потерпела бы, если бы их попросил Ваймс.

Одно дело – быть законодателем вкусов для собственного супруга, но если делать то же самое для гостей, они обычно остаются недовольны.

По другую сторону стола жена какого-то отставного военного уверяла, что он, невзирая на твердое собственное убеждение, не любит тушеные креветки. Бедняга напрасно заверял, что на самом деле он *любит* креветки, – ответом ему было мягкое:

– Возможно, ты и любишь креветки, Чарльз, но они не любят тебя.

Ваймс проникся сочувствием к человеку, которого, кажется, изрядно озадачила мысль о том, что он нажил себе врагов среди низших ракообразных.

– Э... а омары меня любят, дорогая? – спросил Чарльз, но в его голосе не звучало особой надежды.

– Нет, дорогой, они совершенно с тобой несовместимы. Помнишь, что случилось у Парсли за вистом?

Старик взглянул на стол, ломившийся под тяжестью еды, и предпринял очередную попытку:

– Как по-твоему, а гребешки могут хоть на пять минуточек со мной поладить?

– Ох, боги, нет, Чарльз.

Он снова искоса окинул взглядом стол.

– Подозреваю, мой лучший друг – это салат, да?

– Ты абсолютно прав, дорогой.

– Да, я так и думал.

Военный посмотрел на Ваймса, безнадежно улыбнулся и произнес:

– Я слышал, вы полисмен, ваша светлость. Это правда?

Ваймс впервые окинул его критическим взглядом – усатый старый вояка, которого, так сказать, выпустили на травку... и, скорее всего, ничего другого жена не позволила бы ему съесть без возражений. Шрамы от ожогов на лице и на руках, псевдополисский акцент. Нетрудно догадаться.

– Служили в легкой кавалерии, сэр?

Старик явно обрадовался.

– В точку, дружище! Мало кто нас помнит. К сожалению, только один я и остался. Полковник Чарльз Огастес Примирит – странная фамилия для военного, а может быть и нет, не знаю, право, – он фыркнул. – Теперь мы – всего лишь обугленная страница в истории военного дела. Смеею предположить, вы не читали моих мемуаров – «Двадцать четыре года без бровей». Нет? Ну, вы в этом не одиноки, должен признать. В те годы я и познакомился со своей женушкой. Она утверждала, что невозможно вывести драконов, годных для военного дела. И она была права, вот что.

Разумеется, мы не оставили попыток, потому что так у нас, у военных, водится!

– В смысле громоздить одну неудачу на другую? – уточнил Ваймс.

Полковник рассмеялся.

– Ну, иногда что-то да получается. У меня до сих пор остались несколько драконов. Я без них просто не могу. День без ожога – все равно что день без солнца. Здорово экономишь на спичках, ну и, конечно, они отпугивают незваных гостей.

Ваймс отреагировал, как рыбак, который, продремав некоторое время на берегу, вдруг понял, что приближается косяк рыбы.

– Ну, наверное, здесь таких немного.

– Вы так думаете? Вы и половины не знаете, молодой человек. Я мог бы кое-что порассказать... – Он внезапно замолчал, и супружеский опыт подсказал Ваймсу, что полковника толкает под столом супруга, вид которой был далеко не довольный – впрочем, судя по морщинистому лицу, довольным он не был никогда. Пока полковник брал у официанта очередную порцию бренди, она наклонилась к Ваймсу и ледяным тоном спросила:

– Ваша светлость, ваша юрисдикция распространяется на Графства?

«Еще одна поклевка», – подумал рыбак в голове у Ваймса. Вслух он сказал:

– Нет, мэ, моя сфера деятельности – Анк-Морпорк и окрестности. По традиции, впрочем, стражник имеет право расширить свою юрисдикцию, если идет по горячим следам за злоумышленником, совершившим преступление на его территории. Но, разумеется, Анк-Морпорк отсюда далеко, и я сомневаюсь, что забежал бы в такую даль...

За столом послышался смех, а госпожа полковница сдержанно улыбнулась.

Не спеши дергать, не спеши...

– И все-таки, – продолжал Ваймс, – если бы здесь и сейчас я стал свидетелем тяжкого преступления, то был бы вправе произвести арест. Гражданский арест, но чуть более профессиональный, после чего передал бы подозреваемого местным властям или иной подходящей организации, по своему усмотрению.

Священник, которого Ваймс заметил краем глаза, с интересом прислушивался к разговору. Подавшись вперед, он спросил:

– По вашему усмотрению, ваша светлость?

– Моя светлость тут ни при чем, сэ. Состоя в анк-морпоркской городской Страже, я обязан гарантировать подозреваемому безопасность. В

идеале, я посадил бы его в холодную. В городе их больше нет, но, насколько я понимаю, они еще сохранились в большинстве сельских местностей, пускай обычно в них и сидят только пьяницы и сбежавшие свиньи.

Послышался смех, и мисс Бидл сказала:

– У нас действительно есть деревенский констебль, ваша светлость, и он держит свиней в каталажке у старого моста.

Она пронзительно взглянула на Ваймса, который и бровью не повел. Он спросил:

– А людей ваш констебль когда-нибудь туда сажает? У него есть служебное удостоверение? А значок?

– Ну, иногда он сажает под замок какого-нибудь пьяницу, чтобы тот протрезвел, и говорит, что свиньи не особо возражают, но я понятия не имею, что такое служебное удостоверение.

Снова послышался смех, но он быстро увял, рассеянный суровым молчанием Ваймса.

Наконец он произнес:

– Я бы не назвал вашего констебля стражником. Пока я не смогу убедиться, что он работает в рамках поддержания должного правопорядка, я буду считать его не стражником – по моим стандартам – а заважничавшим уборщиком. Кое-какая польза от него есть, но он не стражник.

– По вашим стандартам, ваша светлость? – уточнил священник.

– Да, сэр, по моим. Мои решения. Моя ответственность. Мой опыт. Моя шкура, если что-то пойдет не так.

– Но, ваша светлость, как вы сказали, здесь у вас нет полномочий, – кротко напомнила госпожа полковница.

Ваймс чувствовал, как нервничает ее муж, и дело было уж точно не в еде. Полковник искренне желал убраться отсюда поскорей. Забавно, но люди всегда хотят поговорить со стражниками о преступлениях и не понимают, какие признаки выдают их тревогу.

Он повернулся к супруге полковника, улыбнулся и сказал:

– Как вы уже слышали, мэм, если стражник обнаруживает вопиющее преступление, юрисдикция протягивает ему руку помощи. И, с вашего позволения, давайте сменим тему. Не хочу обидеть вас, дамы и господа, но с течением времени я заметил, что банкиры, военные и коммерсанты обычно ужинают в мире и спокойствии, тогда как бедный старый стражник вынужден говорить о своей работе, которая, по большей части, довольно скучна.

Ваймс снова улыбнулся, чтобы никого не обидеть, и продолжал:

– И, наверное, особенно скучно стражникам здесь. Насколько я могу судить, в деревне тихо... как в могиле.

Мысленно он отметил: старый полковник вздрогнул, а священник уставился в тарелку, хотя, возможно, не следовало принимать это всерьез, поскольку редко можно найти священнослужителя, не способного воздать должное вкусной еде.

Сибилла, на правах радушной хозяйки, разбила лед.

– Кажется, время для главного блюда, – произнесла она, – а именно, превосходной баранины а-ля, никаких больше разговоров о стражниках! Знаете, если как следует раскатать Сэма, он будет цитировать законы и обычаи Анк-Морпорка и устав Стражи, пока в него не бросишь подушкой!

«Умница, – подумал Ваймс, – по крайней мере, я теперь поужинаю спокойно». Он расслабился, а разговор вокруг стал более непринужденным и вновь наполнился повседневными сплетнями, жалобами на соседей и на прислугу, видами на урожай и – да, ненавистью к гоблинам.

Ваймс прислушался. Гоблины. В городской Страже имелся как минимум один представитель каждого разумного двуногого вида плюс Шнобби Шноббс. Это стало традицией – кто сумел стать приличным стражником, сумеет стать и расой. Но никто и никогда даже не предлагал Ваймсу принять в Стражу гоблина, по той простой причине, что все считали их вонючими, злобными, недостойными доверия мелкими канибалами.

Разумеется, все знали, что гномы – это мелкие мошенники, которые надуют тебя при первом удобном случае, тролли просто живые камни, живущей в городе Медузе лучше не смотреть в лицо, вампирам нельзя доверять, как бы они ни улыбались, вервольфы – это те же вампиры, только летать не умеют, сосед – сукин сын, который бросает мусор через забор, а жена у него та еще шалава. Но, опять же, в мире должно быть разнообразие. И дело не в предубеждениях, потому что, в конце концов, даже в университете работает орк, но он любит футбол, и кого угодно можно простить, если он способен забить гол с середины поля, и, в конце концов, некоторые вещи приходится принимать как есть... но только не проклятых гоблинов, ни за что. Люди гнали их прочь, если гоблины появлялись в городе, и в конце концов они, как правило, оказывались в низовьях реки, у Гарри Короля и ему подобных – варили мыло, дубили кожу и собирали железный лом. Достаточно было немного отойти от городских ворот, чтобы оказаться вне досягаемости закона.

А теперь гоблины появились поблизости Овнец-Холла, о чем

свидетельствовали пропавшие куры и кошки. Что ж, не исключено; но Ваймс помнил, как в краже кур обвиняли троллей, хотя ничто в курице не способно заинтересовать тролля. С тем же успехом можно сказать, что люди едят штукатурку. Но, разумеется, он промолчал.

Да, ни у кого не нашлось для гоблинов доброго слова, но мисс Бидл вообще помалкивала. Она не сводила пристального взгляда с лица Ваймса. Лица сидящих за обеденным столом можно считывать, если знать как; а если ты стражник, то наверняка ясно понимаешь, что каждый обедающий думает об остальных. Все написано во взгляде. Сказанное и несказанное. Люди, входящие в магический круг, и не входящие. Мисс Бидл была чужаком, которого не вполне принимают, хоть и терпят, потому что, разумеется, никто не отменял хороших манер. Как там говорится? «Не нашего поля ягода».

Ваймс осознал, что смотрит на мисс Бидл. Они улыбнулись друг другу, и Ваймс подумал, что человек любознательный непременно нанес бы визит милой особе, сочиняющей книжки, которые так нравятся Юному Сэму, и вовсе не потому, что она выглядит так, как будто собирается открыть огромный вентиль на плотине.

Мисс Бидл слегка нахмурилась, когда речь зашла о гоблинах, и время от времени соседи, особенно того сорта, который Ваймс мысленно обозначил как «госпожа полковница», поглядывали на нее, как на ребенка, который делает что-то не так.

Ваймс продолжал изображать внимание, в то же время перебирая в голове события минувшего дня. Этот процесс прервала госпожа полковница, сказав:

– Кстати, ваша светлость, мы очень обрадовались, когда узнали, что сегодня вы отколотили Джефферсона. Этот человек ведет себя просто возмутительно. Он нас весьма огорчает!

– Да, я заметил, что он не боится озвучивать свое мнение, – сказал Ваймс. – Как и мы, правда?

– Но, разумеется, вы, ваша светлость, не считаете, что работник не хуже хозяина? – спросил священник, вскинув голову.

– Зависит от работника. От хозяина. И от того, что вы считаете плохим и хорошим, – ответил Ваймс. – Я сам был работником, но когда речь заходит об анк-морпоркской городской Страже, я – хозяин.

Госпожа полковница уже собиралась о чем-то спросить, когда леди Сибилла вдруг бодро произнесла:

– Кстати говоря, Сэм, я получила письмо от миссис Уэйнрайт, которая очень тебя хвалит. Напомни, чтобы я его тебе показала.

У всех пар, долго проживших в браке, есть свой шифр. С его помощью жена, например, может вежливо намекнуть мужу, что второпях или по рассеянности он забыл застегнуть ширинку^[12]. В случае с Ваймсом и Сибиллой упоминание о миссис Уэйнрайт значило: «Если ты не перестанешь смущать людей, Сэм Ваймс, вечером семейная идиллия будет несколько омрачена».

Но на сей раз Сэм Ваймс хотел оставить последнее слово за собой. Он сказал:

– На самом деле там и сям я знаю нескольких поднявшихся из грязи работников, и, кстати говоря, из них зачастую получают хозяева лучше, чем те, кто прежде ими командовал. Они просто ждали своего шанса.

– Обязательно напомни мне показать письмо, Сэм!

Ваймс сдался, и прибытие пудинга из мороженого немного понизило температуру, особенно после того, как ее светлость позаботилась, чтобы все бокалы были заново наполнены – а в случае полковника это происходило почти непрерывно. Ваймсу хотелось бы еще поболтать со стариком, но за ним тоже бдительно наблюдала жена. У этого человека явно было что-то очень важное на уме, отчего он нервничал в присутствии стражника. И его нервозность передавалась остальным.

Во всяком случае, вечер был полуофициальный: Сибилла устроила этот маленький прием, прежде чем закатить что-нибудь более роскошное, и гости по-дружески простились с хозяевами задолго до одиннадцати. Ваймс внимательно прислушивался, как полковник и его жена шли к карете (он слегка пошатывался). Но донеслось до него только шипение:

– У тебя весь вечер конюшня была нараспашку!

Ответом было ворчливое:

– Все равно жеребец давно спит, дорогая моя.

Когда они помахали вслед последнему гостю и крепко заперли большую входную дверь, Сибилла сказала:

– Сэм, я понимаю, правда, понимаю, но они же наши гости.

– Да. Извини. Но они как будто вообще ни о чем не думают. Мне просто захотелось слегка их встряхнуть.

Госпожа Сибилла взглянула на бутылку хереса и долила свой бокал.

– Надеюсь, ты не думаешь, что у кузнеца действительно было право биться с тобой за Овнец-Холл?

Сэм пожалел, что сейчас не может выпить.

– Нет, конечно. То есть... тогда не было бы конца и краю. Люди тысячи лет выигрывали и проигрывали судьбе в старую добрую рулетку. Но ты

знаешь мое мнение: если хочешь остановить колесо, подумай и о тех бедолагах, которым вечно выпадает зеро.

Жена ласково взяла его за руку.

– Но мы открыли больницу, Сэм. Сам знаешь, как дорого это обходится. Доктор Газон обучает всех, кто выказывает способности к медицине, даже если они, по их выражению, приходят без штанов. Он позволяет учиться девушкам! На *врачей*! Он даже принимает на службу Игорей! Мы меняем мир, Сэм, шаг за шагом, давая людям шанс помочь самим себе. А посмотри на Стражу! В наши дни дети гордятся, если их отцы – или матери – служат в Страже. Хорошо, когда есть чем гордиться, Сэм.

Ваймс сжал руку жены.

– Спасибо, что ты так добра к парню с Куроносной улицы.

Она со смехом отмахнулась.

– Я слишком долго тебя ждала, Сэмюэль Ваймс, и не позволю тебе растратить порох даром!

Сэм Ваймс решил, что самое время спросить:

– Ты не будешь возражать, если мы с Вилликинсом прогуляемся в Мертвяковую логву, прежде чем я лягу спать?

Госпожа Сибилла улыбнулась, как обычно женщины улыбаются мужьям и маленьким детям.

– Ну, я вряд ли могу сказать «нет», и в атмосфере действительно витает что-то странное. Хорошо, что ты берешь с собой Вилликинса. И на холме действительно очень красиво. Если повезет, ты услышишь соловья.

Ваймс поцеловал ее, прежде чем идти переодеваться, и сказал:

– На самом деле, дорогая, я надеюсь услышать кукушку.

Скорее всего, ни один герцог и даже ни один командор городской Стражи не находил в своей гардеробной то, что лежало на постели у Сэма Ваймса. Гвоздем программы был секатор – весьма полезный сельскохозяйственный инструмент. Ваймс видел днем несколько штук в саду. Он напомнил себе, что «сельскохозяйственный инструмент» не значит «безобидный». Иногда они появлялись у уличных банд и были опаснее тролля с головной болью.

И, конечно, дубинка. Личная дубинка Ваймса, которую камердинер предусмотрительно захватил. Разумеется, на ней вилась серебряная гравировка, потому что это была церемониальная дубинка командора Стражи, а вовсе не оружие, ни в коем разе. С другой стороны, Ваймс твердо знал, что он – не торговец сыром, а потому вряд ли сумел бы объяснить, отчего у него при себе около фута проволоки для нарезания сыра.

Проволоку он намеревался оставить, а секатор взять. Плохо дело, если человек, гуляющий по собственным владениям, упускает возможность подровнять веточку там и сям. Но для чего была нужна грудa бамбука, которая на поверку оказалась составным нагрудником и безобразным шлемом? На кровати лежала маленькая записка, написанная почерком Вилликинса. Она гласила: «Друг лесничего, командор. Пригодится!!!»

Ваймс поморщился и стукнул дубинкой по нагруднику. Он спружинил, как живой, и дубинка отлетела через всю комнату.

«Век живи, век учиcь, – подумал Ваймс. – Или, точнее, век учиcь, век живи». Он прокрался вниз и вышел в ночь... которая оказалась черно-белой, как шахматная доска. Он забыл, что в городе смог, дым и пар окрашивали мир в тысячу оттенков серого. Ночью в деревне все было черным и белым. Воплощенная метафора.

Ваймс знал путь на холм, промахнуться было невозможно. Луна освещала путь, словно хотела упростить для него задачу. Сельское хозяйство здесь заканчивалось. Поля сменились дроком, кролики превратили почву под ногами в нечто похожее на сукно бильярдного стола, и, поскольку кролики не только щиплют траву, желающие могли бы сыграть в бильярд очень маленькими шариками. Кролики бросались прочь, пока Ваймс карабкался на холм; он подозревал, что чересчур шумит, но это была его земля, а значит, он просто вышел прогуляться. Поэтому он небрежно прошел еще немного по одной-единственной тропе и увидел в лунном свете виселицу.

«Что ж, – подумал Ваймс, – на карте ведь написано Холм Мертвеца, правда? В старые времена так часто делали». И металлическая клетка, в которой трупы помещали стоймя, чтобы воронам не нужно было наклоняться, там тоже имелась. Закон и порядок на старый добрый лад, так сказать, в самый раз, чтобы охладить горячие головы. Грудa рассыпающихся костей у подножия виселицы свидетельствовала о старых добрых порядках в действии.

Ваймс почувствовал легкое прикосновение лезвия к шее.

В следующую секунду Вилликинс поднялся с земли и принялся старательно чиститься.

– Ловко, сэр, – сказал он, переводя дух. – Вас не застанешь врасплох, командор.

Он остановился, поднес руку к лицу и фыркнул.

– Вы меня одним ударом свалили! Я весь в крови! Вы ведь меня не заметили, сэр? Вы просто развернулись и двинули мне в живот, причем, позвольте заметить, весьма профессионально.

Ваймс потянул носом. Со временем учишься распознавать запах крови. Она пахнет металлом. Говорят, металл не пахнет? Нет, он пахнет. Кровью.

– Ты пришел сюда заранее, как собирался? – спросил Ваймс.

– Да. И ни души не видел, – Вилликинс опустил на колени. – Вообще ничего. Я бы и кровь не заметил, если бы вы не пихнули меня в лужу. Тут все залито кровью.

«Жаль, что с нами нет Игоря», – подумал Ваймс. Он поручал судебную экспертизу профессионалам. С другой стороны, приобретаешь соответствующие навыки и сам, и, помимо запаха крови, Ваймс учуял убийство. Слишком уж большим было совпадение. В деревне все держат глаза открытыми. Джефферсон собирался увидеться с Ваймсом, но в роце Джефферсона не оказалось, зато в избытке хватало крови – и в то же время наблюдалось примечательное отсутствие трупа. Мозг Ваймса методично раскладывал всё по полочкам. Разумеется, он принимал как данность, что, если рядовой гражданин хочет втайне поведать полицейскому некий секрет, скорее всего, кто-то не желает, чтобы этот разговор состоялся. И если упомянутого гражданина найдут мертвым, то упомянутого полицейского, у которого была с ним незадолго до того ссора, наверняка сочтут хотя бы косвенно причастным, когда подведут итоги – а пока итоги будут подводить, тот, кто очень хочет втянуть Ваймса в неприятности, доставит сюда и труп кузнеца, правда?

– Я кое-что нашел, сэр, – сказал Вилликинс, выпрямляясь.

– Ты – что?

– Кое-что нашел, сэр. Нащупал на земле.

– Но тут кругом кровь, дружище.

Вилликинса это, казалось, не беспокоило.

– Кровь – пустяки, командор, по крайней мере, если она не моя.

Что-то лязгнуло, и появился свет: Вилликинс приоткрыл потайной фонарь. Он протянул его Ваймсу и поднес к свету что-то маленькое.

– Кольцо, сэр. Похоже, вырезанное из камня.

– Что? То есть камень с дыркой?

Вилликинс вздохнул.

– Нет, сэр, он гладко отполирован. И надет на палец. Похоже, гоблинский.

Ваймс подумал: «Кровь. Отрубленный палец. Но гоблины не настолько велики. Кто-то пришел сюда лишь за тем, чтобы убить гоблина. В чем смысл?»

Теоретически, лунный свет должен облегчать поиски, но он обманчив

и создает тени там, где их быть не должно. Вдобавок поднялся ветер. С фонарем или без, сейчас Ваймс мало что мог сделать.

Шторы были опущены, но в «Голове гоблина» еще горел свет. Видимо, здесь действовали законы о торговле спиртными напитками. Хороший стражник всегда готов испробовать их на прочность. Ваймс обошел с черного хода и постучал в маленькое деревянное окошко, прорезанное в задней двери. Через несколько секунд Джимини отодвинул заслонку, и Ваймс просунул руку в отверстие, прежде чем трактирщик спохватился.

– Нет, ваша светлость, только не вы! Магистрат меня на собственных кишках повесит!

– Могу поручиться, будет очень оригинально, – сказал Ваймс. – Не бойся. Ручаюсь, что примерно треть твоих постоянных клиентов еще поглощает здесь спиртные напитки, и среди них как минимум один представитель магистрата... нет, эти слова я беру назад. Члены магистрата пьянствуют дома, где нет питейных законов. Я никому ни слова не скажу, но мир, видно, катится в тартарары, если жаждущий стражник не может выклянчить в неурочный час кружечку у бывшего собрата.

Он шлепнул несколько монет на крошечную полочку по ту сторонку окошка и добавил:

– Двойную порцию бренди для моего слуги, а для меня – адрес кузнеца, мистера Джефферсона.

– Вы не имеете права, вот что.

Ваймс взглянул на Вилликинса.

– Да?

Камердинер кашлянул.

– Здесь действует феодальное право, командор. Вам принадлежит земля, на которой стоит этот паб, но у хозяина паба прав не меньше, чем у вас. Если он исправно платит ренту, вы не можете даже войти в дом без его разрешения.

– Откуда ты все это знаешь?

– Изволите видеть, командор, в свое время мне доводилось гостить в Танти, а в тюрьме всегда лежит масса книг по юриспруденции, поскольку преступники с большим интересом изучают старые судебные глоссы, на тот случай, если вдруг окажется, что нарядить члена враждебной банды в бетонные сапоги и сбросить его в реку – совершенно законное деяние. Некоторые вещи как-то сами собой запоминаются.

– Но сейчас я расследую таинственное исчезновение. Кузнец очень хотел встретиться со мной на холме, но, поднявшись туда, я ничего не

обнаружил, кроме лужи крови. Джефферсон хотел мне что-то рассказать, и уж ты-то понимаешь, чем это пахнет для стражника!

«Хоть я и сам не уверен», – добавил он мысленно.

– Здесь явно творится неладное, можешь не сомневаться!

Трактирщик пожал плечами:

– Не мое дело, сквайр.

Ваймс ухватил его за запястье, прежде чем Джимини успел убрать руку, и с такой силой рванул, что прижал трактирщика лицом к доске.

– Никакой я тебе не сквайр. Здесь что-то происходит. Что-то очень скверное. Я это подметками чую, и, поверь, у меня очень чувствительные подметки. Человек, который держит деревенский трактир, всегда в курсе дел, и это знаем мы оба. Если ты не на моей стороне, значит, ты у меня на пути, и ты что-то знаешь, я по глазам вижу. Если тебе известно что-то насчет кузнеца, следовательно, ты являешься сообщником, как говорят законники, постфактум или антефактум, если я возьмусь за дело всерьез, но так или иначе у тебя будут проблемы, и вот это уж фактум как он есть.

Джимини задергался, но хватка у Ваймса была стальная.

– Ваш значок здесь не действует, мистер Ваймс, вы это знаете!

Ваймс услышал слабую нотку страха в голосе трактирщика, но старые стражники – крепкие орешки. Если ты слабак, то никогда не станешь старым стражником.

– Еще одну минутку, сэр, – на языке стражников это означало «тварь дрожащая». – Ты думаешь, что юридически у меня здесь нет никакой опоры? Может быть, ты прав, а может, и нет, зато мой камердинер – не полицейский, и он не привык работать аккуратно, как обычно работаем мы, стражники, так что, вполне вероятно, в конце концов у тебя самого выбьют опору из-под ног. Я предупреждаю как друг. Мы оба знаем, во что играем, правда? Ты, наверное, работал в баре, когда на холме убили гоблина, да?

– Я вообще первый раз слышу, что гоблина убили! Поэтому откуда мне знать, когда это могло случиться? Мой вам совет, сэр, – сказал Джимини, прибегая к тому же самому приему, что и Ваймс, – лучше сообщите поутру о случившемся местным властям. То есть молодому Фини. Он себя называет стражником. Слушайте, мистер Ваймс, я ушел на покой, и, в том числе, это значит не лезть на рожон. Я не сую нос в те дела, которые меня не касаются. Да-да, здесь есть много разных вещей, которыми вы бы могли заняться, только вы ими заниматься не станете, но, чтобы вам не идти домой с пустыми руками, я скажу: Джетро живет там, где всегда живут кузнецы, прямо в центре деревни, с видом на выгон. Он живет со старушкой матерью, и в это время суток я бы не стал ее беспокоить. А

теперь, сэр, мне пора закрывать. Не хочу нарушать закон.

Окошко захлопнулось, и послышался звук щеколды, встающей на место. В следующую секунду раздался освященный временем вопль: «Что, парни, а не пора ли вам по домам?» Входная дверь открылась, и улочка наполнилась людьми, пытающимися заставить голову двигаться в ту же сторону, что и ноги. Ну или наоборот.

В тени на заднем дворе трактира, где пахло старыми бочонками, Вилликинс сказал:

– Хотите заключить пари, что ваш кузнец мирно спит в своей постели, сэр?

– Нет, – ответил Ваймс, – но я чую неладное. По-моему, тут случилось убийство, только трупа нет – во всяком случае, нет целиком, – мрачно добавил он, когда Вилликинс открыл рот. – Чтобы с уверенностью назвать это убийством, Вилликинс, у жертвы должно недоставать чего-то жизненно важного, например головы. Или, допустим, крови, но в потемках ее все равно трудно собрать.

Они зашагали прочь, и Ваймс продолжал:

– Мертвец, по крайней мере, никуда уже не денется... ну, как правило... и вообще, это был долгий день, и мы много ходили, и возраст дает о себе знать, правда?

– Со стороны не особенно заметно, командор, – преданно отозвался Вилликинс.

Дверь открыл зевающий лакей, и, как только он ушел, Вилликинс вытащил из кармана пальто вонючий гоблинский палец и положил на стол в передней.

– Не такой уж большой ущерб для гоблина, если голова осталась на месте. Смотрите-ка, и правда кольцо. Судя по всему, каменное. Неплохая работа для гоблина.

– Животные не носят украшений, – сказал Ваймс. – Сам знаешь, Вилликинс, я и раньше это говорил, но из тебя бы получился отличный стражник, если бы не тот факт, что из тебя успел получиться прекрасный убийца.

Вилликинс ухмыльнулся.

– Я действительно подумывал в юности, не стать ли мне наемным убийцей, сэр, но, к сожалению, происхождение у меня неподходящее, и потом, у них правила.

Он помог Ваймсу снять куртку и продолжал:

– А на улице, командор, правило только одно: «Выживи». И мой

старик, наверное, перевернулся бы в гробу, если бы я решил стать стражником.

– А я думал, ты не знал своего отца.

– Да, сэр, вы совершенно правы, но надо же учитывать наследственность, – Вилликинс вытащил щеточку и смахнул пылинку, прежде чем повесить куртку на вешалку. – Иногда мне действительно недостает отца, и тогда кажется вполне разумной идеей пойти на кладбище Мелких богов, крикнуть: «Папа, я хочу стать стражником!» – и посмотреть, какое надгробие шевельнется, сэр.

Камердинер по-прежнему ухмылялся. Ваймс не в первый раз подумал, что у него весьма необычный слуга, особенно учитывая, что оба они принадлежали к числу людей, которым идея слуги и господина совершенно чужда.

– Вилликинс, – и учти, я говорю совершенно искренне, – на твоём месте я бы сходил к Танти и крикнул это в известковую яму рядом с виселицей.

Лицо Вилликинса расплылось в улыбке.

– Спасибо, сэр. Вы сами понимаете, как это для меня много значит. А теперь, с вашего позволения, сэр, я сначала схожу и брошу свою куртку в печь для мусора, прежде чем лечь спать.

Сибилла перевернулась и уютно причмокнула во сне, когда Ваймс лег рядом. День выдался долгим, и он погрузился в розовый транс полусна-полубодствования, что еще лучше сна, всплывая на поверхность каждый час, когда кто-то звонил на улице в колокольчик и кричал, что все спокойно.

А потом Ваймс проснулся, услышав грохот тяжелогруженной повозки по бульжникам. Пока он лежал в полусне, подозрения помогли ему проснуться окончательно. Камни? Вокруг Холла был сплошь проклятый гравий. Немногочисленные мозговые клетки, дежурившие в ночную смену, заработали, вопрошая, какого рода сельскохозяйственные работы производятся ночью. Местные жители выращивают грибы? Или репу нужно убирать в дом с холода? Может быть, это и есть так называемый севооборот? Мысли плавались в сонном мозгу, как крупинки сахара в большой чашке чаю, скользя и перетекая от клетки к клетке по нервным волокнам, пока не добрались до рецептора под названием «подозрение», который на медицинской диаграмме мозга стражника, скорее всего, был бы представлен хорошо заметной шишкой, гораздо крупнее выпуклости под названием «способность понимать длинные слова». Ваймс подумал: «А, контрабанда». Приободрившись и исполнившись надежд на будущее, он

закрыл окно и вернулся в постель.

Кормежка в Холле была обильной, пышной и прочая и прочая. Ваймс был достаточно умудрен опытом и не сомневался, что старшие слуги доедают за господами остатки, а стало быть, уж позаботятся, чтобы остатки *были*. Памятуя об этом, он положил себе изрядную порцию рыбного жаркого и съел все четыре ломтика бекона, которые лежали у него на тарелке. Сибилла поцокала языком, но Ваймс ответил, что он, в конце концов, в отпуске, а значит, может делать то, чего не делает в другие дни. Сибилла логично заметила, что, следовательно, на повестке дня не должна стоять ловля правонарушителей, не правда ли? Но Ваймс был к этому готов и сказал, что, разумеется, он это понимает и именно поэтому намерен сводить Юного Сэма на прогулку в деревню, чтобы заодно поделиться подозрениями с местным стражником. Сибилла с явной ноткой недоверия сказала: «Ну ладно» и попросила взять с собой Вилликинса.

Это было еще одно свойство Сибиллы, которое глубоко поражало Ваймса. С той же уверенностью, с какой она считала, что под грубой оболочкой Шнобби Шноббса бьется золотое сердце, Сибилла полагала, что Ваймсу будет спокойней в обществе человека, который не отправлялся в путь, не прихватив с собой различные образчики уличного оружия, и однажды открыл бутылку пива чужими зубами. Сибилла была права, но некоторым образом это беспокоило.

Ваймс услышал звон дверного колокольчика; лакей открыл дверь, донесся приглушенный разговор и звуки чьих-то шагов по гравиевой дорожке к черному ходу. Это все были ненужные подробности – в том числе шаги лакея, вошедшего в комнату и что-то шептавшего госпоже Сибилле.

Он услышал, как жена сказала:

– Что? Что ж, наверное, его лучше пригласить.

Ваймс тут же наострил уши, когда леди Сибилла обратилась к нему:

– Пришел местный констебль. Ты можешь принять его в кабинете? Полицейские никогда не вытирают ноги как следует, особенно ты, Сэм.

Ваймс еще не видел здешний кабинет. В Холле было какое-то нескончаемое количество комнат. Руководствуясь указаниями очередной вращающейся горничной, он добрался до кабинета за несколько секунд до того, как лакей привел местного констебля. У лакея был вид человека, вынужденного иметь дело с дохлой крысой. По крайней мере, перед Ваймсом, предположительно, стоял местный констебль, хотя выглядел он скорее как сын местного констебля. Семнадцать лет, прикинул Ваймс. От

парня пахло свиньями. Он стоял там, где его оставил лакей, и таращил глаза.

Спустя некоторое время Ваймс спросил:

– Чем могу помочь, офицер?

Юноша моргнул.

– Э... вы сэр Сэмюэль Ваймс?

– А вы кто такой?

Вопрос, казалось, застал молодого человека врасплох. Ваймс сжалился над ним и сказал:

– Сынок, сначала надо сказать, как тебя зовут, а потом уже спрашивать, действительно ли я – это я. В конце концов, я понятия не имею, кто ты такой. На тебе нет узнаваемой формы, ты не предъявил мне ни служебного удостоверения, ни значка, и шлема у тебя тоже нет. Тем не менее, чтобы не затягивать разговор до обеда, рискну предположить, что ты главный констебль в округе. Как тебя звать?

– Э... Наконец, сэр. Фини Наконец. Э... старший констебль Наконец.

Ваймсу стало немного стыдно – черт возьми, этот парень называл себя полицейским. Рассмеялся бы даже Шнобби Шноббс.

Вслух Ваймс сказал:

– Ну, старший констебль Наконец, я сэр Сэмюэль Ваймс, и прочая и прочая, и я как раз думал, что надо бы поговорить с тобой.

– Э... хорошо, сэр, потому что я как раз думал, что надо бы арестовать вас по подозрению в убийстве Джетро Джефферсона, местного кузнеца.

Выражение лица у Ваймса не изменилось. «Ну и что мне делать теперь? Ничего. «Вы имеете право хранить молчание», – говорил я сотням людей, зная, что это чушь собачья. И кое в чем я абсолютно уверен, а именно, что не прикасался к этому чертову кузнецу иначе как с воспитательными целями. А потому будет очень интересно выяснить, отчего этот юный простофиля так уверен, что может меня сцапать».

Стражник всегда должен учиться – и Ваймс научился от патриция Ветинари, что не следует реагировать ни на слова, ни на действия, пока ты в точности не решишь, как намерен поступить. Плюсов два – во-первых, ты не допустишь ошибки, а во-вторых, заставишь оппонента нервничать.

– Извините, сэр, но у меня ушел целый час, чтоб выгнать свиней и привести каталажку в приличный вид, сэр, там по-прежнему пахнет карболкой, сэр, и свиньями тоже, честно говоря, но я помыл стены, и там есть стул и кровать, на которой даже можно свернуться. А чтобы вы не заскучали, я принес журнал... – Он с надеждой взглянул на Ваймса, лицо которого по-прежнему было бесстрастное, буквально окаменевшее.

Выдержав подобающую паузу, Ваймс спросил:

– Какой журнал?

– Э... а разве их несколько, сэр? Мы его давно храним. Он про свиней.

Конечно, он уже слегка потертый, но свињи есть свињи...

Ваймс встал.

– Я намерен прогуляться, старший констебль. Можешь составить мне компанию, если угодно.

– Простите, сэр, но я вас арестовал!

– А вот и нет, сынок, – ответил Ваймс, направляясь к двери.

– Но я же ясно сказал, что вы арестованы, сэр! – это был почти жалобный вопль.

Ваймс открыл дверь и зашагал вниз по ступенькам. Фини рысил следом. Двое садовников, которые в противном случае отвернулись бы, застыли, опираясь на метлы, в ожидании интересного зрелища.

– Что, во имя всего святого, у тебя есть такого с собой, отчего мне станет ясно, что ты настоящий стражник? – через плечо поинтересовался Ваймс.

– У меня есть официальная дубинка, сэр. Это семейное достояние.

Сэм Ваймс остановился и обернулся.

– Ну, парень, если она официальная, то лучше дай-ка на нее взглянуть, слышишь? Давай, показывай!

Фини подчинился.

Это действительно была дубинка, на которой кто-то неопытной рукой выжег слово «закон», вероятно при помощи кочерги. Впрочем, весила она изрядно. Ваймс похлопал дубинкой по ладони и сказал:

– Ты намекнул, что, по-твоему, я потенциальный убийца – и сам отдал мне свое оружие? Тебе не кажется, что это неразумно?

Мимо проплыл сельский пейзаж, когда Ваймс пролетел через всю террасу и приземлился навзничь на клумбу, глядя в небо. Перед глазами у него возникло встревоженное – и отчего-то увеличенное – лицо Фини.

– Извините, командор. Я ни за что бы вас не ударил, но я не хотел, чтобы у вас сложилось неверное впечатление. Этот прием называется «бумбац-ой-мой-зад».

Ваймс рассматривал синее небо над собой в состоянии необъяснимого покоя, а юноша продолжал:

– Понимаете ли, мой дед служил в юности матросом и плавал в Бханхбхангдук и в другие места, где живут всякие странные люди, и оттуда он привез мою бабушку, Минь Чань, и она кое-чему научила моего отца и

меня... – Он шмыгнул носом. – Она умерла три месяца назад. А еще она научила матушку готовить. Бунь-минь-пей-сам до сих пор очень популярно в этих краях, и не так сложно раздобыть все ингредиенты, ведь до моря недалеко. Бонь-кан-пинг-понг здесь растет плохо, зато чоп-чок-сунь-вынь ничего себе. А, вы уже не такой бледный, сэр, что очень приятно.

Чувствуя ноющую боль в каждом суставе, Ваймс с трудом сел.

– Больше так не делай, слышишь?

– Постараюсь, сэр. Но вы арестованы, сэр.

– Я уже сказал, молодой человек, что ты не произвел арест должным образом! – Ваймс, отдуваясь, поднялся на ноги. – Чтобы арестовать подозреваемого по всем правилам, полицейский должен дотронуться до него, вот так, и отчетливо произнести слова «Ты арестован», хотя и необязательно уточнять, в чем именно подозревают данного подозреваемого. Тем временем... – и тут Ваймс врезал парню в солнечное сплетение так, что тот сложился вдвое, – не нужно зевать, особенно в том случае, мой мальчик, если ты намерен арестовать *меня* – позволь заметить, что ты до сих пор этого так и не сделал, какая жалость, ведь в противном случае ты бы мог привлечь меня к суду за сопротивление аресту, а также за нападение на стражника во время исполнения служебных обязанностей. Впрочем, мне все еще неизвестно наверняка, что ты действительно полицейский.

Ваймс сел на удобный камень и стал наблюдать, как Фини медленно распрямляется.

– Я Сэм Ваймс, парень, поэтому брось свои сунь-вынь-фокусы, ясно?

Фини, переводя дух, проговорил:

– ...И однажды кто-нибудь тебе скажет: «Знаешь, кто я такой, констебль?» И ты ответишь: «Да, сэр, или, как вариант, мэм, вы человек, которого я допрашиваю в связи с вышеупомянутым преступлением», ну или что-то в этом духе, избегая фраз «Ну ты попал, мужик» или «Ты у меня теперь не вывернешься». Игнорируй, хотя и запоминай все угрозы в свой адрес. Закон един и неизменен. Его не волнует, кто есть кто, а поскольку в этот момент ты самым непосредственным образом и есть закон, следовательно, это не должно волновать *тебя*.

Ваймс стоял с раскрытым ртом, а Фини продолжал:

– Мы здесь нечасто получаем «Таймс», но я купил год назад лекарство для свиней, и оно было завернуто в «Таймс». Я увидел ваше имя. Вы там говорили, что такое быть полисменом. Я очень гордился, сэр.

Ваймс помнил эту речь. Он сочинил ее на выпуск свежееобученных констеблей из Школы стражников. Ваймс провел не один час в муках над

листом бумаги. Изрядно мешал тот факт, что для него любой род литературы был в буквальном смысле тайной за семью печатями. Он показал речь Сибилле и спросил, не нужно ли, по ее мнению, обратиться к кому-нибудь за помощью, но та погладила мужа по голове и сказала: «Нет, дорогой, потому что тогда она будет выглядеть как речь, написанная кем-то для кого-то другого, а сейчас в ней виден стопроцентный Ваймс, точь-в-точь прорезающий тьму маяк». Это его подбодрило, потому что раньше он никогда не был таким маяком.

У Ваймса сжалось сердце, когда течение его мыслей прервал вежливый кашель, и голос Вилликинса спросил:

– Прошу прощения, командор, но я подумал, что сейчас самое время познакомить молодого человека с моими друзьями мистером Рукисилой и мистером Коренным. Госпожа Сибилла отнюдь не обрадуется, если вас арестуют, командор. Боюсь, она будет... настроена язвительно, сэр.

Ваймс наконец собрался с духом.

– Ты с ума сошел! Убери чертов арбалет! Ты снял его с предохранителя! Опусти его немедленно!

Вилликинс без единого слова положил сверкающий арбалет на парапет лестницы, точь-в-точь как мать укладывает младенца в кроватку. Послышался звон тетивы, и герань в семнадцати ярдах от них лишилась макушки. Этого никто не заметил, не считая самой герани и какой-то потрепанной фигуры, которая пряталась в зарослях рододендрона. Фигура подумала: «Черт возьми!» – но, тем не менее, продолжала наблюдать.

В застывшую на ступеньках живую картину вклинилась леди Сибилла, которая умела перемещаться очень тихо для такой крупной женщины.

– Господа, что здесь происходит?

– Этот молодой человек, предположительно местный констебль, желает поместить меня под арест по подозрению в убийстве, дорогая.

Муж и жена обменялись взглядом, которые можно было назвать телепатическими. Сибилла посмотрела на Фини.

– А, ты, должно быть, юный Наконец. Я слышала, у тебя недавно умерла бабушка. Соблезную. Надеюсь, твоя матушка здорова. Я частенько навещала ее в детстве. Стало быть, ты хочешь арестовать моего мужа?

Фини, вытаращив глаза, самым непрофессиональным образом пробормотал:

– Да, мэм.

Сибилла вздохнула и сурово спросила:

– Но, по крайней мере, я могу надеяться, что мой сад не понесет дальнейшего ущерба? – Она взглянула на Ваймса. – Он намерен отвести

тебя в тюрьму?

Она снова обернулась к Фини, как пушка, заряженная тысячеклетним запасом аристократического апломба.

– Ему понадобится чистая одежда, констебль. Если ты скажешь, куда отведешь его – а ты *скажешь*, – я лично принесу мужу необходимые вещи. Нужно нашить на них полоски или это происходит автоматически? И я буду очень благодарна, если мой муж вернется обратно к чаю, потому что мы ожидаем гостей.

Госпожа Сибилла шагнула вперед, и Фини попятился, чтобы избежать разгневанного бюста. Она сказала:

– Желаю удачи в вашем предприятии, молодой человек. Она вам понадобится. А теперь прошу прощения, мне нужно поговорить с кухаркой.

Она удалилась, предоставив Фини ошалело пялиться ей вслед. Дверь, которая едва успела закрыться за ней, вновь приотворилась, и леди Сибилла спросила:

– Ты женат, друг мой?

Фини выговорил:

– Нет.

– В таком случае приглашаю тебя на чай, – добродушно сказала Сибилла. – Мы ожидаем нескольких вполне подходящих юных девиц, и они наверняка будут рады познакомиться с юношей, который не боится танцевать на самом краю пропасти. Надень шлем, Сэм, а то вдруг подвергнешься жестокому обращению. Вилликинс, ступай со мной, я хочу с тобой поговорить.

Ваймс не нарушил тяжелого молчания. Прервав нестерпимо долгую паузу, Фини произнес:

– Ваша жена примечательная женщина, сэр.

Ваймс кивнул:

– Ты себе даже не представляешь насколько. Ну и что ты намерен делать теперь, старший констебль?

Юноша поколебался. Вот какой эффект производила Сибилла. Спокойная и уверенная, она оставляла человека в твердом убеждении, что мир перевернулся вверх ногами и обрушился ему на голову.

– Я так полагаю, сэр, что должен отвести вас к членам магистрата?

Ваймс заметил вопросительный знак.

– Кто над тобой главный, Фини?

– Упомянутые члены магистрата, сэр.

Ваймс зашагал по ступенькам, и Фини заторопился следом. Ваймс

выждал, пока юноша разбежится как следует, после чего резко остановился, и Фини врезался в него.

– Главный над тобой – закон, старший констебль, и не забывай об этом. Ты хоть приносил присягу? Что в ней сказано? Кому ты присягал?

– О, я хорошо помню, сэр. Я присягал магистрату, сэр.

– Ты... что? Ты поклялся повиноваться магистрату? Но так нельзя!

Ваймс остановился. Не забывай, в деревне всегда кто-нибудь за тобой наблюдает. И, скорее всего, подслушивает.

Фини явно был шокирован, поэтому Ваймс сказал:

– Отведи меня в каталажку, мальчик, и запри. И раз уж ты взялся за это дело, запрись сам вместе со мной. Не спеши, не задавай вопросов, говори тише, не считая фраз, вроде «ну, теперь ты у меня не вывернешься, подлюга» и тому подобной чепухи, потому что, кажется, молодой человек, кто-то здесь попал в большую беду, и, по-моему, это ты. Если у тебя голова на месте, ты будешь помалкивать и отведешь меня в каталажку, соображаешь?

Фини, выпучив глаза, кивнул.

Они приятно прогулялись до деревенской каталажки, стоявшей на маленьком причале у реки. Вокруг валялся характерный речной мусор, а еще там был разводной мост, видимо позволявший проходить крупным судам. Солнце светило, и жизнь текла медленно, без всяких происшествий. Там и находилась пресловутая каталажка, походившая на гигантскую перечницу из камня. Она поросла плющом, а у двери на цепи сидела огромная свинья. Завидев приближавшихся людей, она поднялась на задние ноги и, покачиваясь, принялась выклянчивать лакомство.

– Это Надоеда, – сказал Фини. – Его отец был диким кабаном, а мать не успела убежать. Видите, какие клыки? Все сразу успокаиваются, когда я грожу спустить Надоеду с цепи. Правда, малыш?

Он скрылся позади каталажки и быстро вернулся с ведром помоев, в которые Надоеда немедленно нырнул, издавая громкие довольные звуки, вполне сопоставимые с длиной клыков. Ваймс немо смотрел на эту пару, когда из домика под соломенной крышей поспешно вышла добродушного вида женщина в переднике. Увидев Ваймса, она остановилась и присела, а затем с надеждой взглянула на Фини.

– Кто этот джентльмен, сынок?

– Это командор Ваймс, мама. Ну, тот, герцог.

Настало молчание. Женщина явно жалела, что не надела платье получше, а заодно не сменила туфли, не причесалась, не вымыла нужник,

кухню, столовую, не прополосала сад, не покрасила входную дверь и не обмела потолочные балки.

Ваймс помешал ей провалиться сквозь землю, протянув руку и сказав:

– Сэм Ваймс, мэ, очень рад познакомиться.

От такого приветствия женщина в панике бросилась в дом.

– Моя матушка очень уважает аристократию, – сообщил Фини, отпирая дверь каталажки чудовищно громадным ключом.

– Почему? – озадаченно спросил Ваймс.

В каталажке было довольно уютно. Конечно, свиньи оставили душистую память о себе, но для приезжего из Анк-Морпорка это было прямо-таки благоухание. Фини присел рядом с Ваймсом на отдраенную дочиста скамью.

– Знаете, сэр, когда мой дедушка был молод, лорд Овнец дал ему целых полдоллара за то, что тот отворил ворота, когда господа возвращались с охоты. По словам отца, дедушка говорил так: «Ни один чертов лицемер из тех, что болтают о правах человека, ни разу не дал мне хотя бы полфартинга, и я уважаю лорда Овнеца, который дал мне целых полдоллара, когда был пьян в стельку, и не потребовал их обратно, когда протрезвел. Вот что я называю настоящим джентльмен».

Ваймс внутренне содрогнулся: у щедрого старого пьяницы наверняка было больше денег, чем можно вообразить, а крестьянин изъявлял благородному забулдыге умильную благодарность за жалкую подачку. Мысленно он выругался в адрес мертвеца. Но та часть его души, которая не один год прожила в браке с Сибиллой, прошептала: «Овнец вообще не был обязан ничего ему давать, а в те дни полдоллара были, скорее всего, крупной суммой, какую он и представить себе не мог!» Некогда Сибилла, во время одной из их редких ссор, удивила Ваймса, сказав: «Моя семья утвердилась в жизни и, так сказать, скопила стартовый капитал при помощи пиратства. Оцени, Сэм. Честный физический труд. И посмотри, что из этого вышло. Твоя проблема, Сэм Ваймс, заключается в том, что ты – сам себе классовый враг».

– Что-то не так, командор? – поинтересовался Фини.

– Всё не так, – ответил Ваймс. – Во-первых, полисмены не клянутся в верности гражданским властям – они присягают в верности закону. Да, политики иногда меняют законы, и если копу это не нравится, он может уволиться, но пока он на службе, он должен действовать в соответствии с законами, каковы бы они ни были, – он привалился спиной к каменной стене. – Короче, стражник не приносит присягу магистрату! Хотел бы я взглянуть, что именно ты подписал...

Ваймс замолчал, потому что маленькое железное окошко в двери каталажки открылось и появилось лицо госпожи Наконец, очень встревоженное.

– Я приготовила бань-пень-двинь, Фини, с брюквой и жареной картошкой, и герцогу тоже хватит, если он снизойдет до моей скромной стряпни.

Ваймс подался вперед и шепнул:

– Твоя мать не в курсе, что ты меня арестовал?

Фини содрогнулся.

– Нет, сэр, и, пожалуйста, не говорите ей, иначе она меня из дома выгонит.

Ваймс подошел к двери и сказал в окошечко:

– Я польщен вашим гостеприимством, госпожа Наконец.

Из-за двери послышалось нервное хихиканье, и наконец мать Фини выговорила:

– К сожалению, у нас нет серебряных тарелок, ваша светлость.

Дома Ваймс и Сибилла пользовались прочной глиняной посудой, практичной, дешевой, удобной для мытья. Он сказал:

– Мне тоже жаль, что у вас нет серебряных тарелок, госпожа Наконец, и я непременно пришлю вам сервиз.

За дверью послышался шум падения, и Фини спросил:

– Простите, вы что, с ума сошли, сэр?

«Хорошо бы», – подумал Ваймс.

– У нас в Холле сотни растреклятых серебряных тарелок, мой мальчик. Они совершенно бесполезны, еда на них стынет, и они чернеют, не успеешь и глазом моргнуть. И серебряных ложек тоже явный избыток. Короче, я посмотрю, чем могу помочь.

– Но так нельзя, сэр! Она боится держать в доме ценные вещи!

– В округе много воров, старший констебль? – спросил Ваймс, подчеркнув последние два слова.

Фини открыл дверь каталажки, поднял мать, которую, казалось, как громом сразила перспектива получить в подарок серебряные тарелки, отряхнул ее и сказал через плечо госпожи Наконец:

– Нет, сэр, потому что у нас нечего красть. Матушка всегда говорила, что за деньги счастья не купишь, сэр.

«Да, – подумал Ваймс, – моя мать тоже так говорила, но все-таки она очень обрадовалась, когда я принес домой первое жалованье, потому что теперь можно было поесть мяса, пусть мы и не знали, чьего именно. Вот оно, счастье, правда? Черт побери, мы лжем самим себе...»

Когда раскрасневшаяся госпожа Наконец ушла в дом за едой, Ваймс спросил:

– Между нами говоря, старший констебль, ты-то сам веришь, что я виновен в убийстве?

– Нет, сэр! – немедленно ответил Фини.

– Ты сказал это очень быстро, мальчик мой. Неужели инстинкт стражника? У меня такое ощущение, что ты пробыл копом недолго и дел у тебя явно было немного. Я не специалист, но, полагаю, свиньи нечасто дают ложные показания.

Фини сделал глубокий вдох.

– Понимаете ли, сэр, – спокойно произнес он, – мой дед был тот еще пройдоха, и людей он читал как открытые книги. Он частенько водил меня гулять по округе и знакомил с соседями, сэр, а потом все мне про них рассказывал, например, про одного типа, которого захватили на месте преступления с обыкновенной курицей...

Ваймс с открытым ртом слушал розового, чисто умытого юношу, который повествовал о благоуханной сельской местности так, как будто она была населена самыми хитрыми демонами. Он развертывал летопись преступлений и ворошил белье, отчаянно нуждавшееся в стирке. Никаких особых ужасов, только мелкие пакости и глупости. Преступления, причиной которым были человеческое невежество и идиотизм. Разумеется, где люди, там и преступления, хоть они и казались такими неуместными в мире обширных лугов и поющих птиц. Но Ваймс почувствовал преступление, как только оказался здесь, и вдруг был втянут в его круговорот.

– У вас прямо зуд, – сказал Фини. – Так мой отец говорил. Он наказывал смотреть, слушать и наблюдать за каждым. Плох тот полицейский, в котором нет частички злоумышленника. Она подает свой голос и говорит: «Этому типу есть что скрывать» или «Этот человек волнуется гораздо сильнее, чем следовало бы». Или «Он слишком дерзко себя ведет, потому что в душе он просто комок нервов». Темная сторона непременно откликнется.

Ваймс предпочел выказать не шок, а восхищение, хоть и не чрезмерное.

– Ну, мистер Фини, ваши дед и отец, кажется, все поняли правильно. Значит, я посылаю нужные сигналы?

– Нет, сэр, не совсем, сэр. Мои дед и отец иногда тоже так делали. Притворялись, что ничего не понимают. От этого люди нервничают. – Фини склонил голову набок и добавил: – Погодите минутку, сэр. Кажется, у нас

небольшая проблема...

Дверь каталажки лязгнула: старший констебль Наконец выскочил и бросился к задней стене приземистого строения. Кто-то взвизгнул и закричал, и внезапно у Ваймса, спокойно сидевшего внутри, на коленях оказалась куча гоблинов. Точнее, один гоблин, но и одного гоблина при близком контакте обычно более чем достаточно. Для начала запах – и конца ему не было. Он как будто обволакивал весь мир. Это не была вонь – хотя, ей-богу, гоблины пахли всем, чем только способно пахнуть живое существо. Всякий, кто ходил по улицам Анк-Морпорка, обладал достаточным иммунитетом к неприятным запахам; более того, там процветало, если можно так выразиться, коллекционирование запахов^[13], и Дейв, из магазина «Булавки и марки», в очередной раз расширил вывеску. Но характерный запах гоблина нельзя было загнать в бутылку (или что еще там делали коллекционеры), потому что это был не столько запах, сколько ощущение – ощущение, что у тебя испаряется зубная эмаль, а любой надетый на тебе железный предмет ржавеет на глазах. Ваймс оттолкнул гоблина, но тот цеплялся всеми конечностями и вопил во всю глотку – голосом, который звучал так, как будто кто-то прыгал на мешке с каштанами. Гоблин не нападал – не считая биологической атаки. Он размахивал руками, и Ваймс едва успел помешать Фини вышибить ему мозги своей официальной дубинкой, потому что разобрал отдельные слова, а именно: «Травы! Суп! Мы просим травы! Суп! Слышишь? Травы! Суп!»

Фини, с другой стороны, орал:

– Вонючка, ах ты мелкий поганец, я же сказал, что сделаю с тобой, если снова увижу, как ты ворует помой у свиней!

Он взглянул на Ваймса, словно ища поддержки.

– От них можно подцепить какую-нибудь жуткую болезнь, сэр.

– Перестань махать своей дурацкой палкой, парень! – велел Ваймс, посмотрел на гоблина, извивавшегося в его хватке, и добавил: – А ты, гаденыш, перестань трещать.

В крошечной комнатке наступила тишина, не считая замиравшего эха двух фраз. «Они едят собственных детенышей, сэр!» (это кричал Фини) и «Травы! Суп!» (это кричал гоблин, весьма метко прозванный Вонючкой).

Успокоившись, гоблин указал пальцем на левое запястье Ваймса, взглянул ему в лицо и повторил:

– Травы! Суп!

Это прозвучало как мольба. Грязная лапка потянула Ваймса за ногу.

– Травы? Суп?

Гоблин подковылял к двери и взглянул на сердитого старшего

констебля, а затем обернулся к Ваймсу с непередаваемым выражением лица и отчетливо произнес:

– Травы! Суп! Мистер по-люс-мен?..

Ваймс вытащил табакерку. Вот для чего нужен нюхательный табак. Церемония, которую ты проделываешь, прежде чем взять щепотку, дает больше времени на раздумья, чем закуривание сигары. А еще она привлекает внимание. Ваймс произнес:

– Ну, старший констебль, здесь кое-кто требует правый суд. И что ты намерен делать?

Вид у Фини был неуверенный, и прибежище он обрел в том, что знал наверняка.

– Это же вонючий гоблин!

– Ты часто их здесь видишь? – поинтересовался Ваймс, не повышая голоса.

– Только Вонючку, – ответил Фини, сердито глядя на гоблина, который высунул червеобразный язык. – Он вечно тут ошивается. А остальные знают, что с ними будет, если их застукают на воровстве!

Ваймс посмотрел на гоблина и заметил, что у того когда-то была сломана нога. Он повертел в руках табакерку, не глядя на Фини.

– Но, разумеется, полисмен должен задуматься, что произошло, если это жалкое создание не побоялось отдаться в руки закона, рискуя быть изувеченным... *вторично*.

Он нащупывал почву наугад, но, черт возьми, Ваймсу так часто приходилось это делать, что он научился опираться на воздух!

Рука у него зудела. Ваймс пытался не обращать внимания на зуд, но на мгновение перед ним предстала сырая пещера, и исчезли все мысли, кроме неутолимой жажды мести. Он сморгнул; гоблин тянул его за рукав, а Фини постепенно накалялся.

– Я ничего не видел! Не видел, как это случилось!

– Но ты знал, что это случилось, да? – и вновь Ваймс вспомнил темноту и жажду мести – точнее, воплощенную месть, разумную и неотвратимую. И маленький поганец дотронулся именно до этой руки... Прошлое разом воскресло, и Ваймс содрогнулся: хотя всякий стражник и должен быть немного злоумышленником, не стоит носить персонального демона в качестве татуировки.

Фини быстро остыл, потому что был напуган.

– Епископ Драй говорит, что гоблины – наглые inferнальные существа, созданные в насмешку над человечеством, – сказал он.

– Ничего не знаю про епископа Драя, – заметил Ваймс, – но здесь что-

то творится, и я ощущаю зуд – я почувствовал его в самый день приезда. Что-то случилось на *моей* земле. Послушай меня, старший констебль. Когда арестовываешь подозреваемого, ты должен не полениться и спросить, правда ли он это сделал, а если он скажет «нет», поинтересуйся, может ли он предоставить доказательства. Смекаешь? Обязательно нужно спросить. Понятно? И вот мои ответы: черт возьми, нет, и, черт возьми, да!

Маленькая лапка с когтями вновь потянула Ваймса за рубашку.

– Травы! Суп!

Ваймс подумал: «Ну да, я думал, что до сих пор был с этим парнем мягок».

– Старший констебль, что-то здесь не так, ты это знаешь, и ты совсем один, поэтому лучше позови на помощь всех, кому можешь доверять. Например, меня. И я в данном случае буду подозреваемым, который под свое собственное поручительство внес залог в один пенни, – тут Ваймс вручил частично проржавевший медный кружочек ошарашенному Фини, – и по твоей просьбе согласился помочь в расследовании, каково бы оно ни было, и все будет тип-топ и в полном соответствии со стандартной полицейской процедурой, которую, мальчик мой, написал я, и лучше уж ты мне поверь. Я – не закон. И никакой стражник законом не является. Стражник – просто человек, но, когда он просыпается поутру, закон служит ему будильником. До сих пор я был с тобой ласков и любезен, но ты и правда думаешь, что я намерен провести ночь в свинарнике? Пора стать настоящим стражником, сынок. Делай что должно, а бумажную работу оставь на потом, как я.

Ваймс посмотрел на настойчивого маленького гоблина.

– Давай, Вонючка, веди.

– Но матушка сейчас принесет вам ужин, командор, – жалобно проговорил Фини, и Ваймс поколебался. Не годится огорчать старушку мать.

Настало время выпустить на волю герцога. Ваймс обычно никому не кланялся, но он поклонился госпоже Наконец, которая от восторга и замешательства чуть не уронила поднос.

– Я униженно прошу вас, дорогая моя госпожа Наконец, оставить ваш сунь-сам-пень для нас в духовке на некоторое время, потому что ваш сын, который делает честь своей форме и своим родителям, попросил меня помочь ему в одном чрезвычайно важном деле, какое только можно доверить порядочному молодому человеку. Такому, как ваш парнишка.

Женщина чуть не растаяла от счастья и гордости, а Ваймс потянул юношу прочь.

– Сэр, это блюдо называется бань-сунь-вынь, а сунь-сам-пень мы едим только по воскресеньям. С морковным пюре.

Ваймс горячо пожал руку госпоже Наконец и сказал:

– Я охотно его попробую, дорогая моя госпожа Наконец, но, с вашего позволения, мы пойдем – вашего сына от работы за уши не оттащишь. Не сомневаюсь, вы и сами это знаете.

Полковник Чарльз Огастес Примирит уже давно, умудренный многолетним опытом стратега, позволил Летиции во всем поступать по-своему. Это избавляло его от многих проблем и позволяло спокойно возиться в саду, ухаживать за драконами и время от времени ловить форель – последнее он особенно обожал. Ему принадлежали полмили Форельного ручья, но, к сожалению, быстро бегать в последнее время полковнику стало трудно. Поэтому он проводил большую часть времени в библиотеке, дописывал второй том мемуаров, сидел у жены под башмаком и ни во что не вмешивался.

До сих пор он не возражал, что Летиция председательствовала в местном магистрате и в результате по полдня не бывала дома. Полковник был не из тех, кто мыслит такими понятиями, как «хорошо» и «дурно», «виновен» и «невиновен». Он привык делить мир на «них» и «нас», «живых» и «убитых».

А потому Чарльз Огастес Примирит не особенно внимательно прислушивался к разговору людей, сидевших за длинным столом в другом конце библиотеки и беседовавших взволнованными голосами, но, тем не менее, он уловил некоторые обрывки.

Она подписала тот чертов документ! Нужно было попытаться отговорить ее, но полковник знал, чем это закончилось бы. Командор Ваймс! Да, судя по всему, этот человек из тех, кто лезет не в свое дело, и, возможно, он и впрямь сцепился с кузнецом, как там его зовут, который на свой лад совсем неплохой малый, немного взрывной, конечно, зато он недавно сделал полковнику отличное драконье стрекало по разумной цене. Ваймс не убийца. Вот чему быстро учатся в армии. Убийца долго не протянет. Убивать, когда исполняешь свой долг, – совсем другое дело. Летиция послушала дурака законника, и все они согласились, что бумагу нужно подписать, только потому, что этого хотел треклятый Ржав.

Полковник открыл свежий выпуск «Клыков и огня». Время от времени кто-нибудь понижал голос, и это было чертовски унижительно, поскольку они сидели в его библиотеке, и тем более унижительно, что с ним не советовались. Но он не возражал. Полковник уже давно научился не

возражать и теперь не сводил глаз с изображения огнеупорного инкубатора, держа журнал перед глазами, словно желая отгородиться им от зла.

Так или иначе, среди вещей, которых он *не* слышал, было и такое: «Ну, разумеется, он женился на ней только ради денег, сами понимаете». Это сказала Летиция. А потом: «А я слышала, ей просто не терпелось найти мужа». Судя по необыкновенно высокому тембру, это говорила мисс Крошкинс, которая – не мог не отметить полковник, мрачно глядя на огромную рекламу асбестовых конур, – сама ничуть не торопилась вступить в брак.

Полковник по природе своей придерживался тактики «живи и жить давай другим». Если девушка предпочитает появляться на людях в обществе другой девушки, даже если та носит мужскую сорочку и галстук, объезжает лошадей, и лицо у нее как у бульдога, который лижет уксус с терновника, – это целиком и полностью ее дело. В конце концов, сказал он себе, я помню Толстого Джексона. Каждый вечер за ужином он появлялся в платье и использовал цветочный одеколон после бритья, но, когда раздавался сигнал к бою, он дрался как черт. Забавная штука жизнь...

Полковник попытался найти на странице нужную строчку, но ему помешал Сверхпреподобный Мышер. Полковник всегда плохо ладил со священниками – просто не понимал, зачем это надо.

– Мне кажется весьма подозрительным, что семейство Овнецов вернулось сюда после стольких лет. Вы согласны? Я постоянно читаю про Ваймса в газетах. Это не тот человек, который запросто возьмет и уедет в отпуск.

– Если верить Эмбриону, Ваймс известен как терьер Ветинари, – сказала Летиция.

В дальнем конце комнаты ее муж еще глубже уткнулся в журнал, чтобы не захихикать. Эмбрион! Кто назовет своего ребенка Эмбрионом? Разумеется, есть такая штука, как словарь, но старый лорд Ржав никогда в него не заглядывал, если только мог этого избежать. Полковник попытался сосредоточиться на статье, посвященной лечению горлового зигзага у старых самцов, а дражайшая половина продолжала:

– Мы здесь не потерпим никаких глупостей от Ветинари. *Кажется*, его сиятельство наслаждается, позволяя Ваймсу портить воздух в домах власть имущих. *Кажется*, Ваймс не питает почтения к титулам. И более того. Я не сомневаюсь, что он способен напасть из засады на честного труженика!

«Забавно, – подумал полковник, – в первый раз я слышу, чтобы она назвала кузнеца как-то иначе, кроме кары господней». Разговоры за столом

казались ему банальными, неестественными, как болтовня необстрелянных новичков в канун первого боя. Он подумал: «Вот указ на арест командора Ваймса, героя Кумской долины (Молодчина Ваймс! Он отлично потрудились. Заключить в наше время мир между троллем и гномом! То, что надо. Я в свое время повидал слишком много убийств.), и теперь вы собираетесь лишить его работы и репутации только потому, что какой-то скользкий тип, которого зовут по ассоциации с выкидышем, вас убедил?»

– Я так понимаю, Ваймс очень жестокий человек, – сказал... как, бишь, его? Тот еще гаденыш, по мнению полковника. Купил большую виллу вблизи Свеса. Один из блюдолизов Ржава. Ни дня в жизни не проработал. Как там его... ах да, Крайхолм. Человек, которому нельзя доверять, где бы он ни стоял – за спиной или впереди, – но они его все-таки приняли.

– Он вырос на улице и был пьяницей! – заявила Летиция. – Что вы теперь скажете?

Полковник с необыкновенным вниманием углубился в газету, а его мысли продолжали течь своим чередом: «Скажу, что это не так уж плохо, дорогая. Когда я на тебе женился, то получил только обещание половинного пая в закусочной у твоего папаши, когда уйду в отставку, да и того не дождался».

– Всем известно, что его предок убил короля, и я сомневаюсь, что человек из рода Ваймсов дрогнул бы перед убийством какого-то кузнеца, – заявил достопочтенный Амброз. Этот тип был в чем-то загадкой. По слухам, он занимался грузоперевозками. Из-за какой-то истории с девушкой достопочтенного Амброза выслали из города и велели залечь на дно. Полковник, который проводил много времени за размышлениями^[14], задумался, по какой причине в наши дни можно быть изгнанным из города из-за девушки, и инстинкт подсказал ему: наверное, дело в возрасте упомянутой девушки. Поразмыслив над этим, он написал своему старому приятелю «Губе» Робинсону, который всегда что-то да знал и занимал во дворце патриция какую-то мелкую должность. Он по мере сил сочинил письмо для друга, которого некогда спас от клатчского ятагана и вытащил с поля боя, перекинув через луку седла, и получил коротенькую записку, которая гласила: «Да, несовершеннолетняя, дело замяли, обошлось недешево». После чего полковник всячески избегал рукопожатий с этим ублюдкой.

Пребывая в блаженном неведении относительно мыслей полковника, достопочтенный Амброз, который всегда был словно одет не по размеру – он носил наряды такого фасона, который подошел бы человеку лет на

двадцать моложе, – усмехнулся.

– Честно говоря, я думаю, что мы оказываем миру большую услугу. Говорят, он покровительствует гномам и прочим низшим формам жизни. Ну, что можно ждать от такого типа!

«Да, тебе от него ничего хорошего ждать не придется», – подумал полковник.

А мисс Крошкинс спросила:

– Но мы ведь не сделали ничего плохого... правда?

Полковник перевернул страницу и разглядел ее с военной аккуратностью. Он подумал: «Да, вы все смотрите сквозь пальцы на контрабанду, когда ею занимаются правильные люди, потому что они ваши приятели, а если нет, их крепко штрафуют. Один закон – для бедных, и другой – для богатых, ей-богу, потому что от бедняков сплошные неприятности...»

Он почувствовал, что взгляды внезапно обратились на него: семейная телепатия – ужасная вещь. Жена сказала:

– Никакого вреда не будет, все так делают.

Она повернулась к гостям, а ее супруг перевернул страницу, не сводя глаз со строчек и размышляя – бесшумно, насколько это ему удавалось. Разумеется, несколько лет назад уже был... прецедент. Ничего хорошего. Ничего. Очень дурно, когда детей – каковы бы они ни были – отбирают у матерей. Ничего хорошего. И вы все это знаете – и беспокоитесь. Правильно.

Некоторое время в комнате стояла тишина, и наконец полковница произнесла:

– Никаких проблем не будет. Молодой лорд Ржав мне пообещал. В конце концов, мы имеем право.

– Во всем виноват этот зловредный кузнец, – сказала мисс Крошкинс. – Вечно он напоминает о том, что произошло. Он и та треклятая писательница.

Госпожа полковница возмутилась.

– Я понятия не имею, о чем вы говорите, мисс Крошкинс. Ничего незаконного не было.

Она вновь повернулась к мужу и поинтересовалась:

– Все в порядке, милый?

Несколько секунд он смотрел на жену с видом человека, у которого далеко не все в порядке, а затем сказал:

– Да, дорогая. Все прекрасно. Просто прекрасно.

Но мысли продолжались. «Ты участвуешь в том, что я назову не иначе как циничной попыткой погубить карьеру одного очень хорошего человека...»

– Я слышала, как ты кашлянул, – это прозвучало как обвинение.

– Пыль попала, дорогая. Все в полном порядке. В полном порядке... – и полковник положил журнал на стол.

Он встал и сказал:

– Когда я служил младшим офицером, дорогая, то в первую очередь усвоил, что даже под сильным огнем нельзя сдавать свои позиции. Полагаю, мне известно, что представляет собой ваш командор Ваймс. Юному лорду Ржаву, с его деньгами и связями, возможно, ничего не грозит, но я очень сильно сомневаюсь относительно вас. Кто знает, как обернулись бы события, если бы вы не поспешили? Подумаешь, немного контрабанды! Но вы потянули за хвост дракона, и он разозлился.

Когда полковница наконец обрела дар речи, она воскликнула:

– Как ты смеешь, Чарльз!

– Запросто, дорогая, – с радостной улыбкой ответил полковник. – Немножко контрабанды – это мелкий грешок, но только не в том случае, когда вы, предположительно, должны блюсти закон. Я просто диву даюсь, что никто здесь, похоже, этого не понимает. Будь у вас капля здравого смысла, дамы и господа, вы бы сию секунду объяснили его светлости это злополучное происшествие с гоблинами. В конце концов, все организовал ваш приятель Эмбрион. Единственная проблема заключается в том, что вы позволили ему это сделать, и, насколько я помню, без единого возражения.

– Но это вполне законно, – ледяным тоном произнесла госпожа полковница.

Ее муж не шевельнулся, но внезапно стал выше ростом.

– По-моему, все не так просто. Вы думаете, что есть поступки законные и незаконные. Я старый солдат, притом не из лучших, но вот что я думаю: вы так беспокоились из-за законного и незаконного, что ни на секунду не задумались о том, правильно это или неправильно. А теперь, с вашего позволения, я отправляюсь в паб.

Жена машинально сказала:

– Нет, дорогой, ты же знаешь, что алкоголь тебе не друг.

Полковник лучезарно улыбнулся.

– Сегодня вечером я намерен провести с ним переговоры и заключить мир.

Прочие члены магистрата посмотрели на госпожу полковницу, которая яростно сверлила мужа взглядом.

– Я потом с тобой поговорю, Чарльз, – прорычала Летиция.

К ее удивлению, он продолжал улыбаться.

– Да, дорогая, я в этом не сомневаюсь, но, боюсь, ты обнаружишь, что я не слушаю. Доброго вам вечера, господа.

И дверь с легким щелчком закрылась. Она бы хлопнула, но некоторые двери не понимают ситуации.

Гоблин двигался проворной хромой рысью, обманчиво быстрой. Ваймс с удивлением обнаружил, что Фини поднял столько шума из-за короткой пробежки... да-да, к Холму Висельника. Парень слегка запыхался. Видимо, не нужно быть слишком шустрым, чтобы догнать своенравную свинью, но чтобы догнать молодого тролля, по уши набитого «Сбросом», нужны *очень* быстрые ноги – и немало смелости, чтобы, поравнявшись с ним, надеть на него наручники, прежде чем он нагнется и отвернет тебе голову. В деревне стражники, похоже, жили совершенно иначе.

«Здесь всегда кто-нибудь за тобой наблюдает», – подумал Ваймс на бегу. Да, в городе тоже всегда кто-нибудь на тебя смотрит, но, как правило, лишь в надежде на то, что ты вдруг упадешь мертвым, и тогда твой кошелек сменит хозяина. Городские зеваки никогда не питают к прохожим особого интереса. Но в деревне Ваймс чувствовал на себе множество взглядов. Может быть, они принадлежали белкам, барсукам и другим треклятым тварям, которых он слышал ночью. Не исключено, что гориллам.

Он понятия не имел, что увидит на холме, но уж точно не ожидал увидеть ярко-желтые веревки, которыми было обтянуто место преступления. Впрочем, Ваймс лишь мельком взглянул на них. Спinoй к дереву, с весьма настороженным видом, сидели три гоблина. Один из них поднялся – то есть его голова оказалась на уровне ширины Ваймса. Не самое приятное ощущение. Гоблин вскинул сморщенную руку и сказал:

– Ваймс? Ханг!

Ваймс уставился на него, потом на Фини.

– Что значит «ханг»?

– Не знаю, – ответил тот. – Наверное, «добрый день» по-гоблински.

– Ваймс, – продолжал старый гоблин. – Говорят, ты по-люс-мен? Большой по-люс-мен! Если ты по-люс-мен, тогда травы суп! Но травы суп нет! Когда темно, внутри темно! Темно движется! Темно должно прийти, Ваймс! Темно идет! Травы суп!

Ваймс понятия не имел, какого пола и возраста его собеседник. Одежда не служила подсказкой: гоблины обычно носили все, что удавалось

нацепить. Спутники старшего гоблина, не моргая, наблюдали за ним. У них были кремневые топоры. Неприятная штука, но тупится после пары ударов. Впрочем, это слабое утешение, если тебе успели перерубить шею. Ваймс слышал, что гоблины дерутся как безумные. Что там еще говорили? Ах да. Ни в коем случае не позволяй им поцарапать тебя...

– Вы требуете правого суда? Зачем?

Старый гоблин посмотрел на него и сказал:

– Пойдем со мной, по-люс-мен.

Эти слова прозвучали как проклятие или, по крайней мере, как угроза. Говоривший развернулся и медленно зашагал к дальней стороне холма. Остальные три гоблина, включая Вонючку, не двигались с места.

Фини шепнул:

– Может быть, это ловушка, сэр.

Ваймс закатил глаза и фыркнул.

– Ты так думаешь, да? А я-то решил, что нас приглашают на магическое представление с участием Удивительных Бонко и Дорис, Падающих Моноциклистов и ученого кота Фидо. Что это за желтая веревка, старший констебль Наконец?

– Полицейское оцепление, сэр. Ее мама связала.

– Я вижу, она несколько раз вывязала на ней слово «ПЛИЦИЯ».

– Да, сэр, извините за правописание, – сказал Фини, явно напуганный взглядом Ваймса, и продолжал: – Здесь была кровь повсюду, сэр, и я собрал немного в чистую банку из-под варенья, просто на всякий случай.

Ваймс пропустил его слова мимо ушей, потому что двое гоблинов-стражей выпрямились и встали. Вонючка жестом предложил Ваймсу идти вперед. Тот покачал головой, скрестил руки на груди и повернулся к Фини.

– Сейчас я скажу вам, о чем думаю, мистер Наконец. Вы действовали на основании полученной информации, не так ли? Вы слышали, что мы с кузнецом устроили небольшую потасовку возле паба вчера вечером, и это правда. Несомненно, также вам сообщили, что, спустя короткое время, некто услышал наш разговор, в ходе которого кузнец условился встретиться со мной здесь. Так? Не трудитесь отвечать, я вижу по вашему лицу. Вы еще не научились держать рожу кирпичом. Итак, мистер Джефферсон пропал?

Фини сдался.

– Да, мистер Ваймс.

Юноша не заслуживал – а может быть, как раз заслужил – ярости, с которой Ваймс обернулся к нему.

– Не зови меня мистер Ваймс, парень, ты до этого еще не дорос! Ты

будешь звать меня «сэр» или «командор», а если ты дурак, то и «ваша светлость», понятно? Вчера вечером я мог отправить кузнеца домой враскорячку, если бы только захотел. Он здоровяк, но не уличный герой. Но я разрешил ему выпустить пар и успокоиться, не потеряв лица. Да, мистер Джефферсон действительно сказал вчера, что хочет встретиться со мной здесь. Когда я пришел сюда со свидетелем, на земле была кровь – я поручусь, что это кровь гоблина – и никаких признаков кузнеца. Ты явился ко мне домой с чертовски глупым обвинением, и таковым оно остается до сих пор. Есть вопросы?

Фини уставился себе на ноги.

– Нет, сэр. Извините, сэр.

– Отлично. Я рад. Считаю, что тебе выпала возможность поучиться, мальчик, и притом это не будет стоить тебе ни гроша. Кажется, гоблины хотят, чтобы мы последовали за ними, и я намерен так и поступить, а еще я хочу, чтобы ты пошел со мной, ясно?

Ваймс взглянул на двух гоблинов-стражей. Один неуверенно помахивал топором, намекая, что им лучше поторопиться. Они зашагали вслед за стариком, и Ваймс увидел, что поникший Фини хоть и пытается храбриться, но буквально источает тревогу.

– Они не тронут нас, парень, во-первых, потому, что уже напали бы, если бы хотели, а во-вторых, им от меня что-то нужно.

Фини придвинулся ближе.

– Что именно, сэр?

– Правый суд, – ответил Ваймс. – И я, кажется, догадываюсь, что нас ждет...

Иногда у командора Ваймса спрашивали, отчего сержант Колон и капрал Шноббс по-прежнему, в меру своих сил, служат в анк-морпоркской городской Страже, учитывая тот факт, что Шноббс периодически приходилось переворачивать вниз головой и вытряхивать из него разные мелочи, принадлежавшие другим, а Фред Колон довел до совершенства способность патрулировать улицы с закрытыми глазами и возвращаться, похрапывая, обратно в Псевдополис-ярд, хоть иногда и с неприличными надписями на нагруднике.

Для патриция Ветинари командор Ваймс выдвигал три довода. Во-первых, Колон и Шноббс обладали завидным знанием города и его обитателей, официальным и неофициальным, которое могло соперничать только с опытом Ваймса.

Во-вторых, он держал их у себя из шкурных соображений. Пусть

лучше гадят внутри, чем снаружи. По крайней мере, так легче за ними присматривать.

И наконец – хоть и не в последнюю очередь, ей-богу – они были феерически везучими. Множество преступлений удавалось раскрыть благодаря тем обстоятельствам, которые складывались вокруг Колона и Шнобби, – их пытались убить, кое-что попадалось им прямо под ноги, плавало у них в кофе, а в одном случае некто даже попытался отложить яйца на носу у капрала.

И поэтому сегодня, волей какого-то бога или иной силы, решившей поиграть, Колон и Шнобби направили свои стопы на угол Чипсайда и Стихоплетной улицы, в благоуханный магазин Изумления Сметки^[15].

Сержант Колон и капрал Шноббс, как это водится у стражников, зашли с черного хода, и мистер Сметка приветствовал их радостной, хоть и слегка остекленелой улыбкой – такую предприниматели приберегают для старых знакомых, которым принято сбывать товар со стопроцентной скидкой.

– Приятно снова тебя видеть, Фред, – сказал он, открывая мистический третий глаз, которым обладали все владельцы мелких магазинов, особенно те, которые видели, как к ним заходит Шнобби Шноббс.

– Мы тут патрулировали неподалеку, Изумлений, вот я и подумал, не заскочить ли к тебе за табачком да заодно посмотреть, как ты теперь управляешься, когда столько шума из-за налогов и все такое.

Сержанту пришлось повысить голос, чтобы перекричать шум табачной мельницы и грохот повозок, которые вереницей тянулись по территории фабрики. Ряды женщин за столами упаковывали нюхательный табак, и производство сигарет – Колон подался вбок, чтобы разглядеть получше, – также шло полным ходом.

Сержант осмотрелся. Стражники держат глаза открытыми, поскольку всегда есть на что обратить внимание. Разумеется, иногда они предпочитают забыть о том, что видели, по крайней мере официально. Мистер Сметка щеголял новой булавкой для галстука, в которой посверкивал бриллиант. Ботинки у него тоже были новые – сшитые на заказ, насколько мог судить Фред Колон, – а едва заметно пахнувший аромат указывал, что Изумлений предпочитает... так-так... а, ну конечно, «Кедровый аромат для мужчин» из Щеботана, пятнадцать долларов флакон.

Колон спросил:

– Как идут дела? Новый налог здорово тебя подкосил?

У мистера Сметки было лицо человека, который работает не покладая рук и сильно страдает от ударов судьбы и политических махинаций. Он

печально покачал головой:

– Мы едва сводим концы с концами, Фред. Хорошо, если убытков не больше, чем прибылей.

«А, еще и золотой зуб, – подумал сержант Колон. – Чуть не проглядел».

Вслух он произнес:

– Очень жаль, Изумлений, ей-богу, жаль. Позволь мне немного поддержать тебя и заплатить два доллара за мои обычные три унции крученого табака.

Фред Колон протянул бумажник, и мистер Сметка, недовольно фыркнув, отмахнулся. Этот ритуал был так же стар, как торговцы и стражники, и благодаря ему мир продолжал вращаться. Мистер Сметка отрезал кусок табака от ленты, лежавшей на мраморном прилавке, завернул его быстрой опытной рукой, а затем, словно осененный внезапной мыслью, полез под прилавок, извлек огромную сигару и протянул сержанту.

– Попробуй-ка эту штучку, Фред. Только что привезли, здесь таких не делают. Табак выращивают на плантациях специально для наших уважаемых клиентов. Нет-нет, никакой платы, я настаиваю, – добавил он, когда Фред издал благодарный звук. – Я всегда рад видеть у себя Стражу, сам знаешь.

«Кажется, – подумал мистер Сметка, наблюдая за уходившими стражниками, – все обошлось довольно мирно – во всяком случае, Шнобби только глазел по сторонам».

– Похоже, они тут зашибают большие деньги, – заметил Шнобби Шноббс, пока стражники шагали к выходу. – Ты заметил объявление в окне «Требуются рабочие»? И на прилавке лежал список цен. Он их понижает! Похоже, Сметка заключил выгодный договор с кем-то там, на плантациях, вот что.

Сержант Колон понюхал большую толстую сигару – такой огромной он в жизни не видел. Она вкусно пахла и была, скорее всего, контрабандной, и он ощутил легкий зуд, подсказывавший, что ему попало нечто гораздо более серьезное, чем могло показаться. Что он потянул за ниточку, способную распустить целый гобелен. Колон покатал сигару между пальцев, как делали у него на глазах знатоки. По правде говоря, в том, что касалось табака, сержант Колон звезд с неба не хватал, первоочередным соображением была дешевизна. Человеку, предпочитающему изрядный кусок жевательного табака, обычно не хватает опыта в обращении с сигарами. Что там еще делают всякие шишки? Ах да, покатав сигару между пальцев, а потом поднести к уху. Колон понятия не

имел зачем, но все-таки он это сделал.

И выругался.

И уронил сигару.

Тропа на Холме Висельника петляла среди деревьев, кустов дрока и каменистых осыпей, время от времени перемежаемых полосками необработанной тощей земли, из которой выветрилось все мало-мальски плодородное. Дикие земли, пустоши, приют голодных кроликов, отчаявшихся мышей, случайных перепуганных крыс и гоблинов.

Среди кустов оказался вход в пещеру. Человеку пришлось бы согнуться вдвое, чтобы протиснуться в эту вонючую нору, и тем самым стать легкой мишенью. Но Ваймс, ныряя в отверстие, знал, что он в безопасности. Просто знал. Знал снаружи, в ярком дневном свете, и внизу, в темноте. Он почувствовал это физически, как только над головой распростерлись крыла мрака, а в ушах зазвучали голоса пещеры. Все до единого.

Пещера внезапно открылась ему во всю глубину, до тех уголков, где текла вода, росли плесень и грибы, а также находились трогательно пустые кладовые и кухня. Разумеется, это – в переводе на человеческий язык. Гоблины обычно ели где могли и спали там, где их застигал сон; у них не было представлений о комнатах, служащих конкретной цели. Ваймс как будто знал это всю жизнь, хотя никогда раньше не бывал в таких местах, которые гоблин назвал бы домом.

Но здесь царил тьма, а они с Ваймсом неплохо понимали друг друга, правда? По крайней мере, так думала тьма. А Ваймс думал: «Черт побери, ну вот опять».

Его слегка потыкали в спину, и он услышал, как ахнул Фини. Ваймс развернулся к ухмыляющемуся гоблину и сказал:

– Еще разок это сделаешь, солнышко, и я тебе башку оторву, понял?

Он сказал именно это и услышал именно это... но что-то еще, не вполне голос, обвилось вокруг его слов, как змея обвивается вокруг дерева, и оба гоблина бросили оружие и выскочили из пещеры. Мгновенно. Они даже не закричали. Потому что предпочли сохранить дыхание для бег.

– Черт подери, командор Ваймс, это же прямо волшебство какое-то, – сказал Фини, наклонившись, чтобы подобрать брошенные топоры. Вглядевшись в густой мрак, Ваймс увидел, как парень ощупывает пол и наконец по чистой случайности, обнаруживает их.

– Положи. Я сказал, положи. Немедленно.

– Но мы безоружны.

– И не смей со мной спорить, парень!

Послышался негромкий стук, когда топоры упали наземь.

Ваймс перевел дух.

– А теперь мы пойдем вперед без страха, слышишь меня, и повидаемся с этим милым старичком, потому что мы и есть закон, понятно? Закон идет куда угодно, преследуя свои цели.

Высота туннеля постепенно увеличивалась, пока Ваймс не выпрямился в полный рост. У Фини возникли некоторые трудности. Позади Ваймса слышались глухие удары и слова, о которых милой старой матушке не следовало даже знать, не говоря уже о том, чтобы слышать. Ваймсу пришлось остановиться и подождать, пока юноша его догонит, цепляясь ногами за хорошо заметные выступы и стучаясь головой всякий раз, когда потолок слегка опускался.

– Шевелись, старший констебль! – прикрикнул Ваймс. – Стражник должен иметь хорошее ночное зрение! Ешь побольше бань-сунь-хрен с морковкой!

– Здесь совсем темно, сэр, я на расстоянии вытянутой руки ничего не вижу... ой! – Фини врезался прямо в Ваймса. И тут воссиял свет. В буквальном смысле.

Ваймс оглядел извилистую пещеру. В ней было светло как днем. Ни факелов, ни свеч, но умеренно яркий свет заливал все уголки. Он такое уже видел несколько лет назад, в другой пещере – в большой пещере, далеко отсюда – и знал, что это значит. Он видел тьму даже лучше, чем сами гоблины. Тьма стала ослепительно яркой в тот день, когда Ваймс под землей дрался с существами – ходящими и говорящими, – которые таились от света и вынашивали темные планы. Но Ваймс сразился с ними и победил, и благодаря этому был составлен и подписан Кумский договор, и древнейшая война завершилась если не миром, то, по крайней мере, условиями, при которых могло прорасти семя мира. Приятно было это сознавать, потому что во тьме Ваймс приобрел... товарища. У гномов было для него имя – Призывающая Тьма. И много объяснений касательно того, что это такое. Демон, падший бог, проклятие, благословение, месть, облеченная в плоть, – правда, плоть всякий раз была заимствованная. Сам себе закон, убийца, а иногда защитник, ну или просто нечто, для чего никто не мог подобрать правильных слов. Призывающая Тьма проникала сквозь камень, воду, воздух и плоть, а также, насколько знал Ваймс, сквозь время. В конце концов, что способно преградить путь существу, состоящему из... ничего? Да, он повстречался с ним, и когда они расстались, Призывающая Тьма – шутки ради, из озорства, назло, а может быть в награду – оставила

на нем свой знак, пройдя насквозь и украсив руку Ваймса маленькой светящейся татуировкой.

Ваймс закатал рукав – да, клеймо как будто стало ярче. Иногда он встречал Призывающую Тьму во сне, они уважительно раскланивались и расходились разными путями. Между этими встречами порой проходили месяцы, даже годы, и Ваймс уже думал, что она ушла навсегда, но ее знак оставался на руке. Иногда метка чесалась. В конце концов, это было все равно что держать на поводке кошмар. И вот теперь Призывающая Тьма дала ему способность видеть в темноте. Но погодите-ка, это ведь гоблинское логово, а не гномья пещера. И мысли Ваймса наконец вернулись, зазвучав дуэтом с тихим обертоном: «Да, но гоблины воруют *все подряд*, командор».

Здесь и сейчас стало ясно, что именно воруют гоблины. Пол пещеры был усыпан всяким мусором, барахлом, которое, вероятно, они сочли ценным – а ценным они могли счесть что угодно (следует помнить, что гоблины старательно сохраняют собственные сопли). Ваймс увидел, как старый гоблин поманил его за собой, прежде чем исчезнуть. Впереди была дверь гоблинской работы, судя по прогнившему состоянию и по тому, что висела она на одной петле. И сорвалась, когда Ваймс ее толкнул. Фини спросил из-за спины:

– Что это было? Сэр, пожалуйста! Я ничего не вижу.

Ваймс подошел к юноше и похлопал по плечу, заставив подскочить.

– Мистер Наконец, я провожу вас к выходу, и вы пойдете домой. Договорились?

Он почувствовал, как парень вздрогнул.

– Нет, сэр. Я уж лучше останусь с вами, если вы не против... пожалуйста, сэр.

– Но ты ничего не видишь в темноте, сынок.

– Да, сэр. Но у меня в кармане моток бечевки. Мой дедушка говорил, что у хорошего стражника всегда с собой бечевка...

Голос у юноши дрожал.

– Да, бечевка может пригодиться, – согласился Ваймс, осторожно вытаскивая моток из кармана Фини. – Просто удивительно, каким беспомощным становится человек, если ему связать большие пальцы. Ты уверен, что тебе не нужно на свежий воздух?

– Извините, сэр, но, с вашего позволения, я считаю, что сейчас самое безопасное место – у вас за спиной, сэр.

– Ты, правда, ничего не видишь, парень?

– Совсем ничего, сэр. Я как будто ослеп.

Ваймсу показалось, что Фини на грани срыва, – он решил, что лучше привязать его к себе, чем услышать, как он разобьет себе голову в попытке выбраться.

– Ты не ослеп, парень, просто я столько раз патрулировал улицы по ночам... в общем, я вижу в темноте лучше, чем думал.

Фини снова вздрогнул от прикосновения Ваймса, но совместными усилиями они связались при помощи шести футов мохнатой бечевки, от которой пахло свиньями.

За сломанной дверью никаких гоблинов не было, но там неровно дымился костер, над которым на вертеле висело какое-то, слава всем богам, неопознаваемое мясо. Гоблины в спешке побросали буквально все. На углях булькал чайник, точнее ржавая жестянка. Ваймс понюхал и с удивлением обнаружил, что из жестянки пахнет бергамотом. Образ гоблина, который пьет дорогой чай, изящно отставив мизинец, ошеломил его своей неуместностью. Но ведь чай, в конце концов, растет, а гоблинам тоже хочется пить, не так ли? Не о чем волноваться. Хотя, если бы он нашел тарелку бисквитов, то уж точно пришлось бы сесть и задуматься.

Ваймс шел дальше в немеркнувшем свете, а гоблины так и не появлялись. Пол внезапно пошел под уклон, и повсюду по-прежнему были признаки гоблинов, но их самих Ваймс не видел и, в общем, не переживал, поскольку обычно первым признаком гоблина становился сам гoblin, приземляющийся в прыжке на плечи противника и пытающийся превратить его голову в шар для боулинга. А потом на тусклом фоне, среди серо-коричневых тонов подземелья, мелькнуло что-то яркое – букетик цветов, точнее, то, что было букетом, пока его не уронили. Ваймс плохо разбирался в цветах; когда он покупал их для Сибиллы, через разумные промежутки времени, то обычно выбирал розы или их очевидный эквивалент – одну-единственную орхидею. Разумеется, он смутно сознавал существование и других цветов, которые украшали дом, но понятия не имел, как они называются.

Но здесь, в туннеле, лежали не розы и не орхидеи. Эти цветы кто-то нарвал с изгороди или на лугу. В букете были даже тощенькие растеньица, которые цепляются за что попало и цветут на пустошах. Кто-то принес их сюда. И уронил. Кто-то очень торопился. Ваймс понял это по цветам. Выпав из чьей-то руки, они рассыпались по коридору, как хвост кометы. По ним прошлась не одна нога, но, судя по всему, не потому, что кто-то гнался за хозяином букета. Остальные просто бежали в ту же сторону, причем еще быстрее.

Паническое бегство. Перепуганные гоблины удирали. Но почему?

– Ты, командор Ваймс, ты, величие закона. Я помогаю тебе, командор. Знакомые нотки раздосадовали Ваймса; этот голос слишком походил на его собственный.

– Я здесь потому, что меня попросили прийти! – сказал Ваймс, обращаясь к пещере в целом. – Я не собирался ни с кем драться.

И собственный голос ответил ему:

– О, эти грязные, мелкие, никчемные существа, которым никто не доверяет и которые не доверяют никому. Шагайте осторожнее, господин стражник, у ненавидимых нет повода любить. О, эти странные таинственные создания, последние и худшие, рожденные из грязи, лишённые надежды и бога. Удачи тебе, брат... брат мой по тьме. Сделай для них, что сможешь, мистер по-люс-мен.

На мгновение на запястье Ваймса вспыхнул знак Призывающей Тьмы.

– Я не твой брат! – заорал Ваймс. – *Я не убийца!*

Крик эхом раскатился по пещерам, и, как почудилось Ваймсу, что-то скользнуло прочь. Способно ли скользить существо, не имеющее тела? Будь они прокляты, гномы с их подземными мифами.

– Э... вы в порядке, сэр? – послышался нервный голос Фини. – Э... вы кричали, сэр.

– Я просто выругался, потому что стукнулся головой о потолок, парень, – соврал Ваймс. Нужно было ободрить Фини, прежде чем тот, перепугавшись, в панике бросился бы к выходу. – А ты держись молодцом, старший констебль.

– Я не люблю темноту, сэр, и никогда не любил. Э... как вы думаете, никто не обидится, если я справлю нужду у стенки?

– На твоём месте я бы не раздумывал, парень. Вряд ли здесь будет пахнуть хуже.

Ваймс услышал какие-то приглушенные звуки за спиной, и Фини смущенно произнес:

– Э... природа берет свое, сэр. Извините, сэр.

Ваймс улыбнулся.

– Не беспокойся, парень, ты не первый стражник, которому приходится сушить штаны, и не последний. Помню, как мне в первый раз довелось арестовать тролля. Здоровенный был тип, с очень мерзким характером. В тот день я намочил штаны, и признаю это не стыдись. Считаю, что получил боевое крещение.

«Говори веселее, преврати это в шутку. Не позволяй парню задумываться о том, что мы идем на место преступления, которое он не сможет разглядеть».

– Забавно, но сейчас этот тролль – мой лучший сержант, и несколько раз он спасал мне жизнь. Я просто хочу сказать, что никогда не знаешь заранее, хотя черт его знает, чего именно никогда не знаешь заранее...

Ваймс завернул за угол – и там были гоблины. Он порадовался, что Фини их не видел. Строго говоря, Ваймс и сам предпочел бы не видеть. Гоблинов было, наверное, не меньше сотни, и многие держали в руках оружие. Примитивное оружие, разумеется, но кремневый топор, который врезается тебе в череп, не нуждается в дипломе по физике.

– Мы куда-то пришли, сэр? – спросил Фини. – Вы остановились.

«Они просто здесь стоят, – подумал Ваймс, – стоят, как на параде. Смотрят и молчат, ожидая, что кто-нибудь заговорит первым».

– Тут в пещере несколько гоблинов, парень, и они на нас смотрят.

После непродолжительного молчания Фини поинтересовался:

– Вы не могли бы уточнить, сколько именно, сэр?

Десятки зловещих лиц без всякого выражения смотрели на Ваймса. И если кто-нибудь намеревался нарушить тишину приказом «в атаку», они с Фини превратились бы в мокрые пятна на полу, и без того грязном. «Зачем я сюда пришел? Отчего решил, что это хорошая идея? Ну ладно, этот парнишка, в конце концов, стражник, и ему и так уже пора сменить штаны, так что хуже не будет». Ваймс сказал:

– Примерно сотня, сынок, все тяжело вооруженные, насколько я могу судить, кроме парочки немощных, некоторые стоят впереди. Наверное, это здешние вожди. Бороды такие, что в них кролик заблудится – и не исключая, что уже заблудился. Похоже, они чего-то ждут.

Помедлив, Фини произнес:

– Сразу видно образованного человека, сэр.

– Слушай сюда, – сказал Ваймс. – Если я развернусь и побегу, держись рядом, ясно? Хорошо бегать – еще одно умение, которое иногда нужно стражнику.

Он повернулся к скопищу неподвижных гоблинов.

– Я командор Ваймс из городской Стражи Анк-Морпорка. Чем я могу вам помочь?

– Травы! Суп! – от этого крика посыпался мусор с потолка. Крик эхом разлетелся по подземелью и не затих: пещера за пещерой подхватывали его и несли дальше. Зажглись факелы, и стало светло. Лишь несколько секунд спустя Ваймс это понял – из-за другого света – странного искусственного света, – который, вероятно, существовал только в его сознании. Он был ярче и причудливо смешивался с дымным оранжевым сиянием, которое теперь наполняло пещеру.

– Э... сэр, похоже, они рады нас видеть, да?

Радость и надежду, которые источал Фини, можно было разливать в бутылки и продавать отчаявшимся. Ваймс молча кивнул, и тут гоблины расступились, оставив своего рода проход, в конце которого лежал, бесспорно, труп. С некоторым облегчением Ваймс понял, что это мертвый гoblin, но труп всегда означает плохие новости, особенно когда лежит в мрачном тусклом свете, и особенно эти новости плохи для трупа. Но все-таки мысленно Ваймс воскликнул «аллилуйя», потому что здесь лежал труп, а он был стражником. Здесь совершилось преступление, он стоял в грязной, дымной, битком набитой подозрительными тварями пещере, и это был его мир. Мир Ваймса.

В следственной лаборатории анк-морпоркской городской Стражи Игорь варил кофе, в сопровождении далекого погромыхивания, странных вспышек и запаха электричества. Наконец он нажал на большой красный рычаг, и в кофейник бурной струей устремилась клокочущая коричневая жидкость, которую Игорь затем разлил в две кружки, на одной из которых красовался девиз «Игори тебя заффтобаут», а на другой было написано «Гномы делают ЭТО чуть ниже». Вторую кружку Игорь протянул сержанту Шелли Задранец – ей как бывшему алхимику периодически доставалось дежурить в лаборатории. Но в эту секунду уютное кофепитие прервал Шнобби Шноббс, за которым на буксире тянулся сержант Колон.

– У сержанта что-то вроде шока, Игорь, вот я и подумал, что ты сумеешь ему помочь.

– Могу устроить ему еще один, – предложил Игорь, когда Фред Колон плюхнулся в кресло, которое зловеще скрипнуло под его весом. Кресло было снабжено ремнями.

– Слушай, я не шучу, – сказал Шнобби. – Говорят, бывает табачок – просто песня. Ну а ему попалась сигара – просто сказка. Она разговаривает. Я сунул ее в мешок для улик, как гласит инструкция.

Шелли взяла мешок и заглянула внутрь.

– В нем же сэндвичи с яйцом! Честное слово, Шнобби, тебе что, никто никогда не объяснял, в чем суть судебной экспертизы?

Поскольку ухудшить положение она уже вряд ли могла, Шелли выложила на стол сэндвичи, а вслед за ними – одну сигару под майонезом. Она осторожно вытерла ее и рассмотрела.

– Ну, Шнобби? Я не курю и не разбираюсь в сигарах, но эта штука, кажется, сейчас совершенно спокойна...

– Ее надо поднести к уху, – сказал Шнобби.

Шелли так и сделала.

– Я слышу только, как потрескивает табак, который, подозреваю, хранили в неподходящих условиях, – гномиха отвела сигару от уха и подозрительно уставилась на нее, а затем молча передала Игорю. Тот поднес сигару к собственному уху – по крайней мере, к уху, которым пользовался, потому что с Игорями никогда не знаешь наверняка. Они с Шелли переглянулись, и Игорь первым нарушил молчание.

– Есть такие жучки – табачные долгоносики, если не ошибаюсь.

– Да, есть, – ответила Шелли, – но я сильно сомневаюсь, что они хихикают.

– Хихикают? По-моему, там кто-то плачет, – сказал Игорь и сощурился, глядя на огромную сигару. Он добавил: – Нужно вымыть стол, продезинфицировать скальпель, взять пинцет номер два, а еще – две, или нет, лучше четыре стерильные хирургические маски и перчатки. Возможно, там какое-то необычное насекомое.

– Я тоже подносил сигару к уху, – объявил Шнобби. – Какое такое насекомое?

– Не знаю, – ответил Игорь, – но обычно в тех местах, где выращивают табак, живут чрезвычайно опасные насекомые. Например, желтый травяной долгоносик из Говондалэнда, как известно, проникает в черепную коробку через ухо, откладывает яйца в мозгу жертвы и становится причиной долгих галлюцинаций, пока не вылезет через ноздри. Жертвы неизбежно умирают. У моего кузена Игоря целая банка этих жуков. Они отчищают черепа до блеска... – Игорь помолчал. – По крайней мере, мне так говорили, хотя лично я утверждать не берусь.

Он снова замолк и добавил:

– Честное слово.

Шнобби Шноббс направился к двери, но сержант Колон, как ни странно, не последовал за приятелем. Он сказал:

– Я заткну уши пальцами и побуду здесь, если вы не против.

Он вытянул шею, чтобы посмотреть, как Игорь осторожно режет сигару вдоль, и жизнерадостно произнес:

– Говорят, что заграничные сигары скатывают на бедре молодой женщины. Гадость какая.

Что-то звякнуло, заблестело и упало на стол. Шелли осторожно подалась вперед. На столе лежало нечто похожее на маленькую дорогую склянку для самых тонких алхимических экспериментов. А еще в ней что-то шевелилось, хотя сама склянка оставалась неподвижной. Игорь посмотрел через плечо гномихи и охнул.

Они в молчании глядели на пузырек, пока тишину не нарушил сержант Колон.

– Какая блестящая штукавина, – сказал он. – Интересно, она дорогая?

Шелли Задранец многозначительно подняла бровь, а Игорь пожал плечами и ответил:

– Бесценная, насколько я могу судить. Если найти покупателя, у которого достаточно денег и к тому же соответствующий вкус по части орнаментации.

– Это коготтный горшочек, – негромко произнесла Шелли. – Гоблинский церемониальный сосуд, сержант.

На лице сержанта Колона, похожем на планету-гигант, постепенно стало отражаться понимание.

– Те штуки, которые они делают, чтобы хранить в них свою мочу и дерьмо? – уточнил он, попятившись.

Игорь кашлянул, взглянул на Шелли и ледяным тоном ответил:

– Если я не ошибаюсь, этот горшочек другого типа, по крайней мере, здесь, на Равнинах. Горные гоблины, которые чувствуют себя в безопасности, делают горшочки, а также коготтные щеточки и, разумеется, коготтные маски...

Он выжидающе, хоть и без особой надежды, взглянул на сержанта. Шелли, которая знала Колона дольше, сказала:

– Я так понимаю, сержант, что гоблины на Равнинах считают своих горных сородичей довольно странными. А что касается этого горшочка... – Она помедлила. – Боюсь, это вещь совсем особого рода.

– Ну, похоже, мелкие поганцы кое-что понимают, – радостно сказал Фред и, к ужасу Шелли, схватил крошечный горшочек со стола. – Я его беру себе, для вонючих гоблинов он слишком хорош... А что в нем шумит?

Сержант Задранец посмотрела на выражение лица Игоря и, чтобы предотвратить проблемы в отделе экспертизы, схватила Колона за руку, вытащила его в коридор и захлопнула дверь.

– Извини, сержант, но я заметила, что Игорь слегка заволновался.

Сержант Колон встряхнулся, постаравшись проделать это как можно внушительнее, и сказал:

– Если горшочек чего-то сто́ит, я его заберу, вот что. В конце концов, его отдали мне добровольно, разве нет?

– Да, разумеется, сержант, но, понимаешь ли, он принадлежит гоблину...

Сержант Колон расхохотался.

– Гоблину? Да чем они вообще владеют, кроме куч дерьма?

Шелли помедлила. Фред Колон был, конечно, ленив и напыщен, но свидетельства доказывали, что, вопреки очевидному, он приносил Страже не иллюзорную пользу. Следовало проявить такт.

– Сержант, я хочу сказать, что ценю всю ту помощь, которую ты оказал мне с тех пор, как я оказалась в Псевдополис-ярде. Я никогда не забуду, как ты показал мне места, где можно укрыться от ветра и проливного дождя, и я уж точно запомнила список пабов, хозяева которых готовы услужить жаждущему стражнику после закрытия. И, честное слово, я помню, как ты сказал, что копы не берут взяток, и объяснил, почему угощение – это не взятка. Я ценю твое одобрение, сержант, поскольку знаю, что в силу воспитания ты не особенно радуешься, видя в Страже женщин, особенно гномьего происхождения. Я понимаю, что за время долгой службы тебе пришлось приспособлять свой образ мыслей к новым обстоятельствам. Поэтому я горжусь тем, что служу рядом с тобой, сержант Колон, и, надеюсь, ты простишь меня, если я скажу тебе, что иногда лучше заткнуться и уложить в свою тупую башку парочку новых мыслей, вместо того чтобы талдычить одно и то же. Ты подобрал безделушку, сержант, и она действительно твоя – более чем ты в силах вообразить. Хотела бы я объяснить подробнее, но я знаю о гоблинах лишь то, что знает среднестатистический гном, и слишком плохо разбираюсь в коготтных горшочках. В любом случае, учитывая цветочный орнамент и маленький размер, я думаю, что это так называемая «душа слез», сержант, и ты только что сделал свою жизнь значительно интересней, потому что... пожалуйста, отложи его на минуточку. Я клянусь, что не отберу у тебя горшочек.

Поросячьи глазки Колона подозрительно взглянули на Шелли, но все-таки он протянул руку, чтобы положить горшочек на ближайший подоконник, и сказал:

– Ну, если тебе так хочется.

Шелли увидела, как он трясет рукой.

– Эта штука, кажется, прилипла.

Шелли подумала: «Значит, так и есть». Вслух она произнесла:

– Очень жаль это слышать, сержант, но, видишь ли, в твоём горшочке – живая душа маленького гоблина, и теперь она принадлежит тебе. Поздравляю.

Она попыталась говорить без сарказма.

В ту ночь сержанту Колону снилось, что он попал в пещеру, полную чудовищ, которые болтали с ним на своем ужасающем наречии. Он решил, что виновато пиво, но, как ни странно, не мог выпустить из рук эту

маленькую блестящую штучку. Пальцы не повиновались, как бы он ни старался.

Одним богам ведомо, каким образом мать Сэма Ваймса умудрялась наскрести пенни в день, необходимый для того, чтобы он мог получить образование в начальной школе, возглавляемой госпожой Мало.

Госпожа Мало была воплощенная классная дама – толстая и как будто сделанная из мягкого суфле. Она прекрасно понимала, что у маленьких мальчиков мочевые пузыри такие же ненадежные, как и у стариков, и, преимущественно, учила подопечных основам алфавита, по минимуму прибегая к жестокости и по максимуму – к суфле из алтея. Как и положено всякой уважающей себя даме, она держала гусей. Впоследствии, повзрослев, Ваймс гадал, носила ли госпожа Мало под многочисленными нижними юбками красные панталоны в белый горошек. Она ходила в чепце, и ее смех напоминал шум дождя в водосточной трубе. Давая урок, госпожа Мало непременно чистила картошку или ошпыливала гуся.

В душе Ваймс по-прежнему питал теплые чувства к госпоже Мало, у которой частенько находился в кармане мятный леденец для мальчика, который зубок знал алфавит и мог отбарабанить его задом наперед. И потом, нужно быть благодарным тому, кто научил тебя не бояться.

В крошечной гостиной у госпожи Мало лежала книжка, и, когда она впервые дала ее почитать маленькому Сэму Ваймсу, тот добрался до седьмой страницы и застыл. На странице был нарисован гоблин – веселый гоблин, если верить подписи. Он то ли смеялся, то ли скалился, то ли грозил откусить читателю голову. Юный Сэм Ваймс не стал это выяснять и провел остаток утра под креслом. Спустя годы он оправдывался, припоминая, что большинство мальчиков вели себя точно так же. Когда дело касается детской невинности, взрослые зачастую все неправильно понимают. Но после урока госпожа Мало усадила Сэма на свои влажные колени и заставила еще разок посмотреть на картинку. Оказалось, что рисунок состоял из множества точек! Крошечных точек, если взглянуть внимательно. Чем внимательнее мальчик всматривался, тем сильнее расплывался гоблин. Перегляди его – и он утратит всю пугающую силу. «Говорят, это несчастные, кое-как скроенные, недоделанные создания, – грустно сказала госпожа Мало. – Так я слышала, по крайней мере. Приятно, что хоть этому бедняге в букваре есть чему порадоваться».

А потом – поскольку Ваймс был хорошим мальчиком – она назначила его дежурным по доске. Впервые в жизни кто-то ему что-то доверил. «Добрая старая госпожа Мало, – подумал Ваймс, стоя в мрачной пещере, в

окружении десятков молчаливых, серьезных гоблинов. – Я принесу на вашу могилу пакетик мятных леденцов, если выберусь отсюда живым». Он кашлянул.

– Так, парень, тут у нас, кажется, гоблин, который побывал в серьезной переделке. – Он посмотрел на труп, потом на Фини. – Опиши, что ты видишь.

Фини с трудом сдерживал дрожь.

– Э... предполагаю, сэр, что он мертв... сэр.

– И с чего ты сделал такой вывод?

– Э... его голова не крепится к телу, сэр.

– Да, обычно по этому признаку мы делаем вывод, что пострадавший действительно мертв. Кстати говоря, сынок, можешь отвязать бечевку. Видывал я свет и поярче, но сойдет и такой. Что еще ты заметил, старший констебль? – Ваймс старался говорить спокойно.

– Он здорово изранен, сэр.

Ваймс поощрительно улыбнулся.

– Есть что-нибудь необычное, сынок?

Фини старался изо всех сил, как обычно поступают новички, – он с таким усердием смотрел, что забывал *видеть*.

– Ты действуешь правильно, старший констебль. А теперь, будь добр, сделай логический вывод.

– Сэр? Вывод?

– Почему у жертвы столько порезов на руках? Подумай-ка.

Фини задумался, шевеля губами. Наконец он ухмыльнулся.

– Гоблин защищался руками, сэр?

– Прекрасно, юноша. Тот, кто обороняется голыми руками, обычно делает это в отсутствие щита или оружия. А еще я держу пари, что голову ему отрубили, когда он лежал на земле. Не могу поручиться, но выглядит это как хорошо направленный удар, а не торопливый срез. Ран много, но ты видишь, что у него распорот живот, а крови почти нет. Жертву застали врасплох. Кстати, поглядев на этот живот, я узнал кое-что еще, о чем теперь жалею, – добавил Ваймс.

– Что же, сэр?

– Это не он, а она, и на нее напали из засады, а может быть, загнали в ловушку.

«И у нее недостает пальца, – подумал Ваймс, становясь на колени. – Спустя некоторое время этот труп превратится в загадку, но не слишком скоро и ненадолго». Вслух он произнес:

– Посмотри на отметины у нее на ноге, парень. Полагаю, она попалась

в кроличий силлок, потому что убегала... от кого-то.

Ваймс выпрямился так быстро, что наблюдавшие за ним гоблины шарахнулись.

– Ох боги, парень, даже в деревне таких вещей делать не следует. Разве нет неписаных правил? Убивайте оленей, но не трогайте олених, и все такое. И кто-то сделал это явно не под влиянием минутного порыва! Он хотел, чтобы из бедняжки вышло побольше крови! Зачем?

Ваймс сомневался, что Фини ответил бы, даже если бы их не окружали молчаливые гоблины. Но тем лучше.

– Это убийство, мальчик. Тяжкое преступление. И знаешь, зачем его совершили? Я голову прозакладываю, что констебль Наконец, действуя на основании полученной информации, должен был найти много крови в Мертвяковой логве, где командор Ваймс условился о встрече с надоедой-кузнецом, а поскольку оба они люди вспыльчивые, скорее всего, произошло бы преступление... так?

– Признайте, сэр, вывод вполне логичный.

– Разумеется, признаю, но *ты* признай, что это какая-то ублюдочная логика!

– Да, сэр, признаю, сэр, и прошу прощения. В любом случае, я хотел бы обыскать эти пещеры на предмет мистера Джефферсона... – Фини, отчасти пристыженно, отчасти с вызовом, взглянул на Ваймса.

– Зачем, старший констебль?

Фини вздернул подбородок.

– Потому что я уже выставил себя полным идиотом и не хочу сделать то же самое в другой раз. И потом, сэр, вы, возможно, ошибаетесь. Эта бедная женщина, возможно, погибла в стычке с кузнецом... возможно... я не знаю... зато знаю, что, если сейчас я не устрою здесь обыск, кто-нибудь важный непременно спросит меня, отчего я этого не сделал. Вы первый спросите, командор, не так ли?

– Отличный ответ, юноша. Должен признать, я и сам бесчисленное множество разставлял себя идиотом, так что я вполне тебя понимаю.

Ваймс взглянул на мертвое тело и внезапно захотел поскорее выяснить, что Вилликинс сделал с отрубленным пальцем, заодно с кольцом, который они нашли вчера ночью. Он неловко обратился к собравшимся гоблинам:

– Кажется, я нашел украшение, принадлежавшее этой молодой особе. Разумеется, я его вам верну.

Бесстрастная орда как будто не расслышала его слов. Ваймс задумался. Орда приходит, чтобы убивать и красть. А эта компания больше

напоминала обычную встревоженную толпу. Ваймс подошел к седому старому гоблину – возможно, тому самому, которого тысячу лет назад встретил на поверхности, – и сказал:

– Я бы хотел осмотреть это место, сэр. Примите мои соболезнования. Убийц ждет правый суд.

– Травы! Суп! – вновь эхом разнеслось по пещере. Старый гоблин неторопливо шагнул вперед и тронул Ваймса за рукав.

– Темнота – твой друг, мистер по-люс-мен. Я слышу тебя, ты слышишь меня. В темноте ты ходишь, куда захочешь. Мистер по-люс-мен, пожалуйста, не убивай нас.

Ваймс взглянул на стоявших за спиной старика сородичей. Большинство были худы как щепки – и этот... видимо, вождь... который грозил рассыпаться на ходу, боялся, что Ваймс причинит им вред? Он вспомнил рассыпавшиеся цветы. Брошенный чай с бергамотом. Оставленный ужин. *«Они пытались спрятаться от меня?»*

Ваймс кивнул и сказал:

– Я не нападаю на тех, кто не причиняет мне зла, сэр. И сегодняшний день не станет исключением. Вы можете рассказать, как эта женщина... была убита?

– Ее сбросили в нашу пещеру вчера ночью, мистер по-люс-мен. Она вышла, чтобы проверить кроличьи силки. Ее сбросили вниз, как старую кость, мистер по-люс-мен. Как старую кость. В ней не осталось крови. Как старую кость.

– Как ее звали?

Старый гоблин взглянул на Ваймса, словно в ужасе, и, помолчав, ответил:

– Ее звали Приятный Контраст Оранжевых и Желтых Лепестков в Цветке Дрока. Спасибо, мистер по-люс-мен из темноты.

– Боюсь, я только начал расследование, – сказал Ваймс, чувствуя странную неловкость.

– Я хотел сказать, мистер по-люс-мен, спасибо, что вы спросили у гоблина имя. Меня зовут Звук Дождя на Твердой Земле. Она была моей второй женой.

Ваймс уставился на морщинистое лицо, на которое только мать могла смотреть без отвращения и, возможно, с любовью. Он искал на нем признаки горя или гнева, но обнаружил только сожаление и безнадежную покорность тому факту, что мир всегда был таков и ничего тут не поделаешь. Гоблин был воплощенным вздохом. Он уныло взглянул на Ваймса и сказал:

– Раньше в пещеры запускали голодных собак, мистер по-люс-мен. Хорошие были времена. Мы ели досыта.

– Это моя земля, – произнес Ваймс. – И, надеюсь, я сумею сделать так, чтобы вас не беспокоили.

Из недр растрепанной бороды гоблина прорвалось нечто вроде смешка.

– Мы знаем закон, мистер по-люс-мен. Закон – это земля. Вы говорите: «Это моя земля», но не вы создали землю. Не вы создали овец и кроликов, которых мы едим. Не вы сделали коров и лошадей, но вы говорите: «Они мои». Это неправда. Я делаю топоры и горшки, и они мои. Мое – то, что на мне надето. Моей была любовь. Теперь ее не стало. Я думаю, вы хороший человек, мистер по-люс-мен, но мы видим, как меняются времена. Сто или двести лет назад в мире были места, которые назывались пустошами, ничьей землей, и мы жили там. Мы – ничьи. Есть тролли, гномы, люди – и мне очень жаль гоблинов, которые не умеют быстро бегать.

Кто-то потянул Ваймса за рукав. На сей раз это был Фини.

– Вам пора уходить, сэр.

Ваймс развернулся.

– Почему?

– Простите, сэр, но ее светлость ждет вас к чаю.

– Мы тут расследуем убийство, старший констебль! Не хочу показаться грубым, но, не сомневаюсь, мистер Дождь на Твердой Земле меня поймет. Мы должны собственными глазами убедиться, что пропавшего кузнеца здесь нет.

Фини смутился.

– И все-таки ее светлость выразилась очень недвусмысленно.

Ваймс кивнул старому гоблину.

– Я найду того, кто убил вашу жену, сэр, и отдам его в руки правосудия... – Он сделал паузу, когда по пещере эхом в очередной раз разнесся возглас «Травы! Суп!». – Но сначала я в интересах следствия должен осмотреть остальную часть... помещения, если вы не возражаете.

Гоблин взглянул на него яркими глазами.

– А если я возражаю, мистер по-люс-мен?

Ваймс в ответ уставился на старика.

– Интересный вопрос, – сказал он. – Если вы грозите применить силу, я уйду. Да-да, если вы воспретите обыск, я уйду, сэр, и самое плохое в том, что я не вернусь. Сэр, я со всем уважением прошу, в интересах следствия, показать мне ваши пещеры.

Неужели на лице старого гоблина и правда появилась улыбка?

– Конечно, мистер по-люс-мен.

За спиной старика толпа начала рассасываться – вероятно, чтобы заняться изготовлением или наполнением горшочков. Дождь на Твердой Земле, который, судя по всему, был местным вождем (потому что ничто не говорило об обратном) или же просто гоблином, которому поручалось общение с тупыми людьми, спросил:

– Вы ищете кузнеца? Он иногда к нам приходит. Здесь, внизу, есть железо. Немного, но ему хватает. Разумеется, для горшочков оно не годится, но мы вымениваем железо на еду. В последнее время я не видел кузнеца. Конечно, вы можете беспрепятственно его поискать. Тьма – в вас. Я не смею преграждать вам путь, мистер по-люс-мен. Это место – ваше.

С этими словами старый гоблин жестом велел нескольким сородичам помоложе забрать останки женщины и неспешно зашагал к устью соседней пещеры.

– Вы видели много мертвецов, командор? – спросил Фини. Его голос почти не дрожал.

– Да, парень, и некоторые из них я лично привел в это состояние.

– Вы убивали людей?

Ваймс смотрел на потолок, чтобы не встречаться взглядом с Фини.

– Предпочитаю думать, что я изо всех сил старался этого не делать, – ответил он, – и, как правило, мне удавалось. Но рано или поздно всегда появляется какой-нибудь идиот, твердо намеренный тебя прикончить, и в итоге приходится его уложить, потому что он слишком туп, черт возьми, чтобы сдаться. Лучше от этого не бывает, и я никогда еще не видел труп, который бы хорошо выглядел.

Погребальное шествие исчезло в соседней пещере, и стражники остались одни, хоть и догадываясь, что гоблины вокруг занимаются своими делами.

Старый гоблин просто-напросто упомянул, что погибшая была его женой, как будто вспомнил об этом, помимо прочего. Он даже голоса не повысил. Ваймс уж точно не смог бы сохранять спокойствие, если бы на земле у его ног лежало тело Сибиллы, и уж, разумеется, он не был бы вежлив с гоблинами, которые стояли перед ним. Как можно до такого дойти? Как можно быть таким покорным?

Улица всегда с тобой, говорил Вилликинс. И Ваймс вспомнил женщин, которые мыли полы. На Куроносной улице уборку устраивали так часто, что Ваймс только диву давался, как хозяйки еще не протерли дыры ниже уровня тротуара. Порог драили, а затем белили; красную плитку на полу полировали суриком; черные кухонные плиты чернили еще сильнее,

яростно натирая их графитом. У женщин локти двигались, как поршни. На кону стояло выживание, а синонимом выживания была гордость. Пускай у тебя мало власти над собственной жизнью, но, ей-богу, ты можешь держать дом в чистоте, показывая всему миру, что ты бедна, но достойна уважения. Обитателями Куроносной улицы владел страх. Они боялись опуститься, понизить планку, сравняться с теми, кто рос, дрался и воровал в адском скопище притонов, именуемом Тенями.

А гоблины сдались. В то время как мир постепенно вытеснял их, они выполняли привычные действия, уступали, слабели... но убийство есть убийство при любой юрисдикции и даже в ее отсутствие. Ваймс собрал мысли в пучок, схватил пару тлеющих факелов и сказал:

– Ну, старший констебль, пойдем бороться со злом.

– Да, сэр, только можно еще кое-что спросить?

– Конечно, – ответил Ваймс, входя в туннель, который заметно шел под уклон.

– Извините за вопрос, сэр, но что тут вообще происходит? В смысле... я знаю, что произошло убийство, и, похоже, какой-то гад хотел, чтоб я подумал на вас, но каким образом, сэр, вы понимаете ихнюю нечестивую болтовню? То есть я слышу, как вы с ними разговариваете, и они вроде как вас понимают, потому что отвечают, сэр, но они говорят, как будто кто-то орехи давит, и я ни слова на их дурацком наречии не разберу, сэр, простите мой клатчский, вот как есть ни слова. Ответьте мне, сэр, потому что я и так чувствую себя полным дураком и не хочу показаться еще глупее.

Мысленно Ваймс дал такой ответ: «Ну, раз уж ты спросил, в моем сознании живет ужасный демон, который помогает мне по своим личным причинам. Благодаря ему я могу видеть в темноте и каким-то образом общаться с гоблинами. Он называется Призывающей Тьмой. Я не знаю, отчего он заинтересовался гоблинами, но гномы полагают, что он мстит нечестивым. И если здесь случилось убийство, я не стану отказываться от помощи, от кого бы она ни исходила». Впрочем, вслух он этого не сказал, потому что большинство людей сбежали бы до того, как он закончил. Поэтому Ваймс ответил так:

– Меня поддерживает высшая сила, старший констебль. Ну а теперь давай осмотрим пещеры.

Фини это не удовлетворило, но, кажется, он понял, что другого ответа не получит.

Это было странное путешествие. Холм напоминал соты, он был изрыт коридорами – как природного, так и, судя по виду, искусственного

происхождения. Гоблины выстроили себе маленький город. Мусорные кучи, грубые клетки, теперь пустые, что бы ни хранилось в них раньше, огромные грибные грядки там и сям (кое-где урожай медленно, очень медленно собирали гоблины, которые даже не смотрели на стражников). В одном месте Ваймс и Фини миновали расселину, которая, судя по звуку, вела к яслям – малютки гоблины чирикали там, как птички. У Ваймса не хватало сил заглянуть внутрь.

Спускаясь все ниже, они пересекли маленький ручеек, который вытекал из стены. Гоблины провели здесь примитивную трубу, так что дальнейший путь проходил под звук журчащей воды. И повсюду сидели гоблины – гоблины, мастеровившие горшочки. Ваймс был к этому готов, но не вполне. Он ожидал увидеть нечто вроде гномьих мастерских, как в Убервальде, – шумные, многолюдные, полные целенаправленной деятельности. Но гоблины жили иначе. Похоже, если гoblin хотел сделать горшочек, ему достаточно было найти место, усесться, порыться в карманах и приняться за работу – так неспешно, что наблюдатель едва ли заметил бы прогресс. Несколько раз Ваймс, казалось, слышал стук камня о камень, какое-то царапание или звук пилы, но всякий раз, когда он подходил поближе к скорчившемуся гоблину, тот вежливо нагибался над своим изделием, как ребенок, пытающийся сохранить секрет. Сколько слизи, подумал Ваймс, сколько обрезков ногтей, сколько ушной серы способен гoblin накопить за год? Интересно, горшочек с годовым количеством соплей будет чем-то вроде изящной дамской табакерки или скорее большого неопрятного ведра?

И почему бы не хранить собственные зубы? Даже люди проявляли изрядную осторожность в том, что касалось выпавших зубов, и, если уж на то пошло, некоторые, особенно волшебники, старались держать обрезки своих ногтей вне пределов чьей-либо досягаемости. Ваймс незаметно улыбнулся. Может быть, гоблины не так уж глупы – всего лишь немного глупей, чем люди, хотя для этого и нужно было постараться.

Когда они миновали гоблина, который сидел на полу, скрестив ноги, тот вдруг подался назад и поднял в вытянутой руке... свет. Ваймс видел много драгоценных камней – поколения колец, брошей, ожерелий и тиар, которые веками скапливались у Овнецов, хотя теперь большая их часть хранилась в банковском сейфе. Это его всегда удивляло.

Но, как бы ни сверкали драгоценности Сибиллы, Ваймс мог поклясться, что ни одна из них не излучала такой свет, как этот маленький горшочек, который гoblin поднял, чтобы критически оценить. Он поворачивал его так и сяк и придирчиво рассматривал, как человек,

который собирается купить лошадь у барышника по имени Честный Гарри. Белые и желтые лучики плясали в воздухе, наполняя мрачную пещеру... эхом света, как сказал бы Ваймс. Фини глядел на горшочек, как ребенок на первый в жизни праздничный торт. Гоблина, впрочем, его творение не понравилось – он небрежно швырнул горшочек за спину, и тот разбился о стену.

– Зачем ты это сделал? – крикнул Ваймс так громко, что гoblin съезжился, словно в ожидании удара, и забормотал:

– Плохой горшочек! Плохая работа! Стыдно! Я сделаю еще раз! Сделаю лучше! Начну сейчас!

Он бросил перепуганный взгляд на Ваймса и поспешно скрылся во тьме пещеры.

– Он его разбил! Просто взял и разбил! – Фини тоже уставился на Ваймса. – Только разок посмотрел и выбросил. А горшочек был такой чудесный! Это просто преступление! Нельзя уничтожать такие красивые вещи.

Ваймс положил руку на плечо Фини.

– Думаю, можно, если ты сам ее сделал и думаешь, что мог бы сделать и получше. В конце концов, даже лучшие мастера иногда ошибаются, не так ли?

– Вы думаете, это была ошибка? – Фини бегом бросился туда, где лежали останки разбитого горшочка, и подобрал пригоршню блестящих осколков. – Сэр, он ведь их точно выбросил? Сэр?

Ваймс открыл рот, чтобы ответить, но Фини вдруг издал слабый звук: между пальцев у него, как пески времени, сыпалась пыль. Юноша нервно улыбнулся и произнес:

– Ну, может, горшочек и правда не удался, сэр.

Ваймс присел рядом и просеял сквозь пальцы кучку пыли. Это была просто пыль, каменная пыль, которая искрилась и сияла ничуть не больше дорожной гальки. Никакой переливающейся радуги, которую они оба только что видели. Но в другом конце пещеры еще один гoblin, стараясь не привлекать к себе внимания, работал над своим горшочком. Ваймс подошел к нему – осторожно, потому что гoblin держал горшочек так, словно намеревался использовать его в качестве средства обороны.

Неторопливо, стараясь показать, что он не желает зла, Ваймс заложил руки за спину и сказал тоном, который усвоил от жены:

– Боги мои, какой хороший горшочек. Расскажите, пожалуйста, как вы их делаете, сэр? Не могли бы вы мне объяснить?

Горшечник взглянул на свое творение, которое держал в руках, или в

лапах, если выразаться без обиняков – и, пожалуй, так оно было точнее – и сказал:

– Я делаю горшочек.

И поднял его кверху.

Ваймс плохо разбирался в камнях помимо булыжников, но эта штука была желтоватой и блестящей. Он сказал:

– Да, я вижу, но... как конкретно вы делаете горшочек?

И вновь мастер обратился за вдохновением к вселенной, глядя вверх, вниз и по сторонам – всюду, где не было Ваймса. Наконец его осенило.

– Я делаю горшочек.

Ваймс мрачно кивнул.

– Спасибо, что поделились секретами мастерства, – произнес он и повернулся к Фини: – Пошли дальше.

Оказалось, что любая гоблинская пещера – нора, логово, в зависимости от эффекта, который вы хотите произвести, – это вовсе не адская дыра, как можно было подумать. На самом деле Ваймс увидел просто... ну да, нору, полную дыма многочисленных маленьких костров, в которых гоблины явно нуждались, и запаха, исходящего от кучек гниющего топлива, не говоря уже о личных отходах.

Гоблины, старые и молодые, внимательно наблюдали за стражниками, словно ожидая, что те вдруг устроят развлекательную программу. Разумеется, были там и совсем юные гоблины. Ваймс признал, что среди всех говорящих существ гоблинские дети отличались прямо-таки призовым безобразием и представляли собой уменьшенные копии родителей, которые и сами по себе были не картинки – и даже не эскизы. Он сказал себе, что бедняги ничего не могут поделать – какой-то неумелый бог нашел множество оставшихся деталек и решил, что миру недостает существа, похожего на помесь волка и обезьяны. Вдобавок этот бог дал им одну из самых бесполезных религиозных догм, даже по меркам божественного идиотизма. Гоблины *выглядели* правонарушителями, а без вмешательства Призывающей Тьмы и на слух от них не отличались. Если бы орехи могли кричать, когда их колют, люди сказали бы: «Правда, похоже, как гоблины разговаривают?» И, наконец, насмешливый бог, не удовлетворившись всем перечисленным, внезапно дал им худший из даров – сознание, оставив гоблинов пребывать в уверенности, что они – просто ходячий мусор. В результате у бедняг даже недоставало сил, образно выражаясь, прибрать за собой.

– Блин, я на что-то... во что-то наступил, – сказал Фини. – Вы, сэр, кажется, видите намного лучше, чем я.

– Трезвость, морковка и все такое.

– Джефферсон вполне может быть где-то здесь. Наверняка мы проглядели не один туннель.

– Я уверен, что кузнеца здесь нет, парень, только не спрашивай меня, откуда я это знаю, потому что мне придется соврать. Я просто совершаю привычные действия, чтобы голова заработала. Это старый полицейский трюк.

– Да, сэр, и наступайте во все подряд.

Ваймс улыбнулся во мраке.

– Ловко сказано, парень. Чувство юмора – друг копа. Я всегда говорил, что, если день прошел без шутки-другой, он не удался... – Он помедлил, потому что что-то лязгнуло об шлем. – Мы добрались до железных разработок Джефферсона, сынок. Я только что нашел масляную лампу, раньше их не было.

Ваймс пошарил в кармане и чиркнул спичкой.

«Что ж, – подумал он, – это, конечно, не шахта, но, наверное, всё лучше, чем покупать у гномов по их цене».

– Я не вижу здесь выхода, – сказал Фини. – Наверное, мистер Джефферсон вытаскивал руду через главный вход.

– Сомневаюсь, что гоблины настолько глупы, чтобы жить в пещерах, у которых только один вход. Наверняка должен быть запасной, который не видно с поверхности. Кстати, нетрудно заметить, где по камням тащили что-то тяжелое...

Ваймс замолк. В пещере находился еще один человек.

«Спасибо, Тьма, – подумал он. – Теперь, наверное, стоит спросить, кто это?»

– Сэр, я думаю, что здесь не только добывают руду. Вы посмотрите, – сказал Фини за спиной у Ваймса.

Он держал в руках несколько книг – детских, судя по виду. Они были замусолены – в конце концов, в пещерах жили гоблины, – но Ваймс открыл первую страницу в первой попавшейся книге и без особого удивления увидел огромный арбуз, изрядно запачканный прикосновениями многих грязных рук.

Чей-то голос – женский голос – произнес в темноте:

– Не на все вопросы есть ответ, командор, но, к счастью, к некоторым ответам можно поставить вопрос. Я пытаюсь учить маленьких гоблинов. Разумеется, мне пришлось принести сюда арбуз, чтобы малыши могли на него посмотреть, – добавила женщина, стоя во мраке. – Мало кто здесь знал, что это такое, и уж тем более – как это называется. Троллий язык

невероятно сложен по сравнению с языком гоблинов... Добрый день, мистер Наконец, я вижу, вы не прячетесь от истины в каталажке?

Ваймс развернулся вокруг своей оси, когда услышал этот голос, и стоял теперь с открытым ртом.

– Вы? Вы ведь... э...

– Дама с какашками, да, командор Ваймс. Удивительно, под каким именем порой входишь в историю, правда?

– Ну, признайте, что это действительно... как бы сказать... врезается в память, мисс Фелисити Бидл.

– А, вы запомнили меня командор. Хотя мы виделись всего один раз.

И тогда Ваймс заметил рядом с ней гоблина – молодого, судя по размеру, – но не вполне обычного, потому что он смотрел на Ваймса пытливо и внимательно, совсем не как другие гоблины, которых он видел до сих пор, не считая разве что злополучного Вонючки. Фини, напротив, изо всех сил старался не встречаться с мисс Бидл взглядом, как заметил Ваймс.

Ваймс улыбнулся.

– Мэм, я вижу ваше имя как минимум раз в день. Когда я вчера укладывал сына спать, знаете, что он сказал? Он сказал: «Папа, ты знаешь, что коровы оставляют большие мокрые какашки, а у лошадок они маленькие, мягкие и пахнут травой? Странно, да? Лошадь и корова какают по-разному, хотя они одного размера и кушают одну и ту же траву, да, папа? А в книжке сказано, это потому, что коровы жувачечные, они жуют еду, пока из нее все-все не выйдет, а лошади не жувачечные, они не жуют долго, поэтому их какашки остаются больше похожи на траву и не так плохо пахнут».

Ваймс увидел, что женщина улыбается, и продолжал:

– Не сомневаюсь, завтра он непременно спросит у матери, можно ли ему пожевать свой ужин как следует, а на следующий день чуть поменьше, а потом сравнит запах. Как вам это нравится, мэм?

Мисс Бидл засмеялась. Смех у нее был очень приятный.

– Ну, командор, мне кажется, Юный Сэм сочетает ваше аналитическое мышление с врожденным талантом Овнецов по части экспериментов. Наверное, вы очень им гордитесь. Искренне надеюсь, что так.

– Да уж не сомневайтесь, мэм.

Детеныш, стоявший рядом с мисс Бидл, тоже улыбался. Ваймс впервые видел улыбающегося гоблина. Но прежде чем он успел что-нибудь сказать, мисс Бидл неодобрительно взглянула на Фини и продолжила:

– Жаль только, что вы в такой неподходящей компании, командор.

Полагаю, вам известно, где мой друг Джетро, офицер?

Даже при свете лампы Фини казался взбешенным, но всякий, умеющий читать людей – а Ваймс читал их как открытые книги, – понял бы, что гнев старшего констебля изрядно сдобрен страхом и стыдом. Тогда Ваймс перевел взгляд на скамеечку, на которой лежали какие-то инструменты и несколько книг в ярких обложках. Улица научила Ваймса, что порой лучше посильнее взвинтить того, кто и так нервничает, поэтому он взял книжку, как будто предыдущего чудовищного обмена репликами не было вовсе.

– А, это же «Где моя коровка». Юный Сэм ее обожает. Вы учите по ней гоблинов, мисс?

Не сводя глаз с взволнованного Фини, мисс Бидл ответила:

– Да. И это нелегкий труд. Кстати говоря, чисто теоретически я – миссис Бидл. Мой муж погиб на клатчской войне. Я снова стала называться «мисс», потому что это больше подходит для писательницы, и потом, я все равно толком не успела привыкнуть к «миссис».

– Соболезную, мэ. Если б я знал, то вел бы себя посolidнее, – сказал Ваймс.

Мисс Бидл слабо улыбнулась.

– Не волнуйтесь, иногда солидность только мешает.

Маленький гоблин, стоявший рядом с учительницей, спросил:

– Посolidнее – это значит побольше соли?

– Слезы Гриба – моя лучшая ученица. Ты чудо, правда, Слезы Гриба?

– Чудо – это хорошо, – сказала девочка, словно смакуя каждое слово. – Добрый – это хорошо, грибы – это хорошо. Слезы мягкие. Меня зовут Слезы Гриба, по крайней мере, это ясно.

Странно было ее слушать: девочка говорила так, как будто снимала слова с полки и аккуратно ставила обратно, едва успев произнести. Речь юной гоблинки звучала очень торжественно, а лицо оставалось странным, бледным, плоским. На свой лад Слезы Гриба даже была симпатична, если не миловидна, она носила что-то вроде фартука, обернутого вокруг тела, и Ваймс задумался, сколько ей лет. Тринадцать? Или четырнадцать? Он задумался: может быть, все гоблины выглядели бы неплохо, если бы раздобыли какую-нибудь приличную одежду и привели в пристойный вид свои ужасные космы. У девочки волосы были длинными, абсолютно белыми, заплетенными в косы. Как ни странно, в пещере она казалась хрупкой фарфоровой статуэткой.

Не зная, что сказать, Ваймс произнес:

– Приятно познакомиться, Слезы Гриба.

Он протянул руку. Девочка посмотрела на нее, потом на него и повернулась к мисс Бидл. Та сказала:

– Они не здороваются за руку, командор. Для существ, которые на вид так незамысловаты, гоблины необычайно сложны.

Она повернулась к Ваймсу:

– Похоже, командор, провидение привело вас сюда как раз вовремя, чтобы раскрыть убийство девушки, моей даровитой ученицы. Я пришла, как только узнала об этом, но гоблины привыкли к незаслуженным случайным смертям. Я провожу вас к выходу, а потом вернусь к ученикам.

Ваймс потянул Фини за собой, чтобы тот не отставал, и они зашагали вслед за мисс Бидл и ее подопечной вверх, навстречу благословенному свежему воздуху. Ваймс гадал, что случилось с трупом. Что вообще гоблины делают с покойниками? Хоронят их, едят, выбрасывают на помойку? Или он просто чего-то не понимает? Эта мысль уже некоторое время не давала ему покоя. Не успев задуматься, Ваймс спросил:

– Чему еще вы их учите, мисс Бидл? Быть законопослушными гражданами?

Удар пришелся ему в подбородок, наверное, потому, что даже в гневе мисс Бидл не забыла, что на нем стальной шлем. Тем не менее удар был хлесткий, и углом глаза, в тумане боли, Ваймс заметил, как Фини отступил на шаг. По крайней мере, у мальчика хватало здравого смысла.

– Вы исключительный идиот, командор Ваймс! Нет, я не учу их быть недоделанными людьми, я учу их быть гоблинами, умными гоблинами! Вы знаете, что у них есть всего пять названий цветов? Даже у троллей – около шестидесяти, и бывает еще больше, если они найдут торговца красками. Значит ли это, что гоблины глупы? Нет. У них огромное количество названий для вещей, которым не придумали названий даже поэты. Например, для того, как цвета меняются, переливаются и создают новые оттенки. У гоблинов есть слова для выражения самых сложных чувств – я знаю примерно две сотни и не сомневаюсь, что их на самом деле гораздо больше! То, что вы считаете рычанием, ворчанием и стонами, на самом деле несет массу информации! Гоблины похожи на айсберг, командор, – большая часть скрыта от глаз и недоступна пониманию, и я учу Слезы Гриба и ее друзей, чтобы они могли общаться с людьми вроде вас, которые считают их тупицами. Знаете что, командор? Времени слишком мало! Гоблинов истребляют! Конечно, это так не называется, но все равно заканчивается истреблением, потому что они тупые и надоедливые, ну разумеется. Отчего вы не спросите вашего спутника, что случилось с местными гоблинами три года назад, командор Ваймс?

С этими словами мисс Бидл развернулась на каблуке и исчезла во тьме пещеры вместе со Слезами Гриба, которая бежала следом. Ваймсу осталось сделать всего несколько шагов, чтобы выбраться на яркий солнечный свет.

Когда Сэмюэль Ваймс вышел на солнце, ему показалось, что кто-то проткнул его тело железной проволокой, которую немедленно вытащил. Он едва не потерял равновесие, и Фини ухватил командора за руку. «Пять баллов, – подумал Ваймс, – то ли я оказался достаточно умным, чтобы понять, как обстоят дела, то ли, по крайней мере, достаточно умным, чтобы не броситься в бой прямо сейчас».

Он сел наземь, наслаждаясь ветерком, шуршавшим в кустах дрока, и глотая чистый свежий воздух. Относиться к гоблинам можно было как угодно, но в их пещерах царил атмосфера, про которую большинство сказали бы так: «На вашем месте я бы хорошенько подумал, прежде чем туда заходить».

– Я хочу с тобой поговорить, старший констебль, – сказал Ваймс. – Как стражник со стражником. О прошлом. И, возможно, о том, что предстоит.

– Спасибо вам, командор, за то, что вы считаете меня стражником.

– Твой отец служил здесь три года назад, так?

Фини смотрел прямо перед собой.

– Да, сэр.

– Так что случилось с гоблинами, Фини?

Юноша кашлянул.

– Ну... папа велел нам с мамой сидеть дома. Он сказал, не надо на это смотреть, но слушать он не запретил, и было много крика и всякого шума, и матушка страшно волновалась. Я потом слышал, что гоблинов увезли с холма, но папа долго не хотел об этом говорить. Он как будто сломался, сэр, честное слово. Потом он сказал, что видел, как толпа людей, в основном лесничих и всяких местных громил, вышли из пещеры, волоча за собой гоблинов. Много гоблинов. Он сказал, самым страшным было, что гоблины даже не сопротивлялись, понимаете, сэр? Как будто они не знали, что делать.

Ваймс почувствовал некоторое облегчение при виде лица Фини.

– Продолжай, сынок.

– Еще, сэр, он сказал, что соседи вышли из домов, и было много суеты, и он начал задавать вопросы, но магистрат сказал, что все нормально, потому что гоблины – они вроде грызунов, и их отправят на верфи, чтобы они могли зарабатывать себе на пропитание и не беспокоить честных людей. Папа сказал, что не надо волноваться, гоблинов отправили куда-то в теплые края, далеко отсюда.

– Просто из интереса, мистер Фини, а откуда он это знал?

– Так все время твердил магистрат, сэр. Мол, гоблинов просто приставят к делу, чтобы они зарабатывали себе на жизнь. Папа сказал – пусть скажут спасибо. Их ведь не поубивали.

Ваймс старался сохранять бесстрастное выражение лица. Он вздохнул.

– Если гоблинов увезли без их согласия, значит, это рабство, а если раб не работает, он труп. Ты понимаешь?

Фини уставился на свои башмаки. Они бы уже сверкали, если бы глаза обладали способностью полировать кожу.

– Потом отец сказал, что я теперь буду стражником и должен заботиться о маме. Он отдал мне дубинку и значок. А потом руки у него начали дрожать, сэр, и через несколько дней, сэр, он умер. Наверное, с головой у него стало неладно, сэр, ну или вроде того. И эта штука его одолела.

– Ты слышал про патриция Ветинари, Фини? Трудно сказать, что я очень уж люблю этого человека, но иногда он попадает в яблочко. Однажды у нас случилась, как мы выражаемся, заварушка – один человек вел собаку, полудохлую дворнягу, если верить очевидцам, и все ругался, когда она натягивала поводок, а когда она на него зарычала, он схватил топор с прилавка мясника и просто-напросто отрубил ей задние лапы. Наверное, люди просто сказали бы: «Вот гад, но это его собака», и всё, но патриций Ветинари меня вызвал и заявил: «На человека, который так поступил с собакой, закон должен обратить пристальное внимание. Немедленно обыщите его дом». Через неделю этого типа повесили. Не за собаку, хотя, честно говоря, я бы не возражал, а за то, что нашли у него в погребке. Подробности я с тобой делиться не стану. И нечестивцу Ветинари всё опять сошло с рук, потому что он оказался прав: где мелкие преступления, там недалеко и до крупных.

Ваймс уставился на бесконечные акры, расстилавшиеся перед ним. Его поля, его деревья, его желтая пшеница... земля принадлежала ему, хотя он в жизни не посадил ни единого зернышка, кроме одного раза в детстве, когда попытался выращивать на мочалке горчицу и кресс-салат – правда, пришлось все выбросить, потому что никто не объяснил мальчику, что сначала надо прополоскать мочалку от мыла. Для землевладельца Ваймсу явно не доставало опыта. Но... он был здесь хозяином, так? И Ваймс твердо знал, что ни он, ни Сибилла никогда не решились бы вытащить кучку горестных гоблинов из грязной норы, которую те с радостью называли своим домом, и отвезти неизвестно куда.

– Никто нам не сказал!

Фини подался назад, чтобы уклониться от его ярости.

– Я не знал, сэр!

Ваймс встал и потянулся.

– Я слышал достаточно, парень, и с меня хватит. Пора сообщить вышестоящим властям.

– Боюсь, уйдет как минимум полтора суток, чтобы гонец доскакал до города, сэр, и то, если с лошадьми повезет.

Сэм Ваймс проворно зашагал вниз по тропке.

– Я имею в виду госпожу Сибиллу, сынок.

Сибилла сидела в гостиной, уставленной чайными сервизами и полной гостей, когда Ваймс бегом ворвался в Холл, с Фини на буксире. Сибилла бросила на мужа один-единственный взгляд и произнесла несколько бодрее, чем следовало бы:

– О, я вижу, ты хочешь о чем-то со мной поговорить.

Она повернулась к дамам, улыбнулась и сказала:

– Прошу прощения, леди. Мне нужно перекинуться парой слов с мужем.

Она схватила Ваймса за руку и не слишком ласково увлекла в коридор. Сибилла уже открыла рот, чтобы прочитать супружескую нотацию о пользе пунктуальности, как вдруг фыркнула и отпрянула.

– Сэм Ваймс, ну и воняет же от тебя. Ты слишком близко познакомился с сельской местностью? Я тебя с утра не видела. И почему ты по-прежнему таскаешь за собой этого молодого констебля? Не сомневаюсь, у него есть гораздо более важные дела! Разве он не собирался тебя арестовать? Он пришел на чай? Надеюсь, сначала он помоеет руки.

Все это было высказано Ваймсу, но адресовалось Фини, который держался на почтительном расстоянии и, казалось, уже собирался бежать.

– Произошло ужасное недоразумение, – поспешно ответил Ваймс, – и, не сомневаюсь, мой герб, каким бы он ни был, остался незапятнанным. А мистер Фини весьма любезно и совершенно добровольно поделился со мной кое-какой информацией.

Дальнейший разговор между мужем и женой шел на первой скорости и включал восклицания шепотом: «Быть того не может!» и «По-моему, он не врет». Фини тем временем готов был броситься наутек.

– И они даже не защищались? – уточнила Сибилла. Юный полицейский попытался избежать ее взгляда, но взгляд леди Сибиллы огибал любые препятствия, пригвождая жертву к месту.

– Да, ваша светлость, – запинаясь, выговорил он.

Госпожа Сибилла посмотрела на мужа и пожала плечами.

– Ох и драка была бы, если бы кто-нибудь попытался отвезти *меня* в такое место, куда я бы не хотела ехать, – заявила она. – А я думала, у гоблинов есть оружие. Говорят, они ужасны в бою. Я бы подумала, что будет война! Что мы еще об этом услышим! Но, судя по тому, что вы говорите, они двигались как во сне. А может быть, они умирали от голода? Сейчас здесь гораздо меньше кроликов, чем в те времена, когда я была маленькой. И отчего увезли не всех гоблинов? Это какая-то загадка, Сэм. Здесь в округе множество друзей нашей семьи... – Она быстро вскинула руку. – Я, разумеется, не прошу тебя, Сэм, предавать свои убеждения, пойми меня правильно, но будь осторожен и думай, что делаешь. И, пожалуйста, Сэм, – я тебя знаю – не веди себя как бык, увидевший красную тряпку. У окружающих может сложиться неверное впечатление.

Сэм Ваймс был уверен, что у него уже сложилось неверное впечатление. Наморщив лоб, он спросил:

– Сибилла, а как ведет себя бык, увидевший красную тряпку? Он останавливается и разглядывает ее?

– Нет, дорогой, он разносит в щепки все вокруг.

Госпожа Сибилла предостерегающе улыбнулась и оправила платье.

– Полагаю, больше незачем вас задерживать, мистер Наконец, – сказала она обрадованному Фини. – Передавайте привет вашей милой матушке. Если она не против, я навещу ее, когда буду в деревне, и мы поболтаем о старых добрых временах. Кстати говоря, советую вам выйти через кухню, что бы там ни думал мой муж о полицейских, которые пользуются черным ходом. Скажите кухарке, чтобы снабдила вас всем, что понравится вашей матушке.

Она повернулась к мужу.

– Может быть, проводишь молодого человека вниз, Сэм? И раз уж ты всё равно гуляешь, сходи, поищи Юного Сэма. Кажется, он на заднем дворе, с Вилликинсом.

Фини молчал, пока они шагали по длинному коридору, но Ваймс чувствовал, что юноша раздумывает над каким-то серьезным вопросом. Наконец Фини сказал:

– Госпожа Сибилла очень добрая, правда, сэр?

– Без тебя знаю, – ответил Ваймс. – И учти, она являет мне разительную противоположность. Я страшно нервничаю, когда чую нераскрытое преступление. Нераскрытое преступление – это противоестественно.

– Я все думаю про ту девочку, сэр. Она похожа на статуэтку... и так

говорила... ну, я прямо не знаю, что сказать. Конечно, от гоблинов много проблем, они сопрут у тебя шнурки с башмаков, если зазеваешься, но если зайти к ним в пещеру, то поймешь, что там есть дети, старики и...

– Старушки? – тихонько подсказал Ваймс.

И вновь сын госпожи Наконец оказался в пугающей хватке философской проблемы. В конце концов Фини пришел к умозаключению:

– Ну, сэр, коровы тоже хорошие матери, но теленок – это просто мясо на ножках, правда?

– Может быть, но что бы ты сказал, если бы теленок подошел к тебе и заявил: «Привет, меня зовут Слезы Гриба»?

Фини вновь нахмурился в тяжелейших раздумьях.

– Наверное, предпочел бы салат, сэр.

Ваймс улыбнулся.

– Ты оказался в трудном положении, парень, и знаешь что? Я тоже. Это значит быть стражником. Вот почему я предпочитаю ситуацию, когда преступник просто бежит. Тогда все просто. Они бегут, а я догоняю. Может, тут какая-то метафизика замешалась, не знаю. Но в пещере был труп, ты его видел, я и мисс Бидл – тоже. И не забывай об этом.

Юный Сэм сидел на куче сена на скотном дворе, наблюдая за входившими в ворота лошадыми. Он побежал к отцу, очень довольный, и сказал:

– Пап, знаешь цыплят?

Ваймс поднял сына на руки и ответил:

– Да, кое-что слышал про них.

Юный Сэм вывернулся из отцовской хватки, как будто летать по воздуху в отцовских руках было неподобающим занятием для серьезного исследователя в области копрологии. Вид у мальчика стал серьезный.

– Пап, знаешь, когда цыпленок какает, наверху всегда немножко белого, и это его моча. Прямо как глазурь на булочке.

– Спасибо, что просветил, – ответил Ваймс. – В следующий раз, когда буду есть булочку, обязательно об этом вспомню.

«И не только в следующий раз», – мысленно добавил он.

– Ты, наверное, все теперь знаешь про какашки, Сэм? – с надеждой спросил он и увидел, как Вилликинс улыбнулся.

Юный Сэм, разглядывавший цыплячий помет в небольшую лупу, покачал головой, не отрываясь от своего занятия.

– Ой, нет, пап...

А потом замолчал и умоляюще взглянул на Вилликинса. Дворецкий

кашлянул и сказал:

– Мистер Форел, один из лесничих, заходил с полчаса назад, и, разумеется, ваш сын с ним познакомился. В результате, сэр, Юный Сэм, кажется, вознамерился собрать коллекцию помета лесных обитателей.

«Лесничие», – подумал Ваймс. Он прокрутил эту мысль в голове и вспомнил о тех, кто устроил облаву на гоблинов три года назад. А потом задумался, насколько это важно по сравнению с вопросом: «А кто им велел?»

«Кажется, я понял, в чем тут суть. Местные делают то, что им велют, потому что они всегда так поступали. Но лесничие – народ осторожный, им приходится иметь дело не только с людьми. И учти, это деревня, здесь все про всех знают и всё замечают. Вряд ли Фини врет, поэтому остальные тоже наверняка в курсе, что произошло той ночью три года назад. Сибилла сказала: не веди себя как бык, и она права. Нужно смотреть, куда ступаешь. Что случилось три года назад? У меня есть время, чтобы об этом подумать...»

Вслух он сказал:

– Что дальше?

– Похоже, у вас был трудный день, сэр, – сказал Вилликинс. – Утром вы отправились в каталажку с юным недотепой, который возомнил себя стражником, а потом, в обществе некоего гоблина, вы и помянутый юный недотепа пошли на Холм Мертвеца, где провели некоторое время, пока вместе с помянутым юным недотепой не вернулись сюда, где одним недотепой наконец стало меньше, – Вилликинс улыбнулся. – На кухне все время толчется народ, сэр, а сплетни – это нечто вроде валюты, которая в ходу под лестницей. Не забывайте, сэр, несмотря на грозный взгляд мистера Сильвера, я – самая большая шишка среди прислуги. Я могу ходить куда захочу и делать что захочу, а они пусть подавятся, если им это не по нраву. Из многих окон в Холле хорошо виден весь холм, а служанки весьма сговорчивы, сэр. Похоже, девочкам просто не терпится получить место в доме на Лепешечной улице. Они очень хотят повидать огни большого города, сэр. Весьма сговорчивы, да. Еще я нашел в кабинете неплохой телескоп. Отличный вид на Холм Висельника. Я буквально читал у вас по губам. Юному Сэму очень понравилось играть в «найди папу».

Ваймс ощутил укол совести при этих словах. Он ведь собирался провести отпуск с семьей, не так ли? Но...

– Кто-то убил гоблина в роце на Холме Висельника, – уныло сказал он. – Они уж постарались пролить побольше крови, чтобы нашему рьяному молодому другу было за что уцепиться. Он здорово напуган; подозреваю,

парнишка никогда раньше не видел труп.

Вилликинс искренне удивился.

– Что, никогда? Может быть, я перееду сюда, когда выйду на пенсию. Правда, скорее всего, умру от скуки.

В голову Ваймсу вдруг пришла одна мысль.

– Когда ты смотрел в телескоп, то не видел ли на холме еще кого-нибудь?

Вилликинс покачал головой.

– Нет, сэр, только вас.

Они оба повернулись и посмотрели на Юного Сэма, который старательно зарисовывал в блокноте цыплячий помет, и Вилликинс тихонько сказал:

– У вас отличный парнишка, сэр, очень бойкий. Своего не упустит.

Ваймс покачал головой.

– Ей-богу, ты прав, но... она была вся изранена. Чем-то железным, это несомненно. У гоблинов только каменное оружие. Бедняжку изрезали и выпустили столько крови, чтобы заметил любой идиот. Ее звали в честь цветка...

Вилликинс издал какой-то неодобрительный звук.

– Стражникам не следует быть сентиментальными, это мешает рассуждать здраво. Вы сами так говорили. Если видишь какую-нибудь ужасную домашнюю сцену и думаешь, что дело можно поправить, надавав кому-нибудь пинков, как поймешь, когда следует остановиться? Вот что вы говорили. Ударить человека в драке – это одно дело, но когда он в наручниках, так нельзя.

К большому удивлению Ваймса, Вилликинс добродушно похлопал его по плечу (если Вилликинс кого-то хлопал недружелюбно, это сразу становилось понятно).

– Послушайте моего совета, командор, и устройте завтра выходной. Покатайтесь на лодке по озеру, сводите парнишку в лес – кстати сказать, там буквально по колено самого разного помета. Он решит, что попал в рай. Кстати, Юный Сэм еще сказал мне, что хочет снова повидать того вонючего старика с черепом. Знаете что? С такими мозгами он к шестидесяти годам станет аркканцлером Незримого университета!

Вилликинс, должно быть, увидел гримасу Ваймса и поспешно продолжал:

– Чем вы так удивлены, сэр? Возможно, он однажды захочет стать алхимиком. Только не говорите, что вы бы предпочли видеть его стражником – вы ведь этого не хотите, правда? По крайней мере,

волшебника никто не пнет по шарам, так? Разумеется, им приходится сражаться со всякими кошмарными тварями из неизвестных измерений, но твари не носят с собой ножи, и потом, волшебники проходят специальную подготовку. Об этом стоит подумать, командор, потому что Юный Сэм растет как сорная трава, и хорошо бы наставить его на путь истинный. А теперь, если вы меня извините, командор, я пойду и подокучаю слугам.

Вилликинс сделал несколько шагов, остановился, взглянул на Ваймса и сказал:

– Смотрите на это так, сэр: если вы возьмете выходной, виновный не перестанет быть виновным, мертвый не станет еще мертвее, а ее светлость не попытается обезглавить вас гардеробной вешалкой.

Гости, пришедшие к госпоже Сибилле на чай, уже расходились, когда Ваймс вернулся в Холл. Он отскреб с сапог почву сельской местности и направился в ванную.

Разумеется, в доме было множество ванн – возможно, даже больше, чем на целой улице многих кварталов Анк-Морпорка, где омовения по мере необходимости совершались при помощи лохани и кувшина или не совершались вовсе. Но ванная в Овнец-Холле была выстроена по проекту Безумного Джека Овнеца и напоминала знаменитую Удобную купальню в Незримом университете, хотя, если бы Безумный Джек приложил руку и к ней, она наверняка называлась бы Стидобной, поскольку он питал здоровое (или, наоборот, нездоровое) пристрастие к женщинам. И по ванной Холла это было видно, о да. Разумеется, белые мраморные прелести художник облагородил амфорами, гроздьями винограда и неизбежными лоскутками прозрачной ткани, к счастью, наклепанными в нужных местах и не позволявшими искусству перейти в порнографию. И ни в какой другой ванной, вероятно, не торчали краны с надписями «горячая», «холодная», «бренди».

А еще там были настенные росписи, и если ванну принимал человек, легко поддающийся внушению, холодная вода могла прийти как раз кстати, потому что по всем стенам красовалось великое множество, скажем так, пикантных моментов, и обнаженные женщины представляли собой не самую большую проблему. Там были и мраморные мужчины, стопроцентные мужчины, но только с козьими ногами. Просто удивительно, что вода в ванной не закипала сама собой. Ваймс расспросил Сибиллу, и она сказала: «Это неотъемлемая часть Холла, и знатоки старинного искусства частенько приезжают сюда, чтобы на нее полюбоваться». Ваймс ответил, что он в этом не сомневается, о, не

сомневается. Сибилла заметила, что ирония не уместна, поскольку сама она периодически принимала здесь ванну с тех пор, как ей исполнилось двенадцать, и ничего плохого в этом не видела. Более того, в дальнейшем она уже не удивлялась.

А теперь Ваймс лежал в шикарной ванне и не мог расслабиться, так как пытался сложить в единую картину фрагменты разрозненных мыслей. Краем сознания он почувствовал, как дверь ванной открылась, и до него донесся голос Сибиллы:

– Я уложила Юного Сэма, и он тут же заснул, хотя представить себе не могу, что ему снится.

Млея в горячей, насыщенной паром атмосфере, Ваймс краем уха слышал шелест платья, упавшего на пол. Госпожа Сибилла скользнула в ванну, вода поднялась, и настроение у Сэма Ваймса значительно улучшилось.

Через несколько часов, утопая в подушках на огромной кровати и витая в теплом розовом свете, Сэм Ваймс не сомневался, что слышит, как ему нашептывает собственный внутренний голос. Этот голос говорил: «Ищи то, что не вписывается в общую картину. Зачем приятной леди из высшего общества ходить в гоблинскую пещеру, как будто это самое естественное для нее занятие?» Ваймс ответил: «Ну, в городе Сибилла массу времени проводит в тяжелом защитном костюме и огнеупорном шлеме, потому что ей нравятся драконы. Важные дамы частенько чем-нибудь таким занимаются».

Он обдумал то, что вынужден был сказать, и ответил самому себе: «Да, но драконы, что называется, социально приемлемы. А гоблины уж точно нет. Ни у кого не найдется для них доброго слова, кроме мисс Бидл. Так почему бы не сводить к ней завтра Юного Сэма? В конце концов, это она заинтересовала его какашками, и она писательница, так что, наверное, порадуетя развлечению. Да, отличная идея, и Юному Сэму будет полезно, и я вовсе не веду расследование...» Удовлетворившись этим, Ваймс стал ждать наступления сна, вопреки воплям, взвизгам, загадочному далекому стуку, вороватому шороху, крикам, неприятному тиканью, зловещему скрипу, жуткому хлопанью крыльев где-то поблизости и прочему мерзкому шуму, известному под названием деревенской тишины.

Он допоздна играл в бильярд с Вилликинсом, просто чтобы не утратить хватку, и теперь, краем уха слушая феерическую какофонию за окном, задумался, можно ли сравнить расследование сложного дела, которое нужно вести с особым тщанием, с партией в снукер. Разумеется, на

пути попадается много красных шаров, которые приходится отгонять в сторону, но цель – конечная цель – обязательно окажется черной...

В Графствах живут влиятельные люди, поэтому он будет действовать осторожно. Образно выражаясь, Сэм Ваймс мысленно нацелил кий.

Он откинулся на подушки, наслаждаясь чудесным ощущением постепенного погружения в их недра, и спросил у Сибиллы:

– А у Ржавов есть здесь дом?

Ваймс слишком поздно сообразил, что, возможно, сделал неверный шаг: Сибилла наверняка упоминала об этом раньше, а он, типичным для женатого мужчины образом, пропускал ее слова мимо ушей, и теперь драгоценные уютные минуты перед сном могли быть испорчены нотацией. Ему был виден только самый кончик носа Сибиллы, поглощенной подушками. Она сонно пробормотала:

– А... они купили лет десять назад Заусенц-манор, после того как маркиз Пышнохвост зарезал свою жену садовым ножом в ананасовой теплице. Неужели не помнишь? Ты несколько месяцев разыскивал его по городу. В конце концов все решили, что он уехал на Четвертый континент и замаскировался, перестав называть себя маркизом Пышнохвостом.

– Да, точно, – сказал Ваймс. – Помню, многие его приятели здорово злились из-за расследования. Ведь он совершил всего одно убийство, и женщина сама была виновата – надо же быть такой бестактной, чтобы умереть от легонького удара ножом!

Госпожа Сибилла повернулась, а поскольку природа богато одарила ее в плане гравитации, ближайшая подушка, как шестеренка, мягко повернулась в противоположную сторону, и Сэм Ваймс уткнулся лицом в постель. Он выбрался на поверхность и спросил:

– Ржав купил их дом, да? Удивительно, что этот старый черт истратил хоть пенни лишку.

– Не он, а Эмбрион, дорогой.

Ваймс очнулся.

– Его сын? Бандит?

– Сэм, подходящее слово здесь – предприниматель, и я очень хочу спать, если ты не возражаешь.

Сэм Ваймс знал, что лучше всего промолчать. Он вновь погрузился в недра постели, перебирая в уме такие слова, как «жулик», «головорез», «человек, перевернувший представления о хорошем и плохом, своем и чужом», «прохиндей», «деляга» и «неприкасаемый»...

Мягко погрузившись в кошмарный мир, где хорошие и плохие парни частенько менялись местами без предупреждения, Ваймс окончательно

поборол бессонницу и уж постарался, чтобы она не очнулась в ближайшие восемь часов.

На следующее утро Ваймс задумчиво шагал к дому мисс Бидл, держа сына за руку и не зная, чего ожидать. У него было мало опыта общения с литературным миром, он предпочитал нелитературный, а временами даже непечатный, и вдобавок слышал, что писатели проводят целый день в халате, попивая шампанское^[16]. С другой стороны, когда он приблизился к дому, стоявшему в конце тенистой тропки, его охватили сомнения. Во-первых, при так называемом коттедже был огород, который сделал бы честь и ферме. Заглянув через забор, Ваймс заметил грядки с овощами и ягодами. Еще там был фруктовый сад, и нечто вроде свинарника, и приличный дворовый нужник, весьма профессионально устроенный, с обязательным отверстием в виде полумесяца, выпиленным лобзиком в двери, и поленница, сложенная поближе к дому, чтобы извлекать максимум пользы из каждой прогулки по нужде. Повсюду царила атмосфера основательности и рациональности, которой, разумеется, не ожидаешь от человека, жонглирующего словами.

Мисс Бидл открыла дверь через секунду после того, как Ваймс постучал. Она ничуть не удивилась.

– Я отчасти ожидала вас, ваша светлость, – сказала она. – Или сегодня вы – мистер Стражник? Насколько мне известно, вы всегда – мистер Стражник, так или иначе... – мисс Бидл опустила глаза. – А это, видимо, Юный Сэм.

Она перевела взгляд на Ваймса.

– Дети обычно так стесняются, правда?

– Знаете, у меня уже столько какашек, – с гордостью произнес Юный Сэм. – Я их храню в банках из-под варенья, а в туалете устроил лабораторию. А слоновьи какашки у вас есть? Они делают вот так... – Он помолчал для пущего эффекта. – Шлеп!

На мгновение глаза у мисс Бидл слегка остекленели, как у всякого, кто впервые общался с Юным Сэмом. Затем она взглянула на Ваймса.

– Вы, наверное, очень гордитесь своим сыном.

Гордый отец ответил:

– Едва за ним поспеваю.

Мисс Бидл провела их в комнату, в оформлении которой главную роль играл ситец, и подозвала Юного Сэма к огромному бюро. Она открыла ящик и протянула мальчику книжку:

– Это гранки «Серной радости», и я подпишу ее для тебя, если хочешь.

Юный Сэм взял книгу, как святыню, а его отец, внезапно превратившись в мать, переспросил:

– Что-что?

Юный Сэм ответил улыбкой и произнес:

– Спасибо, только, пожалуйста, ничего не пишите в ней. Мне не разрешают писать в книжках.

Пока мальчик радостно листал новую книгу, Ваймс опустился в мягкое кресло. Мисс Бидл улыбнулась и заспешила на кухню, предоставив гостю разглядывать комнату, полную книжных полок и мягкой мебели. Еще там стояла большая концертная арфа и висели часы в виде совы, у которой глаза гипнотически качались туда-сюда в такт тиканью, наводя наблюдателя на мысль, что надо либо покончить с собой, либо достать из камина керогу и расколотить эту штуковину к чертовой матери.

Рассматривая сову, Ваймс понял, что за ним наблюдают; он обернулся и увидел встревоженное личико и выступающую челюсть юной гоблинки по имени Слезы Гриба.

Он инстинктивно взглянул на Юного Сэма, и внезапно ему в голову пришла невероятная мысль: как поступит Юный Сэм? Сколько книжек он прочел? Родители не рассказывали ему страшилки про гоблинов, не так ли? И не читали мальчику слишком много невинных радужных сказок, в которых фигурируют ужасные создания и беспричинный страх, который однажды скажется.

Юный Сэм прошагал через комнату, остановился перед девочкой и сказал:

– Я много знаю про какашки. Это очень интересно.

Слезы Гриба взглядом лихорадочно принялась искать мисс Бидл, а Юный Сэм, абсолютно не стесняясь, пустился в краткую лекцию об овечьем помете. В ответ Слезы Гриба, укладывая слова точно кирпичики, спросила:

– А... для чего... какашки?

Юный Сэм нахмурился, как будто кто-то поставил под сомнение его жизненную цель. Но тут же он просиял и ответил:

– Ну, если бы их не было, ты бы взорвалась!

И радостно заулыбался, словно разрешив вопрос огромной важности.

Слезы Гриба засмеялась. Ее смех звучал отрывисто, напоминая Ваймсу смех женщин определенного сорта и после определенного количества джина. Но все-таки это был смех, искренний, неподдельный и естественный, и Юный Сэм наслаждался им и хихикал, и старший Сэм, у которого на щеках высыхал пот, тоже.

Потом Юный Сэм сказал:

– Ого, какие у тебя большие руки. Как тебя зовут?

Тем же отрывистым тоном, к которому Ваймс уже привык, девочка ответила:

– Меня зовут Слезы Гриба.

Юный Сэм немедленно обнял ее, насколько хватило рук, и крикнул:

– Грибы не должны плакать!

На лице девочки возникло то самое выражение, которое Сэм Ваймс столько раз видел на лицах людей, попадавших в объятия Юного Сэма, – смесь удивления и замешательства. В этот момент в комнату вернулась мисс Бидл, держа тарелку, которую передала Слезам Гриба.

– Пожалуйста, угости наших гостей, дорогая.

Слезы Гриба взяла тарелку и нерешительно пододвинула ее к Ваймсу, произнесла нечто, на слух напоминавшее стук десятка кокосовых орехов, катящихся по лестнице, но он сумел различить слова «вы», «ешьте» и «я приготовила». В выражении ее лица читалась мольба, как будто девочка пыталась сделать так, чтобы он понял.

Ваймс некоторое время рассматривал ее лицо, а потом подумал: «Я ведь могу понять, не так ли? Стоит попробовать». Он закрыл глаза – весьма неоднозначное действие, когда находишься лицом к лицу с обладателем такой выдающейся челюсти. Плотно зажмурившись и накрыв глаза рукой, чтобы отсечь доступ свету, он попросил:

– Можете повторить еще разок, юная... леди?

И, погружившись в темноту, отчетливо расслышал следующее:

– Я сегодня испекла печенье, мистер по-люс-мен. И вымыла руки, – нервно добавила девочка. – Печенье чистое и вкусное. Вот что я сказала, и это точно.

«Гоблинская выпечка», – подумал Ваймс, открыв глаза и взяв шишковатое, но аппетитное на вид печенье со стоявшей перед ним тарелки, а потом снова сомкнул веки и спросил:

– Почему грибы плачут?

В темноте он услышал, как девочка ахнула.

– Они плачут, чтобы было больше грибов, – ответила она. – Это же ясно.

Ваймс услышал слабое позвякивание столовых приборов за спиной, но, едва он убрал руку от глаз, мисс Бидл сказала:

– Нет, оставайтесь в темноте, командор. Значит, то, что говорят про вас гномы, – правда.

– Не знаю. А что говорят про меня гномы, мисс Бидл?

Ваймс открыл глаза. Мисс Бидл сидела в кресле почти напротив него, а Слезы Гриба стояла над тарелкой с таким видом, как будто готова была ждать продолжения до скончания века – ну или пока не велют прекратить. Она умоляюще взглянула на Ваймса, затем на Юного Сэма, который с интересом изучал Слезы Гриба, хотя, зная Юного Сэма, Ваймс сказал бы, что интерес в основном относился к тарелке с печеньем. Поэтому отец сказал:

– Ладно, мальчик, попроси у девушки печенье, только не забывай о хороших манерах.

– Говорят, тьма в вас, командор, но вы держите ее в клетке. Подарок из Кумской долины, так сказать.

Сэм моргнул.

– Гномье суеверие в гоблинской пещере? Вы много знаете про гномов?

– Немало, – ответила мисс Бидл, – но про гоблинов – больше. Они верят в Призывающую Тьму, как и гномы, – в конце концов, они тоже пещерные жители, и Призывающая Тьма реально существует. Она не только в вашей голове, командор; что бы она вам ни говорила, я тоже иногда ее слышу. Ох, боги, уж вы-то должны распознать надрассудок, раз он вами овладел. Это противоположность предрассудку. Надрассудок реален, даже если ты в него не веришь. Этому меня научила моя мать. Она была гоблинкой.

Ваймс взглянул на красивую темноволосую женщину, сидевшую перед ним, и вежливо произнес:

– Не верю.

– Ну, может быть, вы простите мне некоторую неточность ради пущего эффекта? На самом деле, когда моей матери было три года, ее подобрали и воспитали гоблины в Убервальде. Примерно до одиннадцати лет – я говорю «примерно», потому что она никогда не знала в точности – она мыслила и действовала как гоблин и выучилась их языку, который невероятно сложен для всякого, кто не слышит его с рождения. Она ела с ними, ухаживала за собственной грибной делянкой и пользовалась большим уважением за заботу о крысином питомнике. Однажды мать сказала, что до встречи с моим отцом самыми приятными были воспоминания о годах, проведенных в пещере с гоблинами.

Мисс Бидл помешала кофе и продолжила:

– Еще она поделилась со мной своими худшими воспоминаниями, которые являлись ей в ночных кошмарах, и, надо сказать, теперь являются и мне. Однажды какие-то люди, жившие поблизости, узнали, что под землей, среди злых коварных тварей, которые, как известно, пожирают

человеческих младенцев, живет золотоволосая румяная девочка. Она кричала и отбивалась, когда ее пытались вытащить из пещеры, особенно после того, как гоблины, которых она считала своей семьей, полегли вокруг мертвыми...

Настала тишина. Ваймс со страхом взглянул на Юного Сэма, который, слава богам, уткнулся в книжку и был утрачен для мира.

– Вы не притронулись к кофе, командор. Вы просто держите чашку и смотрите на меня.

Ваймс сделал большой глоток очень горячего кофе, который сейчас вполне соответствовал его настроению. Он спросил:

– Это правда? Извините, я не знаю, что еще сказать.

Слезы Гриба внимательно наблюдали за ним, готовая вновь подступить с печеньем. Оно на самом деле было очень вкусное; чтобы скрыть замешательство, Ваймс поблагодарил девочку и взял еще одно.

– Значит, лучше не говорите ничего, – произнесла мисс Бидл. – Их всех перебили, без какой-либо причины. Бывает. Ведь гоблины бесполезны, правда? Говорю вам, командор, самые ужасные вещи на свете совершают люди, которые искренне думают, что поступают так ради общего блага, особенно если в дело вовлечено какое-нибудь божество. В общем, понадобилось много разных вещей и уйма времени, чтобы убедить маленькую девочку, что она не мерзкий гоблин, а человек, и как это превосходно. Никто не сомневался, что в один прекрасный день она поймет: ведро холодной воды и побои всякий раз, когда она заговорит по-гоблински или в рассеянности начнет напевать гоблинскую песню, на самом деле в ее же интересах. К счастью – хотя она, вероятно, так в те дни не думала, – моя мать была сильной и умной, она многому научилась. Научилась быть хорошей девочкой, носить одежду, есть ножом и вилкой, преклонять колени и возносить молитвы за все, что посылало ей небо, в том числе побои. Она так успешно перестала быть гоблином, что ей позволили работать в саду... и тогда она перескочила через стену. Ее так и не сломали – и мать говорила мне, что в ней всегда останется частица гоблина. Я никогда не видела своего отца. По маминым словам, он был порядочным и трудолюбивым человеком, а еще, наверное, понимающим и заботливым.

Мисс Бидл встала и оправила платье, словно стряхивая крошки истории. Стоя в обитой ситцем комнате с арфой, она произнесла:

– Я не знаю, кто были те люди, которые убили гоблинов и избивали мою мать, но если бы я их нашла, то перерезала бы не задумавшись, потому что хорошие люди мерзостей не делают. Доброта – это то, что ты

делаешь, а не то, о чем ты молишься. Вот как оно получилось, – продолжала мисс Бидл. – Мой отец был ювелиром, и вскоре он обнаружил, что моя мать невероятно талантлива в этом отношении, возможно из-за гоблинского прошлого, которое позволило ей развить чутье на камни. Не сомневаюсь, это с лихвой искупало тот факт, что его жена в раздражении ругалась по-гоблински – и, позвольте заметить, хорошее гоблинское ругательство может продолжаться как минимум четверть часа. Мама, как вы, наверное, догадываетесь, недолюбливала книжки, зато отец любил читать, и однажды я подумала: «Неужели писать так трудно? В конце концов, большинство слов – это «и», «я», «они» и так далее, и выбор огромный, то есть большую часть работы за меня уже кто-то проделал». С тех пор я написала пятьдесят семь книг. Кажется, моя метода сработала.

Мисс Бидл подалась вперед.

– У гоблинов такой сложный язык, что и вообразить невозможно, командор. Значение каждого слова зависит от контекста, от говорящего, от слушателя, от времени года, от погоды и многих других вещей. У гоблинов существует нечто вроде поэзии; они пользуются огнем... и примерно три года назад почти всех гоблинов в округе переловили и увезли прочь, потому что они досаждают людям. Разве не поэтому вы здесь?

Ваймс сделал глубокий вдох.

– На самом деле, мисс Бидл, я приехал, чтобы посмотреть поместье Сибиллы и показать сыну деревенскую жизнь. В процессе меня чуть не арестовали по подозрению в убийстве кузнеца, и я увидел изрубленное тело гоблинки. В довершение всего я до сих пор понятия не имею о местонахождении помянутого кузнеца, и, надеюсь, мисс Бидл, кто-нибудь не откажется меня просветить, например вы.

– Да, я тоже видела бедняжку, и мне очень жаль, что я не могу сказать вам, где Джетро.

Ваймс уставился на нее и подумал, что она, похоже, говорит правду.

– Он ведь не прячется где-то в шахте?

– Нет, я там искала. Я везде искала. Ни записки, ничего. Его родители тоже ничего не знают. Джетро, конечно, вольный ветер, но не настолько, чтобы уйти, не сказав мне... – Мисс Бидл опустила глаза, явно смутившись.

Эта пауза говорила о многом. Ваймс нарушил молчание первым:

– Убийство той несчастной гоблинки на холме не останется безнаказанным, пока я жив. Читайте, что я принял его близко к сердцу. Кажется, тут кто-то пытается меня подставить, а дурные вести не лежат на месте... – Он помедлил. – Скажите мне... эти горшочки, которые делают

гоблины... они все время носят их с собой?

– Да, конечно, но только те, которые наполняют в данный момент, разумеется, – с легким раздражением отозвалась мисс Бидл. – А это важно?

– Ну, можно сказать, что стражник мыслит на гоблинском языке: все зависит от контекста и так далее. Кстати говоря, а много ли народу знает, что у вас здесь проложен туннель, ведущий в холм?

– С чего вы взяли, что в доме есть туннель, ведущий в холм?

– Сейчас объясню. Ваш дом стоит практически у подножия холма, и, если бы я жил здесь, то вырыл бы приличный винный погреб. Это одна причина. А вторая в том, что я заметил блеск в ваших глазах, когда задал вопрос. Хотите, я его повторю?

Мисс Бидл открыла рот, чтобы ответить, но Ваймс поднял палец:

– Я еще не закончил. Гораздо интереснее тот факт, что вчера вы появились в пещере, но при этом никто не видел, как вы поднимались на холм. Говорят, в деревне за человеком наблюдает множество глаз, и так уж сложилось, что несколько пар вчера наблюдали за мной. Пожалуйста, не тратьте мое время даром. Насколько мне известно, вы не замешаны ни в каком преступлении, ведь быть доброй к гоблинам – это не преступление. – Ваймс подумал и добавил: – Хотя некоторые местные жители, наверное, думают иначе. Но я так не думаю, и я не дурак, мисс Бидл. Я видел голову гоблина в пабе. Она, похоже, провисела там много лет. И сейчас я, с вашего позволения, хочу вернуться в пещеру так, чтобы никто меня не заметил, потому что мне нужно задать несколько вопросов.

Мисс Бидл спросила:

– Вы намерены допрашивать гоблинов?

– Нет, это слово предполагает, что я буду их запугивать. А я просто хочу получить необходимые сведения, прежде чем начать расследование убийства. Если вы не пожелаете мне помочь, боюсь, это будет ваш выбор.

На следующий день сержант Колон не явился на службу. Госпожа Колон прислала записку с мальчишкой, как только сама вернулась с работы^[17].

Когда она вернулась домой, Фред Колон не был настроен на романтический лад, поэтому госпожа Колон подмела пол, выстирала белье, протерла все поверхности и некоторое время провела за выковыриванием комков грязи из дверного коврика. Затем она заспешила в Псевдополис-ярд, по пути навестив свою подругу Милдред, которая надумала продать очень милый фарфоровый кувшин и лохань. Когда она наконец добралась до штаб-квартиры Стражи, то объяснила, что Фреду очень плохо, он

обливается потом и болтает что-то про кроликов.

Сержанта Задранец послали выяснить, в чем дело. Вернулась она в крайне серьезном настроении и тут же зашагала по лестнице в кабинет Ваймса, куда временно перебрался капитан Моркоу. Нынешнего обитателя кабинета можно было определить не только потому, что сам Моркоу сидел в кресле, хотя это, несомненно, наводило на мысль, но и потому, что вся бумажная работа была сделана и разложена. Это неизменно удивляло инспектора Э.И. Пессимала, маленького человечка с сердцем льва, силой котенка и внешностью, которая заставляла даже самых закоренелых бухгалтеров говорить: «Вы только посмотрите на него. Правда, типичный бухгалтер?»

Но разговоры не тревожили львиное сердце Э.И. Пессимала. Он стал секретным оружием Стражи. Ни один счетовод в городе не порадовался бы визиту Э.И. Пессимала, если только, разумеется, ему нечего было скрывать, хотя, как показывала практика, бояться надо было всем: отпрыск рода Пессималов мог проследить ошибку через весь гроссбух вплоть до подвала, где лежали *подлинные* бухгалтерские книги. В уплату за свой гений инспектор Э.И. Пессимал хотел лишь тщательно высчитанного жалованья и возможности время от времени патрулировать улицу вместе с настоящими стражниками, помахивая дубинкой и сердито глядя на троллей.

Моркоу откинулся на спинку стула.

– Ну, как поживает Фред, Шелли?

– Ничего особенного, ей-богу... э...

– Это серьезное «э», Шелли.

Проблема заключалась в том, что у капитана Моркоу было дружелюбное, честное, открытое лицо, которое вызывало желание все ему рассказать. И вдобавок сержант Задранец питала слабость к капитану, пусть даже кое-кто готов был за него глотку перегрызть – но Моркоу был гномом, хотя бы теоретически, и мечтать не возбраняется.

– Э... – неохотно начала она.

Моркоу подался вперед.

– Ну, Шелли?

И она сдалась.

– Сэр, это коготтный горшочек. Вы родом из Медянки... вы часто встречали там гоблинов?

– Нет, но я знаю, что коготт – их религия, если можно так сказать.

Шелли Задранец покачала головой, пытаясь выкинуть из головы некоторые соображения касательно той роли, которую достаточно высокий

табурет может сыграть в отношениях, и напомнить себе, что сержант Златомолот, из Сестричек Долли, старательно перехватывает ее взгляд всякий раз, когда они случайно встречаются в патруле. Возможно, он оказался бы хорошей партией, если бы Шелли набралась смелости спросить, правда ли он мужчина^[18]...

Она сказала:

– Коготт – это не религия, а суеверие. Гоблины не верят в Така^[19], сэр, они дикари и пожиратели падали, но... – Шелли вновь помедлила. – Мне сказали когда-то одну вещь... просто не верится, но иногда они пожирают собственных детей, сэр, ну или, по крайней мере, мать пожирает своего ребенка, новорожденного младенца, если голод. *Представляете себе?*

У Моркоу на мгновение отвисла челюсть, а потом чей-то негромкий голос произнес:

– Да, кажется, представляю, сержант. Извините, что вмешался.

Э.И. Пессимал с вызовом взглянул на их лица и попытался максимально выпрямить спину.

– Видите ли, это вопрос логики. Нет еды? Но мать может выжить, съев ребенка, тогда как, если всякая другая еда закончилась, ребенок неизбежно умрет. На самом деле, ребенок обречен, как только эта дилемма возникает. Мать же, с другой стороны, сможет продержаться до тех пор, пока не найдет и не добудет еще еды, и, возможно, с течением времени она выносит другого ребенка.

– Ну, знаешь, ты прямо как приход и расход записал, – заметила Шелли.

Э.И. Пессимал не утратил своего спокойствия.

– Благодарю, сержант Задранец, я приму это как комплимент, потому что я рассуждаю совершенно логично. Это называется ужасной логикой необходимости. Я хорошо знаком с методами выживания в чрезвычайных ситуациях.

Кресло скрипнуло, когда капитан Моркоу подался вперед.

– Не обижайтесь, инспектор Пессимал, но могу ли я поинтересоваться, какого рода чрезвычайные ситуации возникают в процессе бухучета?

Э.И. Пессимал вздохнул.

– В конце финансового года ситуация может стать весьма рискованной, капитан. Так или иначе, я понимаю ваши сомнения и спешу заверить, что я прочел буквально все мемуары, справочники, дневники и послания в бутылке, – то есть, разумеется, послания, *вынутые* из бутылки, – которые известны и опубликованы, и позвольте заметить, вы удивитесь, какие

ужасные решения порой приходится принимать людям, чтобы хотя бы некоторые, если не все, могли выжить. В классическом случае мы имеем потерпевших крушение моряков, которые носятся в уютной лодочке по открытому морю, когда шансов на помощь весьма немного. Как правило, начинают с ног, хотя рано или поздно они сокращаются, извините за такое выражение, и тогда возникает вопрос: кто должен умереть, чтобы остальные могли выжить? Ужасная алгебра, капитан... – Лишь тогда Э.И. Пессиман покраснел. – Извините. Я знаю, что я человек маленький и слабый, но у меня огромная библиотека. Я грежу об опасных приключениях.

– Прогуляйтесь как-нибудь в Тени, инспектор, – посоветовал Моркоу. – И грезить не придется. Продолжай, Шелли.

Шельма Задранец пожалала плечами.

– Но ведь съесть собственных детей – это очень дурно!

– Знаете, сержант, – сказал Э.И. Пессимал, – я читал о таких случаях, и, если задуматься о результате – умрут ли и младенец и мать или же смерть ребенка, возможно, позволит сохранить жизнь матери, – мы неизбежно приходим к выводу, что она приняла верное решение. В своей книге «Пиршество червей» полковник Ф. Дж. Мэссинджем упоминает эту гоблинскую традицию; с точки зрения гоблинов, съеденный ребенок, который, разумеется, появился на свет из матери, возвращается туда, откуда пришел, чтобы родиться вновь в будущем, при более благоприятных обстоятельствах. Следовательно, никто не пострадает. Вы, возможно, думаете, что эта точка зрения не выдерживает никакой критики, но при столкновении с ужасной алгеброй необходимости мир становится совсем иным...

Все задумались. Наступила тишина.

Моркоу сказал:

– Сама знаешь, как бывает в уличной драке, Шелли. Иногда, если дело плохо и ты понимаешь, что один из вас должен умереть... тогда-то и начинается алгебра.

– Фред как будто не сознает, где находится, – заявила Шелли. – У него нет температуры, и в спальне прохладно, но он мечется, как в жару, и не выпускает из рук чертов горшочек. Фред страшно кричит, если кто-нибудь пытается хотя бы подойти к нему! Он даже на меня заорал! И вот еще что – голос у него изменился, он говорит так, как будто камни языком ворочает. Я поговорила с Думмингом Тупсом из Университета, но, похоже, там никто особо не разбирается в гоблинах...

Капитан Моркоу поднял бровь.

– Ты уверена? Я точно знаю, что у них есть профессор пыли, разрозненных частичек и крупниц, но при этом в Университете нет специалиста по целому классу говорящих гуманоидов?

– Именно так, сэр. Все, что удалось обнаружить, – это сведения о том, что гоблины досаждают людям, ну и так далее.

– Никто *ничего* не знает про гоблинов? Я имею в виду – ничего дельного?

Э.И. Пессимал отдал честь:

– Гарри Король знает, капитан. Там, в низовьях, есть гоблины. Хотя они редко заходят в город. Наверное, вы помните, как патриций Ветинари любезно попросил откомандировать меня туда, чтобы проверить доходы мистера Короля, поскольку остальные налоговые офицеры боялись заходить на его территорию. Лично я, сэр, не боялся, – с гордостью объявил Э.И. Пессимал, – потому что меня защищает мой значок и могущество закона. Гарри Король может сбросить сборщика налогов с крыши, но он достаточно умен, чтобы не трогать людей командора Ваймса, о да!

Гордым сиянием, которым озарилось лицо Э.И. Пессимала, можно было осветить целый город. Маленький человечек попытался выпятить грудь, которая, по большей части, уходила внутрь, и он раздулся еще немного, когда Моркоу сказал:

– Вы молодчина, инспектор. Да вы опасный человек, вооруженный дымящимися счетами. Пожалуй, первый визит с утра я нанесу нашему старому другу Гарри.

Ваймс всерьез задумался, стоит ли брать Юного Сэма на место преступления, но, честно говоря, парнишка явно был готов к встрече буквально с чем угодно. И потом, каждый ребенок не прочь посмотреть, как работает папа. Ваймс взглянул на сына.

– Ты не побоишься, если придется долго идти в темноте, мальчуган? Со мной и с этими дамами.

Юный Сэм на мгновение насупился, а затем ответил:

– Тогда я разрешу господину Свистку испугаться, а сам не буду.

Дверь в потайной туннель, если он действительно был потайным, находилась в погребе мисс Бидл, где стоял неплохой ассортимент вин и царил неизбежный и не такой уж противный запах подвала. Но, стоило им миновать дверь, как Ваймс почувал слабый запах гоблинов.

Прогулка в темноте действительно была длительной, тем более что пришлось взбираться по крутому склону практически на четвереньках.

Запах гоблинов спустя какое-то время стал сильнее, но со временем

нос к нему привыкал. Там и сям во мраке сквозь отверстия, выходившие наружу, проблескивал свет; Ваймс сначала решил, что это разумный инженерный ход, а потом сообразил, что этим туннелем также пользуются кролики, свидетельством чему было множество помета. Он задумался, не подобрать ли несколько образцов для коллекции Юного Сэма, но мальчик, мужественно шагавший следом за отцом, ответил:

– Не, папа, кроличий у меня есть. Лучше бы мы нашли слона.

Кроличий помет, как заметил Ваймс, был размером с изюмину в шоколаде, и эта мысль немедленно перенесла его во времена детства. В ту пору, если ему удавалось каким-то образом, пускай не вполне легальным, разжиться деньгами, он тратил их на билет в третьеразрядный мюзик-холл, а на сдачу покупал пакетик изюма в шоколаде. Сэм Ваймс никогда не знал – и не старался угадать, – какие существа скреблись и шуршали под сиденьями, зато быстро усвоил очень важное правило: если ты уронил изюминку, ни за что не поднимай!

Ваймс остановился, так что мисс Бидл врезалась в мешок яблок, который он нес на плечах, отдышался и наконец произнес:

– Мне нужно перевести дух, мисс Бидл. Извините, я уже не молод. И вообще, зачем мы тащим эти мешки?

– Там фрукты и овощи, командор.

– Что? Для гоблинов? А я думал, они сами добывают себе еду.

Мисс Бидл протиснулась мимо и полезла дальше в темноту, бросив через плечо:

– Да, командор.

Ваймс некоторое время сидел рядом с Юным Сэмом, пока не отдышался. Он спросил:

– Как ты себя чувствуешь, парень?

Тоненький голосок в темноте ответил:

– Я велел господину Свистку не волноваться, па. Он такой глупый.

«Как и твой отец, – подумал Ваймс, – и, возможно, это уже не справишь». Но он шел по следу. Он всегда, тем или иным образом, шел по следу. Тот, за кем гнались, мог и подождать. Главным было не сбиться со следа.

Гнев помог Ваймсу преодолеть последний отрезок подъема. Он злился на себя и на того, кто испортил ему отпуск. Но вот что его беспокоило: Ваймс хотел, чтобы что-нибудь случилось... и вот оно случилось. Появился труп. Иногда ты смотришь на самого себя... и отводишь взгляд.

Он догнал мисс Бидл и Слезы Гриба, которые ждали в обществе десятка других... женщин. Это была умозрительная догадка, поскольку

Ваймс еще не нашел надежного способа отличать одного гоблина от другого – разумеется, не считая того, что Слезы Гриба носила фартук с карманами, которого Ваймс раньше не видел. Вероятно, не видели и прочие гоблинки, потому что Слезы Гриба немедленно стала звездой сезона – ее соплеменницы в основном носили весьма рискованные наряды из старых мешков, пучков травы и кроличьих шкурок. Девушки собрались вокруг, что-то восклицая – видимо, в переводе с гоблинского это значило «Милая моя, ты замечательно выглядишь!»^[20]

Мисс Бидл тихонько подошла к Ваймсу и сказала:

– Я знаю, о чем вы думаете, но мы ведь только начинаем. Носить полезные вещи без помощи рук – это шаг в правильном направлении.

Она отвела Ваймса подальше от свежее испеченного гоблинского филиала Женского института, который к тому моменту заинтересовал Юного Сэма, чье ликующее бесстрашие явно покорило девушек. В результате мальчик оказался именно там, где, по его мнению, и должен был пребывать, а именно в центре внимания. Юный Сэм обладал настоящим талантом в этом отношении.

Мисс Бидл продолжала:

– Если хотите изменить целый народ, начните с женщин. И это вполне разумно: они быстрее учатся и передают новые знания своим детям. Наверное, вы гадаете, отчего мы тащились сюда с мешками?

У них за спиной фартук пошел по кругу, от одной гоблинки к другой; несомненно, ему предстояло стать хитом сезона. Ваймс повернулся обратно к мисс Бидл и сказал:

– Я могу лишь догадываться, но здесь повсюду полно кроличьих костей, а я слышал, что можно умереть, если есть только крольчатину, хоть и не знаю почему.

Мисс Бидл просияла.

– Что ж, командор Ваймс, вы, несомненно, выросли в моих глазах. Да, кролики – это сущий бич народа гоблинов. Насколько мне известно, если не есть ничего другого, в организме образуется нехватка каких-то важных веществ. Подойдет практически любая зелень, но гоблины-мужчины считают, что еда – это исключительно кролик на палочке, – она вздохнула. – Гномы об этом знают и относятся к хорошей еде с настоящим фанатизмом – неудивительно, если проводить большую часть жизни под землей, – но никто не предупредил гоблинов, да они и слушать бы не стали. Поэтому их удел – болезни и преждевременная смерть. Некоторые, конечно, выживают, в основном те, кто предпочитает крыс или кролика целиком, а не только самые вкусные части, ну или те, кто просто ест овощи.

Она начала развязывать мешок с капустой, продолжая:

– Я отлично поладила с женой вождя, потому что он болел, и я уж позаботилась о том, чтобы он хорошо питался. Разумеется, он клянется, что выздоровел, потому что прибег к магии, но его жена была довольно разумной женщиной, а другие мужчины не беспокоятся о том, чем заняты их подруги, поэтому гоблинки подмешивают фрукты и овощи в похлебку и говорят, что они волшебные. У них рождаются здоровые дети. Таким образом, мы меняем мир – за обедом и ужином. Если у гоблинов вообще будет шанс уцелеть... – Мисс Бидл грустно взглянула на сплетничающих девушек и сказала: – Что им нужно – так это первоклассный богослов, потому что, видите ли, они согласны с остальным человечеством и сами считают себя отбросами. Гоблины думают, что в старину совершили нечто очень плохое и из-за этого живут так, как теперь. Они думают, что их настигла кара, так сказать.

Ваймс нахмурился. Он не помнил, чтобы заходил хоть в одну церковь, храм или другие места, славившиеся хотя бы относительной духовностью, иначе как по рабочим делам. Правда, иногда он бывал там вместе с Сибиллой, то есть жена тащила Сэма Ваймса за собой, чтобы его заметили – и, по возможности, бодрствующим.

Нет, иной мир, жизнь после смерти, чистилище и прочее просто не укладывались у Ваймса в голове. Хочешь ты того или нет, ты родился, сделал что смог, а потом – хочешь ты того или нет – умер. Больше ничего люди не знают наверняка, а значит, самое лучшее для стражника – и дальше заниматься своим делом. И для Сэма Ваймса настало время вернуться к работе.

Юный Сэм к этому времени устал от женского общества и приблизился к старому гоблину, который трудился над горшочком. Мальчик с искренним восхищением и даже удовольствием, насколько мог судить Ваймс, наблюдал за гоблином. «Вот урок для нас... не знаю какой, но несомненный урок», – подумал он.

Ваймс подождал, когда мисс Бидл закончит обсуждать последний писк моды с девушками, а потом вежливо спросил:

– У жертвы были с собой коготтные горшочки?

– Я бы удивилась, если бы нет, – ответила мисс Бидл. – По крайней мере, один или два, но, скорее всего, довольно маленькие, для использования в течение дня.

– Понимаю, – сказал Ваймс. – Но нашли ли их на ней... э... потом, в смысле когда ее перенесли вниз?

Он сам не знал, каковы правила на сей счет, и продолжал:

– Послушайте, мисс Бидл, может ли быть так, что у погибшей были с собой горшочки, которые потом пропали? Я, конечно, понимаю, что они ценные – они так блестят.

– Не знаю, но могу спросить у Холодной Кости Просыпается. Он здесь главный. Он наверняка знает.

Ваймс кое о чем вспомнил. С некоторым смущением он полез в карман, извлек оттуда нечто тщательно завернутое и с умоляющим взглядом протянул мисс Бидл.

– Кажется, это принадлежало убитой девушке, – сказал он. – Каменный перстень с маленьким синим камнем. Пожалуйста, передайте его тому, кому он будет дорог.

«Все, что у нее было, – это каменное колечко, – подумал Ваймс, – да и то отняли».

Иногда мир нуждается не в стражнике, а в человеке, который знает, что делает, чтобы поставить точку и начать все сначала, и на сей раз правильно...

Но прежде чем отчаяние успело угнеститься в нем, мисс Бидл вернулась. Она была в радостном возбуждении.

– Как хорошо, что вы спросили, командор! Один горшочек действительно пропал! Коготный кот!

Ваймс мог изобразить абсолютное непонимание, как любой стражник. Его лицо просто излучало невежество, но мисс Бидл и так уже готовилась выдать на-гора массу информации.

– Разумеется, вы знаете то же, что и все, командор, а именно, что гоблины старательно хранят свои телесные выделения в горшочках и верят, что их частицы воссоединятся с ними после погребения. Это верование называется коготтом. Все гоблины должны – по традиции, которая строго соблюдается, – поддерживать хад, триединство ушной серы, обрезков ногтей и слизи из носа. В данном случае отсутствующий горшочек – это так называемый кот, который содержит обрезки ногтей. И пусть вас не смущает название, кошки тут ни при чем... просто в мире ограниченное количество букв.

– Вы сейчас впервые услышали о пропавшем горшочке, мисс Бидл?

– Сегодня я впервые сюда пришла со вчерашнего дня, и сейчас не лучшее время, чтобы общаться с семьей жертвы, как вы, наверное, понимаете.

– О да, – ответил Ваймс, хотя и не особенно понимал, но чувствовал, как в темноте сознания растет крошечный лучик света. Он взглянул на Юного Сэма, который изучал старого гоблина с явным исследовательским

интересом. Какой умница.

Он продолжал:

– Гоблины искали пропавший горшочек?

– Повсюду, командор, даже снаружи. Он довольно маленький. Понимаете ли, все гоблины делают множество горшочков, которые хранятся глубоко в недрах пещеры. Я не знаю где, хотя гоблины поверяют мне большинство своих забот. Но люди воруют горшочки. По этой причине большинство гоблинов делают относительно маленькие емкости для ежедневного использования и для тех случаев, когда нужно покинуть пещеру, а потом втайне опорожняют их в большие горшки... – Мисс Бидл попыталась улыбнуться. – Я не сомневаюсь, вам это кажется очень странным, командор, но изготовление и наполнение горшочков для гоблинов – само по себе религия.

Сэмюэль Ваймс не настроен был делиться своими соображениями по этому поводу, поэтому он просто спросил:

– А может быть, что горшочек украл другой гоблин? И вообще, «относительно маленький» – это какой?

Мисс Бидл с удивлением взглянула на него.

– Если вы мне доверяете, командор, то, пожалуйста, поверьте и теперь. Никакому гоблину не придет в голову украсть чужой горшочек. Заверяю вас, сама мысль об этом исключается. А размер? Ну, что-то вроде дамской пудреницы или, скажем, табакерки. Они светятся, как опалы.

– Да, я знаю, – ответил Ваймс и подумал: «Разноцветные блики в темноте». Он произнес:

– Не хочу доставлять неприятности, но нельзя ли мне взять один из горшочков покойной? Он пригодится, чтобы объяснить людям, что именно я ищу.

Мисс Бидл вновь удивилась.

– Это невозможно, командор. Но, пожалуй, я поговорю со Слезами Гриба, и она, быть может, – хотя и не ручаюсь – одолжит один из своих горшочков, и в таком случае считайте, что вам оказали великую честь, командор. Горшочек обычно переходит в другие руки только в чрезвычайных обстоятельствах, но Слезы Гриба много времени проводит со мной. Она научилась, так сказать, мыслить гибко, и, позвольте заметить, девочка к вам равнодушна.

Мисс Бидл ушла, оставив озадаченного Ваймса и Юного Сэма заниматься своими делами. Там и сям возились гоблины, поддерживали огонь, спали или, преимущественно, мастерили горшочки. Несколько гоблинов просто сидели и смотрели в никуда, как стражники,

размышляющие над правописанием слова «фантазмагория».

Из памяти Ваймса выплыла еще одна картина. Множество синих человечков, вопящих: «Едрить-колотить»! Ах да, Нак-Мак-Фигли. Они тоже жили в норах под землей. Конечно, там, по слухам, был более здоровый образ жизни, чем в этих замусоренных пещерах, но, как ни крути, они находились там же, где и гоблины, – на грани. Но Нак-Мак-Фигли... танцевали на грани, прыгали на ней, корчили бездне рожи, показывали нос, отказывались признавать опасность положения и, в общем, не утратили любви к жизни, приключениям и спиртному. Ему как стражнику не следовало бы этого говорить, потому что от Нак-Мак-Фиглей хватало неприятностей, но было нечто достойное уважения в их бурном жизнелюбии, с которым они встречали буквально всё.

Вдруг кто-то потянул Ваймса за рукав. Он опустил глаза и увидел Слезы Гриба. За ней, как дуэнья, стояла мисс Бидл. Другие гоблинки держались в стороне, напоминая эфебский хор.

Торжественный голосок произнес:

– Сердца должны отдавать, мистер по-люс-мен.

Мисс Бидл, ужасающе не вовремя, вмешалась, как не в меру активная учительница, и Ваймс с тайным ликованием увидел мимолетное выражение досады на лице Слез Гриба.

– Она имеет в виду, что если она доверяет вам горшочек, то вы должны отдать ей нечто равноценное. Можно сказать, это что-то вроде обмена заложниками.

«Нет, я бы так не сказал», – подумал Ваймс, глядя в темные глаза девочки. Странно – если не обращать внимания на черты лица, которые в лучшем случае можно было назвать неприятными (в зависимости от того, какие у вас притязания), глаза выглядели на удивление человеческими. В них была глубина, которой недостает даже самым разумным животным. Ваймс полез за бумажником, но мисс Бидл резко сказала:

– Деньги не годятся.

Не обращая на нее внимания, Ваймс вытащил иконографию Юного Сэма, которую повсюду носил с собой, и осторожно протянул Слезам Гриба. Та взяла ее, как нечто очень редкое и хрупкое – с точки зрения Ваймса, так оно и было. Девочка посмотрела на рисунок, потом на Юного Сэма, который радостно улыбнулся, и взглядом подтвердила, что гримаса на ее лице на самом деле была ответной улыбкой. Юный Сэм явно считал гоблинскую пещеру занятой волшебной страной. Ваймс восхищался его способностью ничего не бояться.

Слезы Гриба вновь посмотрела на рисунок и на Юного Сэма, потом на Ваймса. Она осторожно спрятала иконографию в карман фартука и протянула слегка дрожавшую руку, которая сжимала маленький радужный горшочек. Ваймс осторожно взял его обеими руками. Слезы Гриба произнесла своим странным голосом, как будто расставляя слова на полке:

– Сердца отдали.

И у Ваймса подкосились ноги.

Он подумал: а ведь на стене паба могла висеть ее голова.

Кто-то должен за это ответить.

В глубине сознания бодрый голос произнес: «Прекрасно, командор Ваймс, наконец-то мы с тобой спелись».

Не обращая на это внимания, он ощупывал маленький горшочек, гладкий, как кожа. Для чего бы он ни предназначался, Ваймс не собирался спрашивать; содержимое надежно крылось за стенками, украшенными резьбой в виде переплетенных цветов и грибов.

В прохладных недрах своего погреба трактирщик Джимини готовился к вечернему наплыву клиентов, когда услышал какой-то шум в темноте за бочонками. Он решил, что это очередная крыса, когда вдруг чья-то рука зажала ему рот.

– Извините, сэр, но у меня есть основания полагать, что вы можете помочь мне в расследовании.

Трактирщик сопротивлялся, но Ваймс знал все уловки и фокусы, когда дело доходило до задержания. Он прошипел:

– Вы знаете, кто я такой, сэр, а я знаю, кто вы. Мы оба стражники, мы многое повидали. Вы сказали, что трактирщик видит и слышит все, но ничего не говорит. Я мирный человек, мистер Джимини, но сейчас я расследую убийство. Убийство, то есть тяжкое преступление, а может быть, и нечто худшее. Поэтому извините, но я полагаю, что те, кто не стоит за моей спиной, стоит у меня на пути, со всеми вытекающими последствиями.

Джимини уже задыхался и слабо барахтался.

– Ага, слишком много пьете и слишком мало ходите, насколько я понимаю, – произнес Ваймс. – Ну, я не стану требовать нарушения торжественной клятвы трактирщика, а потому, когда я уберу руку, мы спокойно сядем и поиграем в шарады. Сейчас я отпущу...

Трактирщик сипло выругался и добавил:

– Зря вы так, командор. У меня, между прочим, слабая грудь.

– Бывает и хуже, поверьте, мистер Джимини. А теперь пару слов о том, почему не стоит быть слишком умным.

Трактирщик сердито взглянул на Ваймса, а тот продолжал:

– Я стражник, и точка. Я не убиваю людей, если только они не пытаются убить меня. Вы, наверное, видели моего камердинера Вилликинса. Ну, разумеется, видели. К сожалению, он более прямолинеен и к тому же исключительно предан. Несколько лет назад, спасая мою семью, он убил вооруженного гнома обычным ножом для колки льда. У него есть и другие таланты – в том числе, кстати говоря, он способен безупречно отгладить сорочку. И как я уже сказал, он безгранично предан мне. Ну же, Джимини. Я стражник, и ты стражник. Ты остаешься стражником, что бы ты ни думал, это клеймо не сойдет никогда. Ты знаешь, на что я способен, а я знаю, на что способен ты. Ты достаточно сообразителен, чтобы встать на нужную сторону.

– Ладно, ладно, хватит твердить одно и то же, – буркнул Джимини. – Мы оба знаем все входы и выходы... – В его голосе вдруг зазвучала почти театральная любезность, когда он полушепотом спросил: – Чем могу помочь, офицер? Как законопослушный гражданин?

Ваймс осторожно вытащил из кармана горшочек. Он действительно был примерно размером с табакерку. Это странное несоответствие поразило Ваймса: в одном кармане он держал драгоценность, скорее всего – вместилище гоблинских соплей, а в другом – собственную маленькую табакерку. Вот будет потеха, если он их перепутает.

Джимини, несомненно, выдал себя, когда увидел горшочек, хотя ему, скорее всего, казалось, что нет. Есть небольшая разница между человеком, который скрывает свои чувства, и человеком, который дает понять, что скрывает свои чувства.

– Ладно, ладно, мистер Ваймс, вы правы. Не будем ходить вокруг да около, мы же старые стражники. Сдаюсь. Я знаю, что это, я недавно видел такую штуку, кстати говоря.

– И?

– Могу назвать вам имя, мистер Ваймс. А почему? Потому что он псих, продажная душа и вдобавок не местный. Зовут Стратфорд, ну или так он сам себя называет. Парень с ножом за пазухой, человек, которого никто не жаждет видеть в своем трактире, прямо скажу. Здесь он нечасто бывает, слава всем богам. Иной раз несколько месяцев пройдет, прежде чем он появится. Не знаю, где он живет, но сопливого сукина сына, с которым он водится, звать Тед Трепет, он служит у молодого лорда Ржава в Заусенце. Его светлость, говорят, крупно зарабатывает на табаке... – тут Джимини замолчал.

Ваймс, несомненно, истолковал это именно так, как хотел собеседник.

Трактирщик намекал, что лорд Ржав что-то затевает, и наводил Ваймса на след, чтобы спасти собственную шкуру. Некоторые назвали бы этот поступок гнусным, но Джимини, в конце концов, был бывшим копом. Теперь он пытался найти для Ваймса другую жертву.

– Трепет, он парень простой. Если нужна помощь в каком-нибудь дельце, он охотно постоит на стреме или приберет кости. Когда он не бедокурит, то обычно клеит обои и разводит индюшек на ферме по дороге к Заусенцу. Мимо точно не пройдешь, там здорово воняет, потому что за птицей он совсем не смотрит. По-моему, у него не все дома.

Ваймс ухватился за подсказку.

– Табак?.. Да, мистер Джимини, кажется, здесь у вас пахнет табаком сильнее, чем можно ожидать, и, разумеется, как полицейский я должен в этом разобраться... когда время позволит, – он подмигнул, и Джимини многозначительно кивнул.

Атмосфера слегка разрядилась, и трактирщик сказал:

– Иногда по вечерам ребята приносят сюда бочонок-другой, а потом забирают. Да, конечно, я знаю, что это за табак, но ничего дурного не вижу. И раз уж мы так хорошо друг друга понимаем, мистер Ваймс... я здесь всего три года. Я в курсе, что несколько лет назад тут была какая-то заварушка – может быть, действительно пришибли парочку гоблинов. Но я не спрашивал, не мое дело. Не знаю зачем, не знаю кто – понимаете?

Ваймс заметил, что Джимини взмок как мышь.

Бывают времена, когда требования простой и общепринятой благопристойности отступают во имя высшей цели. Поэтому Ваймс просто улыбнулся и сказал:

– Однажды, мистер Джимини, я приведу сюда одну даму. Думаю, ей будет интересно посмотреть ваше заведение.

Джимини был озадачен, но у него хватило такта ответить:

– Буду с нетерпением ждать, ваша светлость.

– А хочу я сказать вот что, – продолжал Ваймс. – Если в пабе по-прежнему будет висеть голова гоблина, когда я загляну сюда в следующий раз, здесь случится таинственный пожар, ясно? Несомненно, ты не желаешь ссориться с молодым лордом Ржавом и его приятелями, потому что всегда следует ладить с вышестоящими. Я это прекрасно понимаю. А потому по-дружески намекну, что не в твоих интересах делать командора Ваймса своим врагом. Говорю тебе как стражник стражнику.

Джимини, с наигранной бодростью, произнес голосом, источавшим сироп и масло:

– Никто и никогда не говорил, что констебль Джимини не знает, откуда

ветер дует. Раз уж вы были так любезны и посетили мое скромное заведение, то, похоже, ветер начал дуть со стороны Ваймса.

Поднимая крышку погреба, Ваймс сказал:

– Я тоже так думаю, мистер Джимини, честное слово. И если ваш флюгер решит повернуться не в ту сторону, я ему, черт возьми, голову оторву.

Джимини неуверенно улыбнулся.

– А вы вправе здесь что-нибудь предпринимать, командор?

Тут же его подтянули за ворот почти вплотную, глаза в глаза. Ваймс произнес:

– Рискни – и узнаешь.

Чувствуя изрядное оживление после разговора, Ваймс зарысил по тропке, которая вела на холм, и увидел мисс Бидл и Слезы Гриба у дверей домика. Они собирали яблоки и наполнили уже несколько корзин. Ваймсу показалось, что Слезы Гриба улыбнулась, когда увидела его. Впрочем, трудно было сказать наверняка. По лицам гоблинов читать трудно.

Он вернул горшочек в обмен на фотографию и невольно заметил – потому что привык замечать всё, – что оба они тайком, не желая обидеть друг друга, проверили свои сокровища. Ваймс расслышал, как мисс Бидл подавила облегченный вздох.

– Вы нашли убийцу? – спросила она, взволнованно подаваясь вперед, но тут же повернулась к девочке: – Ступай в дом, милая, а я пока поговорю с командором Ваймсом.

– Хорошо, мисс Бидл, я пойду в дом, как вы велите.

Вот опять, слова, извлеченные из ящичков, которые открывались и закрывались по первому требованию. Девочка исчезла в доме, и Ваймс сказал:

– У меня есть сведения, что двое мужчин побывали в пабе в ночь убийства, и у одного из них с собой точно был горшочек. И этих парней, насколько я понимаю, не назовешь столпами общества.

Мисс Бидл хлопнула в ладони.

– Прекрасно! Теперь они не отвертятся!

Сэмюэля Ваймса всегда смущало, когда гражданские лица пытались говорить с ним на так называемом полицейском языке. Честно говоря, он терпеть не мог думать о других людях как о «гражданских лицах». В конце концов, кто такой стражник, если не гражданское лицо в форме и со значком? Но они по-прежнему называли так тех, кто не принадлежал к числу стражников. Это была опасная привычка: как только полисмен перестает быть гражданским лицом, он неизбежно становится солдатом.

Ваймс вздохнул.

– Насколько я знаю, мисс, нет ничего незаконного в обладании гоблинским горшочком. А также в том, чтобы не являться столпом общества, строго говоря. Гоблины как-нибудь помечают свои горшочки?

– Да, командор, конечно, гоблинские горшочки все отличаются друг от друга. А у этих преступников был *modus operandi*?

У Ваймса сжалось сердце.

– Нет, и сомневаюсь, что они бы его узнали, если б встретили, – он попытался произнести это твердым голосом, поскольку у мисс Бидл был такой вид, словно она в любой момент могла вытащить увеличительное стекло и свистнуть ищейку.

А потом, ворвавшись в мир радугой звуков, из открытого окна зазвучала музыка. Ваймс слушал, открыв рот и совершенно забыв про разговор.

Его светлость герцог Анкский, командор сэр Сэмюэль Ваймс был не из тех, кто часто посещает концерты классической музыки, да и вообще любой музыки, которую нельзя насвистеть по пути домой. Но звание аристократа предполагало посещения оперы, балета и музыкальных мероприятий, куда Сибилле удавалось затащить мужа. К счастью, обычно они сидели в ложе, и Сибилла хоть и выводила его на представления, но не требовала непременно бодрствовать. Однако какая-то часть музыки проникала внутрь, и этого было достаточно, чтобы Ваймс сознавал, что слышит нечто подлинное и высокоинтеллектуальное. Эту музыку невозможно было насвистеть, и никто не стал бы кричать: «Ого-го, лови помидор!» Сейчас он слышал чистую квинтэссенцию музыки, звуки, которые вселяли желание упасть на колени и поклясться, что впредь ты будешь лучше и чище. Ваймс немо повернулся к мисс Бидл. Та сказала:

– Она хорошо играет, правда?

– Это ведь арфа? Гоблин играет на арфе?..

Мисс Бидл, казалось, смутило его удивление.

– Конечно. Почему бы нет? Как ни странно, ее большие руки в самый раз для этого инструмента. Она, впрочем, еще не научилась читать ноты, и мне приходится помогать ей с настройкой, но девочка действительно играет очень хорошо. Одни боги знают, откуда у нее в голове эта музыка...

– Боги? – переспросил Ваймс и поспешно добавил: – Она долго будет играть? Я успею привести сюда Сибиллу?

Не дожидаясь ответа, он заспешил по тропке, перелез через изгородь, заставив стадо овец броситься врассыпную в разные стороны, выругался, стукнувшись о калитку подбородком, перескочил через ха-ха, не обратил

внимания на хе-хе и счастливо избег хо-хо. Ваймс промчался по подъездной аллее, взбежал по ступенькам и по счастливому стечению обстоятельств влетел в дверь как раз в ту секунду, когда лакей ее открыл.

Сибилла пила чай в компании дам – видимо, это была обязательная вечерняя процедура, – но Ваймс привалился к стене и, задыхаясь, выпалил:

– Ты должна пойти и послушать! Возьми Юного Сэма! Возьми с собой этих дам, если они захотят, но, ради всего святого, живей! Я в жизни не слышал ничего прекраснее!

Сибилла обвела комнату взглядом.

– Мы как раз *собирались* попрощаться, Сэм. Кстати, ты страшно запыхался. Что-то случилось? – Она с мольбой взглянула на гостей, которые уже поднимались с мест, и сказала: – Надеюсь, вы извините меня, дамы. Очень трудно быть женой важного человека.

Последние слова прозвучали с легким упреком.

– Не сомневаюсь, Сэм, что бы ни стряслось, это может подождать, пока я не провожу гостей, правда?

Поэтому Сэм Ваймс жал руки, улыбался, жал руки, улыбался и нервничал, пока последняя щебетунья не отщебетала и не удалилась.

Проводив последнюю карету, госпожа Сибилла вернулась в дом, опустилась в кресло напротив Сэма и выслушала его сбивчивый рассказ.

– Это та молодая особа, которую мисс Бидл научила говорить?

Ваймс просто с ума сходил.

– Да! И она потрясающе играет! Просто невероятно!

– Сэм Ваймс, когда я беру тебя на концерт, ты засыпаешь через десять минут! Знаешь что? Ты меня убедил. Ну что, пойдём?

– Куда? – спросил Ваймс в супружеском замешательстве.

Сибилла изобразила крайнее удивление.

– Слушать, как молодая особа играет на арфе, разумеется. Я-то думала, *ты* хотел именно этого. Я пока пойду, надену пальто, а ты, пожалуйста, позови Юного Сэма. Он в лаборатории.

Изумление в душе Ваймса накапливалось.

– Он – где?

– В лаборатории, Сэм! Сам знаешь, мои предки всюду совали свой нос. С ним там Вилликинс, и, полагаю, они сейчас препарируют какой-то, скажем так, экскремент. Присмотри, чтобы оба вымыли руки... как следует! – добавила Сибилла с порога. – Передай Юному Сэму, что я настаиваю, и объясни ему, что это значит!

Пустая карета стояла на тропе. Они не посмели стучать в дверь, пока

из окна домика неслась неземная музыка. Сибилла плакала, а время от времени поднимала глаза и говорила: «Но на арфе это невозможно!» Даже Юный Сэм был зачарован – он стоял с открытым ртом, пока в воздухе плавала музыка, воодушевляя сердца и прощая грехи. Впрочем, для мальчика это было менее критично, как вскользь подумал Ваймс, зато на Сэма-старшего волшебные звуки произвели максимальный эффект. Когда музыка смолкла, Юный Сэм сказал:

– Еще!

И его родители думали точно так же. Они стояли, не глядя друг на друга, когда дверь домика отворилась, и вышла мисс Бидл.

– Я вас, конечно, видела. Заходите, только тихо. Я приготовила лимонад.

Она провела их через прихожую в гостиную.

Должно быть, мисс Бидл предупредила Слезы Гриба. Девочка сидела на стуле рядом с арфой, скромно сложив огромные руки поверх фартука. Юный Сэм молча подошел к ней и обхватил за ногу. Девочка явно встревожилась, и Ваймс сказал:

– Не пугайся, он просто показывает, что ты ему нравишься.

Он подумал: «Я только что велел гоблинке не бояться моего сына, потому что она ему понравилась. Мир перевернулся с ног на голову, и все грехи прощены, кроме, вероятно, моих».

Когда карета, постукивая, катила обратно в Овнец-Холл, госпожа Сибилла негромко сказала:

– Насколько мне известно, юная особа, которую... убили, играла на арфе так же хорошо, как мисс Слезы.

Ваймс очнулся от раздумий и ответил:

– А я и не знал.

– Да, – сказала Сибилла подозрительно бойким тоном. – Видимо, мисс Бидл хочет, чтобы юным гоблинкам было чем гордиться... – Она кашлянула и, помолчав, продолжала: – Ты кого-нибудь подозреваешь, Сэм?

– Да, двоих. Надежный свидетель показал, что они были неподалеку вскоре после преступления, и я уже начал выстраивать цепь событий, которая также, возможно, приведет к мистеру Джефферсону, пропавшему кузнецу. В конце концов, это деревня. Все видят, кто куда пошел, и никогда не знаешь, кто прячется за изгородью. Наверное, кто-то слышал, как кузнец пригласил меня на Холм Мертвеца в тот вечер, который в «Таймс» назвали бы «роковым».

Сибилла посмотрела на Юного Сэма, прикорнувшего между

родителями, и спросила:

– Ты знаешь, где их искать?

– Да, по крайней мере, одного из них. Второй, кажется, просто околачивается в округе.

Шум гравия под колесами дал понять, что они катят по длинной подъездной аллее.

Сибилла вновь кашлянула и тихонько сказала:

– Боюсь, ты решил, что я была слишком резка с тобой, Сэм, когда говорила, что твои профессиональные заботы могут помешать нашему отдыху. Иногда я бываю такой... нечуткой.

– Вовсе нет, Сибилла, я вполне понимаю твои тревоги.

Похоже, госпоже Сибилле всерьез были нужны леденцы от кашля. Однако она осторожно продолжала:

– Сэм, я буду очень благодарна, если ты не откажешься брать с собой Вилликинса в те места, где эти мерзавцы отравляют мир своим существованием. И, пожалуйста, отдай их в руки правосудия.

Чувствуя, что жена дрожит от гнева, он сказал:

– Я намерен сделать это как можно скорее, дорогая, но должен сказать тебе, что события не обязаны разворачиваться строго по плану. В конце концов, здесь не моя юрисдикция.

Но Сибилла ответила:

– Ты придерживаешься правил, Сэм, и я этим восхищаюсь, но юрисдикция хорошего человека простирается до края света – хотя к кому ты там отведешь преступников? Хэвлок, как ты знаешь, повесил бы их. Но он далеко. Тем не менее, Сэм, в одном я не сомневаюсь: худшее, что ты можешь сделать... это ничего не сделать. Берись за дело, Сэм.

– Честно говоря, Сибилла, я рассчитывал передать преступников в руки местных властей.

– Что? Это же ужасные люди, они используют так называемый закон в собственных целях. Вонь поднимется невообразимая.

Ваймс улыбнулся.

– Ты правда так думаешь, дорогая?

В тот вечер Ваймс подумал, что нет смысла ложиться спать, поэтому он поцеловал жену на сон грядущий и пошел в бильярдную, где Вилликинс лениво демонстрировал один из наиболее приемлемых социальных навыков, которые он приобрел в годы неразумно растроченной молодости. Камердинер выпрямился, когда Ваймс вошел, и сказал:

– Добрый вечер, командор. Хотите подкрепляющий напиток?

Ваймс также позволил себе закурить сигару, поскольку, сами понимаете, что хорошего в бильярдной, если под потолком, среди ламп, не кружит дым, окрашивая воздух в безнадежно синий цвет? Цвет погибших надежд и утраченных возможностей...

Вилликинс, который хорошо знал процедуру, подождал, пока Ваймс не ударит по шару, прежде чем вежливо кашлянуть.

– Вы отлично поработали, сэр. Я так понимаю, ее светлость несколько расстроена из-за ситуации с гоблинами, сэр. Полагаю, я не ошибся, сэр, потому что недавно встретил ее в коридоре, и она использовала выражения, которые я не слышал ни от одной женщины, с тех пор как умерла моя мать, упокой боги ее душу, если только они ее найдут. Но, опять-таки, вы отлично поработали, сэр.

Ваймс отставил кий.

– Я хочу накрыть их всех, Вилликинс. Что толку прихлопнуть одного местного головореза?

– Согласен, командор, главное – попасть по черному шару.

Ваймс оторвался от своего бокала, который опустошал с яростью.

– Вижу, ты в свое время немало играл, Вилликинс. Ты видел когда-нибудь Таза Вильямса? Очень религиозный был человек на свой лад, жил с сестрой где-то в подворье Наседки-с-цыплятами... и я в жизни не видел, чтобы кто-нибудь так играл. Клянусь, он мог сделать так, чтобы мяч отскочил от стола, прокатился вдоль бортика, упал именно там, где Тазу было нужно, и аккуратненько закатился в лузу, – Ваймс удовлетворенно фыркнул. – Конечно, все кричали, что это жульничество, но Таз стоял, спокойный как столб, и твердил: «Шар в лузе». По правде говоря, его ни разу не поколотили только потому, что наблюдать за ним было очень поучительно. Однажды он загнал шар в лузу рикошетом от лампы и от пивной кружки. «Шар в лузе» – и не поспоришь... – Ваймс расслабился и закончил: – Но проблема, конечно, в том, что в реальной жизни правила гораздо более строгие.

– О да, командор, – согласился Вилликинс. – Когда я играл, единственным правилом было бежать очень быстро, после того как ты стукнул противника кием по голове. Ее светлость дала понять, что сегодня вам, возможно, понадобится моя помощь?

– Да уж, пожалуйста. Мы поедем в Заусенц. Это примерно в двадцати милях вверх по реке.

Вилликинс кивнул.

– Да, сэр. Некогда там жил род Заусенцев, в частности знаменитый лорд Джастис Заусенц, который, как известно, никогда не верил заявлениям

о невинности, на том основании, что «преступники всегда лгут». По счастливому стечению обстоятельств, он был также Уважаемым Мастером Добровольного Общества Изготовителей Веревки и Канатов. Надеюсь, нас не ждет встреча с чем-то подобным.

– Кстати, Вилликинс, по пути мы остановимся, чтобы прихватить нашего пронизательного юного констебля, которому нужно показать, что такое честная игра. И я уж постараюсь, чтобы оно так и было.

– Приятно слышать, сэр, – ответил Вилликинс, – но не забывайте: какая разница, если в конце концов шар попадет в лузу?

Госпожа Наконец открыла дверь, вскрикнула, захлопнула дверь, открыла ее, чтобы извиниться, после чего аккуратно затворила, оставив Ваймса на пороге. Через полминуты на крыльцо вышел Фини, в ночной рубашке, заправленной в штаны.

– Командор Ваймс? Что-то случилось? – спросил он, доблестно пытаясь запихнуть за ремень всю ночнушку.

Ваймс бодро потер руки.

– Да, старший констебль Наконец, случилось, но кое-что с твоей помощью, возможно, удастся уладить. Я располагаю достаточной информацией касательно убийства молодой гоблинки, чтобы задержать двух подозреваемых для допроса. Это твой участок, поэтому, с профессиональной точки зрения, я считаю, что самым правильным будет, если ты мне поможешь.

Ваймс шагнул в комнату, чтобы Наконец заметил Вилликинса, и продолжал:

– Полагаю, ты знаешь Вилликинса, моего камердинера. Он вызвался править каретой, и, разумеется, подаст мне чистую белую рубашку, когда понадобится.

– Да, сэр-р-р, – прорычал Вилликинс, повернулся и подмигнул Ваймсу.

– Старший констебль Наконец, я буду очень признателен, если ты вооружишься тем, чем сочтешь нужным, и, поскольку у тебя все равно нет наручников, которые хоть на что-то сгодились бы, черт возьми – ох, прошу прощения – может быть, ты раздобудешь веревку?

На лице старшего констебля отразилась целая палитра противоречивых чувств. Я буду работать со знаменитым командором Ваймсом, ура! Но это большое, серьезное дело – ох боги. Зато я почувствую себя настоящим стражником – ура! Но в постели уже лежит грелка с горячей водой – ох боги. С другой стороны, если что-нибудь пойдет не так, то, в конце концов, герцогу Анкскому принадлежит большая

часть округа, так что виноват будет он – ура! А может быть, если я сумею отличиться, то получу работу в городе, и мама будет жить в доме, где не надо лежать без сна всю ночь, слушая, как мыши дерутся с тараканами – ура!^[21]

Ваймс в душе потешался, наблюдая за лицом парнишки при свете свечи, особенно потому, что Фини, размышляя, шевелил губами. Наконец Ваймс сказал:

– Не сомневаюсь, старший констебль Наконец, что твоя помощь в данном случае поспособствует будущей карьере.

Эти слова заставили госпожу Наконец, заглядывавшую через плечо сына, заалеть от гордости и сказать:

– Слушай его светлость, Фини. Я всегда говорила, что из тебя еще будет толк. И не спорь, а иди, сынок.

Материнский совет сопровождался книксенами – такими быстрыми, что госпожу Наконец стоило бы пристегнуть к швейной машине. «Слава богам, что есть на свете старушки матери», – подумал Ваймс, когда Фини влез в карету с фляжкой горячего чая, запасной парой чистых трусов и половиной яблочного пирога.

Карета тронулась, и, когда Фини перестал махать матери из окна, Ваймс, старательно удерживая равновесие на ухабах, зажег маленькую спиртовую лампу, которой полагалось освещать внутренность кареты. Он опустил обратно на сиденье и произнес:

– Я буду очень благодарен, сынок, если ты не поленишься и запишешь в блокнот все, что я сказал тебе сегодня с тех пор, как приехал. Это может пригодиться нам обоим.

У Фини дернулась рука в попытке отдать честь, а Ваймс продолжал:

– Когда мы увидели мертвую гоблинку, ты занес это в книжечку?

– Да, сэр, – Фини чуть не отсалютовал опять. – Дедушка велел мне все записывать!

Они подскочили, когда карета наехала на камень, и Ваймс тихо сказал:

– А он не говорил тебе, что иногда нужно случайно пропускать пару страниц, чтобы они оставались чистыми?

– Нет, сэр. А надо?

Сиденье вновь подпрыгнуло. Ваймс ответил:

– Строго говоря, парень, нет, особенно если ты не собираешься работать со мной. А теперь, пожалуйста, все запиши, как я тебя попросил. А я немного вздремну, потому что я, в конце концов, уже немолод.

– Да, сэр, понял, сэр. Один вопрос, сэр. Мистер Стонер, секретарь магистрата, заглянул ко мне сегодня вечером, мы поболтали, и он велел не

беспокоиться из-за той гоблинки, потому что гоблины официально все равно что паразиты. Он был очень добр и принес бренди для матушки... и сказал, что вы хороший человек, но иногда вам вожжа под хвост попадает, сэр, потому что вы аристократ и далеки от простых людей, сэр. Сэр? Сэр? Вы спите, сэр?

Ваймс повернулся и медовым голосом спросил:

– Ты занес это в записную книжку, сынок?

– Да, сэр!

– И ты до сих пор сидишь со мной в карете? Почему, Фини?

Под ними заскрипел гравий, и прошло некоторое время, прежде чем Фини наконец собрал мысли до кучи. Он сказал:

– Ну, командор Ваймс, я подумал... э... мистер Стонер, он сам более-менее важная шишка, и командор Ваймс тоже, только он герцог, а значит, шишка побольше, и если ты оказался между двумя шишками, выбери самую большую. – Юноша услышал, как Ваймс фыркнул, и продолжил: – А еще, сэр, я подумал – ну, я ведь был там, я видел, что сделали с той бедняжкой, и вспомнил, как Стоунер попытался выставить меня идиотом, заставив арестовать вас, сэр, и я подумал про гоблинов и... конечно, они грязные и вонючие, но старый гоблин плакал, а животные не плачут, и гоблины, они делают разные штуки, красивые штуки, а что они воруют свиное пойло и воняют, так хватает и людей, которые ничуть не лучше, я бы мог вам кое-что порассказать. Так вот, я еще подумал и подумал... мистер Стонер... ну, он, наверное, не прав.

Послышался грохот, когда карета миновала мост, и под колесами снова оказался камень. Фини беспокойно спросил:

– Все нормально, сэр?

Он ждал, волнуясь. А затем голос Ваймса, как будто доносившийся издали, ответил:

– Знаешь, как называется то, что ты сейчас сказал, Фини?

– Не знаю, сэр. Просто я так думаю.

– Это называется путь исправления, сынок. Так держать.

Ваймс очнулся от полудремы, в которой ему грезился Юный Сэм, играющий на арфе. Когда он понял, что это был сон, колеса уже шумели иначе. Карета замедлила ход и остановилась.

Вилликинс открыл маленькое окошечко, позволявшее пассажирам общаться с кучером, и негромко сказал:

– Просыпайтесь, сэр, мы примерно в четверти мили от Заусенца, население тридцать семь человек, и умом не блещет ни один. Отсюда

можно почуять индюшачью ферму и пожалеть об этом, черт возьми, простите мой клатчский. Я предполагаю, что, вероятно, стоит тихонько пройти остаток пути пешком, сэр.

Ваймс вылез из кареты и потопал, разминая ноги. В воздухе витал на диво въедливый запах домашней птицы; гоблины не атаковали носовые пазухи и вполовину так яростно. Но что такое птичья вонь по сравнению с трепетом, да, трепетом. Сколько времени прошло с тех пор, как Ваймс возглавлял предрассветную облаву? Слишком много. Теперь этим занимались капитаны и старшие сержанты, тогда как командор торчал в штаб-квартире, *воплощая* анк-морпоркскую городскую Стражу.

Что ж, сегодня будет по-другому.

Шепотом, пока они шли по колено в тумане, он сказал:

– Ты, старший констебль Наконец, постучишь в переднюю дверь, когда я дам сигнал, а я встану у задней двери на тот случай, если наш приятель решит дать тягу, ясно?

Они приближались к ферме – да, здесь за глаза хватило бы двоих. В убогом домишке могло и не быть двух дверей, не говоря уже о трех.

– Что мне сказать, командор? – шепнул Фини.

– Черт возьми, парень, ты сын и внук стражника, ну и что, по-твоему, ты должен сказать? Хочешь подсказку? Слова «пожалуйста» там быть не должно. Я свистну, когда займу позицию, слышишь? Пошли.

Они осторожно пересекли вонючий двор, и Ваймс обогнул дом. Ему пришла в голову одна интересная мысль, и он сделал мысленную пометку, после чего прислонился к грязной стене дома на некотором расстоянии от задней двери, взял щепотку табака, чтобы перебить запах индюшек, и негромко свистнул.

– Откройте, именем закона! Вы окружены! У вас есть одна минута, чтобы открыть дверь! Я не шучу! Откройте дверь! Это полиция!

Уютно привалившись к стене, Ваймс неохотно признал, что для новичка это весьма неплохо. Минус один балл за «я не шучу». Как только из задней двери кто-то выскочил, Ваймс подставил ногу.

– Доброе утро, сэр. Меня зовут командор Ваймс. Надеюсь, вы в состоянии вспомнить свое имя.

В сараях птицы сходили с ума, и запах стал гуще. Мужчина с трудом поднялся, отчаянно озираясь.

– Да, ты, конечно, можешь бежать, – сказал Ваймс добродушно, – но другие могут подумать, что, значит, у тебя есть какие-то веские причины. Хотя лично я согласен, что всякому, кого окликают коп, лучше бежать со всех ног, виновен он или нет, потому что первичные инстинкты не врут. И

потом, в наши дни люди так разжирели, что физические упражнения им не повредят. Бегите, если хотите, мистер Трепет. Я тоже умею бегать, притом *очень* быстро.

Трепет улыбался улыбкой человека, который считает, что коп не слишком-то умен.

– Держу пари, ордера от магистрата у тебя с собой нет, э?

– Эй, мистер Трепет, с чего вы это взяли? Может быть, вы думаете, что магистрат не выдаст ордер на ваш арест? Так? Кстати, спасибо, что показали мне, где лежат бочонки с табаком. Ваше сотрудничество будет принято во внимание.

Бывают плохие дни, например, когда ты смотришь на искалеченное тело молодой женщины, и бывают хорошие дни, когда бегающие глаза подозреваемого, метнувшись через двор, в точности показывают, где именно хранится контрабанда.

– Я, конечно, сообщу об этом властям и, разумеется, в местном пабе тоже расскажу. Непременно.

Мистер Трепет хорошенько распробовал мысль о том, что его могут счесть стукачом, и выбрал самый глупый вариант ответа:

– Я ничего не говорил тебе про табак, коп, и ты это знаешь!

Тут из-за угла шагнул Фини, воздев свою устрашающую дубинку, с выражением почти комической ярости на лице.

– Хотите, я ему врежу, командор? Только скажите, шеф.

Ваймс в шутливом отчаянии закатил глаза.

– Не нужно, Фини, не нужно. Ведь мистер Трепет сам хочет с нами поговорить, не так ли?

Трепет решил, что лучшим вариантом будет обратиться к младшему:

– Слушай, Фини, ты ж меня знаешь...

Закончить он не успел, потому что тот отрезал:

– Для тебя, Трепет, я – констебль Наконец. Мой отец тебя раз двадцать таскал в суд и называл «мухой», потому что всякий раз, если где-то оказывалась куча дерьма, поблизости непременно болтался ты. И он велел мне за тобой наблюдать, и сейчас, кстати, именно это я и делаю! – Юноша взглянул на Ваймса, который ободряюще кивнул, и продолжал: – Дело в том, мистер Трепет, что мы тут не из-за контрабандного табака. Я не таможенный инспектор, это не самая популярная профессия. Я самый простой и обыкновенный стражник, и, с одной стороны, сейчас у меня в руках человек, который всего лишь оказал услугу своему хозяину, сложив у себя в сарае несколько бочонков табаку, но с другой стороны... что ж, с другой стороны, если я сцапал убийцу, то храни тебя боги, ведь тогда я

могу совершенно позабыть про то, что было с одной стороны. И не проси подробностей, Трепет, у нас и без того хватает дел.

Трепет явно испугался.

– Это насчет того гоблина, да? Слушайте, я тут ни при чем. Да-да, я, конечно, не пай-мальчик, согласен, но я совсем не такой, как он! Я шалопай, а не убийца!

Ваймс взглянул на Фини. Говорят, иногда человек бывает рад, как слон. Фини, можно сказать, был рад, как целый зоопарк – и как стражник, все в одном флаконе. Ваймс вопросительно поднял брови, и юноша сказал:

– Я ему верю, шеф. Могу поручиться, он тут ни при чем. Больше, на что способен Трепет, так это сбить с ног старушку, чтобы вырвать у нее сумочку, да и то, скорее всего, на зрячую он напасть не рискнет.

– Вот видите! – торжественно воскликнул Трепет. – Я не такой уж плохой!

– Да уж, – сказал Ваймс, – ты просто примерный ученик воскресной школы, Трепет, я в этом не сомневаюсь. Я и сам человек добросовестный и люблю, чтоб все по правилам, но готов ли ты присягнуть, что человек, известный как Стратфорд, убил молодую гоблинку на Холме Висельника, в окрестностях Овнец-Холла, три дня назад?

Трепет поднял палец:

– Можно добавить, что я попросил его перестать, а он рассмеялся, и в любом случае я не знал, что это баба... в смысле откуда мне было знать-то?

Лицо Ваймса оставалось бесстрастным.

– Скажи, Тед, а что бы ты сделал, если бы знал? Я прямо-таки заинтригован.

Трепет опустил глаза.

– Ну, я... ну... э... в смысле... только не женщину... конечно, женщину нельзя... то есть это как-то неправильно... понимаете?

«И такого опасного идиота можно найти буквально на каждой улице», – подумал Ваймс.

– Вижу, дух рыцарства еще не умер, мистер Трепет. Ладно, Фини, продолжим. Мистер Трепет, а что вы делали на Холме Висельника в упомянутую ночь?

– Просто гуляли, – ответил Трепет.

Лицо Ваймса вновь сделалось непроницаемым. Практически омертвело.

– Ну разумеется, мистер Трепет. Я задал какой-то глупый вопрос, ей-богу. Констебль Наконец, я вижу, там стоит и курит Вилликинс... – Он толкнул незапертую дверь и втащил Трета в дом. – Здесь есть погреб?

Трепету, казалось, уже впору было отпрашиваться в туалет, но, тем не менее, будучи дураком, который роет себе яму все глубже, он злобно оскалился:

– Допустим. Ну и что?

– Мистер Трепет, я человек религиозный, а поскольку вы даже святого выведете из себя, мне нужно провести несколько минут в тихом размышлении, ясно? Не сомневаюсь, вы знаете, что всегда есть простой способ и есть сложный. Сейчас мы идем простым путем, но, скажем так, и до сложного недалеко. Прежде чем вновь с вами заговорить, я хочу побыть наедине со своими мыслями. И сдается мне, мистер Трепет, что вы, возможно, захотите сделать ноги, поэтому мой коллега, старший констебль Наконец, будет охранять двор, а моего дворецкого мистера Вилликинса я пошлю составить вам компанию.

Не успел Ваймс постучать в стекло, как дверь открылась, и Вилликинс, безупречно опрятный, как всегда, вошел в замызганную комнату, чистенький и накрахмаленный, в сверкающих ботинках, с напомаженными волосами. Все трое смотрели, как Ваймс тянет кольцо в полу. Оно подалось, и открылся люк, обнаружив лестницу, ведущую в темный погреб.

Ваймс произнес:

– Констебль Наконец, мне нужно посидеть и поразмыслить в темноте. Я ненадолго.

Он спустился по лестнице и закрыл за собой люк.

Тьма сказала:

– А, командор, наконец-то. Полагаю, вы пришли, чтобы снять свидетельские показания?

«Так нельзя, – подумал Ваймс. – Как можно брать показания у демона, особенно если у него нет постоянного места жительства? Но, с другой стороны, кому нужны свидетельские показания, если есть чистосердечное признание?»

Наверху Тед Трепет обводил глазами комнату, осмысляя ситуацию. Давайте-ка прикинем: один юный дурень, который играет в стражника, и какой-то зазнайка-лакей, весь такой чистенький и блестящий. Сейчас сынишка миссис Трепет сделает ноги... и в это мгновение, *в это самое мгновение* Вилликинс, не глядя на Трепета, полез в карман и с легким стуком положил на стол перед собой стальной гребень. Гребень сверкал. В воображении Трепета – еще ярче. Достаточно было одного взгляда на лицо Вилликинса, чтобы Трепет решил, что будет сидеть очень тихо, пока любезный командор Ваймс не вернется. Из другого кармана дворецкий

извлек нож – такого острого лезвия Трепет еще не видел – и, по-прежнему не обращая на пленника никакого внимания, принялся чистить ногти.

На самом деле прошло лишь несколько секунд, прежде чем крышка люка вновь откинулась и появился Ваймс. Он кивнул Вилликинсу, который забрал гребень и без единого слова вышел из комнаты. Ваймс уселся на стул.

– Мистер Трепет, у меня есть свидетельские показания, которые гласят, что вы были на Холме Висельника в упомянутую ночь в обществе другого человека, известного под фамилией Стратфорд. По словам свидетеля, вы сказали Стратфорду, что можете раздобыть индюшачьей крови, а он ответил, что на холме полно кроликов и из пращи он не промахнется. В эту минуту, говорит свидетель, из кустов вышла молодая гоблинка, и ваш спутник напал на нее, хотя она молила о пощаде так громко, что вы сами попросили его, цитирую, перестать, и тогда он повернулся к вам, по-прежнему сжимая нож, который свидетель называет «мачете», так стремительно, что вы намочили штаны... Нет, молчите, я еще не закончил. Тем не менее, как мне известно, вы действительно сказали своему спутнику, что на месте нужно оставить только кровь, а не, как вы выразились, «кишки по всему холму», и тогда он заставил вас запихнуть их обратно в труп и спрятать его на склоне холма в кустах дрока. Я сказал, молчите! В кармане у вас был пирог со свиной, который вы принесли из дома, и три доллара наличными – ваша плата за это небольшое поручение. После этого вы со Стратфордом вернулись к лошадям, которых временно оставили в старом полуразрушенном амбаре на другом конце деревни. Это были кауряя кобыла и серый мерин, совсем измученные дурным обращением. Мерин потерял подкову, когда вы уезжали, и вам пришлось вмешаться, чтобы ваш спутник не убил его на месте. А еще свидетель сказал мне, что на момент отъезда вы были по пояс обнажены, потому что запачкали рубашку кровью и бросили ее в амбаре после спора со Стратфордом. Я найду ее, когда мы вернемся. Ваш друг велел вам снять и штаны, но вы отказались, однако я уже заметил на них брызги крови. Я не стану входить в лишние расходы и посылать верхового гонца в город, чтобы Игорь определил, человеческая это кровь, гоблинская или индюшачья. Вам велели молчать, кажется? Я не упомянул некоторые другие разговоры между вами и мистером Стратфордом, потому что Фини стоит здесь и слушает, а сплетни бывают так жестоки. А теперь, мистер Трепет, я замолкаю, и пусть первыми словами, которые вы произнесете, будут – слушайте внимательно – «Я хочу сделать признание, именем короля». Да, конечно, королей больше нет, но поправку в закон так никто и

не внес. Вы мелкий гаденыш, но я неохотно признаю, что вас втянули в нечто более серьезное, чем вам хотелось бы, и более страшное, чем вы могли вообразить. Хорошие новости: патриций Ветинари почти наверняка послушает моего совета, и вы останетесь жить. Запомните: «Я хочу сделать признание, именем короля». Иначе я пойду прогуляться, а мистер Вилликинс займется своей прической.

Трепет, который выслушал большую часть этой речи с закрытыми глазами, залепетал так быстро, что Ваймс попросил его говорить помедленней. Когда Трепет закончил, его отпустили в туалет (снаружи караулил Вилликинс, чистивший ногти ножом), а Фини послали покормить обезумевших индюшек.

Ваймс тем временем вошел в один из зловонных сараев и потыкал грязную солому, ища то, что, по его убеждению, должно было там находиться. И он не разочаровался. С близкого расстояния запах табака чувствовался даже сквозь удушливую вонь птицы. Ваймс выкатил бочонок, нашел Фини и сказал:

– Кажется, он полон табаку, и я намерен забрать его в качестве улики. Твоя задача прямо сейчас – найти ломик и еще одного человека, которого ты бы мог назвать честным и порядочным гражданином, если такие в округе водятся.

– Есть Дэйв, который держит «Собаку и барсука», – сказал Фини.

– Он честный гражданин? – поинтересовался Ваймс.

– Водятся за ним кое-какие грешки, – ответил Фини, – но он знает, что к чему, если вы понимаете.

Ваймс кивнул и несколько минут ждал, пока Фини не вернулся с ломом, каким-то колченогим типом и небольшой компанией людей, которых в данном случае – пока не было доказано обратное – Ваймс предпочел назвать «невинными зеваками». Они столпились вокруг, когда Ваймс приготовился открыть бочонок и объявил:

– Внимание, господа. Я полагаю, что в этом бочонке содержится контрабандный товар.

Он закатал рукава.

– Вы видите, что в рукавах у меня ничего нет, а в руках только лом...

С некоторым усилием он поддел крышку, и повеяло густым запахом табака. Некоторые из невинных зевак решили, что сейчас идеальное время для быстрой беззаботной прогулки.

Ваймс одну за другой вытаскивал пачки коричневых листьев, обернутые в хлопок.

– В карету всё не поместится, – сказал он, – но если мистер Дэйв, как

честный гражданин, засвидетельствует, что видел, как я вынимал табак из закрытого бочонка, тогда вы, мистер Фини, напишете краткий рапорт, и мы разойдемся по своим делам.

Фини просиял.

– Отлично подмечено, командор! Этой вонищей можно что угодно замаскировать, да?

Он взглянул на Ваймса и спросил:

– Командор?..

Ваймс как будто смотрел сквозь него.

– Ты далеко пойдешь, старший констебль Наконец. Давай-ка опустошим бочонок до конца.

Он сам не знал, откуда взялась эта мысль. Может быть, вмешался первичный инстинкт. Если человек занимается контрабандой, где он поставит точку? И каков его рынок? Как получить высшую цену за фунт привезенного товара? Ваймс вынимал и вынимал свертки, и один из них, почти на самом дне бочонка, оказался заметно тяжелее прочих. Стараясь не менять выражения лица, Ваймс передал его Фини со словами:

– Я буду благодарен, если вы с мистером Дэйвом вскроете сверток и скажете мне, что внутри.

Он сел на бочонок и взял понюшку из табакерки, пока за спиной слышалось шуршание. Наконец Фини произнес:

– Командор, это похоже на...

Ваймс вскинул руку:

– Похоже на каменную пыль, Фини?

– Да, но...

Ваймс вновь жестом велел ему замолчать.

– В ней видны красные и черные крапинки, если поднести к свету?

Иногда гены стражника в Фини давали себя знать.

– Так точно, командор Ваймс!

– Значит, тебе и твоему приятелю Дэйву... – Ваймс взглянул на упомянутого Дэйва еще раз и вспомнил о презумпции невинности, – ... повезло, что вы не тролли, потому что, будь вы троллями, вы бы уже были мертвы. Штука, которую вы держите в руках, называется «хрустальный слэм», готов заложить свой значок. Молодые тролли употребляют «слэм» как наркотик, вам это известно? Они вынюхивают маленькую-маленькую щепотку и думают, что могут пройти сквозь стену – и, разумеется, проходят, – а через несколько приемов падают мертвыми. «Слэм» вне закона во всех странах, и его очень трудно производить, потому что запах при его изготовлении ни с чем не спутаешь, и искр тоже много. Продажа

«слэма» в Анк-Морпорке, Убервальде и всех тролльих поселениях карается виселицей. Алмазный король троллей вручает внушительную награду всякому, кто выдаст ему подпольную фабрику.

Ваймс с надеждой взглянул на упомянутого Дэйва – вдруг тот выдаст себя. Нет, подумал он, «слэм» здесь делать не станут. Весь этот табак привезли откуда-то с юга, то есть издалека.

Они осторожно вскрыли остальные бочонки и нашли много табака и несколько пачек первоклассных сигар. Несколько штук Ваймс сунул в нагрудный карман для подробной экспертизы. На дне каждого бочонка лежали аккуратные свертки «хрустального слэма», «скреба», «сполза», «сброса» и «схода», всё – изрядная дрянь, хотя «сход», в общем и целом, считался легким наркотиком. Конечно, если считать «легким» марафет, после которого просыпаешься в канаве, не зная, чья голова у тебя на плечах.

Как можно больше образцов загрузили в карету, и Ваймс остановился, лишь когда рессоры начали стонать. Прочие бочонки сложили грудой, и, по приказу Ваймса, очень гордый старший констебль Наконец их поджег. Когда наркотики загорелись, начался небольшой фейерверк, и Ваймс подумал, что это только начало праздника...

Когда люди сбежались посмотреть, что случилось, Ваймс уверил их в своих полномочиях и объяснил, что мистер Трепет уедет на некоторое время, а потому не мог бы кто-нибудь пока присмотреть за птицами? Судя по реакции, соседи полагали, что мир без мистера Трепета и его вонючих индюшек, несомненно, станет лучше и чище, поэтому напоследок Ваймс открыл сарай и дал бедным птицам шанс.

Осененный еще одной замечательной идеей, он подозвал взволнованного Дэйва и сказал:

– Алмазный король троллей одобрит наши сегодняшние действия. Разумеется, мы как действующие офицеры не имеем права принимать вознаграждение...

– Не имеем? – тоскливо уточнил Фини.

Ваймс сделал вид, что не расслышал, и продолжал:

– Но, так или иначе, я позабочусь, чтобы ваша сегодняшняя помощь была должным образом вознаграждена.

Лицо трактирщика просияло. Если в одной фразе встречаются слова «алмазный» и «награда», у человека сразу повышается настроение.

Ваймс и Фини ехали в скрипящей карете за запертыми дверцами, но слегка приоткрыв окно, потому что с мистером Трепетом в его нынешнем состоянии было не очень приятно находиться в замкнутом пространстве –

он буквально потел индюшками.

Признание обвиняемого! Вот это результат. Трепет и не думал спорить. Ваймс буквально увидел его лицо, когда Призывающая Тьма предъявила ему свои свидетельства. Он отметил каждый взгляд, каждое содрогание, которые, вместе взятые, сложились в железобетонные улики. Признание обвиняемого! К этому прибегают, чтобы спасти свою шкуру – или, возможно, получить камеру получше. Преступник признается, чтобы избежать лишних проблем, и иногда это действительно удается, но не задаром, и цена – смерть на виселице, если он солжет. Ты солгал судье, солгал королю, солгал обществу и всему миру, поэтому энергичный мистер Трупер встретит тебя на эшафоте, пожмет руку, чтобы показать, что ничего лично против тебя не имеет, а затем нажмет на рычаг, и ты покинешь мир, который предал, и зависнешь, не коснувшись земли.

И потом, конечно, тролли наркотики. Свидетельство их существования так встревожило Трепета, что он изобрел новых богов, которыми и клялся, что ничего не знал про эти бочонки. Ваймс ему поверил. С точки зрения Трепета, в бочонках не было ничего, кроме табака, старого доброго табака. В табаке нет ничего дурного, а контрабанда... ну, это же своего рода игра, как всем известно. Никакой беды в том, чтобы перехитрить таможеню, для того она и существует! Ваймс подумал: «Я всегда говорил, что именно так оно и работает. На почве мелких преступлений прорастают большие. Ты смотришь сквозь пальцы на мелкие преступления, а крупные разносят тебе башку...»

Горестный Трепет сидел напротив и, вероятно, боялся, что его насмерть забьют тролли, но, как уже заметил Ваймс, этот тип в принципе боялся всех на свете. Поэтому он, по доброте душевной, предложил Трепету некоторое утешение.

– Ты оказался в плохой компании, Тед. Ты думал, что просто усложняешь жизнь стражнику, но внезапно стал соучастником убийства и, пусть невольно, замешался в дело с чрезвычайно серьезными троллями наркотиками, самыми сильными, какие только есть. Но тебе просто не повезло с приятелем, Тед, и я так и скажу на суде.

В покрасневших глазах Трепета появилась надежда.

– Спасибо, сэр.

И все. Ни развязности, ни нытья, просто благодарность за милосердие, на которое он так надеялся.

Ваймс наклонился вперед и протянул озадаченному Трепету табакерку. Тот взял большую щепоть и с такой силой втянул в нос, что неизбежный чих вышел через уши. Не обратив на это внимания – а также на тонкую

коричневую дымку, повисшую в карете, – Ваймс откинулся на спинку и бодро произнес:

– Я замолвлю словечко перед тюремным начальством в Танти, они мне не откажут... – Он взглянул на исполненное надежды лицо и подумал: «Черт возьми, я знаю, что сейчас там битком набито. Этому нахалу все равно ничего особо не светит, как бы я ни старался. Ну, предположим». Он продолжал:

– Нет, мистер Трепет, вот что я сделаю – мы посадим вас в камеру в Псевдополис-Ярде. Как вам такой вариант? Конечно, сидеть в одиночке скучновато, но иногда это может показаться сущим благословением, особенно после пятнадцати минут, проведенных в некоторых камерах Танти. И потом, мои парни не прочь поболтать, если им особо нечем заняться. А еще у нас крысы поспокойнее и свежая солома, и мы не плюем заключенным в кашу, а если ты будешь хорошо себя вести и не станешь шуметь по ночам, так и волноваться не о чем.

– Со мной проблем не будет, командор! – выпалил Трепет лихорадочно, как человек, который страшно боится, что его не услышат.

– Очень приятно, Тед, – добродушно произнес Ваймс. – Мне нравятся люди, которые делают правильный выбор. Кстати говоря, Тед, кто предложил тебе сыграть эту маленькую шутку на холме?

– Стратфорд, сэ, честное слово. Он сказал, мы просто вас разыграем. Я знаю, о чем вы меня сейчас спросите, сэ – да, я у него спросил, кто за этим стоит, потому что немного заволновался, ведь в основном я просто выращиваю индюшек да катаю бочонки, ну, понимаете? – Трепет сделал лицо простого честного трудяги. – Он сказал, если он расскажет, то придется меня убить, и я тогда сказал: «Благодарю покорно, мистер Стратфорд, не извольте беспокоиться» – и заткнулся, потому что у него стал такой странный взгляд... – Трепет ненадолго задумался и добавил: – У него *всегда* такой взгляд.

Ваймс попытался сделать вид, что все это не особенно интересно. Он боялся спугнуть жертву, точь-в-точь как человек с сачком, стеклянной банкой и желанием насадить на булавку последнюю из редчайших ланкрских синих бабочек, которая отдыхает на близрастущем кусте чертополоха.

Стараясь казаться равнодушным, он спросил:

– Но ты-то знаешь, правда, Тед? Ты умный парень, Тед, если копнуть глубже. Многие скажут, конечно, что еловое бревно и то умней тебя, но, честное слово, в нашем мире не достигнешь успеха, если не будешь держать глаза открытыми и уши на макушке, так?

Но, разумеется, кто станет делиться тайной с таким болваном, как Трепет? Его даже бандитом было не назвать – бандит должен обладать хоть малой долей тактического мышления, – но преступники околачивались поблизости, а когда они общаются с тупицами вроде Теда Трепета, то не всегда держат язык за зубами.

Вслух Ваймс сказал:

– Какая досада, Тед, если ты один будешь за все это отвечать, ведь на самом деле ты всего лишь помог приятелю за пару долларов и пинту пива, как по-твоему? Ужасно, правда, что приличным людям приходится расплачиваться за других? Особенно если счет крупный... – он замолчал и посмотрел на Трепета.

– Да-а-а... – произнес тот. – Однажды Стратфорд пришел такой веселый и сказал, что он у лорда Ржава в доверенных лицах и все такое, тот на него полагается и подкидывает денюжку, но я решил, что он просто хвастается.

Ваймс, удивляясь собственному терпению, спросил:

– Кстати, Тед, а ты когда-нибудь слышал, чтобы кто-то из них говорил про ту гоблинку?

На лице парня появилась коварная усмешка.

– Если вам так хочется, командор...

Ваймс несколько мгновений смотрел на Трепета, а потом сказал:

– Тед, я хочу знать только то, что ты видел или слышал, а не то, что тебе померещилось. И не то, что ты сочинил, чтобы меня порадовать, ясно? Иначе я перестану быть твоим другом... – Ваймс ненадолго замолчал. – Ты когда-нибудь слышал, как лорд Ржав или Стратфорд говорили про кузнеца?

Было очень поучительно наблюдать за тем, как арестант шевелит мозгами. Он походил на большого пса, жующего ириску. Видимо, Трепет до чего-то додумался, потому что в конце концов произнес:

– Про кузнеца? А я и не знал, что это как-то с ним связано. Ну да... когда мы стояли во дворе, молодой лорд Ржав подошел к Стратфорду и сказал что-то типа: «Есть новости про нашего друга?» – ну и Стратфорд ответил: «Не извольте беспокоиться, сэр, его ожидает королева», и оба засмеялись...

В тишине Трепет спросил:

– Вы в порядке, сэр?

Ваймс, отмахнувшись от вопроса, поинтересовался:

– Что он имел в виду?

– Понятия не имею, сэр, – ответил Трепет.

– Здесь есть что-нибудь под названием «Королева»? Может быть, паб?

Или лодка?

Ваймс подумал: «Да, у лодок всегда странные названия, среди них просто обязана быть «Королева».

Пес вновь пожевал ириску.

– Простите, командор, я правда ничего не знаю. Ни одной «Королевы» тут не плавают.

Ваймс решил поставить точку. Он получил хоть какой-то результат. Не лучший. Ничего, что удовлетворило бы Ветинари – всего лишь намек на крошечный заговор, целью которого было куда-то отправить Джетро против воли. Но Ваймс, по крайней мере временно, удовлетворился.

Он понял, что Трепет робко поднимает руку, как ребенок, который страшится выговора от учителя.

– Что, Тед? – устало спросил он.

Трепет опустил руку.

– А я найду бога, сэр?

– Что? Какого бога?

Трепет, казалось, смутился, но тут же собрался с духом.

– Ну, сэр, я слышал, что иногда люди находят бога, когда попадают в тюрьму, и тогда с тобой лучше обращаются и даже, может, быстрее выпускают, ну, потому что ты молишься, вот я и подумал – если меня посадят в участок, там, наверное, к богам капельку ближе, если вы понимаете, к чему я клоню. Я, конечно, не хочу доставлять неприятности...

– Знаешь, Тед, если в мире есть какая-то справедливость, то богов, пожалуй, нужно было бы искать в Танти. Но на твоём месте, если бы мне пришлось выбирать между возможностью божественного вмешательства и гарантированными тремя приемами пиццы в день, и чтобы в миску никто не плевал, и не храпел в ухо ночью, и чтобы ты оказывался на коленях только ради молитвы... тогда я бы сказал: бог с ним, с богом.

Солнце уже встало, и Вилликинс не сбавлял хода. Ваймс это заметил. Улица взывала к нему, даже когда представляла собой всего-навсего широкий проселок. Он толкнул локтем задремавшего Фини:

– Скоро будем дома, сынок. Думаю, мистера Трепета пока можно поместить в твою уютную каталажку. Согласен?

Трепет явно был озадачен, и Ваймс добавил:

– Ох, боги. Неужели ты думал, что я немедленно погоню тебя в Анк-Морпорк? Нет, придется отправить туда гонца, чтобы из города, в свою очередь, послали кого-нибудь сюда с тюремным фургоном. Не беспокойся, каталажка прочная, уютная, каменная. Плюс ко всему – и я не сомневаюсь, что это изрядный плюс, – госпожа Наконец, скорее всего, приготовит тебе

вкусный бань-двинь-хрен-там, с морковкой и горохом. Фирменное блюдо.

Статус имеет свои привилегии, подумал Ваймс, когда остановился у старой каталажки.

– Старший констебль Наконец, пожалуйста, устрой арестанта, присмотри, чтобы его накормили и напоили и так далее, и, разумеется, займись бумажками.

– Чем-чем, сэр?

Ваймс моргнул.

– Может ли такое быть, Фини, что ты никогда не имел дела с бумажной работой?

Фини смутился.

– Э... да, сэр, конечно, но обычно я просто записываю имя в блокноте, сэр. То есть, я ведь знаю, кто он такой, откуда и что натворил. Кстати, после той истории со старым мистером Укропсом, когда он напился, я также проверяю, нет ли у арестованного аллергии на какие-нибудь ингредиенты бханхбхангдукской кухни. У меня целый день ушел, чтобы отмыть каталажку, и все из-за капельки мигунчика... – Заметив выражение лица Ваймса, юноша добавил: – Это такая известная приправа, сэр.

– Хабеас корпус, парень! Ты ведь хочешь быть настоящим стражником, так? Значит, мистер Трепет – твой заключенный. Ты за него отвечаешь. Если он заболит, это твои проблемы. Если он умрет – это твой труп, а если он сбежит, ты окажешься в таком положении, что слово «проблема» будет огромным преуменьшением. Я пытаюсь тебе помочь, честное слово, но с тем же успехом я мог бы отвезти его в Холл. У нас полно погребов, и мне ничего не стоит уложить его на ночь в одном из них, никаких проблем. Но если я должен буду этим заниматься, что проку от тебя?

Фини явно испугался. Он враз подтянулся.

– Я и слышать об этом не желаю, сэр, да и мои предки бы возмутились. В конце концов, в нашей каталажке никогда еще не сидел человек, замешанный в убийстве.

– Ладно, тогда дай мне расписку – это очень важно, учти, – и я поеду в Холл немного вздремнуть.

Ваймс отступил на шаг, когда на реке показалась лодка, и на маленькую пристань набежала небольшая мутная волна. Лодка была снабжена гребными колесами. Сибилла ему все про них объяснила. В трюме по кругу терпеливо ходил вол, и чудесный механизм заставлял колеса вращаться.

Рулевой помахал Ваймсу. Когда лодка проплыла мимо, он заметил женщину на корме. Она развешивала белье на веревке, и за ней наблюдал кот. «Хорошая жизнь со скоростью бычьего шага, – подумал Ваймс. – Скорее всего, никто и никогда не попытается тебя убить». И на мгновение он позавидовал, глядя на баржи, которые тянулись за лодкой, обгоняя выводок утят. Ваймс вздохнул, вернулся в карету, и Вилликинс отвез его в Холл. Наскоро приняв душ, он упал на подушки и погрузился в темноту.

Одни говорили, что Анк-Морпорк движется вперед. Другие утверждали, что если он и движется, то со скоростью хорошо выдержанного сыра. И, как гипотетический сыр, город вылезал из своей формы, в данном случае из-за стен, напомиавших, по словам патриция Ветинари, «корсет, который нужно расшнуровать». Одним из первых позволил себе расшириться Гарри Король – ныне, разумеется, известный как сэр Гарольд Король – плут, ловец удачи, безжалостный боец и опасный барышник, не знавший никаких пределов. Поскольку перечислять все это было слишком долго, его обычно называли успешным дельцом, что означало примерно то же самое. У него был талант превращать мусор в деньги. Когда капитан Моркоу и Ангва шагали вдоль бечевника к камышовым топам ниже по течению, впереди сияли огни. Все шло на потребу Королю Мусора. Армии его работников подметали улицы, опустошали сточные ямы, чистили трубы, разгребали помойки в районе скотобоен и уносили все частицы некогда живой материи, которые, из соображений приличия, невозможно было положить в сосиску. Говорили, что Гарри Король высосал бы даже дым из воздуха, если бы мог получить за него хорошую цену. И если кто-нибудь искал работу, Гарри Король ее давал – за плату немногим меньшую, чем где-нибудь в городе, а те, кто крал у Гарри Короля, получали по заслугам. Фабрика Гарри Короля, разумеется, воняла, зато перестал вонять город – во всяком случае, количество вони несколько сократилось, – и некоторые уже жаловались, что исчез знаменитый анк-морпоркский запах, который, по слухам, был так силен, что отгонял всевозможные хвори и недуги, укреплял мышцы и шел исключительно на пользу. В лучших традициях Анк-Морпорка, в нем уже организовали Общество сохранения запаха.

Приблизившись к дыму и клубам пара, стражники задышали реже. Перед ними простирался маленький город из палаток и лачуг, сколоченных кое-как – с благословения Гарри – самими рабочими, потому что, в конце концов, это значило, что они не будут опаздывать на работу.

Охранник у ворот немедленно открыл их, как только стражники

приблизилась. Пускай Гарри был нечестен, но его нечестность проявлялась там, где не волновала Стражу, и стиралась из памяти всех заинтересованных лиц, как только исчезала рябь от всплеска и отступал прилив.

Пока Моркоу и Ангва взбирались по лестнице в огромную контору, откуда управлял своими владениями Гарри Король, возник какой-то человек в горизонтальном положении – огромные руки Гарри Короля держали его за ворот и за сиденье брюк. Бедолага слетел вниз под вопль: «Ты уволен!» Стражники посторонились, пока человек катился мимо, пересчитывая ступеньки.

– Если я тебя еще раз здесь увижу, собак спущу! А, здравствуйте, капитан Моркоу, – сказал Гарри, немедля сменив тон на дружеский, – и вы, очаровательная мисс Ангва. Честное слово, какой приятный сюрприз, заходите же, я всегда рад оказать содействие Страже.

– Сэр Гарри, нельзя же так сбрасывать людей с лестницы, – заметил Моркоу.

Гарри Король с невинным видом широко развел руками.

– Что? Эта чертова лестница еще там? Я же велел ее убрать! Спасибо за совет, капитан, но лично я думаю так: если я поймал кого-то на попытке украсть у меня деньги и он до сих пор жив, значит, в целом мы квиты. Кофе? Чай? Что-нибудь покрепче? Нет? Я так и думал. Садитесь, пожалуйста, – по крайней мере, это-то вам можно.

Они сели, и Моркоу сказал:

– Мы хотели поговорить про гоблинов.

Гарри Король непонимающе уставился на него.

– Ну, у меня тут несколько штук есть, если вам от этого какая-то польза. Просто удивительно, но работники из них неплохие. Немного странные, на свой лад, и не особо шустрые, но, как только поймут, чего ты от них хочешь, будут стараться, пока им не велят прекратить. Я плачу гоблинам вдвое меньше, чем людям, зато работы они делают вдвое больше – и лучше. Охотно приму еще сотню, если подвернется.

– Но вы им платите намного меньше, чем людям? – уточнила Ангва.

Гарри взглянул на нее с жалостью.

– А кто еще готов им вообще что-то платить, детка? Бизнес есть бизнес. Я ведь их не приковываю. Мало кто станет нанимать гоблинов, потому что они воняют, но, судя по тому, как вы морщите свой славный нос, капитан, я тоже воняю. Такая уж работа. И потом, я разрешаю им жить на моей земле, и в свободное время они делают свои странные горшочки, и я уж стараюсь, чтоб свободного времени у них было немного. А когда они

скапливают достаточно денег, уж не знаю зачем, то сваливают туда, откуда пришли. Юный Смальц и его бабушка – единственные, кто остался насовсем. Этот парнишка сделает карьеру, вот что.

– Мы бы хотели поговорить с вашими гоблинами о горшочках, которые вы упомянули, если вы не против, Гарри, – сказал Моркоу.

Гарри Король улыбнулся и погрозил ему пальцем.

– Слушайте, вам двоим можно, потому что мы повидали жизнь и знаем что почем, но за пределами моей конторы я – сэр Гарри, понятно? Лично мне-то все равно, но ее светлость любит, чтоб все было чин-чином, уж поверьте. Так задирает нос, что воробьи на него садятся, ей-богу. И все-таки, разве кому от этого плохо? – Гарри Король, он же сэр Гарольд Король, ненадолго задумался. – Кстати говоря, а зачем вам нужны гоблинские горшочки?

Ангва заколебалась, но Моркоу ответил:

– Мы очень интересуемся гоблинским фольклором, сэр Гарри.

Гарри Король хихикнул.

– Знаете, капитан Моркоу, по вашему лицу никогда не поймешь. Не хотел бы я играть с вами в покер. Ладно, не мое дело, верю вам на слово. Спускайтесь по лестнице, идите к сортировочной ленте, найдите Билли Смальца и скажите ему, что Гарри Король будет признателен, если он отведет вас к своей бабушке. Поняли? И не благодарите, я подозреваю, что старина Ваймс замолвит за меня словечко перед Ветинари, когда будут раздавать награды, если вы поняли намек. Как говорится, рука руку моет, хотя, конечно, когда речь о Гарри Короле, лучше еще и продезинфицировать.

Билли Смальц складывал на тележку старые экземпляры «Таймс». Гоблина всегда можно опознать, хотя Билли, в грязном комбинезоне, выглядел как все прочие здешние рабочие. С той разницей, что он был гоблином.

Моркоу осторожно похлопал его по плечу, и Билли обернулся.

– А, копы.

– Мы от Гарри Короля, Билли, – сказал Моркоу и поспешно добавил: – Ты не сделал ничего дурного. Мы просто хотим узнать про коготтные горшочки.

– Вы хотите знать про горшочки? – Билли уставился на него. – Я сам знаю, что не сделал ничего дурного, шеф, можете не говорить, и к этим треклятым горшочкам в жизни не притронусь. Я сам пробиваю себе дорогу, вот что. Сказки меня не интересуют.

Ангва шагнула вперед и сказала:

– Мистер Смальц, это очень важно. Мы ищем того, кто может рассказать нам про коготтные горшочки. Вы не знаете никого подходящего?

Билли смерил ее презрительным взглядом.

– Ты, типа, вервольф, да? Я тебя за милую чую. А что ты сделаешь, если я скажу, что никого такого не знаю?

– Тогда, – ответил Моркоу, – мы, к сожалению, вынуждены будем обратиться к другим доводам.

Билли искоса взглянул на него.

– Иными словами, пинков мне надаете, что ли?

Утреннее солнце отражалось в ревностно отполированном нагруднике Моркоу.

– Нет, мистер Смальц.

Билли окинул капитана взглядом.

– Ну, есть тут моя бабка. Может, она с вами поболтает, а может, и нет. Я вам только ради мистера Короля это говорю. Она с кем попало откровенничать не станет, спорим на ваш шлем. И вообще, чего вы от нее хотите, а? Она сейчас почти не встает с постели. Я что-то не представляю, чтоб она кого-то грабанула.

– Мы тоже, Билли, нам просто нужны некоторые сведения о горшочках.

– Ну, тогда вы обратились по адресу, она просто спец, типа, вечно суется из-за этой ерунды. Вы с собой бренди не захватили? Бабуля не любит чужих, но человек с бутылкой бренди для бабули не чужой, пока выпивка не закончится.

Ангва шепнула Моркоу:

– У Гарри огромный бар в конторе, и это ведь не взятка. Рискнем попробовать?

Она ждала вместе с Билли Смальцем, пока Моркоу ходил в контору, и, чтобы не молчать, сказала:

– Билли Смальц – это как-то не похоже на гоблинское имя.

Билли поморщился.

– Да уж. Бабуля зовет меня Унесенный Прискорбным Ветром. Ну что это за имя, я вас спрашиваю? Кто тебя воспримет всерьез с таким именем? Времена сейчас не те, так ведь? – он с вызовом взглянул на Ангву, и она подумала: «Один за другим, мы становимся людьми... люди-вервольфы, люди-гномы, люди-тролли... у плавильного котла только одна программа. Так происходит прогресс».

Вслух она сказала:

– Разве ты не гордишься своим настоящим именем?

Билли взглянул на нее с открытым ртом, обнажившим острые зубки.

– Что? Горжусь? Да с какой стати, блин, гордиться тем, что ты *гоблин*? На это только моя бабуля способна. Пошли, что ли. И я надеюсь, что бренди скоренько принесут. Без бренди она начинает нервничать.

Билли Смальц и его бабуля жили в лачужке, в окружении точно таких же. Кто-то наломал в сырых низинах ивняка и сплел из него огромную полусферу размером с маленький домик. Ангва подумала, что для этого понадобились умение и смекалка: маленькие веточки и прутики, вплетенные в общую конструкцию, пустили корни и разрослись, как это часто бывает с ивами, а потом кто-то, наверное Билли Смальц, вплел в дом и новые побеги, и в результате получилось неплохое жилище, по крайней мере для лета, особенно после того как большинство щелей старательно заполнили плетенками поменьше. Внутри дом представлял собой дымную пещеру, но привыкшие к темноте глаза вервольфа разглядели, что внутренние стены были аккуратно завешаны старым брезентом и прочим барахлом – лишь бы гнулось, – чтобы спастись от сквозняков. Да, скорее всего, понадобилось меньше двух дней, чтобы возвести эту хибару, и она ничего не стоила, но в городе было полно людей, которые охотно согласились бы здесь жить.

– Извините, – сказал Билли. – Трудно сказать, что Гарри платит много, зато он смотрит сквозь пальцы, если мы потаскиваем всякую мелочь. Главное – не борзеть.

– Но у тебя есть даже печная труба, – удивленно заметила Ангва.

Билли опустил глаза.

– Она дырявая. Надо сделать несколько заплаток, только и всего. Подожди здесь, я гляну, готова ли бабуля принять гостей. К бренди-то она готова, не вопрос.

Послышался вежливый стук в дверь – капитан Моркоу вернулся с бренди. Он осторожно открыл обшарпанную и многократно покрашенную дверь, впусив немного света, огляделся и сказал:

– Очень уютно!

Ангва притопнула ногой.

– Ты посмотри, он даже сложил битую черепицу, чтобы получился приличный пол. Этот дом строили очень вдумчиво... – Она понизила голос и шепнула: – Он – гoblin. Совсем не то, что я ожидала...

– Кстати, у меня отличный слух, мисс, – заметил Билли, возвращаясь. – Просто удивительно, да, каким фокусам мы, гоблины,

учимся? Можно сказать, мы почти как люди! – Он указал на фетровую занавеску, которая отделяла дальний конец комнаты. – Бренди принесли? Тогда пошли. Держите бутылку перед собой, обычно это срабатывает. Кстати, она на самом деле не бабка мне, а прабабка, но в детстве это было трудновато выговорить, поэтому она стала бабулей. Говорить буду я сам, потому что у нее ни слова не разберешь, если только ты, блин, не гений. Заходите живей, мне через полчаса надо готовить ей обед, и, как я уж сказал, вы продержитесь здесь, только пока не кончится выпивка.

– Я ничего не вижу, – сказал Моркоу, когда перед ним торжественно отдернули занавеску, а Ангва осторожно произнесла:

– А я вижу. Может быть, ты представишь нас своей прабабушке, Билли?

Моркоу все еще пытался привыкнуть к темноте, когда услышал речь молодого гоблина, которая звучала так, как будто Билли одновременно жевал гравий. Во мраке что-то зашуршало, и отозвался другой голос, хриплый и ломкий. Наконец Билли отчетливо произнес:

– Сожаление Падающего Листа приветствует вас, стражники, и хочет, чтобы вы дали ей чертов бренди сию же секунду.

Моркоу протянул бутылку в направлении голоса, и Билли поспешно передал ее темному силуэту, который начал вырисовываться в сумраке, по мере того как глаза привыкали. Силуэт, устами Билли, сказал:

– Зачем ты пришел ко мне, по-люс-мен? Зачем тебе помощь умирающей женщины? Зачем тебе коготт, мистер по-люс-мен? Горшочки наши, наши! Тебе нечего здесь делать, большой парень!

– А что такое коготт, мэмм? – спросил Моркоу.

– Никакой религии, никаких колокольчиков, никаких коленопреклонений, никакого хора, никакой аллилуйи, никакого «с вашего позволения», только коготт, чистый коготт! Коготт, который приходит, когда ты в нем нуждаешься. Маленький коготт! Когда боги умывают руки и отворачиваются, коготт закатывает рукава! Коготт наносит удар в темноте. Если коготт не приходит сам, он отправляет посланца. Коготт повсюду!

Моркоу кашлянул.

– Сожаление Падающего Листа, один человек – хороший человек, стражник – умирает из-за коготта. Мы ничего не понимаем. Пожалуйста, помогите нам. В руке он сжимает коготтный горшочек.

Визг гоблинки, должно быть, огласил всю фабрику, так что хибарка затряслась.

– Вор! Вор! Украл горшочек! Недостоин жить! – перевел Билли с явным смущением. Старуха попыталась встать и рухнула обратно на

подушки, что-то бормоча.

Ангва сказала:

– Вы ошибаетесь, бабушка. Горшочек попал к нему случайно. Он его нашел. Горшочек, который называется душой слез.

Сожаление Падающего Листа уже наполнила мир криком. Теперь она наполнила его молчанием. С горечью и, как ни странно, на анкморпоркском, хотя ее правнук уверял, что она не знает этого языка, старуха сказала:

– Нашел в гоблинской пещере, ну да. На конце лопаты. Ну конечно. Чтоб ему пусто было.

– Нет! – капитан Моркоу оказался с ней лицом к лицу. – Горшочек оказался у него случайно... как проклятие. Он не был ему нужен, и он не знал, что это такое. Он нашел горшочек в сигаре.

Наступила пауза, во время которой старая гоблинка, видимо, что-то обдумывала. Наконец она спросила:

– Вы заплатите, сколько я попрошу, мистер по-люс-мен?

– Мы же дали тебе бренди, – заметила Ангва.

– Да, сучка, но это была плата за консультацию. Теперь заплатите за диагноз и за лечение. Тащите сюда нюхательный табак, два фунта «Сладкой малины», один фунт «Друга рыболова», один фунт медицинской смеси доктора Варьеса, чтобы было чем побаловаться в зимний день... – Из ее горла вырвалось нечто вроде смеха. – Приятно подышать свежим воздухом, – добавила старуха. – Мой внук знает жизнь, он говорит, вам можно доверять, но гоблины научились не полагаться на слово, поэтому мы скрепим сделку на старый лад, как было принято с начала времен.

Озадаченный Билли попятился, когда длинная рука с кривыми ногтями протянулась к Моркоу, который поплевал на ладонь и, даже не задумавшись о здоровье и безопасности, пожал руку Сожаления Упавшего Листа. Та вновь захихикала.

– Договор нерушим, ага, договор нерушим. Никогда.

После секундного колебания она небрежно добавила:

– Мойте руки после использования.

Глотнув из бутылки, бабушка Билли Смальца продолжала:

– Горшочек слез, говорите?

Ангва кивнула.

– Если так, ответ один. Какой-то бедной гоблинке, умиравшей от голода, пришлось съесть свое новорожденное дитя, потому что она не могла его прокормить. Я слышу, вы затаили дыхание. Такое бывало. Это ужасная правда. Да. Так часто случается в бедных краях, когда времена

тяжелые и еды нет. И вот, плача, она вырезала маленький горшочек для души своего младенца, слезами вселила в него жизнь и отослала прочь до лучших времен, когда ребенок вернется.

Моркоу негромко спросил:

– Вы можете рассказать нам что-нибудь еще, мэм?

Несколько мгновений старая гоблинка молчала.

– Внутри сигары? В табаке? Ну, так спросите у того, кто продает табак. Билли перевернул бутылку вверх дном, и оттуда не вылилось ни капли.

– И последнее, мэм, пожалуйста. Как помочь нашему другу? Кажется, ему мерещится, что он гоблин!

Маленькие черные глазки вспыхнули, когда старуха ответила:

– Я уже поверила, что вы принесете табак. Теперь я верю, что вы принесете еще бренди. Найдите гоблинскую пещеру. Найдите молодую гоблинку. Только она сможет забрать горшочек, в надежде однажды зачать ребенка. Должно быть так, и никак иначе. И проблема, мистер по-люс-мен, в том, что в наши дни гоблинок трудно найти. Точно не здесь. Может, их вообще нигде нет. Мы чахнем и вянем, как осенние листья. До свиданья, пока не будет еще бренди. Нет! Лучше щегобанский коньяк. Особый выпуск. Шестьдесят долларов, если покупать в «Харядзе» или на Бродвее, а у Твистера Трофея в Тенях – две бутылки по цене одной. Слегка отдает анчоусами, зато ни о чем не спрашивают и ответов не ждут.

Старуха замолчала, и стражники потихоньку вернулись в душный мир, их окружавший. Тревожные образы меркли в памяти.

Моркоу проговорил:

– Извините, что спрашиваю, но как это может повредить моему сержанту? Он непрерывно бредит и не позволяет забрать горшочек у него из рук!

– Три бутылки бренди, мистер по-люс-мен? – перевел Билли.

Моркоу кивнул.

– Договорились.

– Как давно у него горшочек?

Моркоу взглянул на Ангву.

– Примерно два дня, мэм.

– Тогда отведите его в гоблинскую пещеру поскорее, мистер по-люс-мен. Может, он и выживет. А может, умрет. В любом случае три бутылки бренди, мистер по-люс-мен, – маленькие черные глазки, сверкнув, взглянули на Моркоу. – Так приятно встретить настоящего джентльмена. Поторопитесь, мистер по-люс-мен.

Старуха откинулась на ложе из подушек и одеял. Аудиенция

закончилась, бренди тоже.

– Вы бабуле понравились, – сказал Билли с восхищением, выпроваживая стражников. – Это уж точно. Она ничем в вас не швырнула. Но лучше принесите ей табак и бренди поскорей, иначе она станет очень сварлива... в религиозном смысле, если вы понимаете, о чем я говорю, или, точнее, о чем я *не* говорю. Приятно было с вами познакомиться, но старина Король не любит, когда кто-то бьет баклуши.

– Подожди, Билли, – сказал Моркоу, хватая его за тощую руку. – Здесь поблизости есть гоблинские пещеры?

– Ты же слышал, офицер. Здесь пещер нет, насколько я знаю, да мне и все равно. Езжай в горы, мой тебе совет, но мне, правда, все равно. Если найдешь на карте гоблинскую пещеру, можешь свои зубы прозакладывать, что гоблинов там уже нет. Живых, по крайней мере.

– Спасибо большое за содействие, мистер Смальц, и поздравляю вас с бабушкой, которая так хорошо владеет современным словарем, – сказал Моркоу.

Из-под ивового купола, стены которого были очень тонкими, раздался восторженный взвизг.

– Да уж, блин! Бабуля Смальц не дура!

– Что ж, кажется, у нас есть хоть какой-то результат, – произнес Моркоу, когда они зашагали обратно в город. – Я, конечно, знаю, что Анк-Морпорк – это большой плавильный котел, но тебе не кажется, что как-то грустно, когда приезжие забывают о своих корнях?

– Да. Грустно, – ответила Ангва, не глядя на него.

Когда они вернулись в Псевдополис-Ярд, Моркоу передал Шелли все, что узнал.

– Я хочу, чтобы ты сходила в табачный магазин. Спроси хозяина, откуда он берет товар. Мы, конечно, знаем, что контрабандного табака много, поэтому он встревожится. Может быть, хорошая идея – взять с собой такого офицера, чье присутствие встревожит его капельку сильнее. Кстати, Чокнутый Крошка Артур как раз вернулся.

Шелли ухмыльнулась.

– В таком случае его-то я и возьму. Крошка Артур встревожит кого угодно.

У мистера Изумления Сметки до сих пор был хороший день. Он сходил в банк положить выручку на счет и купил два билета в оперу. Жену это, несомненно, должно было порадовать – гораздо сильнее того факта, что она носила фамилию Сметка. Жена всегда проталкивала его в высшее

общество – или, по крайней мере, в общество *повыше*, – но, некоторым образом, фамилия «Сметка» работает тормозом. Открыв дверь в свой магазин, Изумлений увидел полисмена, терпеливо сидевшего на стуле.

Шелли Задранец встала.

– Господин Сметка?

Он попытался улыбнуться.

– Ко мне обычно заходит Фред Колон, офицер.

– Да. А я сержант Задранец. Но, вы удивитесь, сегодня я заглянула к вам именно по поводу сержанта Колона. Помните, вы дали ему сигару?

Господин Сметка страдал от иллюзии, разделяемой многими, а именно что полицейские не имеют дело с враньем каждый божий день. Поэтому он сказал:

– Что-то не припоминаю.

Шелли ответила:

– Господин Сметка, это общеизвестный факт, что сержант Колон покупает или иным способом приобретает табак в вашем почтенном заведении.

И вновь Изумлений совершил ошибку.

– Я хочу увидеться с адвокатом!

– Я бы тоже хотела увидеться с вашим адвокатом, господин Сметка. Может быть, вы кого-нибудь за ним пошлете, пока мы с коллегой подождем здесь?

Изумлений изумленно огляделся.

– С каким коллегой?

– А, ну, типа, со мной, – отозвался констебль, печально известный как Чокнутый Крошка Артур. Он прятался за пачкой сигарет.

Двое полицейских хуже одного не в два раза, а намного больше, и Шелли Задранец воспользовалась паникой Изумления, чтобы осторожно сказать:

– Это очень простой вопрос, господин Сметка. Откуда взялась та сигара?

Шелли знала, что командор Ваймс не любит фразу «Невиновным нечего бояться», полагая, что как раз невиновным-то и есть чего бояться, в основном виновных, а в перспективе – тех, кто говорит вещи вроде «Невиновным нечего бояться». Но Изумлений испугался: Шелли увидела, что он вспотел.

– Мы знаем, что вы торгуете контрабандой, господин Сметка, ну или, наверное, лучше сказать, что вы не упускаете выгодные сделки, когда они, хм-хм, вам подворачиваются. Впрочем, прямо сейчас я всего лишь хочу

знать, откуда взялась та сигара. Если вы будете так любезны и ответите мне, мы покинем ваше заведение, довольные и всегда готовые помочь.

Изумлений просветлел. Шелли продолжала:

– Разумеется, представители других отделов Стражи, возможно, пожелают в свое время нанести вам визит. Но сейчас, сэр, вам придется иметь дело только со мной. Так вы знаете, откуда пришла та партия сигар?

Изумлений предпринял отважную попытку.

– Я покупаю у разных поставщиков, – сказал он. – У меня уйдет сто лет, чтобы поднять все записи!

Шелли продолжала улыбаться.

– Никаких проблем, господин Сметка, я немедленно вызову эксперта – моего коллегу мистера Э.И. Пессимала. Вы о нем слышали? Просто чудо, с какой скоростью он ворочает бумаги, и я не сомневаюсь, что в своем загруженном расписании он выкроит немножко времени, чтобы помочь вам, притом совершенно бесплатно.

Через пять минут Изумлений, посеревший и запыхавшийся, вручил Шелли листок.

Шелли взглянула на него.

– Говондалэнд? А я думала, что табак, в основном, приходит из Клатча.

Изумлений пожал плечами.

– Ну, теперь и в Говондалэнде есть плантации. Хороший табак, кстати... – Немного осмелев, он продолжал: – И за него уплачено по закону, вот что. Да, я знаю про контрабанду, только мы с ней не связываемся. Незачем, если можно заключить выгодную сделку, купив груз оптом. У меня все записано. Каждое поступление. Каждый платеж. Чин-чином.

Шелли сдалась. Э.И. Пессимал, возможно, и сумел бы отыскать что-нибудь интересное в гроссбухах Сметки. Бизнес есть бизнес, в конце концов, хотя он и бывает разным, и не надо запутывать дело еще больше. Шелли встала.

– Большое спасибо за содействие, господин Сметка, больше мы вас беспокоить не будем.

Изумлений помедлил и сказал:

– А что такое с Фредом Колоном? Он, конечно, хапуга, скажу прямо, но жаль будет, если с ним что-нибудь случится. Он ведь... не отравился, правда?

– Нет, господин Сметка. Сигара начала с ним разговаривать.

– Обычно они этого не делают, – нервно заметил Изумлений. – Надо будет проверить товар.

– Пожалуйста, сэр. И заодно принесите-ка нам вот это, по списку. Торговец внимательно изучил список, шевеля губами, и сказал:

– Многовато.

– Да, сэр, – подтвердила Шелли. – И я уполномочена заплатить наличными.

Изумлений пришел в крайнее изумление:

– Что? Стражники платят?!

Шагать по улицам в обществе Чокнутого Крошки Артура было нелегко даже гному вроде Шелли Задранец. Артур был ростом шесть дюймов, поэтому, разговаривая с ним на ходу, собеседник рисковал показаться сумасшедшим. Но Чокнутый Крошка Артур искренне терпеть не мог, когда его брали на руки. Оставалось просто смириться. Большинство и так предпочитали пройти окольным путем, когда видели Чокнутого Крошку Артура.

Они вернулись в штаб-квартиру и доложились Моркоу. Капитан немедленно спросил:

– Ты знаешь, где есть гоблинские пещеры, Шелли?

– Нет, сэр, а почему вы спрашиваете?

– Потом объясню, – ответил Моркоу. – Ты просто не поверишь. Удалось выяснить что-нибудь у старика Сметки?

Шелли кивнула:

– Да, сэр. Зачарованная сигара сержанта Колона прибыла из Говондалэнда, это точно.

Моркоу уставился на нее.

– А я и не знал, что в Говондалэнде есть гоблины. Оттуда родом вся семья Джолсон... – Он щелкнул пальцами. – Погодите-ка минутку.

Моркоу убежал по коридору в столовую и вернулся в сопровождении констебля Прециозы Джолсон, дамы, для описания которой слово «крупная» никак не подходило. Все в ней было, можно сказать, в тройном размере, включая добрый нрав. Прециозу любили все. Она буквально источала добродушие и для каждого находила ласковое слово, даже когда подбирала с мостовой пару-тройку пьянчуг и зашвыривала их в полицейский фургон.

После недолгих расспросов Прециоза сказала:

– Отец отправлял меня туда в прошлом году, он хотел, чтобы я побывала на исторической родине. Не могу сказать, что мне понравилось. Хороший климат, но заняться нечем. Ничего интересного, разве что захочешь погладить тамошнюю кошку – они такие злющие. Никогда не

слышала там о гоблинах – наверное, неподходящее для них место. Извините, капитан, можно мне пойти и допить чай?

Последовавшую тишину нарушил Моркоу:

– До Говондалэнда плыть несколько месяцев, а метлы плохо летают над водой, даже если мы убедим волшебников. Есть идеи?

– Едрить-колотить! – сказал Чокнутый Крошка Артур. – Да никаких проблем. Я туда меньше чем за день доберусь, а то ж.

Они уставились на него. Чокнутый Крошка Артур был достаточно мал, чтобы уместиться на спине любой птицы крупнее среднего ястреба – его воздушные трансляции о городских пробках^[22] стали неизменной чертой уличной жизни Анк-Морпорка. Но лететь на другой континент?

Он ухмыльнулся.

– Ну, вы ж знаете, а то ж, я тут мотался в гости, навещал своих родичей, Нак-Мак-Фиглей. Так это, они то и дело летают на птицах, и есть такая штука, которую они называют зоботычина, а то ж. Я, кажись, достаточно умный, чтоб ею воспользоваться, а то ж.

– Три «а то ж» в одном ответе, Чокнутый Крошка Артур, – сказала Ангва, под общий смех. – Ты стал настоящим Фиглем, я гляжу.

– Эге, смейтесь, смейтесь, только я тут единственный из вас, придурков, знаю, почему столько больших птиц кружит над городом в это время года. Над Анк-Морпорком жарко! Видали большие клубы дыма и пара? Это все жар, а то ж. Он поднимает птицу кверху, ветер подпирает крылья. Слыхали про поддельного альбатроса? Нет, потому что о нем знаем только я да профессор орниторологии из Университета, а он знает только потому, что я ему, придурку, рассказал. Кроме как в брачный сезон, этот альбатрос никогда не садится на землю. И еще кое-что. На самом деле это орел, который прикидывается альбатросом. Этакая небесная акула. И один из них меня вполне устроит. Альбатросы любят город. Они парят высоко, там, где вы их ни за что не заметите, если только не знаете, куда смотреть. Как минимум один уж точно где-нибудь болтается, и я сегодня же могу отбыть. Что скажете?

– Но констебль, – сказал Моркоу, – ты же замерзнешь на такой высоте, разве нет?

– А то ж, наверное, шерстяных трусов будет недостаточно, поэтому сейчас мы упомянем слово «бренди». Поверь, капитан. Я так думаю, что вернусь через двух дней.

– Через сколько? – уточнила Ангва.

Чокнутый Крошка Артур закатил глаза.

– Через два дня, капитан. Перевожу для особо одаренных.

На самом деле Чокнутому Крошке Артуру понадобился всего час, чтобы обнаружить мирного вида птицу, спокойно парящую высоко над городом с едой в когтях, добытой в столкновении с чайкой, чьи перья сейчас неспешно плыли в воздухе. У поддельного альбатроса нет врагов, которых он не сумел бы с легкостью переварить, а потому он не обращал внимания на неприметного и относительно безвредного ястреба, который летел встречным курсом – до тех пор, пока на спину альбатросу не приземлился Чокнутый Крошка Артур. Птица сопротивлялась, но не могла дотянуться до Фигля, потому что тот сидел удобно и держал ее руками за шею. Чокнутый Крошка Артур предпочитал ускоренные методы дрессировки.

Поддельный альбатрос стал набирать высоту, неуклонно поднимаясь по спирали вдоль огромного столба теплого воздуха – именно так рассматривали Анк-Морпорк крылатые создания, – и Чокнутый Крошка Артур некоторое время развлекался, запоминая карандашную карту мира. На самом деле ничего сложного. Континенты и их края он заметил без особого труда – там, разумеется, стояли у причала корабли. Чокнутый Крошка Артур был мировым специалистом по высматриванию с высоты, и это ему нравилось, тем более что большинству людей, которые хотели посмотреть на Крошку Артура, приходилось наклоняться.

Ладно, подумал он. Поехали.

Это называлось зоботычина, и Нак-Мак-Фигли с меловых пустошей старательно научили своего городского брата, что нужно делать, сидя на спине большой птицы.

Жители Анк-Морпорка подняли головы, слышав высоко над собой «бам», но, поскольку небо было пустым, потеряли интерес. Тем временем на очень удивленном альбатросе сидел невероятно довольный собой Фигль, который, устроившись в перьях, принялся закусывать (кусочек вареного яйца и двухдюймовый ломтик хлеба составляли его паек на время путешествия^[23]). А мир проносился внизу со звуком «уиииииии».

Темнота продолжалась около четырех часов, когда Ваймса наконец разбудил маленький мальчик, скакавший по постели – и по отцу – со словами:

– А Вилликинс нашел мертвую птицу, па. Мама сказала, я могу ее пре... па... рировать, если ты разрешишь.

Ваймс проямлил:

– Ладно, если мама не против, – и провалился обратно в темноту.

Тьма разлилась вокруг. Он услышал собственные мысли: «Призывающая Тьма может рассказать мне все, что я хочу знать, и это будет правдой. Но *та* ли это правда и как проверить? Если довериться Тьме, то я, некоторым образом, стану ее порождением. Или, может быть, она – моим? Ведь у нас договор, и она помогла мне в пещерах под Кумской долиной, и благодаря этому мир стал лучше. Разумеется, у темноты нет причин врать. Я всегда любил ночь, глухую ночь, когда стоит непроглядная тьма, которая заставляет собак нервничать, а овец – в ужасе выскакивать из загонov. Тьма всегда была моим другом, но я не позволю ей стать хозяйкой. Рано или поздно мне придется говорить правду и только правду, и если я солгу, я, старший в Страже, кем я тогда буду? Разве я смогу после этого упрекнуть стражника за то, что он посмотрел на преступление сквозь пальцы?»

Он повернулся среди подушек. «Но причина есть. Отличная причина! Этот самый Стратфорд действительно убил гоблинку, у меня есть показания его сообщника и свидетельство существа, чье содействие принесло обществу ощутимую пользу. Надо сказать, я напугал Трепета, но люди такого сорта всегда чего-нибудь боятся, и пусть он лучше боится меня, чем Стратфорда, потому что я, по крайней мере, знаю, когда остановиться. Трепет – всего лишь еще один красный шар на бильярдном сукне, и Стратфорд тоже, я так думаю. У Стратфорда наверняка есть босс. У таких людей всегда есть знатный босс, потому что в деревне почти все – либо работяги, либо знать, и ни у кого не найдется доброго слова для гоблинов. Мишеней полно, и проблема заключается в том, что тебе от этого ни на грош пользы, если ты не знаешь, в какую мишень целиться».

Ваймс вновь погрузился в глубокий сон, из которого его почти немедленно вырвал сын, старательно молотивший по груде одеял, которую представлял собой спящий отец.

– Мама тебя зовет, па. Говорит, там какой-то человек пришел.

Ваймс был не из тех, кто носит домашние халаты, поэтому он кое-как натянул одежду и придал себе презентабельный вид, насколько это возможно для человека, которому нужно побриться, но времени нет.

В гостиной действительно сидел человек, в шляпе с пером, бриджах и с нервной улыбкой на лице. Три вещи, которые всегда раздражали Ваймса. Нервная улыбка обычно значила, что человеку нужно нечто, на что он не имеет права; шляпы с перьями лично он считал дурацкой выдумкой; а что касается бриджей, то не стоит общаться со стражником, будучи в штанах, которые выглядят так, словно их обладатель только что спер где-то столовое серебро и торопливо засунул добычу в штанины. Ваймсу

показалось, что он заметил очертания чайника, но, скорее всего, его подвело зрение.

Добровольный носитель тройной неудачи встал, когда Ваймс вошел.

– Ваша светлость?

– Иногда, – ответил Ваймс. – Чем могу помочь?

Гость робко взглянул на госпожу Сибиллу, которая уютно сидела в углу с тонкой улыбкой на губах, и сказал:

– Ваша светлость, боюсь, что должен вручить вам ордер о прекращении и воздержании, от имени местного магистрата. Мне очень жаль, ваша светлость, и я надеюсь, вы поймете, как неприятно приносить джентльмену такие новости, но все равны перед законом, и закону надо повиноваться. Меня зовут Уильям Стонер, я чиновник в суде... – Мистер Стонер замолчал, потому что Ваймс зашагал к двери.

– Просто хочу удостовериться, что вы не уйдете в спешке, – объяснил он, запирая дверь. – Присаживайтесь, мистер Стонер. Вы именно тот, с кем я хочу поговорить.

Клерк осторожно сел, явно не желая быть именно тем. Он выставил перед собой свиток с красной восковой печатью, которая, по общему убеждению, делает документы официальными – или, по крайней мере, дорогими и неудобопонятными, что, в общем, одно и то же.

Внезапно Ваймс понял, что годы конфликтов с патрицием Ветинари были, по сути, тренировкой. Жаль, что он не догадывался об этом раньше. Что ж, настало время экзамена. Он откинулся на спинку кресла, уселся поудобнее, сомкнул пальцы шпилем и нахмурился. В течение десяти минут он глядел на гостя поверх сомкнутых рук – достаточный отрезок времени, чтобы заставить его занервничать (на самого Ваймса это действовало безотказно, и уж точно должно было сработать с этим мелким поганцем).

Он нарушил молчание, сказав:

– Мистер Стонер, несколько дней назад на моей земле произошло убийство. Землевладение что-то да значит в этих краях, не так ли? Кажется, преступление было совершено, чтобы припутать меня к исчезновению некоего Джетро Джефферсона, местного кузнеца. Этого уже достаточно для оскорбления, но гораздо сильнее я оскорбился, когда познакомился со здешним старшим констеблем – он отличный парень и любит свою старушку мать, но, кажется, полагает, что отвечает перед каким-то загадочным магистратом, а не перед законом. Магистрат? Что такое магистрат? Какое-то местное управление? Никакого надзора за ними, никакого окружного судьи и... Я еще не закончил!

Мистер Стонер, с побледневшим лицом, опустил обратно в кресло,

как и Ваймс, старавшийся не смотреть на Сибиллу, на тот случай, если она смеялась. Вновь надев маску невозмутимости, он продолжал:

– Насколько я понимаю, мистер Стоун, в округе гоблины официально считаются паразитами. Паразиты – это крысы, а также мыши, а также, если не ошибаюсь, голуби и вороны. Но все вышеперечисленные не играют на арфе, мистер Стонер, не делают замысловатых горшочков, а еще, мистер Стонер, они не просят пощады, хотя, надо сказать, мне доводилось видеть, как некоторые мыши трогательно поводили носом, вынуждая меня откладывать молоток. Но я отклоняюсь от темы. Гоблины жалки, грязны и вечно голодны, но в этом отношении они похожи на большинство людей. Где ваш магистрат проводит черту, мистер Стонер? Опять-таки, мы в Анк-Морпорке черты не проводим, потому что если гоблины – паразиты, то паразиты и бедняки, и гномы, и тролли. И та гоблинка молила о пощаде.

Он откинулся на спинку кресла и подождал, пока мистер Стонер вспомнит, что у него есть дар речи. Оправившись, тот поступил как истый чиновник – то есть проигнорировал проблему.

– Тем не менее, мистер Ваймс, здесь вы власти не имеете, и, позвольте заметить, не стоит поощрять местного констебля к подобному поведению и внушать ему образ мыслей, который дурно отразится на его карьере...

Мистер Стонер не успел закончить, потому что Ваймс его перебил.

– Какой карьере? У него нет карьеры! Он стражник, сам по себе, не считая разве что свиней. Фини Наконец – хороший парень, его не так-то легко напугать, он пишет разборчивым почерком и почти без ошибок, то есть, в моем представлении, автоматически переходит в разряд сержантов. А что касается треклятой юрисдикции, убийство – это самое страшное преступление! Третье из совершихся на свете, если верить омнианам!^[24] В любой стране мира убийство считают преступлением, которое надлежит яро преследовать, понимаете? А что касается закона, даже не говорите мне о нем. Я не выше закона – я стою прямо под ним и поддерживаю его обеими руками! Сейчас я веду расследование вместе с мистером Фини, пособник убийцы сидит в камере, и мы служим правосудию, а не удобству!

– Отлично сказано, Сэм, – преданно произнесла Сибилла, чуть заметно, но весьма отчетливо хлопнув в ладоши, как делают люди, когда хотят, чтобы остальные к ним присоединились.

Но мистер Стонер парировал:

– Ловко сказано, сэр, но, тем не менее, у меня приказ на ваш арест. Магистрат, видите ли, привел меня к присяге как констебля, а юный Наконец освобожден от своих обязанностей.

От внезапно налетевшего холода он поежился.

Ваймс встал.

– Сомневаюсь, что сегодня вам удастся меня арестовать, мистер Стонер. Смеею надеяться, Сибилла предложит вам чашечку чая, если пожелаете, но лично я намерен нанести визит старшему констеблю.

Он отпер дверь, вышел из комнаты и с неплохой скоростью двинулся к каталажке.

На полпути Вилликинс догнал его.

– Я невольно услышал всю эту чушь, командор, поскольку подслушивал у дверей, согласно параграфу номер пять кодекса камердинеров. Какая наглость! Вам понадобится человек, который прикроет спину.

Ваймс покачал головой.

– Сомневаюсь, что штатским стоит вмешиваться, Вилликинс.

Камердинеру пришлось бежать быстрее, потому что Ваймс поднажал, но на ходу Вилликинс все-таки выговорил:

– Черт знает что вы несете, командор.

И побежал дальше.

В каталажке что-то происходило – с точки зрения Ваймса, это могло быть домашней ссорой, перебранкой, стычкой и даже свалкой (в последнем случае кому-то, скорее всего, сильно не повезло). Ему в голову пришла счастливая мысль: может быть, это даже столкновение. Очень полезное слово, потому что никто толком не знает, что это такое, но звучит угрожающе.

Ваймс расхохотался, как только увидел, в чем дело. Фини стоял перед каталажкой, красный как свекла, с наследственной дубинкой в руках. Сначала Ваймс подумал, что юноша уже пустил ее в ход против небольшой толпы, пытающейся вломиться внутрь, потому что на земле лежал человек, который держался за низ живота и стонал. Но многолетний опыт подсказал, что за столь удачное попадание следует благодарить госпожу Наконец, которая стояла, окруженная людьми, готовыми в любой момент отпрянуть, и размахивала метлой.

– И не смейте говорить мне, что мой Фини больше не стражник! Он стражник, как его отец, и дедушка, и прадедушка! – Она помедлила и сердито продолжала: – Прошу прощения, я ошиблась, его прадедушка был преступником, но ведь это же *очень* близко к стражнику!

Метла со свистом проносилась в воздухе, когда госпожа Наконец размахивала ей направо и налево.

– Я вас знаю! Одни из вас лесничие, другие браконьеры, а некоторые

просто сукины дети, простите мой клатчский! – Тут она заметила Ваймса и, лишь на мгновение задержавшись, чтобы обрушить метлу, как дубинку, на ногу парня, который сделал шаг не в ту сторону, ткнула в Ваймса пальцем и возопила: – Видите его? Он джентльмен – и настоящий стражник! Настоящих стражников, как мой Генри, упокой боги его душу, и как командор Ваймс, сразу видно! Потому что у них настоящие значки, которыми открыли тысячу пивных бутылок, вот что, и, поверьте, будет больно, если вам такой значок сунуть в зубы! Ваши бумажки, которыми вы, парни, тут размахиваете, мне смешны! Еще шаг, Дэви Хэкетт, и я засуну метлу тебе в ухо, даже не сомневайся!

Ваймс окинул взглядом толпу, пытаясь отделить злобных и опасных от невинных и глупых. Он поднял руку, чтобы отмахнуться от мухи, и услышал, как толпа ахнула, а потом увидел на булыжниках стрелу. Госпожа Наконец разглядывала черенок метлы, перебитый пополам.

Теоретически, ей следовало завизжать, но она слишком долго общалась со стражниками, а потому, покраснев от гнева, указала на сломанную метлу и произнесла типичным тоном старушки матери:

– Она, между прочим, стоит полдоллара! Метлы на деревьях не растут! Придется кому-то заплатить!

Немедленно руки лихорадочно зашарили в карманах. Один из присутствующих, сохранивший толику ясного ума, снял шляпу, и в нее посыпались монеты. Поскольку большинство из них были доллары и полудоллары, выхваченные из карманов в спешке, госпожа Наконец, скорее всего, получила бы пожизненный запас метел.

Но Фини, который так и кипел, швырнул шляпу наземь, как только ее протянули.

– Нет! Это похоже на взятку, ма. Кто-то в тебя выстрелил. Я видел стрелу, она вылетела из толпы, прямо из середины. Я требую, чтоб ты вернулась в дом, ма, потому что не хочу потерять тебя, как отца, слышишь? Черт возьми, ступай в дом, ма, и, как только ты закроешь за собой дверь, я поучу эту публику хорошим манерам!

Фини так и пылал. Если бы сейчас на голову ему упало яблоко, оно бы взорвалось. Его ярость – чистая справедливая ярость, то состояние, в котором человек обретает идею, намерение, а главное, смелость, чтобы насмерть схватиться с теми, кто стоит вокруг – была первоочередным вопросом для озадаченных односельчан, перевешивавшим вопрос второстепенный, а именно – какую часть лежавшей на земле мелочи, примерно на шесть долларов, удастся вернуть.

Ваймс не произнес ни слова. Для слов не было места. Любое слово

отпустило бы тормоз, который держал под контролем месть. Потомственная дубинка Фини, которую юноша вскинул на плечо, выглядела предупреждением свыше. В его руках она могла стать причиной мгновенной смерти. Никто не смел бежать; бежать значило стать кандидатом на свистящее дубинное возмездие.

Похоже, настал подходящий момент.

– Старший констебль Наконец, можно я тебе скажу пару слов как полисмен полисмену?

Фини туманно взглянул на Ваймса, как человек, пытающийся разглядеть что-то на другом краю вселенной. Один из стоявших вокруг решил, что пора удирать, но за спинами толпы раздался глухой удар, и голос Вилликинса произнес:

– Прошу прощения, ваша светлость, но этот джентльмен сам споткнулся о мою ногу. К сожалению, у меня очень большие ноги.

В подтверждение своих слов, он вздернул с земли парня, чей нос, скорее всего, должен был обрести изначальный цвет через пару недель.

Все взгляды обратились на Вилликинса, кроме взгляда Ваймса, потому что в тени, подальше толпы, снова торчал чертов Стонер. Не в толпе, разумеется. Уважающий себя законник не станет смешиваться с толпой, о нет, он просто будет стоять и *наблюдать*.

Фини с яростью взглянул на остальных. В конце концов, споткнуться и упасть так просто.

– Я ценю содействие вашего слуги, командор, но это мой участок, если вы меня понимаете, и последнее слово останется за мной.

Юноша тяжело дышал, переводя взгляд с одного лица на другое в поисках первого, кто двинется или хотя бы возьмет к тому желание в ближайшем времени.

– Я стражник! Не всегда хороший или умный, но я стражник, и тот, кто сидит в каталажке, – мой заключенный, и за него я готов биться насмерть, и если это будет смерть нескольких ублюдков, которые явились к моей матушке с арбалетами, не умея ими пользоваться, – значит, так тому и быть! – Он понизил голос, перестав кричать, и продолжал: – Я знаю вас, как знали мой отец и дед – по крайней мере, некоторых из вас, – и могу сказать, что вы не такие плохие, как...

Фини замолчал.

– Что вы здесь делаете, мистер Стонер? Просто стоите и смотрите? Что, кому-то вы уже подкинули денег?

– Это подсудное заявление, юноша, – заметил Стонер.

Ваймс осторожно подошел к чиновнику и шепнул:

– Я даже не стану говорить, что вы испытываете судьбу, мистер Стонер, потому что ваше везение иссякло, как только я вас увидел, – он многозначительно почесал переносицу. – И учтите, у меня тоже большие ноги.

Фини, ни на что не обращая внимания, продолжал:

– Я хочу, чтоб вы все знали: несколько дней назад на холме убили молодую гоблинку, которая молила о пощаде. Это дурно. Очень дурно. Человек, который способен убить гоблинку, однажды может убить и вашу сестру. Но я помогу моему... – Фини запнулся и продолжал: – ...моему коллеге, командору Ваймсу, и отдам преступников в руки правосудия. И это еще не все, честью клянусь, потому что я, как и вы, знаю, что три года назад среди ночи гоблинов с холма согнали к реке и куда-то увезли. Я не знаю, помогал ли в этом кто-нибудь из вас, и прямо сейчас не стану разбираться, потому что вы всегда делаете то, что велят, хотя некоторые почему-то стараются больше остальных...

Фини развернулся, намекая, что исключений нет.

– И я еще кое-что знаю. Что вчера поздно вечером, когда мы ехали в Заусенц, в Свесе схватили пачку гоблинов и отправили на колесной лодке вниз по реке в...

– Что?! Почему ты мне раньше не сказал? – взревел Ваймс.

Фини даже не взглянул в его сторону – он не сводил глаз с толпы.

– Раньше? Извините, командор, но тут было столько дел, да я и сам узнал незадолго до того, как прибежала вся эта публика, ну а потом тем более стало некогда. Лодка, скорее всего, плыла мимо, пока мы вскрывали бочонки в Заусенце. Эти господа хотели, чтобы я отдал им моего – вашего – нашего заключенного, ну и тогда, конечно, вмешалась матушка, а вы сами знаете, как бывает сложно, когда вмешиваются матушки. *Я никому не разрешал двигаться, ясно?!*

Это относилось к мужчине, который стоял, согнувшись почти пополам.

– Извини... э... Фини... э... констебль... э... старший констебль. Наконец, но мне очень надо в туалет, если ты не возражаешь... пожалуйста... э... спасибо.

Ваймс посмотрел на согнутого бедолагу и сказал:

– Ох, боги, это вы, мистер Стонер. Вилликинс! Отведи его куда-нибудь, где он может сделать свои дела, ладно? Только, пожалуйста, потом приведи обратно. А если окажется, что ничего ему не нужно, уж позаботься, чтобы такая необходимость возникла.

Ваймс сказал бы намного больше, но, в конце концов, это был участок

Фини, и парнишка на диво хорошо справлялся, когда речь заходила о том, чтобы задать перцу людям, которые обижают старушек.

И Фини еще не закончил; его гнев из расплавленной стали превратился в сталь застывшую и прочную.

– И прежде чем я объясню вам, что будет дальше, господа, я бы хотел привлечь ваше внимание к гоблину, который сидит на дереве и наблюдает за нами. Все местные знают Вонючку – иногда вы даете ему пинка, иногда он клянчит сигаретку, иногда бегаёт с поручениями, так?

Толпа буквально вспотела от облегчения, когда поняла, что худшее, кажется, позади. На самом деле оно только начиналось.

– Командор Ваймс хочет, чтоб вы знали – и я тоже этого хочу, – что закон применим ко всем. В том числе к гоблинам.

Люди закивали, а Фини продолжал:

– Но если закон применим и к гоблинам, это значит, что у гоблинов есть права, а если у них есть права, значит, полиция Графств может принять на службу гоблина.

Ваймс взглянул на Фини – изумленно и с изрядной долей восхищения. Вот оно. Слушатели кивали, а Фини вел их куда хотел. Не успев опомниться, они уже кивали стражнику-гоблину.

– Итак, господа, я намерен принять Вонючку на испытательный срок в качестве констебля, чтобы он держал меня в курсе того, что происходит на холме. Он получит значок, и всякий, кто даст ему пинка, будет считаться человеком, напавшим на стражника при исполнении служебных обязанностей. За это не только вешают, но и оставляют болтаться на виселице. Это наше внутреннее решение, которое не требует одобрения магистрата. Так, командор Ваймс?

Ваймс поразился тому, что губы ответили сами собой, не снесясь предварительно с мозгом.

– Да, старший констебль Наконец. Согласно параграфу 12, части 3 «Законов и ордонансов Анк-Морпорка», каковые устанавливают порядок полицейских процедур, – уверенно добавил он, зная, что никто из присутствующих никогда этой книги не видел и, скорее всего, не сумел бы прочесть, даже если бы увидел.

В душе Ваймс поморщился. Ему сходило с рук, когда он принимал в Стражу гномов, троллей и, наконец, даже вервольфов и вампиров, хотя и на определенных условиях, но это было результатом долгих усилий. Ветинари всегда говорил: «Что такое норма? Норма – это вчерашний день и прошлый год, вместе взятые». И они внедряли новинки по одной, чтобы норма постепенно эволюционировала – хотя Вонючке, точнее констеблю по

особым поручениям Вонючке, и впрямь стоило ограничить свою деятельность пещерой. Да, это была не такая уж плохая идея, если бы только удалось убедить гоблинов оставить кур в покое. Тогда, может быть, у нормы и впрямь появился бы шанс. В конце концов, люди не возражали, если права и свободы у них отбирали те, на кого они смотрели снизу вверх, но пропавшую курицу они отчего-то воспринимали как личное оскорбление и реагировали соответственно.

Фини, запыхавшись, закончил:

– Я не могу принудить никого из вас что-нибудь рассказать, но, может быть, все-таки кто-то хочет помочь в расследовании?

Ваймс постарался, чтобы никто не увидел выражения его лица, особенно Фини. Разумеется, капитан Моркоу тоже некогда был таким, и даже, вы удивитесь, сам Ваймс в молодости, но, *разумеется*, не стоит ожидать, что кто-нибудь в толпе поднимет руку и заявит: «Да, констебль, я охотно расскажу вам все, что знаю, и пусть эти господа будут моими свидетелями».

После таких выступлений надлежит просто ждать – ждать, пока кто-то не подойдет украдкой и не шепнет пару слов на ухо, когда ты будешь один. А может быть, просто кивком укажет в нужную сторону или же, как это случилось с Ваймсом, выведет три буквы пролитым пивом на стойке паба и старательно сотрет написанное через две секунды. Но, впрочем, никогда не знаешь, где найдешь, и, в конце концов, Фини действительно может сделать карьеру, так ведь? И тогда прежняя дружба очень пригодится...

Ваймс отогнал тень замешательства.

– Ну, господа, я говорю как командор анк-морпоркской городской Стражи, и мне кажется, что ваш старший представитель полицейской власти довольно-таки снисходителен с вами. Я поступил бы иначе, поэтому скажите ему спасибо. Скольких... – и Ваймс презрительно фыркнул, – ... *джентльменов* ты тут знаешь, старший констебль Наконец?

– Примерно половину, командор, если называть имена, фамилии, адреса и все такое. Остальные – не здешние. Не скажу, что они сплошь ангелы, но, по большей части, не так уж плохи.

Этот благоразумный ответ вызвал несколько улыбок, и толпа слегка расслабилась; к счастью, возникла пауза, которую Ваймс заполнил, сказав:

– Так кто держал наготове стрелу на тетиве, как, по-вашему, мистер Фини?

Но прежде чем тот успел открыть рот, Ваймс обернулся к вернувшемуся мистеру Стоуну, которого подвело пищеварение. Вилликинс, обладавший безошибочными инстинктами, по-прежнему за ним наблюдал.

Ваймс произнес громко и радостно:

– Я вижу, мой добрый друг мистер Стонер снова с нами. Он законник, а я полисмен, и мы непременно найдем общий язык. Пройдите сюда, мистер Стонер.

Он схватил неохотно повиновавшегося законника за руку, мягко, но крепко, и отвел в сторонку от толпы, которая, как с удовольствием заметил Ваймс, уставилась на них с глубоким подозрением.

– Вы ведь правда законник, мистер Стонер? Случайно не специалист по уголовному праву?

– Нет, ваша светлость, я занимаюсь в основном вопросами земли и собственности.

– Да, это гораздо безопаснее, – заметил Ваймс. – И, наверное, вы член анк-морпоркской гильдии, заправляет которой мой старый знакомый господин Кривс?

Он произнес это добродушно, но знал, что имя старого зомби вселяет ужас в сердце любого законника – хотя вопрос, имелось ли сердце у самого господина Кривса, принадлежал к разряду риторических. Мистер Стонер наверняка принялся размышлять очень быстро. Если у него был здравый смысл и он читал «Юридический журнал» между строк, то знал, что, хотя господин Кривс и кланялся (довольно сдержанно) богатым и влиятельным личностям, он не любил ошибки – и не любил, когда закон обретал дурную славу из-за неопытных юристов и дилетантов, полагая это исключительной привилегией старших законников, таких как сам господин Кривс, портивший закону репутацию педантично, с блеском и за триста долларов в час. А еще мистер Стонер, скорее всего, подумал: поскольку здешние землевладельцы подогнали закон к своим нуждам, что было прерогативой юриспруденции, господин Кривс уж точно не обрадуется. Так как современные обычаи и практика требовали, чтобы он перестал расхаживать со стонами, вытянув руки перед собой и держа в одной из них отрубленную голову для пущего эффекта, господин Кривс, как известно, срывал раздражение на дерзких молодых юристах, которые заносились свыше меры. Он разговаривал с ними спокойно и тихо, и впоследствии они признавались, что отрубленная голова, по сравнению с этим, показалась бы им вегетарианским блюдом.

Ваймс некоторое время изучал лицо Стонера. Тот прикидывал свои немногочисленные варианты и наконец сообразил, что множественное число тут излишне.

– На самом деле, я *хотел* обсудить с магистратом сложившуюся ситуацию, – сказал Стонер тоном человека, репетирующего выступление в

суде, – но с прискорбием вынужден признать, что, с их точки зрения, раз они владеют здешней землей, то воплощают и закон на ней. Должен добавить, что сами по себе они вполне порядочные люди.

Ваймс удивился собственному самообладанию. Он сказал:

– Ага, земля. Я люблю землю, на ней приятно стоять. Но земля, землевладелец и закон... можно и запутаться, правда? Особенно имея в перспективе хороший гонорар. И очень легко оставаться порядочным человеком, если можешь позволить себе нанять не порядочного. Того, кому даже не нужен приказ, только кивок.

При этих словах послышался раскат грома, не вполне соответствующий последней фразе, а потому без всякого мистического значения. Но в любом случае раскат был мощный, он сотряс небо грохотом. Ваймс поднял голову и увидел горизонт цвета свежего ушиба, но вокруг было тепло и тихо, а насекомые и прочие неизвестные создания гудели в зарослях. Удовлетворившись тем, что пока не нужно искать укрытия, он вновь повернулся к съезжившемуся законнику.

– Я предлагаю, мистер Стонер, чтобы вы внезапно отыскали неотложную причину съездить в город и побеседовать с кем-нибудь из старших коллег. Советую покаяться в глупости. Когда они увидят ваши мокрые штаны, это послужит подтверждением, поверьте. При необходимости я могу скрепя сердце сделать заявление в вашу пользу, в том смысле, что, на мой взгляд, вы попали под дурное влияние и совершили ошибку, но не преступление.

На лице Стонера явно читалась благодарность, и Ваймс добавил:

– Почему бы вам не заняться изучением уголовного права? В наши дни это в основном тяжкие телесные повреждения и убийства. Суций бальзам на душу. Впрочем, ответьте еще на пару вопросов. Что вы знаете про гоблинов, которых отправили вниз по реке? И про исчезновение кузнеца Джефферсона?

Всегда неприятно услышать сложный вопрос в ту самую минуту, когда ты подумываешь о том, как раздобыть лошадь и быстро преодолеть большое расстояние.

– Заверяю вас, ваша светлость, я ничего не знаю про исчезновение кузнеца – может быть, он просто нашел работу где-нибудь по соседству. А гоблины? Да, я слышал, что несколько лет назад их услали отсюда, но я на этой должности всего два года и никак не могу прокомментировать случившееся... – Стонер чопорно добавил: – И я понятия не имею о том, что какие-то гоблины в последнее время были изгнаны из своих жилищ, как утверждает старший констебль.

Повернувшись спиной, чтобы любопытная толпа не разглядела, что происходит, Ваймс яростно уставился на законника.

– Вы страдаете потрясающе избирательным невежеством, мистер Стонер. Поздравляю.

А потом он схватил его за грудки и продолжал:

– Послушай меня, ты, маленький поганец. То, что ты мне сказал, может и быть, строго говоря, правдой, но ты чертов идиот, если не понимаешь, что кучка землевладельцев не вправе счесть любое свое желание – законом. Если хочешь играть на обеих сторонах – а ты, полагаю, хочешь, – тогда выкрой, будь добр, минутку, чтобы сообщить своим *бывшим* работодателям, что командор Ваймс все про них знает – и в том числе знает, что с ними делать. И я знаю, кто они, мистер Стонер, потому что старший констебль Наконец дал мне список имен.

Ваймс осторожно ослабил хватку и негромко сказал:

– Очень скоро на этом месте удача вас покинет, мистер Стонер.

Повернувшись, чтобы толпе было видно, он взял растерянного законника за руку, драматически пожал и громко произнес:

– Спасибо за ценную информацию, сэр! Теперь, поверьте, расследование пойдет намного быстрее! И я уверен, что старший констебль Наконец думает точно так же. Жизнь стала бы гораздо проще, если бы и другие честные люди столь же охотно содействовали полиции в расследованиях.

Ваймс взглянул на пораженного Стонера и добавил тише:

– Судить не возьмусь, но у некоторых из этих парней такой вид... Я таких людей знаю – зубов у них, скорее всего, больше, чем мозговых клеток, и прямо сейчас, господин законник, они гадают, что тебе известно и что именно ты рассказал мне. На твоём месте я бы не стал собирать вещи и поскорее раздобыл быструю лошадь.

Законник поспешно удалился, и толпа, получив выразительный кивок от Фини, также более или менее рассеялась по окрестностям. Ваймс подумал: еще один шар в лузу. Есть шары красные, есть цветные, но рано или поздно ты начинаешь охоту за черным.

Он остался в обществе Вилликинса и старшего констебля, который озирался, как человек, внезапно понявший, что, возможно, не только откусил больше, чем в состоянии прожевать, но и больше, чем в состоянии поднять. Фини выпрямился, когда перехватил взгляд Ваймса. Нужно было слегка ободрить юношу, поэтому Ваймс подошел и хлопнул его по спине.

– Ну, черт возьми, отличная работа, старший констебль Наконец, и на сей раз я не смеюсь над тобой, Фини, не шучу и не пытаюсь тебя унижить.

Поверить не могу, что ты и есть тот парень, которого я встретил всего несколько дней назад. Ты выстоял против них, честное слово. Против компании опасных идиотов, заодно с законником.

– Они выстрелили в матушку! Они, конечно, уверяли, что просто хотели нас припугнуть и не стали бы стрелять! Они сказали, что у них не было стрел! А я им тут же ответил: конечно, стрел не будет, если стрелять ими в мою матушку, а значит, доказано! Вот что я им сказал, это же логично, и они не нашлись что ответить!

– Что ж, я и сам слов не нахожу, Фини, потому что, если не ошибаюсь, слышал от тебя, что вчера вечером вниз по реке отправили еще какое-то количество гоблинов. Как ты это выяснил?

Фини ткнул пальцем в сторону каталажки и ухмыльнулся.

– Вот ключ, сэр. Зайдите и поговорите с нашим арестантом. Вам понравится, сэр. Он прямо из шкуры вон полез, когда понял, что они пришли за ним, и живо запел соловьем, честное слово!

– У нас говорят «запел канарейкой», – заметил Ваймс, повернувшись в сторону приземистого строеньца.

– Да, сэр, но это же деревня, и я хорошо знаю здешних птиц, сэр, и он совершенно точно пел как соловей, поверьте мне. Чудесная каденция, сэр, уступает только трелям малиновки, на мой взгляд, – наверное, потому, что он страшно испугался, сэр. Придется окатить пол из ведра.

– Опять-таки, молодчина, Фини. Пожалуйста, зайди в дом и погляди, как там твоя матушка? Она очень волнуется. Матушки все такие.

Чокнутый Крошка Артур был впечатлен. Почему никто раньше не рассказал ему про зоботычину? Конечно, он лишь недавно узнал, что по происхождению является Нак-Мак-Фиглем, а не сыном мирного карлика-сапожника, как ему внушали. Но Фигли обувь не носят, и мирными их не назовешь. Как и многие до него, Чокнутый Крошка Артур всегда считал, что живет как-то не так.

Когда он случайно узнал правду, все вдруг обрело смысл. Он мог гордиться тем, что он – Нак-Мак-Фигль, пусть даже время от времени посещающий балет и способный прочесть меню на щевотанском. Более того, вообще умеющий читать.

Он описывал большие круги в теплом синем небе над Говондалэндом и бесконечно наслаждался собой. Целый континент! Насколько он знал, здесь тоже жили люди, но с воздуха по большей части были видны только пустыни, горы, а главное, зеленые джунгли. Артур позволил альбатросу плыть по волнам теплого воздуха, выискивая своими острыми глазами то,

что, по его мнению, вполне могло там быть. Он искал не конкретную вещь, а, скорее, очертания. Нечто прямоугольное. Люди, которые что-то разводят, любят прямоугольники. Это символ порядка. Они упрощают жизнь.

Вот оно! Прямо на побережье. Несомненный прямоугольник, и не один. Быстренько перекусив крутым яйцом, Чокнутый Крошка Артур заставил птицу приземлиться на верхушку дерева. Спрыгнуть наземь для существа из рода Фиглей ничего не стоило.

Когда наступил вечер, Чокнутый Крошка Артур зашагал вдоль рядов благоуханного табака. Невдалеке – примечательно прямоугольные в этом краю, где геометрия попадалась редко, – стояли сараи.

Он и так крался воровато и удвоил усилия, когда увидел затейливую белую грудку в сумерках. Белой она была, потому что состояла из костей. Маленьких костей, слишком больших для Фигля и слишком маленьких для человека. Пройдя чуть дальше, Артур увидел тела. Одно из них еще шевелилось.

Чокнутый Крошка Артур мог распознать гоблина с первого взгляда. Слишком многие недолюбливали самих Фиглей, а потому Фигли относились к гоблинам без особого пренебрежения. Гоблины, конечно, страшно докучали окружающим, но Фигли охотно признавали, что и сами не лучше. Докучать кому-то – еще не повод, чтобы умереть. Короче говоря, Чокнутый Крошка Артур определил ситуацию как весьма скверную.

Он посмотрел на того, кто еще шевелился. Одна нога у гоблина была странно изогнута, тело покрывали свежие раны и гноящиеся шрамы. Чокнутый Крошка Артур распознавал смерть, когда видел ее, и сейчас она витала в воздухе. Он посмотрел в единственный уцелевший глаз гоблина, полный мольбы, вытащил нож и положил конец его страданиям.

Пока он смотрел на дело рук своих, за спиной кто-то сказал:

– Черт возьми, ты откуда сбежал?

Чокнутый Крошка Артур указал на значок, который вполне мог служить ему щитом, и произнес:

– Анк-морпоркская городская Стража, а то ж.

Коренастый тип уставился на него.

– Не знаю, что ты такое, но тут законы не работают, ты, мелкий поганец.

Как всегда говорил командор Ваймс, когда произносил воодушевляющую речь, признак хорошего стражника – это если он или она способны импровизировать в непривычной обстановке. Чокнутый Крошка Артур запомнил эти слова очень хорошо. «Никто не требует, чтобы ты был первоклассным законником, – твердил Ваймс, – но если у тебя есть улики,

оправдывающие то действие, которое ты намерен предпринять, не стой столбом».

А потому Чокнутый Крошка Артур, мысленно загибая пальцы, подумал: «Рабство незаконно. Я знаю, раньше так было, но теперь оно запрещено повсюду. Этого не делают гномы и тролли, и я знаю, что патриций Ветинари против рабства». Артур вновь перечислил все пункты, дабы удостовериться, что не ошибся, после чего взглянул на мрачную рожу и поинтересовался:

– Простите, сэ, что вы сейчас сказали?

Человек зловеще ухмыльнулся, сжимая рукоять кнута.

– Я сказал, здесь нет закона, ты, мелкая вонючка.

Последовала пауза. Чокнутый Крошка Артур взглянул на мертвого гоблина, лежавшего в груди зловонных костей, и сказал:

– Неправильный ответ.

Драка получилась по большей части односторонняя, потому что одной стороной был Чокнутый Крошка Артур. Надсмотрщиков на плантации было всего около десятка, потому что, как правило, истощенные рабы в цепях не дают сдачи. И надсмотрщики не знали, с кем дерутся. Какая-то неведомая сила носилась туда-сюда, время от времени взмывая вверх по штанине противника и полностью лишая его желания драться – точнее, желания вообще хоть что-то предпринимать.

Пинки сыпались прямо из воздуха. Те, кто пытался бежать, спотыкались и падали. Кто не пытался, оставались лежать без сознания. Разумеется, это был нечестный бой. Так обычно случается, если приходится драться с кем-то из Нак-Мак-Фиглей, будь против него хоть целый взвод.

Чокнутый Крошка Артур нашел в одной из лачуг цепи и старательно сковал всех поверженных надсмотрщиков. Лишь после этого он отпер другие бараки.

Железная дверь каталажки лязгнула о каменную стену, когда Ваймс вошел, но ступал он осторожно.

Трепет запел, о, как он запел. Ваймс был никудышный орнитолог, чтобы сравнивать его с соловьем или малиновкой, но даже если бы Трепет заквакал, это было бы неважно, поскольку речь шла о некоем бездельнике по кличке Безносый Бенни, который околачивался по округе, как водится у таких людей, в надежде стянуть какую-нибудь оставленную без присмотра мелочь. Упомянутый Бенни обменял пару сапог – «я не знаю, откуда он их взял, и вы тоже не знаете, договорились?» – на индюшку в тот самый вечер

незадолго до того, как жизнь Теда превратилась в кошмар.

– Ну, знаете, сэр, – сказал Трепет, – вы спрашивали, что случилось несколько лет назад, то да се, и у меня из головы совсем вылетело, что случилось буквально вчера, сами понимаете. Все как-то внезапно завертелось. Короче говоря, Бенни сказал, что они в тот самый вечер прицепили тендер к двухколесной лодке, и он почуял запах гоблинов, потому что живет вблизи ихней пещеры в Свесе, и этот запах невозможно забыть, ну или так он сказал хозяину причала, которого тут все кличут Безымянный Вихль, он смешно ходит, когда выпьет. Короче, тот ему ответил: «Да, их отправляют вниз по реке, пока вода высоко, и ты ничего не видел, и я тоже, усек?» Наверное, дело очень важное, потому что на лодке был Стратфорд. Должно, ему кто-то всерьез приказал, потому что Стратфорд вообще-то не любит лодки. Да и вообще воду не любит, честно говоря. Он не поплыл бы на лодке, будь его воля.

Ваймс не стал плясать от радости. Он даже не улыбнулся – по мере сил в таких случаях стараешься не улыбаться, – но мысленно поставил себе пять баллов за то, что был вежлив с Трепетом. Если тебя обвинили в пособничестве при убийстве, просто так не отделаешься, но отбывать срок можно по-разному. Ваймс подумал: если все сработает так, как он рассчитывал, Трепет имеет шанс обнаружить, что заключение протекает приятно и даже, возможно, быстрее обычного.

Он сказал:

– Спасибо, Тед, я этим займусь. А пока что оставлю тебя в надежных руках старшего констебля, для которого арестованный священен, как старушка мать, можешь не сомневаться. – Ваймс вытащил ключ, чтобы отпереть дверь, и вдруг остался, как будто до него внезапно что-то дошло. – Двухколесная лодка? То есть она плывет вдвое быстрее?

Трепет оказался настоящим специалистом по речному транспорту.

– Да нет, но можно тащить больше груза, даже ночью, понимаете? Одноколесной лодке нужно останавливаться на ночь, чтобы бык мог поесть как следует и немного передохнуть до рассвета, а это время и деньги, вот что.

Тед, хоть и заключенный, вошел в роль лектора и распинаялся перед бедным невеждой.

– А если быков два – ну, тогда один отдыхает, пока второй крутит колесо. К такой лодке можно прицепить целых три баржи, не так уж много для одного быка, если идти вниз по течению в это время года... – Он фыркнул. – Я хотел стать рулевым, но, конечно, у треклятых зунов все схвачено ^[25]. Матросом я уже ходил, кормил быков и выгребал навоз – нет,

спасибо, лучше индюшки.

– А как называлась та лодка? – небрежно спросил Ваймс.

– Да ее тут все знают, она самая большая на реке. Кто ж не знает «Чудо-Сисси»!

Внутренние монологи порой разворачиваются довольно быстро. «Дайте подумать. Ага, почти наверняка первый капитан этой лодки был женат на женщине, которая при рождении получила имя Сесилия, но это слишком длинно, и он назвал лодку в ее честь, потому что очень любил жену». Вот, пожалуйста. В языке существует лишь ограниченное количество слов, букв и слогов, и если ты с этим не в силах смириться, лучше не вставать утром с постели. Приведя мысли в порядок, Ваймс дал волю рефлексу «глупо-смущенное лицо» и сказал:

– Спасибо за содействие, Тед, но, если б ты раньше нам сказал, мы бы, наверное, сумели догнать ту чертову лодку!

Трепет изумленно взглянул на него.

– Догнать «Сисси»? Помилуй боги, сэр, да ее даже одноногий калека догонит. Это же бычья тяга, а не скороход. Даже если она плыла всю ночь напролет, и то сейчас вряд ли далеко от Бендеровой излучины. Там сплошные повороты. Полмили не проплывешь, чтоб не наткнуться на поворот. И камней полно. Ей-богу, на Старой Изменнице приходится столько петлять, что лодка то и дело пересекает собственный кильватер.

Ваймс кивнул.

– И еще кое-что, Тед. Напомни-ка мне, как выглядит мистер Стратфорд?

– Да ничего особенного, сэр, небось знаете таких. Боги весть, сколько ему лет, может двадцать пять, может двадцать. Волосы мышинового цвета. Никаких шрамов на виду, прямо удивительно. – Тед явно сам смутился, что сведения столь скудны, и пожал плечами. – Среднего роста, сэр.

Он мучительно попытался припомнить что-нибудь еще и сдался.

– По правде говоря, сэр, он такой же, как все, сэр, пока не разозлится, – тут у Теда вспыхнули глаза. – А тогда уж, сэр, его ни с кем не спутаешь.

Вилликинс сидел на скамейке под каштаном, мирно сложив руки на коленях. Он хорошо умел расслабляться. Этой способности очень недоставало Ваймсу. «Наверное, у всех слуг так, – подумал Ваймс. – Если тебе нечего делать, так и не делай». Прямо сейчас ему отдых не помешал бы. Пускай улики плыли вниз по реке, пока он здесь стоял, но, судя по всему, догнать лодку можно было даже пешком. К сожалению, Сибилла

говорила правду: возраст требует благоразумия. Иногда нужно остановиться и отдышаться, пока ты еще не утратил способности дышать. Ваймс присел рядом с камердинером и сказал:

– Интересный день, Вилликинс.

– О да, командор, и, надо заметить, юный констебль Наконец исполняет свои обязанности с большим апломбом. У вас талант воодушевлять людей, сэр, да будет мне позволено это сказать.

Некоторое время они молчали, и наконец Ваймс произнес:

– Да, конечно, нам помогло то, что какой-то идиот взял и выстрелил. Тогда каждый задумался, что будет, если он окажется участником банды, убившей безобидную старушку. Из такой передряги легко не выпутаешься. Тут они и сломались! Нам действительно очень повезло, – добавил Ваймс, не поворачиваясь.

Вновь настала тишина. Вдали бушевала гроза, но всё, что щебетало в окрестных кустах, продолжало петь. Стоял душный знойный полдень.

– Вот что меня озадачивает, – продолжал Ваймс, как будто эта мысль только что пришла ему в голову. – Если бы из арбалета выстрелил человек, стоявший в переднем ряду, я бы, разумеется, это заметил. А если стрелок стоял сзади, это был кто-то очень умный и достаточно опытный, чтобы прицелиться сквозь узенький просвет. Чертовски ловкий выстрел, Вилликинс.

Камердинер продолжал безмятежно смотреть перед собой. Боковым зрением Ваймс не заметил ни капли пота у него на лбу. Наконец Вилликинс произнес:

– Говорят, деревенские парни умеют ловко стрелять, командор.

Ваймс хлопнул его по спине и рассмеялся.

– Забавно, правда? Ну ты же видел их оружие. Никудышный хлам, за которым никто никогда не ухаживал. Железо, которое дедушка принес с войны. Тогда как та стрела – опасная штучка, она сделана на заказ для «Шматотворца Коренного и Рукисилы», девятой модели. Помнишь, что это такое?

– Боюсь, вам придется мне напомнить, командор.

Ваймс искренне наслаждался ситуацией.

– Да неужели ты забыл! Были изготовлены только три таких арбалета, два из них ныне хранятся под изготовленным волшебниками замком в сейфе компании, а третий – ты должен это помнить! – надежно заперт в маленьком хранилище, которое мы устроили в погребе на Лепешечной улице в прошлом году. Мы с тобой залили цемент, пока Сибилла гуляла с Сэмом, и размазали грязь по полу, поэтому нужно точно знать, где тайник,

чтобы найти его. Ветинари грозит виселицей всякому, кого увидят с таким оружием, а Гильдия наемных убийц сообщила через «Таймс», что виселица покажется приятной прогулкой по сравнению с тем, что сделают они, если у кого-то найдут «Шматотворец» девятой модели. Ты только подумай – его даже арбалетом не назовешь. Тихий, быстро складывается, умещается в кармане, ничего не стоит спрятать... смертельное оружие в руках опытного человека, вроде тебя или меня, – Ваймс вновь рассмеялся. – Не удивляйся, Вилликинс, я помню меткость твоего выстрела даже из обычного военного лука. Одним богам известно, что мог бы сделать такой, как ты, будь у него чертов «Шматотворец». Уму непостижимо, каким образом этот арбалет оказался здесь, в деревне. В конце концов, Фини конфисковал все оружие, какое нашел, но, может быть, один из тех парней сунул арбалет в сапог? Что скажешь?

Вилликинс кашлянул.

– Э... командор, с вашего позволения, я предположил бы, что, во-первых, у Коренного и Рукисилы много работников, ну и, разумеется, управляющим самых знаменитых оружейников на Равнинах тоже ничего не стоило припрятать парочку сувениров, прежде чем выпуск прикрыли. Кто знает, куда могло занести эти арбалеты. Другого объяснения я не в силах найти.

– Да, наверное, ты прав, – сказал Ваймс. – Хотя и страшно подумать, что такая штука у кого-то в свободном доступе, я должен признать, что идиот, который сегодня ею воспользовался, выручил нас в очень нелегкой ситуации. – Он помолчал и добавил: – Когда тебе в последний раз увеличивали жалованье, Вилликинс?

– Я полностью удовлетворен своим вознаграждением, командор.

– И оно более чем заслуженно, но из соображений безопасности я бы хотел, чтобы ты, как только мы вернемся домой, проверил тайник в погребе. Просто на всякий случай, договорились? Потому что, сам понимаешь, раз эти чертовы арбалеты пошли по рукам, я хочу удостовериться, что мой никуда не делся.

Когда Вилликинс отвернулся, Ваймс добавил:

– И, кстати, тебе очень повезло, что Фини не сложил два и два.

Если Вилликинс и испытал облегчение, то, разумеется, ничем не выдал.

– Я займусь этим, как только вернусь домой, командор, и, если вы впоследствии лично пожелаете спуститься в погреб, чтобы убедиться своими глазами, то найдете арбалет там, где он всегда лежал.

– Не сомневаюсь, Вилликинс. Я подумал – не мог бы ты мне помочь в

одном деле? Мне нужно нагнать «Чудо-Сисси».

И поспешно добавил:

– Лодку, я имею в виду.

– Да, сэр, я знаю, о чем речь. Не забывайте, что я уже провел здесь некоторое время до того, как прибыли вы и ее светлость, и мне довелось повидать упомянутую лодку, когда она шла вверх по реке. Помнится, кто-то указал на нее и объяснил, что лодка идет в Свес, чтобы взять груз, предположительно железной руды из гномьей шахты, что меня весьма удивило, поскольку обычно руду переплавляют прямо на месте и перевозят в виде железных полос. Это гораздо экономичнее, сэр.

– Потрясающе, – ответил Ваймс. – Но, как бы медленно лодка ни плыла, я думаю, следует отправиться за ней.

Из домика появился Фини.

– Я слышал про... про лодку, парень. Нужно поторапливаться, пока не стемнело.

Фини отдал честь.

– Да, я думал об этом, сэр, но как быть с арестантом? Конечно, матушка его покормит и вынесет ведро – ей не впервой, – но не хотел бы я сейчас оставлять ее совсем одну, если вы меня понимаете.

Ваймс кивнул. Дома достаточно было бы щелкнуть пальцем, чтобы немедленно вызвать стражника, но сейчас... Что ж, выбора у него не оставалось.

– Вилликинс!

– Да, командор?

– Вилликинс, вопреки моим благим намерениям и, рискну предположить, твоим также, назначаю тебя констеблем по особым поручениям и приказываю отвести арестованного в Холл и держать там под замком. Даже целой армии нужно сойти с ума, чтобы решиться на штурм Холла, пока в нем Сибилла. Но, тем не менее, Вилликинс, я не знаю более подходящего человека, чем ты, чтобы охранять мою семью.

Вилликинс просиял и отдал честь.

– Да, сэр, приказ понял, сэр. Можете на меня положиться, сэр, только... э... когда мы вернемся в город, не могли бы вы, пожалуйста, никому не говорить, что некоторое время я был стражником? Мои друзья, сэр, близкие друзья, которые давно меня знают, отрежут мне уши, если проведают, что я сделался стражником.

– Никогда не стану обелять человека против его воли, – ответил Ваймс. – Ну что, мы договорились? Я буду очень благодарен, если ты воздержись от... излишней тяги к приключениям. Просто охраняй

арестованного и следи, чтобы с ним не случилось ничего плохого. Если в процессе придется нанести кому-нибудь некоторый ущерб, я с прискорбием смирюсь с этим фактом.

Вилликинс торжественно кивнул.

– Да, сэра. Понимаю, сэра. Я даже не стану вынимать гребень из кармана.

Ваймс вздохнул.

– У тебя много чего в кармане, Вилликинс. Используй эти штуковины дозированно, дружище. И, кстати, передай Сибилле и Юному Сэму, что папочка гоняется за плохими парнями и придет поздно.

Фини перевел взгляд с Ваймса на Вилликинса.

– Я рад, что все улажено, господа, – сказал он и нервно улыбнулся. – А теперь, если вы готовы, командор, мы пойдем в конюшню и возьмем пару лошадей.

С этими словами он зашагал по тропке в деревню, не оставив Сэму Ваймсу иного выбора, кроме как следовать за ним.

– Лошадей? – переспросил Ваймс.

– Разумеется, командор. Насколько я могу прикинуть, мы нагоним «Сисси» через час. По правде говоря, нам ничего не стоило бы опередить ее, но лучше не рисковать сверх меры, правда?

Он как будто смутился и добавил:

– Я редко езжу верхом, сэра, но постараюсь не ударить в грязь лицом перед вами.

Ваймс открыл рот, потом закрыл, оставив невысказанным следующее: «Парень, я предпочту ехать на свинье, а не на лошади, если ты не против. Свинья ведь просто бежит себе и бежит, ну а лошадь? В общем и целом, я ничего не имею против лошадей, зато лошади явно имеют что-то против меня – я то взмываю в воздух, то с размаху падаю на седло, потом вся эта чертовщина повторяется. И да, прежде чем ты начнешь втирать про «все будет нормально, если приподниматься в стременах», я тебе скажу, что мне это никогда не помогало, потому что я либо сверху и чуть-чуть позади лошади, либо бьюсь об нее со всей дури и, честно говоря, радуюсь, что мы с Сибиллой решили завести только одного ребенка...»

Фини, впрочем, был полон энтузиазма и настроен поболтать.

– Наверное, в Кумской долине было много лошадей, сэра?

Ваймс хлопнул глазами.

– На самом деле, парень, троллям лошади не нужны, а гномы, по слухам, их едят. Втихую.

– Ох боги, какой, наверное, это был удар для воина вроде вас,

командор.

Воин? «Да, может быть, – подумал Ваймс, – по крайней мере, когда других вариантов нет, но, во имя всех семи преисподних, с чего ты взял, что мне приятно хотя бы смотреть на лошадь? И почему мы продолжаем идти к какому-то сараю, который непременно будет полон этих жутких тварей, которые топают ногами, фыркают, пускают слюну и закатывают глаза? Сейчас объясню почему. Потому что я слишком, черт возьми, напуган, чтобы признаться Фини. И так всю жизнь. Я слишком труслив, чтобы быть трусом».

Фини открыл тяжелые деревянные ворота, которые, для чувствительного уха Ваймса, закрипели, как новая виселица. Он застонал, когда они вошли во двор. Да, это была конюшня, и при виде ее у Ваймса начались колики. Толпились здесь и неизменные обитатели конюшни с одной-единственной пуговицей на куртке, с крысиными физиономиями и кривыми ногами, похожими на крукетные воротца. И каждый держал во рту соломинку – вероятно, потому, что на их заработки только соломой и можно было питаться. Растерявшегося Ваймса представили людям, которые что-то да слышали о нем, – главный стражник, большая шишка, – и Фини потребовал, чтобы командору непременно выдали самую резвую лошадь, какая только найдется в конюшне.

Во двор вывели двух зловещего вида зверюг, и Фини великодушно подвел того, что покрупнее, к Ваймсу.

– Вот, сэръ. Снова на коне, а? – сказал он, протягивая командору поводья.

Пока Фини расплачивался с конюхами, Ваймс почувствовал, как кто-то тянет его за штанину. Опустив глаза, он увидел ухмыляющееся личико констебля Вонючки, который прошипел:

– Большие проблемы, дружище по-люс-мен? У человека, который боится лошадей? Черт возьми, да-а! Ты ненавидишь лошадей. Чую страх. Возьми меня с собой, по-люс-мен. Я все улажу. Не бойся. Вонючка тебе пригодится. Ты найдешь испуганных гоблинов. Паника-паника-паника! Но Вонючка скажет: заткнитесь, гоблины, этот тип только с виду страшен, а на самом деле не такой уж сукин сын, чесслово.

Уродливое маленькое создание понизило голос и хрипло добавило, так что Ваймс едва расслышал:

– И Вонючка никому не сказал про того, другого, человека, который стирает тебе рубашки, и про ар-р-ргх-балет. Эй! Мистер Ваймс! *Нет в мире существ, жалких настолько, чтобы никто о них не заботился, мистер Ваймс.*

Эти слова подействовали на него как пощечина. Неужели их и правда произнес Вонючка? Или Ваймсу послышалось? Они возникли в разговоре как будто сами собой, откуда-то *со стороны*. Ваймс уставился на Вонючку, а тот бодро пощелкал зубами и отчаянно бросился под лошадь, пока на другой стороне двора мозговой трест из нескольких знатоков продолжал торговаться с Фини. Тот, кто явно был главным, плюнул на ладонь, и Фини, вопреки требованиям гигиены, тоже плюнул на свою. Они обменялись рукопожатием, и деньги перешли из одних грязных рук в другие. Ваймс подумал: «Вот что такое грязные деньги».

А потом лошадь, стоявшая перед Ваймсом, к собственному удивлению, опустилась на колени. Ваймс такое видел только в цирке. Остальные вылупились так, как будто никогда ничего подобного не видели.

Вонючка чудесным образом исчез, но, когда на тебя смотрят недоверчивые глаза, как выразился почтенный философ Ли Тин Видль, лучше сделай что-нибудь, или боги сочтут тебя идиотом. Поэтому Ваймс вразвалочку, как можно беззаботнее подошел к лошади, оседлал ее, прищелкнув языком, как, он слышал, делали конюхи, и лошадь осторожно поднялась на ноги вместе с седоком, что вызвало восхищение и бурные аплодисменты кривоногой компании. Конюхи хлопали в ладоши и кричали: «Ловко вы, сэр, вам бы в цирке работать». И Фини смотрел на Ваймса с неуместным обожанием.

Ветер усиливался, но дневной свет еще не померк, и Ваймс позволил констеблю ехать впереди умеренной рысцой – слава всем богам, и впрямь умеренной.

– Похоже, будет дождь, командор, поэтому предлагаю не спешить, пока не миновем ферму Дудкинса, а потом по отмели доберемся до Джонсоновой косы, быстренько обогнем дынную плантацию и увидим «Сисси». Вы не возражаете, сэр?

Сэм Ваймс с серьезным видом выждал несколько секунд, притворяясь, что у него есть хоть какое-то представление о местных реалиях, после чего произнес:

– Да... думаю, это будет правильно, Фини.

Вонючка подтянулся, уцепившись за конскую гриву, ухмыльнулся и показал большой палец. К счастью, свой собственный.

Фини подобрал поводья.

– Отлично, сэр, тогда предлагаю поднажать.

Ваймс не сразу понял, что произошло. Только что рядом был Фини верхом на лошади, потом послышалось неизбежное щелканье – и вдруг пропали и Фини, и лошадь, осталось только облако пыли, и хриплый голос

Вонючки произнес:

– Держись крепче, по-люс-мен!

А потом горизонт понесся ему навстречу. Галоп почему-то оказался не так ужасен, как рысь, и Ваймс лег на шею лошади в надежде, что хоть кто-то тут понимает, что происходит. Главным вдруг стал Вонючка.

Тропа была довольно широкая, и они пронеслись по ней, вздымая белую пыль, затем поскакали под горку. По правую руку тянулся склон, а за деревьями показалась река. Ваймс уже знал, что это река, которая не видит смысла торопиться. В конце концов, река – это вода, а всем известно, что вода обладает памятью. Река знала сценарий назубок: ты испаряешься, некоторое время носишься в виде облака, пока кто-то не скажет «готово», и наконец падаешь вниз дождем. Так бывает всегда. Нет смысла торопиться. Всё это ты уже проходила.

Поэтому река петляла. Даже Анк тек быстрее, и хотя от него воняло, как из сточной трубы, зато он не колыхался лениво туда-сюда, от берега к берегу, как это делала Старая Изменница, словно сомневаясь в самой идее круговорота воды в природе. Река извивалась, как змея, и берега, соответственно, тоже, и вполне в духе сельского безмятежного ландшафта они густо заросли деревьями и кустами.

Тем не менее Фини не сбавлял хода, а Ваймс просто держался за гриву, полагая, что лошадь, скорее всего, не станет по доброй воле падать в воду. Он лежал на лошадиной шее, потому что низкие спутанные ветви грозили смахнуть его с седла, как муху.

Кстати о мухах. У реки они кишели тучами. Мухи ползали по волосам, пока их не смахивала какая-нибудь встречная ветка. Шансы нагнать лодку, сохранив при этом голову на плечах, казались весьма небольшими.

И внезапно ноющий зад Ваймса получил передышку: они добрались до песчаной отмели, на которой лежали несколько бревен, и Фини натянул поводья, останавливая лошадь. Ваймс выпрямился – как раз вовремя, – и оба спрыгнули наземь.

– Я в восхищении, командор! Вы прирожденный наездник, честное слово! Кстати, хорошие новости. Чуете что-нибудь?

Ваймс потянул носом воздух, набрав полные ноздри мошкары. Густо пахло навозом.

– Прямо в воздухе висит, да? – спросил Фини. – Это запах двухколесной лодки, даже не сомневайтесь. Навоз они выгребают на ходу.

Ваймс взглянул на вздувшуюся реку.

– Не удивлюсь...

«Наверное, – подумал он, – сейчас самое время побеседовать с

парнишкой». Он откашлялся и уставился в землю, приводя мысли в порядок. Через отмель тек маленький ручеек, и лошади беспокойно переступали с ноги на ногу.

– Фини, я не знаю, что будет, когда мы догоним лодку. Понимаешь? Я не знаю, сможем ли мы ее развернуть, или вывести оттуда гоблинов и отправить их домой по суше, или же придется плыть до побережья. Но я главный, понимаешь? Я главный, потому что привык к людям, не желающим меня видеть. В том числе видеть живым.

– Да, сэр, но я думаю...

Ваймс перебил его:

– Я не знаю, что нам предстоит увидеть, но подозреваю, что команда отнесется к людям, пытающимся захватить лодку, как к пиратам, даже если эта лодка – плавающая навозная куча, поэтому я буду отдавать приказы и хочу, чтобы ты в точности их выполнял, договорились?

Казалось, Фини собирается возразить, но потом юноша просто кивнул, погладил свою лошадь и дождался следующей волны, плеснувшей поблизости. Внезапное молчание человека, который обычно был весьма разговорчив, смутило Ваймса, и он спросил:

– Ты чего-то ждешь, Фини?

Фини кивнул.

– Я не хотел перебивать вас, командор, и, как вы сказали, вы тут главный. Я просто жду, когда же вы скажете то, что я хочу услышать.

– Да? И что же?

– Ну, для начала, сэр, я бы хотел услышать, что пора выбираться отсюда поживей, потому что вода поднимается, и скоро проснутся аллигаторы.

Ваймс огляделся. Одно из бревен, к которым он отнесся столь легкомысленно, расправляло лапы. Он взлетел в седло и схватил поводья за какую-то долю секунды.

– Я так понимаю, что приказ был отдан, верно, сэр? – крикнул Фини, скача вдогонку.

Ваймс даже не пытался сбавить скорость, пока не решил, что они забрались достаточно высоко на берег, чтобы не привлекать интереса водяных обитателей. Он подождал, пока Фини его нагонит.

– Так, старший констебль Наконец, я по-прежнему главный, но признаю, что местность ты знаешь лучше. Тебя это успокоит? Кстати, почему поднимается вода?

Она действительно поднималась; когда они только тронулись в путь, понадобилась бы линейка, чтобы убедиться, что река течет, но теперь

маленькие волны перехлестывали друг друга, и вдобавок пошел мелкий дождь.

– Нас догоняет гроза, – объяснил Фини. – Но не беспокойтесь, сэр. Это значит, что «Сисси» причалит, если буря слишком разыграется. Тогда мы заберемся на борт.

Дождь усилился, и Ваймс спросил:

– А что будет, если они решат плыть дальше? Ведь скоро солнце сядет.

– Никаких проблем, командор, не беспокойтесь! – прокричал Фини с неподражаемой бодростью. – Мы поедем дальше по тропе. Вода ее не зальет. И потом, на «Сисси» непременно зажгут ходовые огни – красные масляные лампы. Поэтому не волнуйтесь. Если только она никуда не денется с реки, мы ее найдем, сэр, так или иначе, и могу ли я поинтересоваться, сэр, каковы ваши дальнейшие намерения?

Ваймс сам не был уверен, но никакой стражник не любит это признавать, поэтому он предпочел уклониться от темы.

– Фини, тебя послушать, так мы едем на пикник! Посмотри вон туда!

Ваймс указал на реку: вода кружилась, бурлила и поднималась буквально на глазах.

– А, – сказал Фини, – по Старой Изменнице всегда плывет мусор. Беспокоиться надо, только если образуется гребаный затор^[26]. Но он бывает редко, только если очень не повезет, сэр, и можете не сомневаться, что капитан выведет «Сисси» из любой передраги, если вдруг что-нибудь случится. И потом, не поплывет он ночью по реке в такую погоду. На Старой Изменнице полно отмелей и коряг. Это чистое самоубийство, даже с таким опытным лоцманом, как мистер Силлитоу.

Они ехали в тишине, не считая зловещего бульканья и гудения темных вод внизу, под берегом. Дневной свет почти погас, он стал мутно-оранжевым, и периодически его подкрепляли вспышки молнии, сопровождаемые громовыми раскатами грома. В лесу на обоих берегах деревья озарялись блеском, а кое-где и горели – какая-никакая помощь при навигации, подумал Ваймс. Дождь уже промочил его до нитки, и он крикнул голосом, который выдавал веру в то, что ответ ему не понравится:

– Кстати говоря, исключительно чтоб время провести, ты мне не объяснишь, парень, что такое «гребаный затор»?

Голос Фини потерялся за мощным раскатом грома, но следующим заходом юноша таки докричался:

– Это периодическое явление, которое случается, если буря задерживается в долине, и мусор определенным образом скапливается, сэр...

Вонючка выбрался из своего укрытия и вскарабкался лошади на голову. Он сиял тускло-синим трупным светом. Ваймс протянул палец и коснулся гоблина. Вокруг руки заплясало синее пламя. Он знал, что это такое.

– Огонь святого Ангулента, – сказал Ваймс громко и пожалел, что не может прикурить от него последнюю сигару, хоть и знал, что этот огонь образуется при гниении тел утопленников. Иногда табак просто жизненно необходим.

Фини смотрел на синий огонек с таким ужасом, что Ваймсу неловко было его беспокоить. Но все-таки он спросил:

– И что потом, парень?

Молния, с ее любовью к драматическим моментам, озарила лицо Фини, когда тот повернулся.

– Ну, мусор скапливается и скапливается, командор, и превращается в сплошную массу, и воды набирается столько, что рано или поздно она прорывает естественную плотину, которая несется вниз по течению, безжалостно сметая и увлекая все на своем пути, и так до самого моря, сэр. Вот почему эту реку называют Старой Изменницей.

– А, ну конечно, – сказал Ваймс. – Я городской простачок, который плохо разбирается в таких вещах, но полагаю, что гряда мусора, которая несется вниз по течению, сметая и увлекая все на своем пути, и так до самого моря, обычно считается большой проблемой?

За спиной послышался треск, и еще одно дерево загорелось.

– Да, сэр. Вы пропустили «безжалостно», сэр. И я думаю, нам лучше нагнать «Сисси» как можно скорее.

– Похоже, ты прав, парень, и я предлагаю...

Что бы там ни делал Вонючка – и что бы он собой ни представлял, – лошади уже разнервничались так, что готовы были понести. В перенасыщенном влагой сумраке отличить реку от берега можно было разве что экспериментальным путем.

Дождь шел стеной, буквально со всех сторон, в том числе снизу вверх, и в симфонию разрушений врвался плеск от пластов земли, неумолимо сползающих в реку. Лошади рвались вперед, слова «направление» и «тепло» утратили всякий смысл, и в мире не осталось ничего, кроме тьмы, воды, холодного отчаяния и двух алых глаз.

Фини увидел их первым... и тут Ваймс почувствовал запах. Насыщенный запах быков, которые не на шутку встревожились. Он был достаточно густым, чтобы пробиться сквозь дождь и ветер. Удивительно, но колеса продолжали пенить воду, и лодка продвигалась вперед, хоть за ней и

волочилась целая флотилия барж, которые метались, змеились и изгибались по всей ширине реки, напоминая хвост рассерженного кота.

– Почему они не причалили? – крикнул Фини сквозь бурю. В его голосе слышалось отчаяние, но Ваймс спешился, ухватил липкое тельце Вонючки и хлопнул лошадь по крупу. У той было больше шансов выжить без всадника, в конце концов.

На мгновение перед внутренним взором Ваймса открылась Кумская долина. Он чуть не умер в тот день, когда вода стекла с гор и хлынула в бесконечные пещеры, выточенные в известняке. Она швыряла его о стены, била о дно и потолок и в конце концов выбросила на крошечную песчаную отмель, в полной темноте. И темнота стала его другом, и Ваймс выжил, и почувствовал, что просветился, и понял, что страх и гнев можно превратить в меч, а желание однажды вновь прочитать своему ребенку книжку – в щит, и оборванный умирающий изгой, которому предстояло здороваться за руку с королями, пошел вперед...

Ну и что страшного в спасении гоблинов и еще какого-то числа людей с мечущейся по волнам лодки на черной опасной реке, в душном грохочущем мраке?

Ваймс бежал по хлюпающему берегу, и за шиворот ему лилась вода. Но бежать мало. Нужно думать. Лоцман «Сисси» знает и реку, и свою лодку. Он мог бы причалить в любое время, ведь так? Но он этого не сделал, хотя явно не был дураком: проведя у реки всего несколько часов, Ваймс уже понял, что дурак не продержится дольше пары ходок. Старая Изменница была создана как ловушка для идиотов.

С другой стороны, если человек не идиот, то лоцман колесной лодки – отличная должность. Это престиж, уважение, ответственность, стабильная работа и стабильное жалованье, а вдобавок зависть всех мальчишек на каждой пристани. Как-то вечером Сибилла с восторгом рассказала мужу о речных лоцманах. Так зачем человеку, обладающему таким приличным положением, вести ценную лодку с ценным грузом вечером по реке, которая грозит гибелью на каждом подлом повороте, в то время как можно без проблем причалить и переждать?

Деньги? «Нет», – подумал Ваймс. Эту реку не зря называли Старой Изменницей, и тому, кто погружался в ее илистые глубины, не было от денег никакого прока. И потом, Ваймс знал таких людей – как правило, они были горды, самоуверенны и неподкупны. Лоцман, скорее всего, не станет рисковать лодкой, даже если приставить ему нож к горлу. Но обычно на лодке плавают и его семья; лоцман, так сказать, работает, не выходя из дома.

И что тогда сделает отчаявшийся лоцман? Как он поступит, если

приставить нож к горлу его жены или ребенка? Что еще ему остается, кроме как плыть вперед, положившись на свой многолетний опыт, в надежде увидеть близких целыми и невредимыми? И незванный гость наверняка не один, потому что тогда лоцман бы попытался с размаху посадить лодку на мель, а сам, напружив все мышцы, в суматохе прыгнул бы на упавшего и удавил его голыми руками, но такой фокус сработает, только если преступник не приведет с собой дружка. А значит, лоцман будет стоять за штурвалом, надеясь, молясь и в любую секунду ожидая услышать грохот гребаного затора.

Фини бежал вслед за Ваймсом по берегу. Отдуваясь, он выкрикнул:
– Что будем делать, сэр? Я серьезно! Что мы будем делать?

Ваймс некоторое время не отвечал. Дождь, бурлящая вода и упавшие деревья представляли собой достаточно проблем, но он не сводил глаз с вереницы барж. Они болтались туда-сюда в определенном ритме, который то и дело нарушали встречные бревна и попытки рулить, предпринимаемые в рубке. Всякий раз, когда крайняя баржа ударялась о берег, была секунда, одна драгоценная секунда, чтобы запрыгнуть на борт... если кому-то хватило бы глупости.

И Ваймс прыгнул и понял, что за первым прыжком должен последовать второй, а выпадение из ритма повлечет за собой полет в воду. Прыгая на следующую баржу, которая подсакивала и ныряла на волнах, он мог лишь надеяться, что не застрянет между ними, потому что две двадцатипятифутовые баржи, которые сталкиваются, зажимая между собой чью-то ногу, как мясо в сэндвиче, оставляют по себе долгую память. Но Вонючка бежал, прыгал и выделял пируэты впереди, и Ваймс быстро уловил суть – он перескочил и приземлился на следующую баржу, и Фини, как ни странно, проделал то же самое и рассмеялся, хотя расслышать это можно было только с расстояния в полметра.

– Отлично, сэр! Мы так развлекались, когда я был мальчишкой... все мальчишки на реке... старшие прыгали здорово...

Ваймс отдышался после первых двух прыжков. Если верить Фини, «Чудо-Сисси» двигали быки, огромные и медлительные, и она брала любой груз. «На баржах может лежать что угодно», – подумал он. Но гоблинами пока не пахло, и впереди были еще две баржи, и погода не предвещала ничего хорошего.

Едва он успел об этом подумать, как появился Вонючка, который, судя по всему, умел появляться и исчезать совершенно незаметно. Он по-прежнему слабо светился. Ваймсу пришлось присесть, чтобы заговорить с ним.

– Где они, Вонючка?

Гоблин пукнул, точь-в-точь как цирковой клоун, скорее ради развлечения, чем по необходимости. Явно довольный собой, он хрипло прокаркал:

– На первой барже! Недалеко ходить, легко кормить.

Ваймс смерил глазами расстояние до баржи, прицепленной непосредственно к «Сисси». «Разумеется, там должно быть что-то вроде трапа. Какой-то способ попасть на баржу, чтобы проверить груз». Ваймс вновь обернулся к Фини, насквозь мокрому и озаренному очередной вспышкой молнии.

– Сколько людей на лодке, как ты думаешь?

Даже на таком близком расстоянии Фини пришлось кричать.

– Двое, а может быть, взрослый и мальчишка, внизу, в так называемом «загоне». Плюс механик, а еще сопровождающий при грузе. Иногда кок, если капитанова жена не хочет готовить на всех. Ну и еще парочка парней, которые учатся лоцманскому делу и служат впередсмотрящими и прислугой за все.

– И никакой охраны?

– Нет, сэр, это же не море.

Две баржи столкнулись, взметнув фонтан воды, который наполнил сапоги Ваймса до краев. Не было смысла вытряхивать воду, поэтому он прорычал сквозь шум бури:

– Плохие новости, парень. Вода поднимается.

Готовясь прыгать на следующую баржу, он подумал: «Даже если так, где они? Разумеется, на лодке не все хотят умереть?» Он выждал, прыгнул, когда баржа подошла ближе, упал... и увидел, как меч весело катится в бурную воду. Выругавшись и с трудом удерживая равновесие, Ваймс дождался следующей возможности рискнуть жизнью и на сей раз вновь преуспел. Он прыгнул, чуть не угодив спиной между грохочущих барж, опасно зашатался, качнулся вперед, упал на брезент и нащупал под собой чью-то голову.

– Пожалуйста, не надо! Не убивайте меня! Я всего лишь оригинальный фермер! У меня нет оружия! Я даже кур резать не люблю!

При следующем толчке Ваймс обхватил чье-то пухлое туловище; фермер заорал бы вновь, если бы Ваймс не зажал ему рот рукой и не прошипел:

– Это полиция, сэр, простите за неудобства, но кто вы, черт побери, и что тут творится? Отвечайте живей, времени нет.

Он втолкнул человека подальше, в глубь баржи, в мокрую темноту, и

знакомый запах подсказал Сэму Ваймсу, что обезумевший от ужаса фермер, при всей своей оригинальности, не соврал насчет кур. Из кудахчущей тьмы, заключенной в проволочные корзинки, поднималась вонь, говорившая о том, что куры, даже в лучшие времена не отличающиеся мужеством, *сильно* испугались.

Расплывчатый силуэт поинтересовался:

– Полиция? Здесь? Ври больше. Скажи еще, что ты командор Ваймс.

Баржу снова качнуло, из темноты вылетело яйцо, и угодило Ваймсу в лоб. Он вытерся, ну или, по крайней мере, размазал желток по лицу, и сказал:

– Сэр, вам везет как утопленнику.

Полностью его звали Молись-и-Кайся Ляпсус. Разумеется, если у человека такая фамилия, он непременно пожелает объяснить ее происхождение, даже если неотвратимая смерть стоит на расстоянии протянутой руки и у него есть все шансы протянуть ноги.

– Понимаете ли, сэр, моя семья родом из Клатча, и наша фамилия – Лапасса, но, конечно, со временем ее стали произносить неправильно...

Ваймс перебил, поскольку задушить не имел права.

– Пожалуйста, мистер Ляпсус, скажите, что происходит на «Сисси»?

– Ох, боги, это ужас, просто ужас! Кто-то так страшно кричал, и, клянусь, я слышал женский визг! А теперь мы то и дело налетаем на берег, судя по звуку. И буря, сэр, усиливается – она нас потопит, не успеет и баран чихнуть, я даже не сомневаюсь!

– Вы не ходили в рубку посмотреть, что там, мистер Ляпсус? – поинтересовался Ваймс.

Фермер пришел в ужас.

– Командор, я выращиваю оригинальных кур, весьма оригинальных. Я не умею драться. Куры на меня не нападают. Извините, сэр, но я никуда не ходил – а вдруг я бы что-нибудь увидел, сэр? А если бы я что-нибудь увидел, сэр, то, наверное, и меня бы увидели, сэр, а поскольку, сэр, скорее всего, на лодке люди, которые остались в живых после того, как другие люди умерли, сэр, и, возможно, они повинны в их гибели, сэр, я уж лучше постараюсь не попадаться им на глаза, сэр, понимаете? И потом, я безоружен, у меня слабые легкие и деревянный палец. Зато я жив.

Ваймс подумал, что в этом есть несомненная логика. Он сказал:

– Не беспокойтесь, мистер Ляпсус, держу пари, вам хватает забот с вашими оригинальными курами. Так, значит, никакого оружия?

– Вынужден вас разочаровать, командор, но я не из задир. Я взял на

борт только ящик с инструментами.

Лицо Ваймса оставалось неподвижным.

– Ящик с инструментами?

Мистер Ляпсус вновь схватился за стену, когда баржа налетела на что-то неподобающее, и ответил:

– Ну да, конечно. Если мы таки доберемся до Щеботана, я получу на ярмарке место, которое нужно будет приспособить под сотню куриных клеток. Если хочешь, чтоб работа была выполнена как следует, сделай ее сам.

– Вы говорите как знаток, – сказал Ваймс, когда от очередного толчка оба пошатнулись. – Кстати говоря, а можно мне взглянуть на ваши инструменты?

Бывают времена, когда какофония треска, грома, воплей и воя ветра внезапно растворяется в оглушительном «аллилуйя!». Содержимое невинного ящика, в котором лежали исключительно предметы, сделанные из железа, стали и дерева, с точки зрения командора Сэма Ваймса, блистало ярче небесных светил. Кувалды, молотки, пилы, ох боги! Даже огромное спиральное шило. Что бы сделал Вилликинс с такой игрушкой? Аллилуйя! А еще – лом. Ваймс взвесил его на руке и почувствовал дух Улицы. Оригинальный фермер слышал, как на лодке кричала женщина...

Ваймс развернулся, и тут же кто-то отдернул брезент. Фини плюхнулся под навес, разбрасывая брызги.

– Я знаю, что вы не отдали приказа, командор, но подумал, что лучше сказать вам: уровень воды опускается.

Ваймс увидел, как мистер Ляпсус закрыл глаза и застонал. Он повернулся к Фини и спросил:

– Это разве плохо? Она ведь... *опускается*.

– Да, сэр! – завопил Фини. – Дождь льет как из ведра, а вода спадает. Это значит, что где-то выше по течению сломанные деревья, кусты, грязь и всякий мусор образовали запруды, которая становится больше и больше, а за ней собирается вода, сэр. Понимаете, что я имею в виду?

Ваймс понял.

– Гребаный затор?

Фини кивнул.

– Как есть, сэр. У нас два варианта – умереть *на* реке или *в* реке. Какие будут распоряжения, сэр?

Очередное столкновение сотрясло баржу, и Ваймс устался в темноту. В этих кошмарных сумерках кто-то умудрялся удерживать лодку на плаву. Где-то кричала женщина, а у Ваймса был лом. Он рассеянно

потянулся к открытому ящику с инструментами, вытащил молоток и протянул Фини.

– Держи, парень. Я знаю, что у тебя есть твое официальное полено, но дело может дойти до рукопашной. Назови это ужасной алгеброй необходимости и, пожалуйста, постарайся не попасть мне по темени.

Фини спросил – на сей раз с неподдельным ужасом:

– И что мы будем делать, командор?

Ваймс сморгнул и ответил:

– *Всё.*

Ветер подхватил брезент, когда Ваймс его откинул, и унес через реку, предоставив оригинальному фермеру утешаться надеждой и разбитыми яйцами. Стражники выбрались в темноту, и их тени запрыгали в такт молниям. Черт возьми, каким образом лоцман управлял лодкой в этом хаосе? На носу горели фонари, но, разумеется, они не могли рассеять такую ночь – максимум, подсветить тьму. Но, невзирая на растущее при каждом толчке и ударе подозрение, что «Сисси» в серьезной опасности, Ваймс слышал плеск гребных колес – непрерывную мощную тему в какофонии звуков, нечто постоянное и ободряющее. Лодка шла, в мире был какой-то порядок, но как же лоцман справлялся со своей задачей? Как править, если ничего не видно?

Фини поспешно объяснил, а Ваймс еще поспешнее выразил недоверие.

– Но это правда, сэр! Он знает на реке каждый поворот, знает ветер, знает, с какой скоростью мы идем, у него есть секундомер и песочные часы. Он поворачивает, когда *нужно* повернуть. Да, старушка «Сисси» слегка трется о берега, но она крепкая.

Они вместе перепрыгнули на оставшуюся баржу и нашли запертый люк. Впрочем, лом – универсальный ключ. Там, в трюме, лежали гоблины, все до одного связанные по рукам и ногам и уложенные рядами, как капуста. Сотни гоблинов. Ошеломленный Ваймс обернулся и посмотрел на Вонючку, который оказался прямо у него за спиной.

– Теперь действуй ты, дружок. Мы, конечно, их развяжем, но мне нужны некоторые гарантии, что толпа разъяренных гоблинов не примется откручивать мне голову, чтобы посмотреть, как она приделана. Понятно?

Вонючка, и так тощий как скелет, показался еще меньше, когда, пожав плечами, указал на стонущих гоблинов.

– Слишком устали, слишком изранены, слишком голодны, слишком... – Вонючка внимательно посмотрел на гоблина, лежавшего

внизу кучи, и коснулся неподвижной руки, – ...слишком мертвы, чтобы нападать, мистер по-люс-мен. Ха! Но если дать воды, дать еды, они встанут и нападут. О, как они нападут, чесслово. Как только я с ними поговорю. Не сомневайся. Но я скажу: по-люс-мен, он, конечно, придурок, но незлой, да-да. Я скажу: если вы его стукнете, я стукну вас, потому что я сам теперь по-люс-мен. Специальный констебль Вонючка!

Ваймс решил, что это лучшее напутствие, которое стоило ожидать в нынешних обстоятельствах. Тем временем Фини сумел приподнять крышку бочонка, одного из нескольких, катавшихся по палубе вокруг. Нестерпимая вонь на барже немедленно усилилась вдвое, и он шарахнулся, зажимая рот рукой. Вонючка же, напротив, одобрительно принялся.

– Во блин! Индюшачьи желудки! Пицца богов! Везут погано, зато кормежка высший класс.

Ваймс уставился на него. «Что ж, – подумал он, – Вонючка трется возле людей и набирается словечек. Он какой-то подозрительно смысленый. Может быть, мисс Бидл давала ему уроки языка. А может быть, это мистическая тварь неизвестно откуда, которая развлекается за счет бедолаги-стражника. И не в первый раз».

Фини уже резал веревки, и Ваймс тоже постарался освободить как можно больше гоблинов. Занятие не для человека, озабоченного гигиеной или хотя бы представляющего, что это значит. Хотя после часа, проведенного на Старой Изменнице в шторм, слово «гигиена» утрачивало всякий смысл. Гоблины с трудом поднимались, снова падали, пробирались к опрокинутому бочонку с кусками индюшатины, брели по скользкой палубе к плещущей полупустой колоде с водой, которую Фини наполнял самым простым способом – опуская ведро за борт. Гоблины возвращались к жизни. По большей части.

Баржа снова отскочила от берега, и Ваймс, среди летящих кувырком гоблинов, отчаянно попытался найти опору. Половину баржи занимали бочки, которые, если приняться, были наполнены отнюдь не благоухающими розами. Пытаясь устоять на качающейся палубе, он сказал:

– Сомневаюсь, что все это – припасы для небольшого путешествия. Здесь столько бочек с вонючими птичьими кишками, что гоблинам хватило бы на неделю. Кто-то готовился к долгой поездке. Ох, боги...

Баржа во что-то врезалась, и, судя по звону стекла, что-то разбилось. Фини встал, уцепившись за канат, и, стирая с куртки индюшачьи желудки, ответил:

– К плаванию, сэр. Долгому плаванию. Незачем припасать еду в таком количестве, если путешествуешь по суше. Думаю, гоблинов везут в какое-

то очень далекое место.

– Как по-твоему, их ждут каникулы, полные солнца, моря и веселья? – спросил Ваймс.

– Нет, сэр, да и в любом случае им бы не понравилось. Гоблины любят темноту.

Ваймс хлопнул его по плечу.

– Ладно, старший констебль Наконец. Не бей того, кто сдается, а если кто-то бросит оружие, будь осторожен, пока не убедишься, что у него не припрятано другое, усек? Если сомневаешься, врежь, как ты умеешь. Используй прием дай-двинь-бум-бах.

– Да, сэр, только это рецепт крема для обуви, сэр, но я запомню.

Ваймс повернулся к Вонючке, который уже заметно потолстел.

– Вонючка, у меня понятия нет, что будет дальше. Твои сородичи помаленьку оживают, поэтому у вас, как и у нас, есть шанс выплыть или утонуть, и большего я не обещаю. Так, Фини, пошли.

«Чудо-Сисси» представляла собой скрипящую и грохочущую грудку, наполовину занесенную водорослями и мусором. Не считая шума бури и лязга механизмов, на лодке царил тишина.

– Так, – негромко сказал Фини, – лучше мы зайдем через дверцу для скота на корме, или, как бы вы сказали, сзади. До нее нетрудно допрыгнуть, там есть за что уцепиться, потому что тот, кто отвечает за груз, должен иногда выходить и смотреть, как там дела. Видите ту двойную дверцу и небольшое проволочное ограждение? Нам туда. Скорее всего, трап тоже будет завален, потому что грузчики используют свободное место по максимуму, а потом мы доберемся до мидель-шпангоута...

– Звучит как ругательство, – заметил Ваймс.

Фини улыбнулся.

– Поосторожней, потому что там полно шестеренок. Сами поймете, что я имею в виду, потому что вы человек разумный. Один неосторожный шаг – и вас втянет в машину или швырнет на спину быку, и то и другое весьма неприятно. Там шумно, опасно и здорово воняет, поэтому, если на лодке и есть бандиты, мы вряд ли встретим их внизу.

«Ну не знаю, – подумал Ваймс. – Наш мистер Стратфорд – из тех маньяков, которые готовы продолжать путь в самоубийственных обстоятельствах. Зачем? Чтобы увезти груз подальше, прежде чем кто-нибудь о нем пронюхает? Стратфорд работает на лорда Ржава, а Ржавы полагают, что мир принадлежит им. Он куда-то везет гоблинов и хочет довести их живыми – зачем?»

Очередное столкновение вернуло его к страшной реальности, и Ваймс

сказал:

– А я думаю, бандиты пошлют кого-нибудь вниз присмотреть за командой, чтобы не сунули гаечный ключ в шестерни.

– Очень умно, сэр, ей-богу, очень умно. Какое-никакое освещение там будет, безопасности ради, но тусклое и за стеклом, чтобы...

Фини помедлил, и Ваймс закончил:

– Наверное, чтобы не случился пожар? Я не знаю механика, который бы не наляпал повсюду масла.

– Нет, сэр, дело не в смазке, а в животных. Газ копится, сэр, да еще как. И если у лампы разобьется стекло... ну, будет яркое зрелище. Два года назад «Великолепная Пегги» ровно по этой причине вылетела на берег.

– Здесь что, все едят конь-дай-пень с репой?

– Нет, сэр, насколько мне известно, но бханхбхангдукская кухня в стиле фьюжн на речных судах действительно очень популярна. Так... Дальше вы найдете каюту лоцмана, жилой отсек и рулевую рубку, где очень широкие окна. Еще одна отличная причина напасть со спины.

К счастью, прыгать было недалеко и ухватиться несложно. Ваймс не боялся, что их услышат. Палуба закрипела под ногами, когда он пробрался в трюм «Чудо-Сисси» и зашагал к мидель-шпангоуту, или как там его, но, опять-таки, скрипела лодка повсюду и непрерывно. Скрипела и стонала. Она издавала столько шума, что внезапная тишина сама по себе привлекла бы внимание. «Я ищу человека, который выглядит самым обычным образом, – подумал Ваймс, – ровно до тех пор, пока он не начнет выглядеть как злобный убийца. По крайней мере, это ясно».

Он смутно осознавал, что рядом огромные колеса, которые стремительно вращаются по обе стороны, и цепи, которые тянутся над головой, а на верху трапа маячат люди, которые совершенно точно не на своем месте...

Женщина, с маленькой девочкой, цеплявшейся за ее платье. Они были наспех привязаны к скрипящей балке, в кругу света, который отбрасывала висевшая над ними маленькая масляная лампа. А чуть поодаль на табурете сидел человек с арбалетом на коленях.

Проблема состояла в том, что к каждой его ноге была привязана веревка. Одна тянулась по полу и исчезала внизу – там, где, судя по теплу, запаху скотного двора и периодическому реву, издаваемому встревоженными животными, находился «хлев», который Ваймс только что миновал. Другая веревка уходила в рубку.

Женщина заметила Ваймса, поспешно прижала дочь к груди и медленно приложила палец к губам ребенка. Оставалось надеяться, что

мужчина с арбалетом этого не заметил, и Ваймс слегка расслабился, когда убедился, что она поняла: он явился сюда спасать ее, а не причинять дополнительные страдания. Это был всего лишь дополнительный бонус, но Ваймсу действительно стало легче, когда он понял, что она соображает быстро. Он выставил руку, чтобы удержать Фини, но в перспективе этот парень годился в капитаны Стражи: он стоял не шевелясь. Как и Ваймс, Фини превратился в наблюдателя. Ваймс наблюдал и позволял тьме пробудиться, чтобы оценить ситуацию на свой неподражаемый лад. Он ждал не Призывающую Тьму – во всяком случае, он искренне на это надеялся, – а самую обыкновенную, человеческую, внутреннего врага, который знал все его мысли. Знал, что каждый раз, когда командор Ваймс отдавал в руки правосудия очередного коварного и изобретательного убийцу, чтобы тот получил воздаяние или пощаду, как угодно будет рассудить закону в его хаотической премудрости, он становился другим Ваймсом, Ваймсом-призраком, который старательно обуздывал желание порубить мерзавца на куски прямо на месте. К сожалению, это желание становилось с каждым разом все сильнее, и Ваймс гадал, не вырвется ли тьма в один прекрасный день на волю, предъявив свои права. Без его ведома. Замки, запоры, цепи и двери в голове не выдержат, и он даже не поймет, что случилось...

И сейчас, глядя на перепуганного ребенка, Ваймс боялся, что эта минута близка. Возможно, лишь присутствие Фини удерживало под контролем тьму – ужасное желание лишить палача заслуженного доллара за казнь, трех пенсов за веревку и шести за пиво. Убивать очень легко, да, но не тогда, когда на тебя смотрит смысленный юный стражник, который думает, что ты – хороший парень. В Анк-Морпорке Стража и семья окружали Ваймса каменной стеной. Там хороший парень оставался хорошим, поскольку не хотел, чтобы его видели за плохими делами. Он не хотел, чтобы ему было стыдно. Не хотел становиться тьмой.

Арбалет был нацелен на двух заложниц, и тому, кто его держал, явно велели стрелять, если рывок за веревку даст понять, что происходит непредвиденное. Но рискнет ли он выстрелить? Нужно дозреть, чтобы тьма по капельке начала сочиться в душу, хотя бывали и те, кто родился с тьмой в душе. Они убивали ради развлечения. А вдруг и он из таких? А если нет, вдруг он поддастся панике? И насколько чувствителен спусковой крючок у арбалета? Вдруг он сработает от случайного прикосновения?

Снаружи бушевала буря. Спадала вода или нет – это казалось совершенно неважным, поскольку ее все равно было полно вокруг. Женщина краем глаза наблюдала за Ваймсом. Каждая секунда дорога...

Аккуратно рассчитывая движения, как будто кто-то мог расслышать его шаги в реве бури и скрипе лодки, Ваймс подобрался к ничего не подозревавшему охраннику, обхватил парня обеими руками за шею и рванул вверх. Стрела ушла в потолок.

– Я не хочу, чтобы кто-нибудь пострадал, – Ваймс попытался произнести это добродушно. – Если ты собираешься дернуть за веревку, парень, то учти – дыхание у тебя закончится раньше, чем я разожму пальцы. Старший констебль Наконец, возьми арбалет и свяжи этому джентльмену ноги. Оружие можешь взять себе. Я знаю, ты любишь такие штуки.

Он, видимо, случайно ослабил хватку, потому что пленник прохрипел:

– Я никого не собирался убивать, сэр! Пожалуйста! Они дали мне арбалет и велели стрелять, если лодка вдруг остановится или если за веревку дернут. Вы думаете, я бы стал стрелять, сэр? Вы, правда, думаете, что стал бы? Я просто сидел здесь на всякий случай, если бы кто-нибудь из них вошел! Пожалуйста, сэр, я никогда ни во что такое не впутывался! Это все Стратфорд, сэр, он просто псих, сэр, сущий убийца, честное слово!

Послышался треск, и лодка задрожала. Возможно, секундомер подвел лоцмана.

– Как тебя звать, парень?

– Эдди, сэр, Эдди Нагл, я просто матрос, сэр!

Его трясло. Ваймс видел, что у Эдди дрожат руки. Он повернулся к женщине, которую поддерживал под локоть Фини, поклонился и показал тщательно припрятанный значок.

– Мэм, я командор Ваймс из анк-морпоркской городской Стражи. Этот человек дурно обращался с вами или с девочкой?

Женщина не двигалась. Ваймс подумал, что она похожа на молодую Сибиллу – спокойная, собранная, из тех, что скорее будут драться, чем визжать, но драться лишь в полной готовности.

– Они все ловко провернули, командор. Как раз когда я укладывала Грейс спать. Эти негодяи явились на судно под видом владельцев груза и вели себя как приличные люди, пока мой муж не сказал, что погода портится. Я была на камбузе, когда услышала крики, а потом нас с Грейс отвели сюда. Лично я, сэр, сказала бы спасибо, если бы вы перебили их всех, но раз нельзя, значит, нельзя. А что касается конкретно этого типа, он, конечно, и впрямь мог вести себя хуже, а потому, хоть я и порадуюсь, если вы швырнете его в реку, но не буду настаивать, чтобы вы привязали ему груз к ногам.

Фини рассмеялся:

– Груз не понадобится, мэм. Река устроила вечеринку и пригласила нас в гости. Я неплохой пловец и то не рискнул бы прыгать за борт.

Ваймс ухватил Нагла за ворот и взглянул ему в глаза. Спустя несколько мгновений он сказал:

– Нет. Я распознаю убийцу по глазам. Конечно, это не значит, что ты не виноват в пиратстве, поэтому мы будем за тобой приглядывать, и не пытайся что-нибудь выкинуть. Я тебе доверяю, и храни тебя боги, если я ошибся.

Нагл открыл рот, чтобы ответить, но Ваймс быстро добавил:

– Ты можешь упростить и, вероятно, продлить себе жизнь, Эдди Нагл, если скажешь, сколько еще веселых ребят на «Сисси».

– Не знаю, сэр. То есть не знаю, кто еще жив.

Ваймс взглянул на женщину, когда лодка накренилась. Странное это было ощущение – на мгновение Ваймсу показалось, что он утратил вес, а потом за спиной у него, в хлеву, среди огромных вращающихся колес, послышался какой-то шум. Обретя равновесие, он спросил:

– Я так понимаю, что вы госпожа Силлитоу, мэм?

Женщина кивнула и ответила, крепче прижимая к себе девочку:

– Да, командор. И я знаю, что мой муж еще жив... потому что живы мы.

Она замолчала, когда очередная волна подхватила лодку, и «Сисси» ухнула вниз – с плеском и глухим стуком, который отдался в позвоночнике. За ударом последовал низкий рев быка, который решил, что с него хватит. А еще – оборвавшийся крик.

Ваймс, Фини и Нагл кое-как поднялись с пола. Госпожа Силлитоу и ее дочь, как ни странно, сохраняли вертикальное положение, и у женщины на лице играла мрачная улыбка.

– Этот крик значит, что кто-то из пиратов умер, и, надо сказать, я чрезвычайно рада. Иными словами, остальные в хлеву живы. Знаете почему? Скорее всего, он забыл подпрыгнуть. Лодка взлетает и падает потому, что где-то позади нас гребаный затор стал слишком большим. От него отрываются куски и несутся за нами, вниз по течению, то поднимая уровень воды, как брошенный в воду камень, то понижая, когда они проносятся мимо – и вот тогда нужно не зевать. Если не сумеешь плясать в такт с рекой, скоро будешь плясать с дьяволом. Один из этих разбойников пошел вниз с арбалетом, когда началась заварушка. И, судя по звуку, плясун он был плохой. Наверное, до него дотянулся Чарли-Десять-Галлонов, когда он упал, бедняжка. Чарли – погонщик быков. Если он кого двинет, второго раза уже не понадобится, – госпожа Силлитоу проговорила это спокойно и

с удовольствием. – Кто хочет стянуть добро с нашей лодки, пускай приготовится к серьезным неприятностям.

«А я-то думал, что это в городе живут крепкие орешки», – подумал Ваймс. Он заметил, что благоразумный Фини перезарядил конфискованный арбалет, и сказал:

– Я спущусь, чтобы удостовериться. Госпожа Силлитоу, сколько, по-вашему, на лодке еще пиратов?

– Четверо взошли на борт под видом владельцев груза, – женщина начала загибать пальцы. – Одного из них убил мистер Гаррисон, наш погрузчик, но другой пырнул его ножом, сукин сын. Я точно знаю, что один спустился в хлев, второй помогал этой нюне протянуть веревки, чтобы мы оказались в заложниках на тот случай, если кто-нибудь из уцелевших попытается им помешать, а третий пошел в рубку. Мне сказали, что все обойдется, если мой муж доставит груз в Щеботан.

Девочка цеплялась за платье матери, пока та с бесстрастным лицом продолжала:

– Лично я в это не верю, но до сих пор мужу не причинили вреда. Он считает. Непрерывно считает. Мой муж слушает Старую Изменницу и вспоминает каждый фут. Он должен перехитрить шестьдесят миль реки-убийцы. И если мой муж погибнет, она убьет нас всех.

– Фини, держи этого джентльмена под прицелом, слышишь? – приказал Ваймс. – А если он двинется, в том числе захочет высморкаться, даю тебе полное право всадить ему стрелу туда, где она причинит серьезные неудобства.

Он подошел к трапу, кивнул Фини и госпоже Силлитоу, поднял палец и сказал:

– Вернусь через минуту.

И быстро спустился в жаркие и шумные недра «Чудо-Сисси». «Бильярд, – подумал Ваймс. – Гоняй шары, пока прямо перед тобой не окажется нужный».

Он почувствовал давление в ногах, когда лодка поднялась на гребне волны, подпрыгнул и аккуратно приземлился одновременно с «Сисси», которая хлопнулась днищем о воду.

Перед Ваймсом стоял человек, который заставил бы даже Вилликинса подумать дважды.

– Ты, наверное, Десять-Галлонов? Меня послала сюда госпожа Силлитоу. Я командор Ваймс, из анк-морпоркской городской Стражи.

Мужчина с лицом тролля и соответствующим телом произнес:

– Наслышан о вас. А я думал, вы померли.

– Обычно я всегда так выгляжу к концу лодочной прогулки, мистер Десять-Галлонов, – ответил Ваймс и, указав на труп, лежавший на полу между ними, спросил:

– А с ним что случилось?

– Вроде как помер, – злобно оскалившись, сказал Десять-Галлонов. – Никогда раньше не видел, чтобы человек задохнулся, проглотив собственный нос.

В хлеву было трудно расслышать хоть что-то из-за непрерывного жалобного мычания быков и зловещего гудения натянутых до предела тросов, но Ваймс проорал:

– У него был арбалет?

Десять-Галлонов кивнул и одним пальцем, который был толще запястья Ваймса, снял упомянутый арбалет с гвоздя на стене.

– Я бы пошел с вами, мистер, да нам троим тут дела невпроворот, чтоб машина не разлетелась! – Он сплюнул. – Да только шансов мало, раз прямо за нами дерьмовый затор. Увидимся на той стороне, коп!

Ваймс кивнул, быстро изучил арбалет, кое-что подправил и, вполне удовлетворенный, полез по трапу наверх.

Он посмотрел на тех немногочисленных людей, которые не лили воду на дымящиеся спины быков и не пытались удержать лодку на поверхности. Сотрясения следовали одно за другим, и промежутки были слишком короткими, в этом Ваймс не сомневался, и, разумеется, гребаный затор должен был рвануть, как только в нем образовалась бы достаточно большая дыра.

Все, кто находился в каюте, дружно подпрыгнули, когда очередная волна подняла лодку; только Нагл вновь не удержался на ногах. Фини резко втянул воздух сквозь зубы, когда Ваймс подошел к дрожащему Наглу. Парень явно решил, что, скорее всего, оказался злополучным победителем конкурса «Кто первым окажется за бортом». И Фини слышно застонал, когда Ваймс вручил Наглу свежесобранный арбалет, сказав:

– Я уже говорил тебе, старший констебль, что распознаю убийцу по глазам. Мне нужно прикрытие, и я уверен, что сейчас наш мистер Нагл очень хочет оказаться по правильную сторону закона. Сегодняшнее решение, скорее всего, облегчит его участь в суде. Я прав, мистер Нагл?

Молодой человек лихорадочно закивал.

Ваймс добавил:

– Я бы предпочел, чтобы ты остался здесь, Фини. Пока я не выяснил, кто еще остался на этом корыте, я хочу, чтобы ты позаботился о дамах. Прямо сейчас я не знаю, кто тут жив, а кто мертв.

– «Сисси» – не корыто, командор! – резко заметила госпожа Силлитоу. – Но на первый раз я вам прощаю.

Ваймс отсалютовал и вновь все, кроме Нагла, подпрыгнули, а этот идиот плюхнулся.

Ваймс повернулся к трапу.

– Там, наверху, в рубке – Стратфорд? Так, мистер Нагл?

Накатила еще одна волна, побольше, и Нагл мешком свалился на пол. Он с трудом выговорил:

– Да, и он о вас слышал – сами знаете, как бывает, – и намерен добраться до моря прежде, чем вы его нагоните. Он убийца, сэр, хладнокровный убийца! Не давайте ему шанса, сэр, всеми святыми вас заклинаю, и действуйте поживей, если хотите уцелеть!

Воздух был насыщен электричеством. Все металлические предметы дрожали и позвякивали.

– Похоже, затор вот-вот прорвет, – закончил Нагл.

– Спасибо, мистер Нагл. На мой взгляд, вы благоразумный молодой человек. Именно так я и скажу властям.

Испуганное лицо Нагла расплылось в улыбке.

– А вы – знаменитый командор Ваймс, сэр! Я счастлив, что стою у вас за спиной!

В рубку вел длинный трап. Лоцман был королем, он стоял высоко над рекой – владыка всего, что видел, даже если дождь, как теперь, барабанил в дорогие стеклянные окна рубки, словно считал эти твердые куски небосвода личным оскорблением. Ваймс быстро вошел внутрь. Кричать не было смысла, поскольку буря глушила все звуки, но впоследствии он должен был поручиться, что-таки произнес эти слова: «Командор Ваймс, анк-морпорская городская Стража, статут о вынужденном действии!» Такого статута не существовало, но Ваймс поклялся самому себе, что, черт возьми, добьется его введения, как только вернется в город, даже если придется потянуть за все ниточки. Представитель закона, столкнувшийся с ужасной необходимостью, должен, по крайней мере, иметь нечто вроде фигового листка, который можно сунуть в глотку адвокату!

Он разглядел затылок мистера Силлитоу под фуражкой. Лоцман не обратил на Ваймса никакого внимания, зато молодой человек, стоявший рядом, посмотрел на вошедшего с ужасом, который обычно ассоциируется с мокрыми штанами и дрожащими коленками. Меч, который он держал в руке, тяжело упал на доски.

Нагл нетерпеливо подпрыгивал с ноги на ногу.

– Лучше займитесь им поскорей, командор. Клянусь вам, у него всегда

есть пара козырей в рукаве!

Ваймс, не обращая на Нагла внимания, обыскал молодого человека и обнаружил короткий нож, из тех, что обычно носят матросы. Он воспользовался им, чтобы отрезать кусок веревки и связать парню руки за спиной.

– Так, мистер Стратфорд, а теперь пойдём вниз. Хотя я не стану вам мешать, если вы решите броситься за борт.

И тут парень наконец открыл рот.

– Я не Стратфорд, – умоляюще произнес он. – Меня звать Давлин Макинтайр. А Стратфорд стоит у вас за спиной с арбалетом, сэр.

Человек, прежде известный как Эдди Нагл, хихикнул, когда Ваймс обернулся.

– Ох, боги, ох, боги, прославленный командор Ваймс! Будь я проклят, да ты тупее лошадиного дерьма! С первого взгляда распознаешь убийцу, да? Ну а я убил шестнадцать человек и не знаю, сколько гоблинов, потому что они не считаются.

Стратфорд прицелился и ухмыльнулся.

– Наверное, дело в том, что у меня лицо мальчишеское. Да и вообще, какой дурак станет беспокоиться о гоблинах? Ну да, они вроде как умеют говорить, но знал бы ты, как эти мелкие поганцы умеют врать!

Кончик арбалета гипнотически покачивался туда-сюда.

– Хотя... любопытно. То есть ты мне не нравишься, и, разумеется, я тебя пристрелю, но будь так добр, объясни, что именно ты увидел в моих глазах?

Давлин воспользовался возможностью и отчаянно бросился вниз по трапу в ту самую секунду, когда Ваймс, пожав плечами, ответил:

– Я увидел убитую гоблинку. Она тоже тебе соврала? Я распознаю глаза убийцы, Стратфорд, поверь мне, потому что уже много раз их видел. А если вдруг начинаю забывать, достаточно взглянуть в зеркальце для бритья. Да, я уже видел такие глаза, как у тебя, и мне интересно, что ты сделаешь дальше, Стратфорд. Хотя, если хорошенько подумать, с моей стороны и впрямь было неразумно давать тебе арбалет. Может быть, я действительно туп, потому что я даю тебе возможность сдаться, здесь и сейчас, и второй раз предлагать не стану.

Стратфорд уставился на него с открытым ртом.

– Черт возьми, командор, я загнал тебя в угол, а *ты* предлагаешь *мне* сдаться? Прости, командор, увидимся в аду.

Ухмыляясь, он спустил тетиву, и она по всем законам жанра должна

была пропеть, но вместо этого издала щелчок. Стратфорд уставился на арбалет.

– Я вытащил предохранитель и сунул его в навоз, – сказал Ваймс. – Без предохранителя ты не выстрелишь. Кстати, я предполагаю, что у тебя есть еще и парочка ножей, а потому, если ты попробуешь прорваться с боем, я буду просто счастлив, хотя предупреждаю заранее: во-первых, у тебя ничего не получится, а во-вторых, если ты даже умудришься проскочить мимо человека, который вырос на улицах Анк-Морпорка, то встретишь внизу парня, который способен свалить кулаком слона, и твой нож его только разозлит...

На сей раз волна накатила большая, и Ваймс в прыжке треснулся головой о крышу каюты, прежде чем приземлиться прямо перед Стратфордом и, в лучших традициях Стражи, отвесил ему пинка – между делом и между ног.

– Ну, мистер Стратфорд, разве у вас нет репутации, которую нужно поддерживать? Убийца, внушающий ужас? Тебе бы провести некоторое время в городе, сынок, и уж я позабочусь, чтоб так оно и было... – Стратфорд перекатился на спину, и Ваймс продолжал: – А потом тебя повесят, как положено по закону, но не бойся, у мистера Трупера первоклассная удавка, и, говорят, это совсем не больно. Знаешь что, Стратфорд? Просто адреналина ради, представь, что я та гоблинка. Она молила о пощаде, Стратфорд, помнишь? Я помню! И ты, конечно, не забыл. Тебя сбила с ног первая же волна. Матросы знают, что делать в таких случаях. А ты нет, хотя, надо сказать, притворялся ты неплохо. Оп-па!

Стратфорд действительно попытался пырнуть его ножом. Ваймс выкрутил ему запястье, нож полетел вниз по трапу, и в ту же секунду разбилось стекло, и в рубку просунулся сук длиной с человеческое туловище. Посыпались листья, в окно ворвался проливной дождь – и следом пришла темнота.

Обе лампы погасли, и, как выяснилось, исчез Стратфорд – Ваймс, хоть и без особой уверенности, надеялся, что тот выпрыгнул в разбитое окно, навстречу вероятной смерти. Он предпочел бы знать наверняка. Но сейчас не было времени об этом беспокоиться, потому что нахлынула очередная волна, и вода полилась в рубку сквозь разбитые стекла.

Ваймс рывком отворил дверцу, ведущую в рубку, и обнаружил мистера Силитоу, который выбирался из груды нанесенного бурей мусора. Лоцман стонал:

– Я сбился со счета, я сбился со счета!

Ваймс помог ему встать и усадил в большое кресло. Мистер Силитоу

в отчаянии забарабанил кулаками по подлокотникам.

– И теперь я в этой темноте ни черта не вижу! Не могу считать, не могу разглядеть, не могу править! Мы не выживем!

– Я вижу в темноте, мистер Силлитоу, – сказал Ваймс. – Что нужно делать?

– Правда, видите?

Ваймс уставился на бурную реку.

– Слева приближается огромный камень. Так должно быть? А еще я вижу что-то похожее на разбитый причал.

– Ох, боги, это же Бейкеров холм! Ну-ка, пустите меня за штурвал. Сколько до него?

– Ярдов пятьдесят.

– Вы, правда, *видите* в такой мгле? Черт возьми, мистер, да вы, наверное, родились в пещере. Значит, мы уже недалеко от Щеботана, милях в девятнадцати. Сможете постоять впередсмотрящим? Как там моя семья? Этот щенок грозил, что им придется худо, если «Сисси» не придет вовремя!

От крыши отскочило что-то большое и тяжелое и унеслось в ночь, а лоцман продолжал, неотрывно глядя вперед:

– Гастрит Силлитоу, приятно с вами познакомиться, сэр. Я про вас слышал. Кумская долина, да? Хорошо, что вы здесь.

– Э... Гастрит. Слева в потоке вертится целое дерево. В десяти ярдах впереди! Справа ничего особенного.

Штурвал бешено закрутился.

– Весьма вам обязан, сэр, и искренне надеюсь, что вы не обидитесь, если я замечу, что мы обычно говорим «штирборт» и «бакборт».

– В жизни бы не догадался, Гастрит. Я думал, борт он и есть борт. Впереди что-то вроде груды бревен, ярдах в сорока, кажется, ничего особо серьезного, а высоко справа я вижу слабый свет – не могу сказать, как далеко.

Ваймс пригнулся, и зазубренное бревно отскочило от дальней стены рубки.

Лоцман, судя по всему, освоился с ситуацией.

– Так, командор, это, наверное, маяк Джексона, я исключительно рад его видеть. Теперь я знаю, где нахожусь, и заодно нашел уцелевшие часы. Буду вам очень признателен, если вы спуститесь вниз и попросите Десять-Галлонов отцепить баржи. На одной из них сидит фермер. Лучше взять его на борт, пока не прорвало затор.

– И сотни гоблинов, Гастрит.

– Ну и ладно. Кому они нужны?

Несколько мгновений Ваймс смотрел во тьму – и в *другую* тьму за ее пределами, и она сказала: «Развлекаешься, да, командор? Сэм Ваймс ведет себя как положено Сэму Ваймсу – во мгле, под дождем, среди опасностей, потому что он стражник. Он не поверит, что Стратфорд мертв, пока не увидит труп. Ты это знаешь. Некоторые получают удовольствие, убивая. Ты видел, как Стратфорд выскочил из рубки, но на лодке столько веревок и удобных мест, чтобы зацепиться, а этот сукин сын ловкий и жилистый. Ты знаешь, что он как пить дать вернется. Двойная опасность, командор Ваймс, слишком много фишек на доске. Гоблины, которых надо спасти, убийца, которого надо поймать, и не забывай, жена и маленький сын ждут, что ты вернешься...»

– Я помню!

«Разумеется, помнишь, командор Ваймс, – продолжал голос. – Конечно, помнишь. Но я тебя знаю, и даже на солнце есть пятна. Тьма всегда будет в тебе, мой упрямый друг».

А потом реальность то ли вернулась, то ли отступила, и Ваймс сказал:

– Мы возьмем гоблинов на борт, Гастрит, потому что... Да, потому что они – улика в важном полицейском расследовании.

Нахлынула очередная волна, и на сей раз Ваймс повалился на палубу, которая стала чуть мягче благодаря ковру из листьев и веток. Когда он поднялся, мистер Силлитоу переспросил:

– Полицейское расследование? Что ж, «Сисси» – друг закона, но, сэр, они адски воняют, верьте слову! И быков они перепугают насмерть.

– Думаете, быки и без них не перепугались? – спросил Ваймс. – Э... впереди справа небольшой затор из бревен. Слева все чисто. – Он потянул носом воздух. – Судя по запаху, сэр, быки уже изрядно разнервничались. А вы не можете просто причалить к берегу?

Силлитоу горько рассмеялся.

– Сэр, сейчас нет никаких берегов, во всяком случае, таких, к каким я бы рискнул пристать. Я знаю реку. Она зла, и позади нас гребаный затор. Я не могу остановиться, это все равно что тормозить бурю. Вы подписались на долгое путешествие, командор. Либо мы промчимся до самого моря, либо сложим руки, помолимся богам и умрем, – он отдал честь. – И все-таки я вижу, сэр, что вы человек, который делает то, что нужно, и, ей-богу, возражать я не стану. Вы настоящий мужчина, командор Ваймс, и да хранят вас боги. Да хранят они всех нас!

Ваймс сбежал по ступенькам и, направляясь по вздымающемуся полу к двери хлева, по пути перехватил Фини.

– Живей, парень, надо отвязать баржи. Их слишком тяжело тащить. Мистер Десять-Галлонов? Давайте откроем эти двери. Мистер Силлитоу назначил меня здесь главным. Если хотите возразить, пожалуйста.

Великан даже не попытался спорить и кулаком растворил двери.

Ваймс выругался. Мистер Силлитоу был прав. Позади слышался рев, и река, полная блеска молний и синего огня, мчалась по долине, подобная приливной волне. Несколько секунд он стоял как загипнотизированный, а потом пришел в себя.

– Так, Фини, начинай пересаживать гоблинов на лодку, а я схожу за нашим фермером. Чертова руда пускай идет на дно.

В ослепительном свете молний, осветивших дерьмовый затор, Ваймс дважды прыгнул и оказался на барже, с которой доносился крик перепуганной птицы. Вода лила с него ручьями, когда Ваймс откинул люк и крикнул:

– Мистер Ляпсус! Нет, только не начинайте ловить кур! Лучше фермер без кур, чем куры без фермера! И потом, они, скорее всего, выплывут, или улетят, или еще что-нибудь!

Он уговорил перепуганного Ляпсуса, перепрыгнул на следующую баржу и обнаружил, что она по-прежнему полна ошалевших гоблинов. Фини выглядывал из-за открытой дверцы на корме «Сисси», и сквозь рев и свист бури Ваймс услышал крик:

– Мистер Десять-Галлонов не разрешает, сэр! Он говорит, никаких гоблинов!

Ваймс оглянулся, потом вновь посмотрел на Фини.

– Ладно, сынок, пригляди за гоблинами, а я побеседую с мистером Десять-Галлонов.

Он перебросил Ляпсуса на палубу «Сисси», поискал глазами Десять-Галлонов и покачал головой. Какой стражник получился бы из этого парня, если руководить им должным образом! Ваймс вздохнул.

– Мистер Десять-Галлонов? Я уже сказал, что мистер Силлитоу дал мне карт-бланш. Может, договоримся?

– В карты я не играю, и знать не знаю никакой Бланш, – прорычал гигант, – и на лодке никаких гоблинов не будет, усек?

Ваймс невозмутимо кивнул и утомленно опустил взгляд.

– Это ваше последнее слово, мистер Десять-Галлонов?

– Да, черт возьми!

– Ладно. Теперь моя очередь.

Десять-Галлонов рухнул, как поваленное дерево, и отключился.

Улица всегда с тобой.

В уличном университете Ваймс постиг, что драка – это наука. Наука сделать так, чтобы противник оказался мордой вниз на земле как можно быстрее и при минимуме усилий. Потом, разумеется, появлялась масса приятных возможностей и время, чтобы их обдумать. Но если ты хотел драться честно – или, по крайней мере, честнее, чем в большинстве случаев, – тогда нужно было знать, как бить, куда и под каким углом. Бережно хранимый латунный кастет, конечно, был опциональным, хоть и весьма полезным дополнением, но, с точки зрения Ваймса, который растирал пальцы, чтобы восстановить кровообращение, любой суд, посмотрев на Десять-Галлонов, простил бы ему даже удар кувалдой.

Он взглянул на кастет. Тот даже не погнулся. Старое доброе анк-морпоркское ноу-хау. «Пускай у деревни мышцы, но у города технологии», – подумал Ваймс, убирая кастет обратно в карман.

– Так, Фини, давай займемся гоблинами. Найди Вонючку, он среди них главный.

Похоже, Вонючка действительно был среди них главным. Ваймс так и не понял, что он такое на самом деле, но гоблины, подстегиваемые хриплыми окриками Вонючки, прыгали, как безобразные газели, на борт «Сисси» мимо Ваймса. Он мельком взглянул на ревущую смерть позади, в последний раз перескочил на «Сисси» и помог Фини закрыть и запереть дверцы. Иными словами, тяга пропала, и быки в трюме полной грудью вдохнули запах гоблинов. По мнению Ваймса, он не был таким уж скверным, если к нему привыкнуть – скорее алхимическим, нежели помойным, – но снизу послышались крики, и лодка задергалась: быки попытались пуститься наутек.

Ваймс, не обращая внимания на рывки, проорал:

– Отпускай баржи, старший констебль! Надеюсь, ты знаешь, как!

Фини кивнул и открыл люк в полу. Оттуда полетели брызги и перестали, как только он опустился на колени и сунул в отверстие руку.

– Надо несколько раз повернуть, командор, и они отвяжутся. На вашем месте я бы за что-нибудь уцепился, когда железная руда нас покинет.

Ваймс выбрался из толпы перепуганных гоблинов, осторожно подтянулся по трапу в рубку и похлопал Гастрита по плечу.

– Мы в любую минуту отпустим баржи!

Лоцман, продолжая цепляться за штурвал и вглядываться во мглу, коротко кивнул. В рубке приходилось орать, чтобы быть услышанным. Ветер и обломки вышибли все стекла.

Ваймс посмотрел в заднее окно и увидел огромную, стремительную,

переплетенную молниями лавину стволов, грязи и крутящихся камней. Затоп приближался. На мгновение ему показалось, что он разглядел обнаженную мраморную женщину, которая неслась вместе с прочим мусором и придерживала свое мраморное одеяние, словно защищая от бури последние остатки скромности. Ваймс сморгнул, и она пропала. Может быть, ему померещилось... Он крикнул:

– Надеюсь, вы умеете плавать, сэра?

И тут гребаный затоп их настиг, и призрак по имени Стратфорд вскочил в окно и, к своему огромному удивлению, был сбит с ног Ваймсом.

– Думаешь, я вчера на свет родился? Думаешь, я тебя не ждал?

Стратфорд вывернулся из его хватки, развернулся и выбросил кулак, от которого Ваймс почти увернулся. Удар оказался сильнее, чем он ожидал, и, надо было отдать этому дьяволу должное, Стратфорд умел защищаться. А еще, к сожалению, он был моложе Ваймса. Намного моложе. Да, убийцу можно распознать по глазам, по крайней мере, после того, как он убьет хотя бы троих и останется безнаказанным. В его глазах появляется выражение, которое, наверное, бывает и у богов. Но убийца в процессе убийства, как правило, полностью поглощен своим занятием, он постоянно просчитывает действия наперед и черпает откуда-то ужасающую силу. Если отрубить ему ногу, он, скорее всего, не заметит этого, пока не упадет. Никакие фокусы не помогали, а пол был скользким от обломков и мусора. Они боролись и лягались, катаясь по палубе рубки, и Стратфорд одерживал верх. Когда Ваймс в последний раз прилично ел, пил и спал?

А потом снизу донесся вопль: «Баржи долой!» И «Чудо-Сисси» взбрыкнула, как породистый жеребец, швырнув обоих противников на пол, где Ваймсу едва хватало места, чтобы лягаться и увертываться от ударов. Сверху хлынула вода, наполнив рубку до пояса, и стойкость Ваймса свелась почти к нулю. Стратфорд держал его руками за горло, мир уже становился темно-синим и полным воды, которая с урчанием стучалась в уши. Он пытался думать о Юном Сэме и Сибилле, но вода смывала их прочь... и вдруг давление исчезло, и тело, решив, что мозг наконец взял тайм-аут, забарахталось, вырываясь на поверхность.

Стратфорд стоял на коленях в воде, которая быстро спадала, но это, скорее всего, его совершенно не заботило, потому что он вопил и хватался руками за голову, а на ней, распластавшись, лежал Вонючка, который царапал, кусал и дергал все, до чего мог дотянуться.

Его светлость герцог Анкский, при поддержке сэра Сэмюэля Ваймса и командора Ваймса, поднялся на ноги, в последнюю минуту попросив поддержки у Дежурного по Доске Ваймса, объединил усилия всех

упомянутых лиц, прыжком пересек содрогающуюся палубу и *немного не успел* помешать Стратфорду оторвать Вонючку – ценой потери изрядного количества волос, – швырнуть его на мокрые доски и прыгнуть сверху. Ошибиться было невозможно, Ваймс еще в полете услышал хруст костей – и потому Стратфорду нанесла удар вся совокупная сила и ярость закона.

Улица – штука древняя и хитрая, но она всегда готова учиться новому. Ваймс на лету вытянул ноги, и его величество закон сразил Стратфорда необоримым приемом под названием «бей-двинь-бум-бам-ой!». Даже сам Ваймс удивился. Он сомневался, что ему удастся проделать это вторично.

– Мы поймали волну! – крикнул Гастрит. – Мы на ней, а не под ней! «Сисси» этак дойдет до Щеботана, командор! Впереди огни! Ура!

Ваймс вытащил из кармана последний кусок веревки, скрутил оглушенного Стратфорда и крепко привязал к деревянной стойке.

– Живой или мертвый, Стратфорд, но ты за все заплатишь, на небесах, в аду или прямо посреди реки, мне наплевать...

А потом послышался треск и рев: разъяренные быки удвоили усилия в попытках спастись от запаха гоблинов. «Сисси» взмыла до небес, и, хотя было бы поэтичнее сказать, что воды покрыли лицо земли, на самом деле они по большей части покрыли лицо Сэмюэля Ваймса.

Ваймс очнулся в сырой темноте, лежа щекой на песке. Некоторые части тела отозвались на призыв сознания, другие флонили, заявив, что у них записка от мамы. Спустя некоторое время появились маленькие настойчивые сигналы – звук прибоя, человеческие голоса и, как ни странно, нечто напоминающее трубный рев слона.

Тут кто-то подцепил его пальцем за ноздрю и с силой потянул.

– Просыпайся, соня, господин по-люс-мен, иначе ты такой плю-хой по-люс-мен, каких свет не видел. Просыпайся! Ты спас гоблинов! Великий герой! Ура! Все аплодируют!

Голос звучал знакомо, но это точно не мог быть Вонючка, ведь Ваймс видел, как ему переломали кости. Он попытался привстать, но тщетно, потому что с ног до головы его покрывал вонючий, пахнущий рыбой мусор. Ваймс даже не мог поднять руку и отмахнуться от существа, которое продолжало тянуть его за ноздрю, зато он, по крайней мере, осознал, что на нем действительно *много* мусора.

Он слышал чьи-то тяжкие шаги и лениво задумался, в приятном полубреду, что слону делать на берегу моря и сколько усилий упомянутый слон приложит для того, чтобы обойти очередную грудку вынесенного на берег мусора. Эта мысль окончательно кристаллизовалась в ту самую

секунду, когда его перестали тянуть за нос, и чей-то хриплый голос крикнул:

– Подъем, мистер Ваймс, а вот и Джумбо!

Ваймс сделал чемпионский рывок и выскочил из-под обломков, так что во все стороны разлетелись палки и ракушки. Нога размером с мусорный бак опустилась туда, где только что покоилась его голова.

– Ура, молодчина мистер Ваймс!

Ваймс посмотрел вниз – там, примерно в полудюйме от огромной ступни слона, у которого, кстати говоря, во взгляде читалось изрядное смущение, на кончике хобота возбужденно подскакивал Вонючка. Остальные тоже заметили Ваймса, они спешили к нему, и с огромным облегчением он заметил шлемы щеботанской городской Стражи. Ваймс всегда считал щеботанских стражников слишком придиричивыми и чересчур проникнутыми духом военщины для того, чтобы быть хорошими копами, но сейчас они показались ему сияющими маяками здравомыслия.

Капитан Стражи спросил:

– Командор, вы в порядке? Все думали, что вас смыло и унесло!

Ваймс попытался стряхнуть грязь и песок с рваной рубашки. Он пробормотал:

– В Анк-Морпорке мои парни подарили мне ведро и лопатку, вот я и решил наконец их испробовать. Со мной все нормально, а как там «Сисси»? Как люди?

– В полном порядке, сэр, насколько мы можем судить. Синяки и ушибы, конечно. Просто чудо, сэр. Сторожа, которые присматривают за слонами в щеботанском зоопарке, видели, как это было. По утрам они приводят слонов сюда, чтобы те искупались и порезвились, прежде чем начнет собираться публика, и один увидел, как «Сисси» перемахнула через причал на гребне волны, сэр, и приземлилась на пляже. Я заглянул внутрь, сэр. Конечно, ей придется с месяц постоять на ремонте, и колеса разбиты вдребезги, но она точно на много лет станет легендой реки!

Сторож с виноватым видом, отвел в сторонку своего подопечного, и Ваймс обозрел пляж, заваленный мокрым мусором, а еще, как он с удовольствием заметил, на песке во множестве паслись куры, ища червячков. Одна из них, не обращая на Ваймса никакого внимания, бросила тянуть водоросль, присела с крайне озадаченным видом, заклохтала и с видимым облегчением поднялась. На песке осталось яйцо. По крайней мере, Ваймсу так показалось. Оно было квадратное. Он поднял его, посмотрел на кур и, по-прежнему в полубреду, произнес:

– Да, и впрямь очень оригинально.

Два быка стояли почти по шею в воде, и, возможно, Ваймсу просто померещилось, что вода вокруг них исходит паром...

Все больше и больше людей бежали к нему, и куры разлетались прочь. Он увидел Десять-Галлонов, и госпожу Силлитоу с дочерью, мокрых и завернутых в одеяла, но, главное, на вид абсолютно живых. Ваймс, который слишком долго задерживал дыхание, наконец выдохнул. Воздух покинул легкие Ваймса окончательно, когда Десять-Галлонов хлопнул его по спине, а госпожа Силлитоу поцеловала.

– Где Гастрит? – спросил он. – И где Фини?

Госпожа Силлитоу улыбнулась.

– С ними все в порядке, командор Ваймс. Они слегка расшиблись, но это скоро пройдет. Врач говорит, ничего серьезного. Не сомневаюсь, они быстро поправятся. Благодаря вам.

Она отступила, и щевотанский стражник вручил Ваймсу кружку с кофе. В ней плавал песок, но никогда еще кофе с песком не казался таким вкусным.

– Мы все уладили, сэр. Даже убедились, что треклятые гоблины не опоздали на свой рейс.

Никогда еще кофе не расходился так далеко и в таком количестве. Ваймс уставился на горизонт – там, в туманной дымке, корабль, покинувший порт, уходил на всех парусах. Ваймс сказал:

– Констебля Пикшу мне, немедленно.

Констебль Пикша прибежал через шесть минут, и Ваймс невольно заметил, что в уголках губ у него еще оставались крошки.

– Наши отношения с комендантом Фурнье сейчас достаточно дружеские? – поинтересовался Ваймс.

Пикша широко улыбнулся.

– Командор, когда он сюда придет, вам придется изрядно постараться, чтоб он не расцеловал вас в обе щеки. Госпожа Силлитоу – его дочь.

– Рад помочь, – ответил Ваймс, рассеянно оглядываясь. – Скажи этим господам, что мне нужно судно, достаточно быстроходное, чтобы догнать тот корабль, и приличная команда, и поскорей, а пока я жду, пусть кто-нибудь принесет чистую рубашку и сандвич с беконом... без всяких «а-ля».

– У них есть быстрый катер, командор, чтобы ловить контрабандистов.

– Прекрасно. И раздобудь мне саблю, всегда хотел попробовать, – Ваймс ненадолго задумался и добавил: – И еще два сандвича с беконом. И побольше кофе. И еще один сандвич с беконом. Кстати, Пикша, если ты найдешь бутылочку знаменитого коричневого соуса от «Меркеля и Стигмата», клянусь, я сделаю тебя сержантом, как только закончится твоя

командировка. Потому что всякий, кто способен добыть настоящий, неподдельный анк-морпоркский соус в Щеботане, родине пятисот треклятых майонезов, и чтоб при этом ему не наплевали в глаза, заслуживает звания сержанта в любой Страже!

А потом сила, которая удерживала Сэма Ваймса на ногах, истощилась, и он мягко опустился на песок, грезя о сандвичах с беконом и коричневым соусе.

Даже сам констебль Пикша – точнее, исполняющий обязанности капитана констебль Пикша – признал бы, что не отличается чрезмерно острым умом, но вы удивитесь, сколько замков можно вскрыть тупым предметом. Когда он спешил прочь с этим почетным поручением, его остановил один из щеботанских стражников.

– А, Тюрбо!^[27] Слышал про стражника по имени Пти Фу Артур?

– Чокнутый Крошка Артур? Да, это один из наших.

– Тогда лучше поторопись, дружок, потому что он у нас в участке. Крепкий орешек, а? Он сказал, над ним там кто-то посмеялся, но, думаю, они уже поняли, что ошиблись. На собственном горьком опыте. Кажется, его послали найти командора Ваймса.

Сэм Ваймс очнулся от кошмара и обнаружил, что лежит на груди мешков в сарае. Констебль Пикша осторожно поднял командора на ноги и кое-как подвел к шаткому столику, над которым возвышался шеф-повар, жаривший на сковороде бекон для сандвича, точнее для нескольких сандвичей.

– Он немного пошумел, когда я настоял, что майонеза не надо, – сказал Пикша, – но сейчас от вашего присутствия хуже не будет, командор. И я нашел непочатую бутылку лучшего коричневого соуса «Меркель и Стигмат», сэр. Единственную в городе. Правда, боюсь, что есть придется на ходу, но повар сейчас упакует сандвичи в корзину с горячими углями, чтоб они не остыли. Некогда ждать, сэр. Катер отходит от пристани через десять минут.

Под нос Ваймсу сунули записную книжку.

– Это что?

– Подпишите, что меня повысят до сержанта, командор, – осторожно попросил Пикша. – Надеюсь, вы не против, но вы сами обещали.

– Молодец, – сказал Ваймс. – Всегда записывай то, что тебе говорят.

Пикша раздулся от гордости.

– Еще я велел доставить на борт некоторое количество сабель, чтоб вы могли выбрать, командор.

Ваймс принялся натягивать чистую рубашку и, как только голова вынырнула из-за ворота, сказал:

– Я хочу, чтобы ты отправился со мной, Пикша. Ты тут лучше ориентируешься, чем я. Кстати, что ты сделал с пленником?

– С каким пленником, командор?

На мгновение у Ваймса кровь застыла в жилах.

– Ты не нашел нигде на «Сисси» связанного человека?!

Пикша встревожился.

– Нет, сэр. Никого, когда мы взошли на борт. Там был суший хаос, сэр. Простите, сэр, мы не знали!

– Неудивительно. Извини, что накричал. Но если щеботанская полиция так уж меня уважает, пускай поищет молодежь по имени Стратфорд. Он как минимум двойной убийца, злобный и совершенно точно вооруженный. Передай, что они окажут всем большую услугу, если будут присматривать за «Сисси», за теми, кто лежит в лазарете, и за легкоранеными, а еще пусть немедленно пошлют клик в Псевдополис-Ярд и передадут, что командор Ваймс приказал двум стражникам взять лошадей-големов, скакать в Овнец-Холл и охранять там госпожу Сибиллу и Юного Сэма. И пусть не медлят – я знаю, это очень плохие новости, но Стратфорд псих, а потому они *должны* поторопиться!

– Извините, командор, – сказал один из щеботанских стражников, – но мы неплохо говорим по-морпоркски. Тут все говорят по-морпоркски. Если вы услышите, как мы говорим по-щеботански, значит, мы обсуждаем вас за глаза, – он отсалютовал. – Командор Ваймс, мы пошлем клик, будем всюду искать убийцу и позаботимся о пострадавших. А теперь, пожалуйста, скорее на причал. «Щеботанская королева» – не судно, а старое корыто. Наш катер ее нагонит через пару часов. Идемте.

– Идемте, сэр, – сказал Пикша. – Чокнутый Крошка Артур введет вас в курс дела.

– Чокнутый Крошка Артур?!

– Да, командор. Если не ошибаюсь, его куда-то там послали, чтоб разобраться в этой истории с гоблинами. Он вернулся в Анк-Морпорк и тут же отправился сюда к вам. Честное слово, ему есть что рассказать.

– Где он? – спросил Ваймс.

– Сейчас его освободят из-под стражи, сэр. Нелепое недоразумение, никто всерьез не пострадал, все будет забыто и, надеюсь, излечено.

Ваймсу хватило ума не задавать вопросов.

Разумеется, морская болезнь сколько-то мешала, но по-настоящему

разыгралась она потом, когда Чокнутый Крошка Артур завершил свой невероятный рассказ.

– И что ты нашел в тех хижинах? – спросил Ваймс.

– Гоблинов, сэр, всех возрастов, в том числе совсем маленьких. Многие умерли, а остальные совсем плохи. Я сделал для них все, что мог. По правде говоря, сэр, они совсем обалдели, бедолаги, но там остались жрачка и вода, и я сомневаюсь, что надсмотрщики в ближайшее время смогут двигаться, а то ж. – Артур скорчил рожу и добавил: – Странные они, эти гоблины. Я их выпускаю, а они просто бродят вокруг и не знают, блин, что делать. Едрить-колотить! Да я бы на их месте стрелой оттуда улетел, да напоследок хорошенько наподдал бы тем гадам, пока они валяются. Но я подумал, что дело срочное, и потом, я ж мог вернуться на другой день и по крайней мере сбрызнуть их водой, короче, я подумал, что надо доложить капитану Моркоу, и полетел в Анк-Морпорк, и там мне объяснили, как вас найти, а в Холле госпожа Сибилла сказала, что вы поплыли по этой поганой реке. Мне только и осталось, что лететь над ней до самого Щеботана, а когда я увидел этот большущий бардак, так сразу понял, что тут без вас не обошлось, командор.

Чокнутый Крошка Артур помедлил. Он никогда не знал толком, какого мнения о нем Ваймс, поскольку командор, в общем и целом, считал Фиглей занозой в заднице. Когда Ваймс замедлил шаг, чтобы ответить, Артур уточнил:

– Надеюсь, я сделал то, что сделали бы вы сами, командор?

Ваймс взглянул на Чокнутого Крошку Артура так, как будто видел его впервые.

– Нет, констебль, ты сделал не то, что сделал бы я, и хорошо, потому что в противном случае я бы обвинил тебя в чрезмерном применении грубой силы при исполнении служебного долга. Так или иначе, *ты* получишь медаль и официальную благодарность, констебль. Сейчас мы преследуем очередной корабль, который везет новых гоблинов в ту чертову дыру. И хотя ты, наверное, очень устал, но, полагаю, не прочь прокатиться? Кстати говоря, поздравляю тебя, констебль: для существа, которое вырастили карлики, ты неплохо усвоил обычаи Фиглей. Ты в одиночку побил дюжину вооруженных парней?

– Эге, сэр, – лукаво ответил Чокнутый Крошка Артур. – Но это было нечестно, я превосходил их числом. Кстати, в некоторых сараях лежали какие-то алхимические штуки. Не знаю, че это было, но, мож, вам покажется интересным.

– Верно подмечено, – сказал Ваймс. – Не хочешь спуститься и

отдохнуть?

– Непременно, сэр, но мне поскорей надо отвезти сообщение касательно сержанта Колона, которому сейчас несладко. – Артур взглянул на недоуменное лицо Ваймса и продолжал: – А вы, че, не знаете? Ему дали какую-то гоблинскую штуковину, а то ж, и она на него вроде как наложила злые чары. Теперь целыми днями кричит, стонет и вообще ведет себя как гоблин, если верить сержанту Задранец. Она его отвезла в лечебницу.

– Сержант Колон?

– Да, сэр. А капитан Ангва говорит, нужно найти гоблинскую пещеру, чтобы разрушить чары, а то ж. По-моему, так довольно странно, но половина Стражи сейчас ищет пещеру и не может найти, потому что эти бедолаги в наши дни не особо хотят светиться, если вы меня поняли.

И вновь Чокнутый Крошка Артур взглянул на Ваймса.

– Сержант Колон?

– Точно так, сэр.

Кровь прихлынула к щекам Ваймса, а голова прояснилась, и он снова обрел способность мыслить разумно.

– Его можно перевозить?

Чокнутый Крошка Артур пожал плечами. Расстояние до «Щеботанской королевы» сокращалось.

– Тогда, пожалуйста, констебль, лети на клик-башню при щеботанской Страже и передай нашим – пусть грузят Фреда в карету и везут в Овнец-Холл как можно скорее, ясно? Лучше, если с ним поедет Шелли.

Мысленно Ваймс добавил: «Фред Колон! Он же в душе ненавидит все нечеловеческое». И на некоторое время он перестал об этом думать, учитывая все, что ждало впереди.

Но все-таки. «Фред Колон! Интересно, какие горшочки он лепит».

У него за спиной Чокнутый Крошка Артур издал странный свист, и чайка, летевшая за катером в смутной надежде получить бесплатное угощение в виде рыбьих кишок, вдруг почувствовала на спине груз. Чей-то голос сказал ей в ухо:

– Привет, тварюга, меня зовут Чокнутый Крошка Артур.

Ваймсу нравилось ощущать под ногами нечто прочное, например подметки собственных башмаков, а под подметками что-нибудь еще. Паруса «Щеботанской королевы» были уже отчетливо видны, катер покинул безопасные воды гавани, и теперь его колыхала ощутимая зыбь. Командор Ваймс, герцог Анкский, сэр Сэмюэль Ваймс и, не в последнюю очередь, Дежурный по Доске Ваймс искренне надеялись съесть свои сандвичи с беконом и не выbleвать их в присутствии других стражников. И

у него каким-то чудом получилось, хоть Ваймсу и показалось, что высоко среди снастей мелькнула крошечная фигурка гоблина, который с ухмылкой глядел на него. Он списал это на сэндвичи с беконом, которые изо всех сил лезли обратно, в то время как он изо всех сил удерживал их на месте.

Стратфорд наверняка плыл на «Королеве», Ваймс в этом не сомневался. Ничуть не сомневался. Во-первых, Стратфорд хотел получить свои денежки, а во-вторых, не хотел висеть. Ваймс колебался. Насколько он мог быть в этом уверен? Насколько был готов положиться на интуицию? В конце концов, он имел дело со Стратфордом, хитрым и злобным, поэтому приходилось подстилать соломку всюду, пусть Ваймс и знал, что некоторые одаренные личности всегда найдут для себя чистое место.

Все те личности, которые составляли Сэма Ваймса, расхаживали туда-сюда по полуяту, шпигату, штирборту или как там еще называлась эта чертова скользкая качающаяся штуковина у него под ногами. Его попеременно охватывали отчаяние, тошнота, надежда, сомнение, тошнота, трепет погони и снова тошнота, пока катер, споря с гребнем каждой волны, стремился во имя правосудия вперед за «Щеботанской королевой».

К Ваймсу подошел лейтенант, ловко отсалютовал и сказал:

– Командор, вы велели нам преследовать то судно, потому что оно везет гоблинов, но я не знаю ни одного закона, который запрещал бы возить гоблинов куда бы то ни было.

– Такой закон должен быть, потому что это преступление, понимаете? – спросил Ваймс. Он похлопал лейтенанта по плечу и продолжал: – Ваш катер быстрее закона, с чем я вас и поздравляю. Но закон нагонит, не сомневайтесь, лейтенант. Гоблины умеют говорить, у них есть общество, а еще они иногда сочиняют музыку, которая заставила бы расплакаться даже бронзовую статую. Благодаря современным методам расследования я не сомневаюсь: этих гоблинов лишили дома, и корабль, который мы преследуем, везет их туда, куда они не хотят ехать. Послушайте, если вам неловко, просто доставьте меня на «Королеву», и я сам все улажу, договорились? И потом, я полагаю, что там, на борту, и наш убийца. Но решать вам, лейтенант.

Ваймс кивком указал на «Королеву».

– Мы уже так близко, что я вижу лица моряков. Не хотите поделиться со мной своими намерениями, лейтенант?

Ваймсу было немного его жаль. Но не слишком. Лейтенант сам выбрал себе работу, он принял повышение и жалованье, которое полагалось по штату, не так ли? Каждый стражник, который стоит своей дубинки, по крайней мере, не отказался бы взглянуть на «Королеву», раз уж они зашли

так далеко, правда?

– Ладно, командор, – сказал лейтенант. – Я не уверен в своих полномочиях, но мы остановим «Королеву» и попросим разрешения взойти на борт.

– Нет! Мы не станем *просить*! Вы *велите* им остановиться, чтобы Стража могла произвести осмотр судна! И если гоблины вас не волнуют, то учтите, что я преследую убийцу, – добавил Ваймс. – Мы не имеем права закрывать глаза на тяжкие преступления!

На самом деле «Королева» уже легла в дрейф^[28]. Она даже выбросила белый флаг, к большому удивлению Ваймса.

Когда катер причалил к борту, капитан уже ждал их. Он с покорным видом сказал:

– От нас неприятностей не будет, господа. Я знаю, это было очень глупо. На борту есть тот человек, которого вы ищете, и сейчас мы его приведем. Мы не пираты, в конце концов. Доброе утро, лейтенант Пердикс, извините, что заставили поволноваться.

Ваймс повернулся к лейтенанту:

– Вы знакомы с капитаном?

– Да, командор, капитана Киллера уважают на всем побережье, – ответил лейтенант, когда катер ласково поцеловал борт «Королевы». – Контрабандист, конечно. Но здесь все этим промышляют, вроде как игра такая.

– Капитан... Киллер? – переспросил Ваймс.

Лейтенант с легкостью взобрался на палубу и протянул Ваймсу руку.

– Киллеры – весьма уважаемая семья в этих краях. По правде сказать, командор, мне кажется, они не возражают против своей фамилии. Подозреваю, фамилия «Контрабасс» понравилась бы им намного меньше.

– Мои ребята уже тащат сюда того парня, лейтенант, – сказал капитан, – и он здорово злится.

Ваймс окинул его взглядом и произнес:

– Я командор Ваймс, из анк-морпоркской городской Стражи, и в настоящее время расследую как минимум два убийства.

Капитан Киллер на мгновение закрыл глаза и захлопнул рот рукой, прежде чем ответить голосом, в котором звучала утраченная надежда:

– Неужели *тот самый* командор Ваймс?

– Капитан... Киллер, выдайте мне человека, которого я ищу, и тогда, не сомневаюсь, мы с вами подружимся. Вы меня поняли?

Внизу слышались крики, топот и еще некоторые звуки, наводившие на мысль, что кого-то крепко пинают. Наконец на палубу наполовину

вытолкнули, наполовину вытащили человека с обвязанным тряпкой лицом.

– По правде сказать, я буду рад, когда распрощаюсь с ним, – сказал капитан, отворачиваясь.

Ваймс удостоверился, что моряки крепко держат пленника, и сдернул повязку. Несколько мгновений он смотрел прямо перед собой налитыми кровью глазами, а потом очень спокойно произнес:

– Лейтенант, пожалуйста, конфискуйте «Щеботанскую королеву» и арестуйте ее капитана и первого помощника по обвинению в похищении и насильственном удержании некоторых лиц, а именно мистера Джетро Джефферсона и гоблинов числом от пятидесяти и выше. Возможно, будут выдвинуты и другие обвинения.

– Гоблинов нельзя «похитить», гоблины – это груз! – возразил капитан Киллер.

Ваймс предпочел промолчать. Открыть капитану Киллеру тайны учения командора Ваймса можно было и на досуге. А пока что помянутый командор Ваймс сказал лейтенанту:

– Прошу запереть капитана и первого помощника на гауптвахте, или как она там называется, потому что, когда у мистера Джетро Джефферсона освободятся руки, он наверняка захочет вышибить кое из кого дух. Не сомневаюсь, что все удастся уладить, но кто-то за это поплатится, и выяснить, кто именно, – лишь вопрос времени.

Он ненадолго задумался.

– Нет, сначала я побеседую с капитаном в его каюте. Пикша, ты пойдешь со мной и будешь записывать. Записывать всё. Приятно с вами повидаться, мистер Джефферсон. Лейтенант, насколько мне известно, мистер Джефферсон не виноват ни в чем, кроме как в обладании вспыльчивым нравом. Но, хотя я и очень рад его видеть, это не тот сукин сын, которого я ищу.

Констебль Пикша подумал: «Хорошо, что в записной книжке много чистых листов».

– Капитан Киллер, позвольте мне подвести итог, – сказал спустя некоторое время Сэм Ваймс, лениво покачиваясь в капитанском кресле. Кресло скрипело. – Некие люди, не знакомые вам лично, но с которыми вы предпочли обращаться уважительно, поскольку они знали пароль, а именно, пароль, используемый вами при общении с контрабандистами, с которыми вы, скажем так, достигли взаимопонимания... итак, какие-то люди доставили на корабль мужчину, связанного и с кляпом во рту, и велели отвезти его в Говондалэнд, чтобы, цитирую, «он немного остыл».

Также, по вашим словам, эти люди заверили вас, что вы не нарушаете тем самым закон.

Вращающееся кресло под Ваймсом скрипнуло еще пару раз, и, достигнув желаемого эффекта, он продолжал:

– Капитан Киллер, я представляю закон в Анк-Морпорке, и вы, возможно, в курсе, что множество влиятельных политиков по всему миру доверяют моему суждению. И я, капитан Киллер, не знаю ни одного закона, который позволял бы похищение. Впрочем, я спрошу моего коллегу и специалиста по щепотанскому праву, неизвестен ли ему какой-нибудь местный эдикт, который позволяет связать человека, не совершившего никакого преступления, притащить на корабль и отправить против воли в места не столь отдаленные.

Кресло успело скрипнуть лишь один раз, прежде чем лейтенант Пердикс торжественно произнес:

– Командор Ваймс, я не знаю таких законов, а потому, капитан Киллер, я арестую вас... – с этими словами он положил руку на плечо потрясенного капитана, – ...по обвинению в похищении, как соучастника и пособника, а также в нанесении несомненно тяжких телесных повреждений, а также по прочим обвинениям, которые могут возникнуть в ходе расследования. По возвращении в порт «Щепотанская королева» будет конфискована и обыскана сверху донизу, даже не сомневайтесь.

Ваймс вновь повернулся на кресле, так что сокрушенный капитан не видел его лица, зато хорошо видел лейтенант. Ваймс подмигнул и получил в ответ кивок. Развернувшись обратно, он сказал:

– Лишить невиновного человека свободы хотя бы на неделю – это очень серьезное преступление, капитан. Тем не менее лейтенант сообщил мне, что на побережье о вас хорошего мнения и в общем и целом вы считаетесь образцовым гражданином. Лично мне не по нраву мир, в котором маленьких людей, действующих под давлением страха или хотя бы из ложно понятого уважения, бросают в тюрьму, в то время как большие шишки, вдохновители, если не участники преступлений, разгуливают на свободе. Полагаю, вам такой мир тоже не нравится?

Капитан Киллер уставился на свои сапоги, словно ожидая, что они взорвутся или пустанутся в пляс. Наконец он выдавил:

– Это точно, командор.

– Благодарю, капитан. Вы неглупы. Сейчас вам очень нужен друг, а мне нужны имена. Имена людей, которые вас в это втянули. Мистер Джефферсон сообщил, что, по правде говоря, не возьмется утверждать, что с ним особенно дурно обращались, пока он пользовался вашим *незаконным*

гостеприимством. Судя по всему, его неплохо кормили, выдавали пиво и ежедневную порцию рома и даже снабдили старыми выпусками «Красоток и купальников», чтобы он не скучал. Он *тоже* хочет знать имена, капитан Киллер, и, может быть, если вы их назовете и самым законным образом дадите показания под присягой, мистер Джефферсон согласится забыть о своем заточении в обмен на некоторую компенсацию, о размере которой мы договоримся, и возможность сойтись в рукопашной схватке, самым честным образом и без всяких церемоний, с вашим первым помощником, которого он называет «мешок с дерьмом». Это, наверное, какой-то морской термин, которого я не понимаю. Если не ошибаюсь, упомянутый помощник с особым удовольствием колотил его, если мистер Джефферсон возражал против своего заточения, и теперь он хотел бы свести счеты.

Ваймс встал и потянулся, словно разминая руки.

– Разумеется, капитан, все это незаконно, тем более что здесь находится наш лейтенант, порядочный, честный и разумный молодой человек, но, подозреваю, если он приведет «Королеву» обратно и сдаст вас властям по обвинению в провозе контрабанды, то сочтет себя вполне удовлетворенным. Вы получите ощутимый удар, но это и вполнину не так плохо, как оказаться соучастником в похищении. Согласны? Лейтенант получит новое перо в шляпу и наверняка замолвит за вас словечко, поскольку во всех других отношениях вы оказались здравомыслящим и *полезным* членом общества.

Ваймс подмигнул лейтенанту Пердиксу.

– Я учу молодого человека плохому, капитан, а потому предлагаю и *вам* отнестись к нему по-дружески, особенно если в ближайшем будущем он задаст пару невинных вопросов относительно вашего маршрута, товаров и прочего. Выбор за вами, капитан Киллер. Я думаю, вы знаете имена – по крайней мере, имена людей, с которыми имели дело, но, может быть, еще и имя их хозяина. Вы ничего не хотите мне сказать?

Сапоги зашаркали.

– Слушайте, командор, я не хочу ссориться с влиятельными лицами... понимаете?

Ваймс кивнул и подался вперед, чтобы взглянуть ему в глаза.

– Конечно, понимаю, капитан, – негромко ответил он, – и именно поэтому вы назовете мне имена. *Имена*, капитан. *Те самые*. Я прекрасно понимаю, капитан Киллер, что вы не желаете огорчать влиятельных особ, но у меня сильнейшее желание конфисковать и утопить ваше корыто, поскольку вы незаконно перевозите живые, дышащие, разумные, способные творить создания, пусть они и грязноваты. Теоретически я могу

нарваться на неприятности, если отдам такой приказ, но... кто знает? Мир меняется быстро – и особенно быстро он сейчас меняется для вас, – он похлопал капитана по спине. – Капитан Киллер, я хочу, чтобы вы считали меня своим другом.

А потом он слушал, и красные шары отскакивали от бортов, сталкиваясь с разноцветными, и закон был нарушен – во имя закона. Как объяснить это штатскому? Или юристу? Или самому себе? Но все случилось очень быстро, и нужно было оседлать волну или погибнуть. Поэтому Ваймс сделал все, что мог, и приготовился держать ответ.

«Щеботанская королева» вернулась в порт на два с половиной месяца раньше, чем ожидалось, к испугу, разочарованию и, возможно, даже радости жен моряков. Начальник порта взял это на заметку; а еще он изрядно удивился, когда большая часть команды, едва сойдя с корабля, зашагала вдоль причала в тот тихий уголок пляжа вблизи доков, где потрепанную «Чудо-Сисси» уже втягивали на стапеля.

Бок о бок со своей лодкой, как насадка рядом с огромным цыпленком, шел капитан Силитоу, с рукой в лубке. Увидев Ваймса, он просиял.

– Ну, сэр, клянусь великим палтусом, вот это да. Вы, как и обещались, доставили нас домой целыми и невредимыми, сэр. Я этого не забуду, моя жена – тоже.

Ваймс окинул «Сисси» взглядом и понадеялся на лучшее.

– По-моему, ее здорово потрепало... я, разумеется, имею в виду лодку.

Но капитан явно был исполнен оптимизма.

– Мы потеряли большую часть приводов, но, честно говоря, ее уже давно надо было ремонтировать. Дорогой мой командор, мы оседлали гребаный затор, боги мои, боги! И потом... Побери меня все семь преисподних, что они делают?

Ваймс услышал пронзительное пенье дудки, но ему пришлось опустить взгляд, чтобы увидеть решительно марширующую по берегу толпу гоблинов. Во главе, ярко-синий на фоне неба, шагал Вонючка, играя на пустой крабьей клешне. Поравнявшись с Ваймсом, он перестал играть и крикнул:

– Больше никаких прибрежных скал! Ура! Путь домой, путь домой, да побыстрей! Зрители аплодируют, аплодируют! А кто попытается помешать констеблю Вонючке и его приятелям, для того Вонючка станет ночным кошмаром, да-да!

Ваймс рассмеялся.

– Что? Что ты говоришь? Гоблин со значком?

Ему пришлось ускорить шаг, поскольку Вонючка, что неудивительно, намеревался как можно скорее увести отсюда своих сородичей.

– Вонючке не нужны значки, друг по-люс-мен. Вонючка сам по себе ночной кошмар. Помнишь маленького мальчика? Маленький мальчик открыл книжку. Он увидел злого гоблина, а я увидел противного мальчишку. Хорошо, мальчик, что мы оба не ошиблись.

Ваймс смотрел, как они уходят, шагая все быстрее и быстрее. Достигнув подлеска на дальнем конце верфи, гоблины скрылись в нем, и Ваймс вдруг подумал, что, даже если он побежит их искать, то не найдет и следа. Он недоумевал. Впрочем, это было не так страшно: недоумение частенько выпадает на долю стражника. Его работа – извлекать смысл из происходящего, и иногда Ваймсу страстно хотелось, чтобы и происходящее пошло ему навстречу...

– Вы в порядке, командор?

Ваймс обернулся и взглянул в серьезное лицо лейтенанта Пердикса.

– Сам не помню, когда я в последний раз нормально спал, но по крайней мере я держусь на ногах. И у меня есть имена и приметы.

Три имени – и каким громким было одно из них! Разумеется, если верить слову человека, которого зовут капитан Киллер. Но капитану перевалило за пятьдесят, а это не лучший возраст, чтобы удирать и прятаться. Нет, от Киллера Ваймс проблем не ждал, как и от Джефферсона, хоть тот и был безмозглым забиякой. То, что Джефферсон подозревал, капитан Киллер знал наверняка. Но Ваймс, с другой стороны, не потребовал свести счеты с первым помощником – весьма неприятным малым, с подбородком, похожим на сапог мясника. И теперь первый помощник вразвалку шагал к ним, а встревоженный капитан Киллер рысил следом.

Ваймс подошел к кузнецу, которому, кажется, вынужденное путешествие ничуть не повредило.

– Идемте, сэра. Киллер заплатит вам, сколько скажет лейтенант, и сохранит корабль за собой. Считайте, что получили новый жизненный опыт.

– Это все чертов первый помощник, – заявил кузнец. – Остальные приличные ребята, а он задира и сукин сын!

– Что ж, – сказал Ваймс, – он здесь и вы здесь, можете подраться, а я постою и присмотрю, чтоб все было честно. Сегодня такой интересный день. Мы испробуем еще один вид правосудия – тот, что действует быстро и не требует возни с законниками. Валяйте. Вы оба знаете, чего хотите, мистер Джефферсон.

Тут же собрались и прочие члены команды. Ваймс переводил взгляд с одного лица на другое – инстинкт простолюдина подсказывал зрителям, что ожидается жестокий, но справедливый бой. Он читал то, что оставалось невысказанным. Первый помощник, судя по виду, и впрямь был не прочь дать волю кулакам и дурному нраву, а потому, подумал Ваймс, многие члены команды, вероятно, не прочь поглядеть, как его слегка проучат. Ну или как получится.

Он поманил к себе противников.

– Господа, вы деретесь по личным причинам, которые известны вам обоим. Если я увижу нож, да смилуются боги над его владельцем. Убийства здесь не будет, и перед лицом всех собравшихся я даю слово, что остановлю бой, если решу, что один из участников получил достаточно. Приступайте, джентльмены.

И Ваймс сделал шаг назад.

Ни один не двинулся с места. Джефферсон спросил:

– Знаешь правила маркиза Пышнохвоста? Насчет того, как нужно вести кулачный бой?

Первый помощник злобно усмехнулся и ответил:

– А то.

Ваймс не видел, что произошло потом – во всяком случае, не видел *глазами* – и, наверное, никто этого не видел, но впоследствии зрители сошлись на том, что Джефферсон стремительно развернулся и одним ударом уложил первого помощника на лопатки. Удар от падения тяжелого тела на песок был единственным звуком, нарушившим тишину.

Джефферсон, массируя кулак, взглянул на поверженного гиганта и сказал:

– А я не знаю.

Он повернулся и посмотрел на Ваймса:

– Он нарочно мочился на гоблинов в трюме, вот что. Мразь.

Ваймс напрягся на тот случай, если у первого помощника были дружки без чувства юмора, но в ответ раздался смех. В конце концов, большой парень рухнул как дуб, ничего не скажешь, все как положено, и зрители решили, что вполне удовлетворены.

– Отличный удар, мистер Джефферсон, это был честный бой. Может быть, кто-нибудь отнесет первого помощника на судно, чтобы он отлежался?

Это прозвучало как приказ, и его немедленно исполнили, но все-таки Ваймс добавил:

– Если вы не возражаете, капитан Киллер. Нет? Хорошо. А теперь мы

с вами совершенно по-дружески, вместе с лейтенантом, пройдем в штаб-квартиру щеботанской Стражи, где нужно будет подписать показания. Сущие пустяки.

– Думаю, вы теперь захотите отбыть поскорее, командор, – сказал лейтенант, пока они шагали по улице Пробуждения.

– О да, – ответил Ваймс. – Я ведь в отпуске. Заберу юного Фини из лазарета и найду какой-нибудь способ вернуться в Овнец-Холл.

Лейтенант удивленно взглянул на него.

– Вы не хотите поскорее возобновить погоню за убийцей, сэр?

– Убийцей? Я и так скоро его увижу, вот уж не сомневаюсь, но, понимаете ли, даже на этом дело не закончится. Вы играете в бильярд?

– Я играть не учился, сэр, но знаю, в чем суть.

– Значит, вам известно, что конечная цель – загнать в лузу черный шар, хотя в процессе приходится бить по всем остальным. Снова и снова попадаете по красным, а иногда пользуетесь ими, и это часть стратегии. Так вот, я знаю, где искать черный шар, и он никуда от меня не денется. А остальные? Капитан любезно назвал нам имена и приметы. Если хотите арестовать их сами за соучастие в незаконной перевозке разумных существ с целью извлечения дохода, я охотно предоставлю эту честь щеботанской Страже, – Ваймс усмехнулся. – А что касается меня, то, как только мы получим показания, я тут же поспешу к жене и сыну, которыми возмутительно и непозволительно пренебрегал в последние несколько дней. И знаете что? Я привезу их сюда. Моей жене пойдет на пользу свежий воздух, а Юному Сэму очень понравятся слоны, даже не сомневаюсь.

Лейтенант оживился.

– В таком случае могу предложить вам отбыть ночным рейсом, после ужина. Вы поплывете на «Черноглазой Сьюзен», она быстроходна точь-в-точь как ее тезка, если верить легенде. «Сьюзен» отправляется вверх по реке через три четверти часа, если не ошибаюсь. Идет очень быстро и берет мало груза, так что гнать можно полным ходом. Вы будете дома к утру. Что скажете? Достаточно времени, чтобы привести себя в порядок. Если эта идея вам по душе, я пошлю кого-нибудь из парней предупредить капитана, чтобы лодка точно не ушла без вас.

Ваймс улыбнулся.

– Каков прогноз погоды?

– Ни облачка, командор. Старая Изменница спокойна, как мельничный пруд. До конца сезона не будет проблем с корягами и камнями. Вас ждет приятное плавание.

– Добрый вечер, ваша светлость, – прозвучал знакомый голос, и Ваймс увидел на бульваре человека, как показалось с первого взгляда, в широком кушаке, но, присмотревшись, он понял, что это отшельник из окрестностей Холла. Борода у него была чисто вымыта и обвита вокруг тела, как и руки двух смешливых девиц.

Ваймс уставился на него.

– Отрез? Что ты здесь делаешь?

Девицы захихикали.

– У меня отпуск, командор. Имею полное право, как любой другой.

Ваймс не знал, что и сказать. Он просто похлопал отшельника по плечу и произнес:

– Отдохни как следует, да не забудь про укрепляющие травы.

– Я так думаю, они мне понадобятся, командор.

Говорите что хотите, но кормили в столовой щеботанской Стражи и впрямь неплохо, пусть даже, с точки зрения Ваймса, там и было чересчур много «а-ля». Буквально повсюду.

Ваймс, сытый, чистый и с некоторыми *очень* важными бумагами за пазухой свежестыранной и безупречно отглаженной рубашки, шел по причалу к «Черноглазой Сьюзен». Лейтенант и двое стражников проводили командора до каюты, а там гном-стюард продемонстрировал ему чистую постель и хрустящие простыни.

– Какая честь, что вы будете тут спать, сэр. Вы убедитесь, что у «Сьюзен» очень ровный ход, хоть иногда она и подскакивает, точь-в-точь как ее тезка, только, увольте, сэр, без подробностей. И, конечно, в соседней каюте мы разместим офицера Фини. Может быть, господа желают посмотреть, как «Сьюзен» отчалит?

Они согласились. На «Сьюзен», как и на «Чудо-Сисси», были два быка, но никакого тяжелого груза и всего десять пассажиров. «Сьюзен» была экспрессом Старой Изменницы. Ее гребные колеса и впрямь крутились со всей возможной скоростью, оставляя позади длинный белый след.

– Что дальше, командор? – спросил Фини, когда они, облокотившись на перила, смотрели, как Щеботан исчезает вдаль. – В смысле... что мы теперь будем делать?

Ваймс с удовольствием курил сигару. Отчего-то это действие казалось самым уместным. Нюхательный табак – отличная штука, но хорошая сигара обладает характером и мудростью. Ваймсу хотелось, чтобы эта минута длилась как можно дольше.

– Мне теперь ничего не надо делать, – сказал Ваймс и обернулся, чтобы посмотреть на закат. «Я нечасто вижу закаты, – подумал он. – В основном, встречаю полуночи. И гоняться за Стратфордом нет нужды. Я знаю его, как самого себя». Он вдруг замер, пораженный ужасом при этой мысли.

Вслух Ваймс продолжал:

– Ты видел двух щекотанских стражников, которые взошли на борт? Это я устроил. Они, разумеется, позаботятся, чтобы в пути нас никто не побеспокоил. Команду также предупредили, что, возможно, убийца попытается проникнуть на судно. По словам лейтенанта, капитан Вестник может поручиться за всех своих матросов: они верно служат ему много лет. Но все-таки я, разумеется, не забуду запереть дверь в каюту и советую тебе, Фини, сделать то же самое. Жадность всему виной, жадность и адская ненависть в душе. То и другое убивает, но жадность страшнее, если подумать. Знаешь, обычно, когда я разговариваю с молодыми стражниками – с такими, как ты, – то говорю, что в некоторых случаях нужно идти на запах денег. Спрашивай себя: «Кто будет в выигрыше? Кто проиграет?» – Ваймс с сожалением выкинул окурок в воду. – А иногда всем движет высокомерие. Тогда ищи тех, кто не верит, что закон может их настигнуть. Тех, кто думает, что обладает правом, которого нет у остальных. Работа стражника – разъяснить им, что они ошибаются.

Солнце садилось.

– Я знаю, командор Ваймс, что в вас есть сила, способная нести нас вверх по течению, если бы только удалось загнать ее в колеса, – обожающе произнес Фини. – Помню, однажды вы сказали, что арестовали бы даже богов, если бы они поступили дурно.

Ваймс покачал головой:

– Уверен, что никогда ничего подобного не говорил. Но закон – это порядок, а порядок – это закон, и он превыше всего. Им держится мир, им держатся небеса, и, не будь порядка, парень, секунды перестали бы сменять одна другую.

Он почувствовал, что его шатает. Недостаток сна способен отравить мозг и навести на странные мысли. Ваймс почувствовал руку Фини на своем плече.

– Я провожу вас в каюту, командор. Это был *очень* длинный день.

Ваймс не помнил, как разделся и лег в постель, точнее, на койку, но он, несомненно, это сделал, и, судя по клочкам пены в крошечной раковине, он даже почистил зубы. Ваймс спал мертвым сном, не считая тех минут, когда

ему казалось, что он разваливается на части и превращается в пыль; когда он выплыл из глубин сна на поверхность, в памяти остались лишь холодная чернота да уверенность, что Тьма оставила для него некое сообщение в ожидании того момента, когда вернется ясность мысли. «Он идет за тобой, Дежурный по Доске Ваймс. Ты ждешь удара, потому что ясно прочел то, что было у Стратфорда во взгляде. Ты знаешь таких людей. Со дня своего появления на свет они мечтают умереть, но судьба делает финт, и вместо этого они убивают. Он тебя найдет – и я найду. Надеюсь, мы, все трое, встретимся в темноте».

Возвращаясь к реальности, Ваймс уставился на противоположную стену. После короткого стука в ней отворилась дверь, пропуская стюарда, который нес вещь, гарантированно способную отпугнуть любой кошмар, а именно чашку горячего чая^[29].

– Не вставайте, командор, – добродушно произнес стюард, осторожно ставя чашку в небольшое углубление, которое сделал какой-то предусмотрительный человек, чтобы посуда не скользила по столу. – Капитан просил передать, что мы причалим через двадцать минут, хотя, разумеется, вы вольны остаться на борту и спокойно позавтракать, пока мы чистим шпигаты, грузим свежих быков и, разумеется, берем почту и пассажиров. На камбузе у меня сегодня... – стюард с энтузиазмом отбарабанил меню, полное сытных блюд, и торжествующе закончил: – ...и сэндвич с беконом!

Ваймс кашлянул и мрачно спросил:

– Полагаю, мюсли у вас нет?

В конце концов, Сибилла находилась всего в двадцати минутах.

Стюард явно был озадачен.

– Э... у нас есть ингредиенты, конечно, но я даже не думал, что вы будете питаться *кормом для кроликов*...

Ваймс вновь подумал о Сибилле.

– Кажется, сегодня у меня чешутся ушки.

Каюта хоть и была роскошной, но далеко не просторной. Ваймс умудрился кое-как побриться при помощи бритвы, принесенной стюардом, «с наилучшими пожеланиями от капитана, командор», мыла, фланелевой тряпочки и крохотного полотенца у разумно установленной раковины. Упомянутые предметы, по крайней мере, помогли ему совершить омовение в том варианте, который его матушка называла «вымыть те места, которые на виду». Тем не менее Ваймс уделил им особое внимание, памятуя о том, что крохотный деревянный мирок скоро исчезнет, и он вновь станет Сэмом Ваймсом, мужем и отцом. Время от времени, впрочем, придавая себе

респектабельный вид, он поглядывал на себя в зеркальце и восклицал: «Фред Колон!»

Роскошная каюта идеально подходила для сна, но была такой тесной, что в реальности подошла бы только для разборчивого покойника. В конце концов, когда каждая часть тела, до которой он смог дотянуться, была отмыта – тщательно, хоть и хаотически – и стюард принес ему порцию фруктов, орехов и злаков, в самый раз для отшельника, Ваймс огляделся, пытаясь понять, что он забыл, и увидел в зеркальце лицо. Лицо было его собственное, хотя, нужно отметить, это отнюдь не редкость в случае с бритвенными зеркальцами. Отражение сказало: «Ты же знаешь, что он не просто хочет тебя убить. Для такого мерзавца этого недостаточно. Он хочет уничтожить твой род полностью и испробует все, пока не добьется успеха».

– Я знаю, – сказал Ваймс и добавил: – Ты ведь не демон?

«О нет, – ответило отражение. – Возможно, я – плод твоего подсознания и результат кратковременного отравления, вызванного забродившим изюмом. Смотри, куда ступаешь, командор. Ищи повсюду».

И видение исчезло.

Ваймс отошел от зеркала и медленно развернулся. «Разумеется, это было мое лицо, – сказал он себе, – иначе... было бы иначе, правда?»

Он спустился по трапу в привычный мир, встретивший его в лице капрала Шнобби Шноббса, рядом с которым, впрочем, реальность прогибалась.

– Рад вас видеть, мистер Ваймс. Ох, боги, да вы отлично выглядите. Похоже, отпуск пошел вам на пользу. Есть багаж? – Шнобби спросил это в абсолютной уверенности, что никакого багажа у Ваймса нет, но никогда не повредит изобразить добрую волю.

– Все в порядке? – спросил Ваймс, пропустив вопрос Шнобби мимо ушей.

Тот почесал нос и слегка помрачнел. «Да-а, – подумал Ваймс. – Добро пожаловать».

– Ну, дела идут как обычно, но мы справляемся. Поглядите-ка вон на тот холм. Рабочие очень старались не повредить деревья, и госпожа Сибилла лично пригрозила мучительной смертью любому, кто побеспокоит гоблинов.

Озадаченный Ваймс уставился вдаль и увидел Холм Висельника.

– Чтоб тебе! Это же клик-башня, чертова клик-башня! Сибилла нас всех убиблиотекарит!

– На самом деле, мистер Ваймс, госпожа Сибилла сама настояла на постройке, когда дочитала записку от капитана Моркоу. Он сказал, сейчас

не лучшее время, чтобы терять вас из виду. Сами знаете, сэр, как капитан умеет убеждать – вот так он и уговорил клик-фирму поживей выстроить здесь временную башню. Всю ночь работали, ей-богу, и настроили ее на «Великий путь» как нечего делать.

Шнобби поковырял в носу, быстренько изучил содержимое на предмет чего-нибудь интересного или ценного, откинул в сторону и продолжал:

– Кстати, сэр, в «Анк-Морпорк таймс» хотят взять у вас интервью насчет того, каким образом вы стали великим героем и спасли какие-то там чудо-сиси...

Последовала пауза, во время которой они ждали, когда Фини перестанет давиться смехом и отдышится. Затем Ваймс сказал:

– Капрал Шнобби Шноббс, это старший констебль Наконец. Я называю его старшим констеблем, потому что он – единственный представитель закона в этих местах. То есть так было до сих пор. Здесь его участок, и ты будешь выказывать к нему уважение, ясно? Кто еще приехал с тобой из города?

– Сержант Детрит, мистер Ваймс, но он сейчас в Холле, охраняет ее светлость и Юного Сэма. Под большим секретом.

До сих пор, оказывается, Ваймс слушал затаив дыхание. Детрит и Вилкинс? Эти двое способны противостоять целой армии. Он помотал головой.

– А Фред Колон?

– Еще не приехал, мистер Ваймс, – второй клик пришел, когда мы были уже в пути, – но, полагаю, его скоро привезут.

– Господа, я иду домой, – заявил Ваймс. – Фини, когда будет следующая лодка до Щеботана?

Фини улыбнулся.

– Вам повезло, командор. «Роберта Бисквит» отплывает завтра утром. Именно то, что нужно, как я понимаю. «Роберта» большая и тихходная, но время пролетит незаметно, потому что будет очень весело. На ней плывет масса туристов, но не беспокойтесь, сэр, ваше имя уже хорошо знают на реке. Поверьте мне. Скажите слово – и капитан «Роберты» позаботится, чтобы вас приняли по-королевски, то есть, извините, по-командорски. Согласны?

Ваймс открыл рот, чтобы спросить: «А это дорого?» И снова закрыл, когда со смущением вспомнил, что Овнецы могут позволить себе купить все лодки на Старой Изменнице.

Фини, как и подобает хорошему стражнику, заметил это секундное колебание и сказал:

– Деньги вам на реке не пригодятся, командор, поверьте. Спасителю «Сисси» не придется покупать сигары или платить за каюту где бы то ни было на Старой Изменнице.

Шнобби Шноббс сложился от смеха почти вдвое и прокудахтал:

– «Сисси»!

Ваймс вздохнул:

– Шнобби, ее полное имя было Сесилия, а Сисси – это сокращенно. Уяснил?

Но на некоторых никакие объяснения не действовали, да и на Ваймса не всегда.

– И еще, Шнобби, я хочу, чтоб ты подождал здесь, и, как только прибудет Фред, лично доставь его к гоблинской пещере на холме, понятно?

– Да, мистер Ваймс, – ответил Шнобби, разглядывая свои сапоги.

– И если ты, Шнобби, увидишь гоблина, от которого несет как из уборной и который светится слабым голубоватым светом, учти, что это твой коллега-стражник, и не забывай о том.

Сибилла стояла на дорожке, когда Ваймс быстро зашагал к ней. Юный Сэм помчался вперед, врезался отцу в ноги и обхватил их что есть сил руками.

– Па! Я теперь умею доить козу, па! Нужно дергать ее за сиськи, па, и они такие скользкие!

Выражение лица Ваймса не изменилось, а Юный Сэм продолжал:

– Еще я учусь делать сыр! И у меня в коллекции есть кашки барсука, а еще кашки куницы!

– Ей-богу, ты даром времени не терял, – сказал Ваймс. – Кто научил тебя слову «сиськи», сынок?

Юный Сэм просиял.

– Пастух Вилли, па.

Ваймс кивнул.

– Я с тобой потом об этом побеседую, Сэм, а сначала, пожалуй, перекинусь парой слов с пастухом Вилли, – он поднял сына на руки, не обращая внимания на боль в спине. – Надеюсь, в твои увлекательные приключения входит мытье рук?

– Я за этим слежу, – сказала госпожа Сибилла. – Честное слово, Сэм, я едва успела выпустить тебя из виду, как вдруг ты снова стал героем. Ох, боги. На реке только об этом и речи. Драка на лодке. Погоня в бурю. Дорогой, я прямо не знаю, куда смотреть. Поэтому если ты будешь так любезен и осторожно поставишь мальчика наземь, я с любовью посмотрю

на тебя!

Когда Ваймс вынырнул на поверхность, чтобы отдышаться, он сказал:

– Это что, *настоящая* клик-башня? Теперь, раз газетчики обо всем пронюхали, они, чего доброго, сделают из меня героя, чертовы придурки.

Выпустив мужа из объятий, госпожа Сибилла ответила:

– Ну, может быть, они капельку и преувеличат, но ты удивишься, с какой скоростью на реке распространяются новости. Насколько мне известно, ты стоял на крыше рубки и боролся с убийцей, а он выстрелил в тебя из арбалета, но стрела отскочила! Говорят, в завтрашней газете появится огромный рисунок. Опять-таки, я прямо не знаю, куда смотреть! – и тут Сибилла перестала сдерживаться и расхохоталась. – Ей-богу, Сэм, сегодня на ужин ты получишь что захочешь!

Ваймс подался к ней и что-то шепнул на ухо; Сибилла шлепнула мужа по руке и сказала:

– Потом!

Немного осмелев, Ваймс заметил:

– Кстати, я заметил, что мост сильно пострадал.

Сибилла кивнула.

– Да, дорогой, ведь была страшная буря. Снесло весь центральный пролет и трех дисграций^[30]. Я их с детства помню. Мама обычно закрывала мне глаза рукой, когда мы переходили мост, поэтому они меня страшно интриговали, особенно та, что чешет зад, – ее улыбка стала шире. – Не волнуйся, Сэм, обнаженную женщину трудно не заметить.

Ваймс порадовался улыбке жены, но в нем вновь ожило крошечное подлое подозрение. Он думал, что задавил его, но оно упорно возвращалось. Поэтому он кашлянул и спросил:

– Сибилла, ты ведь обсуждала планы на мой отпуск с Ветинари, так?

Та явно удивилась.

– Да, дорогой, конечно. В конце концов, он теоретически твой начальник. Сугубо теоретически, разумеется. Я перекинулась с ним парой слов на каком-то благотворительном мероприятии. Сейчас уже не помню, на каком именно, их ведь всегда так много. Но Хэвлок не стал возражать – он сказал, что тебе давно пора хорошенько отдохнуть от подвигов.

У Ваймса хватило ума не выговорить те слова, которые вертелись у него на языке. Он сказал:

– Э... значит, на самом деле не он предложил тебе съездить в Графства?

– Честно говоря, Сэм, это было довольно давно, но мы оба, как ты знаешь, имеем в виду исключительно твои интересы. Мы бегло

побеседовали, вот и все, честное слово.

Ваймс не стал настаивать. Он понимал, что никогда не узнает наверняка. И потом, шар уже упал в лузу.

Потом Сэмюэль Ваймс погрузился в огромную ванну, в которой лежал, высунув на поверхность лишь нос, после чего почувствовал себя прежним, но, по крайней мере, намного чище. Свидетельские показания лежали в хранилище, а если Овнецы строили хранилище, то отнюдь не имели в виду помещение, куда можно попасть быстро. Сначала нужно было набрать комбинацию, затем открыть небольшой, но чрезвычайно прочный сейф – всего лишь для того, чтобы достать ключи, которыми полагалось отпереть замки, спрятанные в трех разных часах в Холле, и каждый ключ запускал часовой механизм. Сибилла рассказала мужу, что однажды ее дедушка бегом бежал в главный зал, «как в зад ужаленный», по выражению старика, чтобы сунуть ключ в последний замок, прежде чем в первых часах кончится завод и упадет нож гильотины. «Что имеем, то храним», – подумал Ваймс. Да, в этом Овнецы были совершенно искренни.

Он надел одежду, которая не пахла рыбой. Что дальше?

Приятно было вновь выйти на прогулку с Юным Сэмом. Смущенный отец гуляет со своим мальчуганом – вот как это выглядело со стороны. Впрочем, картина включала и маячившего вдаль сержанта Детрита, который сливался с пейзажем; этого эффекта любой тролль-стражник достигает, всего-навсего сняв доспехи и заткнув за ухо герань, после чего, будучи от природы угловатым и каменистым, он становится частью ландшафта. Обычно тролли-стражники носили увеличенные версии обычных доспехов, потому что, по большей части, сила стражника состоит в том, чтобы *выглядеть* стражником^[31]. Соображения безопасности роли не играли; существовало множество видов оружия, которые в руках опытного человека могли пробить стальную броню, но бездоспешного тролля они лишь приводили в ярость.

И сейчас Детрит изо всех сил старался не отсвечивать. Он был телохранителем, а еще нес с собой «Шматотворец», который получил это название не просто так. Некоторые виды оружия в каталогах называются «Специальное субботнее предложение», ну а многострельный арбалет Детрита мог продлить удовольствие на неделю. А где-то вне поля зрения Ваймса – то есть вне поля зрения кого бы то ни было – прятался Вилликинс. Иными словами, вот как выглядела картина целиком: отец вел сына на прогулку в сопровождении огневой мощи, способной уложить

целый взвод. На этом настояла Сибилла, и Ваймс не спорил. Если опасность угрожала ему самому – одно дело, и Сибилла сразу с этим смирилась, но Юный Сэм?.. Ни за что!

Направляясь на Холм Висельника, чтобы посмотреть на новую клик-башню, Ваймс внушал себе, что Стратфорт не станет пользоваться луком. Арбалет – удобная штука, но... теперь убийца захочет подойти поближе, чтобы было лучше видно. Стратфорт убил гоблинку – не остановился, даже когда она была уже давно мертва. Этот парень хотел развлечений по полной программе. Он предпочел бы, чтобы Ваймс понял, откуда пришла смерть. А Ваймс слишком хорошо знал повадки убийц, чтобы сохранять спокойствие.

Поднявшись на холм, они увидели ухмыляющегося Шнобби, который отдал честь с некоторой претензией на щеголеватость, но в то же время и смущенно, потому что он был не один. Рядом с ним сидела молодая гоблинка. Шнобби поспешно попытался ее отогнать, и она с явной неохотой отошла на минимально безопасное расстояние, продолжая обожаяще глядеть на капрала.

Ваймс, вопреки всему, подавил улыбку и кое-как придал себе невозмутимый вид.

– Братаешься с местными, а, Шнобби?

Юный Сэм подошел к гоблинке и взял ее за руку. Он проделывал это с любым существом женского пола, которое встречал впервые, и, с точки зрения Ваймса, эта привычка вполне могла принести мальчику изрядную пользу в будущем. Гоблинка пыталась осторожно высвободиться, но отделаться от Юного Сэма было непросто.

Вид у Шнобби был смущенный.

– Вовсе я с ней не братаюсь, мистер Ваймс, она сама лезет! Она пришла с корзинкой каких-то грибочков и стала совать их мне, чесслово!

– Ты уверен, что они не ядовитые?

Шнобби непонимающе взглянул на него.

– Не знаю, мистер Ваймс, я их по-любому уже съел, очень вкусные, хрустящие, остренькие такие. И Фред тоже здесь, сэр. Эта юная леди... – к удивлению и одобрению Ваймса, Шнобби обошелся без кавычек вокруг слова «леди», – подошла прямо к нему и забрала тот странный светящийся горшочек – просто чудо, ведь никто другой этого сделать не мог. И всё! Фред пришел в себя. Хотя, наверное, придется некоторое время напоминать ему, что надо мыться, справлять нужду только в сортире и так далее.

Ваймс сдался. Каждая система – это живой организм, а потому логично, что должны быть и люди, которые играют роль отходов. Но

Шнобби был преданным и везучим. Если что и нужно стражнику в первую очередь, так это везение. Возможно, Шнобби повезло и тут.

– Что ты тут делаешь, Шнобби? – спросил он. Капрал взглянул на него как на психа и указал на шаткую временную клик-башню.

– Проверяю сообщения, мистер Ваймс. На самом деле юный Тони, который сидит там наверху, их печатает, потом оборачивает вокруг камушка и бросает вниз... – в шлем Шнобби что-то стукнуло, и он ловко поймал на лету камушек, завернутый в полоску бумаги. – Поэтому я тут и стою, мистер Ваймс.

Шнобби развернул листок и объявил:

– Одна двухместная каюта и одна одноместная на «Роберте Бисквит», отправление завтра в девять утра. Повезло вам, мистер Ваймс. Клик-башни! Что бы мы без них делали?

Сверху раздался крик:

– Отойдите, я спускаюсь!

Вся конструкция затряслась, когда молодой человек осторожно полез вниз по брусьям, проверяя каждый на прочность, прежде чем наступить. Преодолев последние несколько футов, он протянул Ваймсу руку.

– Рад познакомиться, сэр Сэмюэль. Извините, что башня хлипкая, но ночью мы еще ее строили. Вот это была спешка! Чего не сделаешь, если патриций Ветинари подгоняет. Потом наладим, как положено, если вы не против. Я держу связь с одной из башен «Великого пути», они передадут ваше сообщение куда угодно, да еще пошлют отчет вам домой. Разумеется, кому-то нужно постоянно сидеть здесь, чтобы башня работала, но, насколько я понимаю, с этим проблем не будет.

Молодой человек отдал честь и добавил:

– Желаю удачи, а я пойду перекусить и помыться.

От шлема Шнобби Шноббса вновь что-то отскочило, и к его ногам упал камушек, обернутый в бумажку.

Тони немедленно подхватил его и прочел сообщение.

– А, это просто извещение о перерыве, подтверждающее, что я отправился вниз отдохнуть. Там, наверху, остался мой помощник. На самом деле необязательно было это печатать, но он очень сознательный парнишка. И надежный. Я никогда еще не видел, чтоб кто-то так быстро учился. Достаточно один раз показать. И у него такие большие руки, что хватает на всю клавиатуру.

Юноша, насвистывая, зашагал вниз по склону, а до Ваймса вдруг дошло.

– Вонючка! А ну спускайся, постреленок! – крикнул он.

– Я здесь, командор! – хоп, и маленький гоблин уже стоял у него под ногами.

– Ты? Ты?! Ты работаешь на *клик-башне*? Разве ты умеешь читать?

Вонючка растопырил длиннющие пальцы.

– Нет, но я смотрю и запоминаю. Зеленый парень сказал: «Вонючка, эта остроконечная штука называется А», и Вонючка сразу запомнил, потом он сказал: «А эта штука с животом называется Б». Вот забавно, – хриплый голосок звучал льстиво, но Ваймсу почему-то показалось, что он полон циничной многозначительности. – Гоблин полезен, гоблин надежен, гоблин помогает... *гоблин жив!*

Ваймс подумал, что он, кажется, единственный, кто услышал эти слова. Юный Сэм подошел, чтобы пожать Вонючке руку, но передумал. Сэм Ваймс негромко спросил:

– Вонючка, кто ты такой?

– А ты кто такой? – Гоблин ухмыльнулся. – Держись, Сэм Ваймс. Держись сообща или поодиночке. Но главное, держись. Держись, мистер Ваймс.

Ваймс вздохнул.

– Похоже, ничего другого мне не остается, – мрачно ответил он, огляделся, и его буквально пригвоздили к месту взгляды Юного Сэма, Шнобби Шноббса и гоблинки, которая смотрела на маленького капрала как на Адониса. Смутившись, Ваймс пожал плечами.

– Так, просто в голову пришло, – сказал он.

Как ни крути, Фред Колон был одним из старейших друзей Ваймса – и мысль о том, что Шнобби Шноббс тоже из их числа, действовала отрезвляюще. Ваймс обнаружил сержанта в гоблинской пещере. Колон был ошеломлен, он подозрительно покраснелся, но, тем не менее, выглядел вполне бодро, возможно, потому, что уписывал жареного кролика с таким энтузиазмом, словно на завтра предстоял конец света (для кролика, во всяком случае, он уже наступил). Шелли с некоторым опасением наблюдала за Фредом издалека; увидев Ваймса, она улыбнулась и показала оттопыренный палец, что было хорошим признаком.

Фред Колон отдал честь, хоть и с некоторым запозданием.

– Извините, мистер Ваймс, со мной неладно было. Все как в тумане, а потом я вдруг оказался тут среди этих ребят.

Ваймс затаил дыхание, и Колон продолжал:

– Очень приятные, услужливые, да еще и щедрые. Они мне столько грибов натаскали, невероятно вкусных. Конечно, по части штанов у них

некоторые затруднения, извините за прямоту. Сидя тут, задумаешься... сам не знаю толком о чем, но точно задумаешься. – Он огляделся со странным блеском в глазах. – Неплохо, да? Приятно, тихо, вдали от безумной толпы. Я бы не прочь тут погостить...

Сержант Колон замолчал, бросил кроличью кость через плечо и быстро наклонился к груде камней, лежавших рядом с ним. Он поднял один из них. То ли у Ваймса разыгралось воображение, то ли на мгновение камень и впрямь сверкнул, прежде чем вновь превратиться в обыкновенный булыжник.

– Оставайся сколько хочешь, Фред, – сказал Ваймс. – Мне пора идти, но Шнобби будет поблизости... ну и все остальные тоже, как я понимаю. Оставайся... – он мельком взглянул на Шелли Задранец, – ...но все-таки не задерживайся *слишком* долго.

Многие мысли посетили Ваймса, когда он спускался с Юным Сэмом с холма в деревню, а когда на пороге паба появился Джимини и чуть заметно, но весьма красноречиво кивнул, у Ваймса мелькнула мысль, что всякий смысленый трактирщик знает, куда дует ветер, и соответственно ставит паруса. Никто лучше его самого не знал, что сплетни возникают неизвестно откуда и распространяются непонятно как, но маленькую свиту Ваймса, состоявшую из Шнобби Шноббса и юной гоблинки, встречали улыбками и кивками, тогда как неделю назад их встретили бы недоуменными взглядами. Ужасная правда в том, что никто не хочет быть на стороне проигравших.

Когда они вернулись в Овнец-Холл, Ваймс нашел Сибиллу в розарии – она обрезала увядшие цветы. Занятие, которому предаются просто потому, что оно входит в список вещей, которые нужно делать в деревне, хочется тебе того или нет. Сибилла взглянула на мужа и вновь принялась за работу, негромко сказав:

– Ты многих встревожил, Сэм. Леди Ржав неожиданно нанесла мне визит, сразу после твоего ухода.

Щелк, щелк – яростно щелкали садовые ножницы.

– И ты ее впустила?

Щелк! Щелк!

– Конечно! Конечно!

Щелк, щелк.

– Я угостила ее чаем и шоколадным печеньем. Пускай она невежественная, похожая на кваشنю стерва, именующая себя титулом, на который она не имеет никакого права, но хорошие манеры никто еще не

отменял.

Щелк, щелк, щелк.

– Этот цветок все равно нарушал симметрию, честно говоря. А от леди Ржав я выслушала лекцию о необходимости поддерживать устои и держаться вместе во имя защиты нашей культуры, ну, ты понимаешь.

Госпожа Сибилла слегка откинула голову, нацелила ножницы и взглянула на розовый куст, как кровожадный революционер на очередного аристократа.

– Знаешь, что сказала эта дрянь? «Дорогая моя, кого волнует, что случится с троллями? Пусть принимают наркотики, если им так хочется». И тогда, – с горящими глазами произнесла Сибилла, – я подумала о сержанте Детрите, который столько раз спасал тебе жизнь, и о юном Кирпиче, которого он усыновил. И я так разозлилась, что чуть не сказала нечто невообразимое! Леди Ржав думает, что я такая же, как она! Какая мерзость! Они ничего не понимают! Они годами благополучно жили, не испытывая необходимости думать по-новому, а теперь даже не знают, как это!

Щелк! Щелк! Тресь.

– Ты только что загубила розовый куст, дорогая, – заметил Ваймс. Он был впечатлен. Требовалась изрядная сила, чтобы срезать ножницами деревце толщиной примерно в дюйм.

– Это шиповник, Сэм, и он все равно был не нужен.

– Но ты могла бы дать ему шанс.

– Сэм Ваймс, ты совершенно не разбираешься в садоводстве, поэтому не начинай развивать социальные гипотезы в присутствии разгневанной женщины, вооруженной ножницами! Между растениями и людьми есть некоторая разница!

– Думаешь, ее послал сюда муж? – спросил Ваймс, немного отступив. – Он здорово влип, потому что к вечеру, полагаю, у меня будут доказательства причастности Ржава к контрабанде, перевозке гоблинов и, разумеется, попытке отправить Джетро Джефферсона за границу, чтобы избавиться от него. Я знаю, что происходит с гоблинами, которых отправляют в Говондалэнд, и это не лучшим способом сказывается на их здоровье. Джефферсон рассказал, что Ржав стоял за высылкой местных гоблинов три года назад. Я надеюсь в скором времени получить тому подтверждение. Все это, вместе взятое, по крайней мере сотрет ухмылку с его аристократического лица.

Птицы пели, розы насыщали воздух ароматом, и госпожа Сибилла уронила ножницы в карман передника.

– Какой позор для *старого* Ржава.

– Не думай, что я этого не понимаю, – сказал Ваймс. – Старик попытался меня отпугнуть, когда мы только приехали сюда, что говорит многое о его умственных способностях. Но к чести этого старого осла, нужно сказать, что он честен, порядочен и прям. К сожалению, еще он упрям, туп и невежествен. Ты права, для него это будет серьезный удар, хотя наверняка старый Ржав угробил по собственной глупости столько солдат, что стыд должен бы стать его второй натурой и лучшим другом, – он вздохнул. – Сибилла, каждый раз, когда мне приходится арестовывать очередного идиота, который думал, что ему сойдет с рук мошенничество, или вымогательство, или шантаж, я знаю, что его семья, скорее всего, будет страдать, понимаешь? Я помню об этом. Помню постоянно. Но проблема в том, что идиоты продолжают совершать преступления! В данном случае я пытаюсь пощадить кое-кого из соучастников, чья благодарность выразилась в даче показаний. Я могу посмотреть сквозь пальцы ради общего блага, но не более того.

Сибилла печально кивнула, потом потянула носом и спросила:

– Чуешь дым?

Вилликинс, который терпеливо стоял рядом, сказал:

– Капрал Шноббс и его, хм, юная... спутница прошли в кустарник вместе с Юным Сэмом, ваша светлость. Сержант Детрит последовал за ними, если можно так выразиться, негласно, – Вилликинс смаковал это слово, точно конфетку.

Свидетельством тому был кустарник, потому что никакие заросли, даже самые густые, не в состоянии скрыть тот факт, что по ним прошел тролль.

В кустарнике горел небольшой аккуратный костерок, за которым бесстрастно наблюдали Детрит и Юный Сэм и нервно капрал Шноббс, который смотрел, как его новая дама что-то готовит на вертеле.

– А, она жарит улиток, – сказала Сибилла, являя все признаки одобрения. – Какая предусмотрительная юная особа.

– Улитки? – в ужасе переспросил Ваймс.

– Традиционное блюдо в этих краях, между прочим, – ответила Сибилла. – Мой отец и его приятели частенько готовили улиток после выпивки. Очень полезно, много витаминов и минералов, насколько я знаю. Кстати, если откармливать улиток чесноком, у них будет чесночный вкус.

Ваймс пожал плечами.

– Наверное, всё лучше, чем вкус улиток.

Сибилла отвела мужа в сторону и тихонько сказала:

– Кажется, это та самая гоблинка, которую они называют Сияние Радуги. Фелисити говорит, она очень толковая.

– Сомневаюсь, что она добьется успеха у Шнобби, – сказал Ваймс. – Он неровно дышит к Верити Колотушке. Ну, помнишь, той торговке рыбой.

– Она обручилась месяц назад, – шепнула Сибилла. – С парнем, который строит собственный рыболовный флот.

Они посмотрели сквозь листву и на цыпочках удалились.

– Но она же гоблинка! – прорвалось из глубины души Ваймса.

– А он Шнобби Шноббс, Сэм. И на свой лад Сияние довольно привлекательна, ты так не считаешь? Честно говоря, я не уверена, что даже матушка Шнобби знала, к какому виду принадлежит ее сын. Ей-богу, Сэм, это не наше дело.

– А что, если Юный Сэм наестся улиток?

– Дорогой, учитывая все то, что он уже успел съесть в своей жизни, я бы на твоём месте не стала волноваться. Несомненно, юная леди знает, что делает. Обычно так и бывает, поверь мне, Сэм. И потом, это край известняка, и улитке негде наестся чего-нибудь ядовитого. Не переживай, Сэм.

– Да, но как...

– Не волнуйся, Сэм!

– Да, но я...

– Не волнуйся, Сэм! В Лоббистском проезде, как я слышала, есть семья из тролля и гнома. Вот и хорошо, это их дело, и уж точно не наше.

– Да, но...

– Сэм!!!

До вечера Сэм Ваймс волновался. Он составил несколько депеш и пошел к новой клик-башне, чтобы их отправить. Вокруг башни сидели гоблины и смотрели на нее. Ваймс похлопал одного из них по плечу, вручил сообщение и полюбовался, как тот лезет вверх, словно по горизонтальной поверхности. Через пару минут гоблин спустился с мятым извещением об отправке, которое и вручил Ваймсу вместе с несколькими другими бумажками, прежде чем усесться и вновь уставиться на башню.

Ваймс подумал: «Вы прожили всю жизнь в пещере на холме, и вдруг прямо у вас на пороге появилась волшебная штуковина, которая посылает по воздуху слова. Такую штуковину невольно зауважаешь». Он вскрыл два сообщения, которые были адресованы ему, осторожно свернул бумагу и зашагал обратно, глубоко дыша и подавляя желание кричать от восторга.

Подойдя к домику, где жила женщина, которая для Юного Сэма

навсегда осталась «дамой с какашками», Ваймс остановился, чтобы послушать музыку. Она то возникала, то замирала, и после череды фальшстартов из окна потекли плавные звуки, и мир закружился. Лишь тогда Ваймс осмелился постучать.

Через полчаса, шагая размеренной походкой опытного стражника, он дошел до каталажки. На табурете возле двери сидел Джетро Джефферсон. Со значком. Фини быстро учился. В местном полицейском участке значок был всего один, сделанный из жести, поэтому на рубашке кузнеца красовался аккуратно вырезанный из картона кружок, на котором красовались слова, старательно выведенные аккуратным почерком: «Констебль Джефферсон работает на меня. Вас предупредили! Подпись: старший констебль Наконец».

Рядом стоял второй, пустой, табурет, символизировавший удвоение штата. Ваймс, вздохнув, сел.

– Ну и как вам нравится быть стражником, мистер Джефферсон?

– Если вы ищете Фини, командор, у него обеденный перерыв. И раз уж вы спросили – пока трудно сказать, что это дело в аккурат по мне, но, может, просто надо привыкнуть. И потом, в кузнице сейчас затишье... и в преступном мире тоже, – кузнец усмехнулся. – Никто не хочет, чтоб за ним гонялся я. Говорят, лед тронулся, э?

Ваймс кивнул.

– Когда увидишь Фини, передай, что щепотанская полиция задержала двух человек, которые добровольно признались, что в числе прочих правонарушений насильно затащили тебя на корабль. И, кажется, у них есть еще целая уйма сведений, которыми они страстно жаждут поделиться в обмен на некоторую толику милосердия.

– Дайте мне побыть с ними пять минут, – прорычал Джефферсон, – и я им покажу милосердие.

– Ты теперь коп, Джетро, поэтому дави в себе эти мысли, – добродушно сказал Ваймс. – Между прочим, сейчас все шары висят над лузами.

Джефферсон гулко и с нескрываемой злобой рассмеялся.

– Хотел бы я надавать им по шарам... чтоб звенело. Я был еще мальчишкой, когда отсюда увезли первую партию гоблинов, и молодой Ржав, черт его дери, тоже был тут, а то, он всех подбадривал и смеялся над бедолагами. А когда я выбежал на дорогу и попытался их остановить, его дружки мне здорово навалили. Это случилось вскоре после того, как умер мой папаша. Я в те дни был еще наивный, думал, что они лучше меня, ломал перед ними шапку и все такое, зато потом я начал работать в кузне, а

это уж такая штука – если она тебя не убьет, то сделает сильнее.

Он подмигнул, и Ваймс подумал: «Ты справишься. Скорее всего, справишься. В тебе горит огонь».

Ваймс похлопал по карману рубашки и услышал приятное шуршание бумаги. Он гордился припиской в конце клика-сообщения – приписка была личного свойства, от щекотанского коменданта. Она гласила: «Когда они узнали, что этим делом занимаешься ты, Сэм, то разговорились так, что нам двух карандашей не хватило».

Потом Сэм Ваймс пошел в паб, как раз когда начала собираться обычная публика, и уселся в уголке с кружкой свекольного пива, чтобы запить закуску, состоящую из маринованного яйца, маринованной луковицы и пакетика жареного картофеля. Ваймс не разбирался в кулинарии, но точно знал, что ему по нраву. Сидя за столом, он видел, как люди переговаривались и смотрели на него, а потом один из сельчан медленно подошел, держа шляпу обеими руками перед грудью, словно в знак покаяния.

– Меня звать Гасти, сэр. Вильям Гасти. Кровельщик я, сэр.

Ваймс подвинулся и сказал:

– Приятно познакомиться, мистер Гасти. Чем могу помочь?

Мистер Гасти поглядел на своих приятелей, получив в ответ ассортимент одобрительных жестов и хриплого шепота на тему «Давай, парень, не трусь». Он неохотно повернулся к Ваймсу, кашлянул и произнес:

– Э... сэр... мы, конечно, знали про гоблинов, и никому это особо не нравилось. Конечно, от них одни неприятности, если забудешь запереть курятник и все такое, но нам не понравилось то, что с ними сделали, потому как... ну, это неправильно и так нельзя, и одни тут говорили, что мы еще пожалеем, ведь если они так обходятся с гоблинами, то, значит, могут и с обычными людьми, а другие говорили – неважно, с кем, но так просто нельзя! Мы самые обыкновенные люди, сэр, арендаторы и все такое, у нас ни сил, ни власти, и никто не стал бы нас слушать. Ей-богу, ну что мы могли поделать?

Остальные стояли затаив дыхание и вытянув шеи. Ваймс прожевал последний кусочек картофеля, пропитанный уксусом. А потом сказал, глядя в потолок:

– У вас у всех есть оружие. У каждого. Большое, опасное, смертельное оружие. Вы могли сделать хоть что-нибудь. Вы могли сделать что угодно. Могли сделать всё. Но вы ничего не сделали. Не поручусь, но, возможно, на вашем месте я бы поступил точно так же. Что?

Гасти поднял руку.

– Честное слово, нам очень жаль, сэр... но у нас нет оружия.

– Ох, боги, да посмотрите вокруг. Как минимум вы могли бы задуматься. У меня был долгий день, господа, и долгая неделя. Просто помните об этом, вот и все. В следующий раз не забудьте.

В молчании Ваймс подошел к стоявшему за стойкой Джимини, заметив у него над головой пятно свежей краски на стене. На мгновение память услужливо заполнила эту брешь головой гоблина. Еще одна маленькая победа.

– Джимини, до закрытия эти господа пьют за мой счет. Присмотри, чтоб они добрались до дома целыми и невредимыми, даже если придется развозить их на тачке. Я пришлю Вилликинса рассчитывать с тобой утром.

Только звук его шагов нарушал тишину, когда Ваймс подошел к двери и осторожно прикрыл ее за собой. Прошагав пятьдесят метров по дороге, Ваймс улыбнулся: в трактире раздались радостные вопли.

«Роберта Бисквит», в отличие от «Чудо-Сисси», двигалась неторопливо и важно. Она походила на украшение к Страшдеству, и маленький оркестр на палубе пытался играть как большой. У сходней, впрочем, стоял человек в шляпе, которая сделала бы честь капитану любого флота.

– Добро пожаловать на борт, ваша светлость. Я капитан О'Фарелл, хозяин «Роберты». – Он взглянул на Юного Сэма и сказал: – Хочешь поддержать штурвал, парнишка? Это можно устроить. Держу пари, твой папа тоже не откажется.

Капитан энергично потряс руку Ваймса.

– Капитан Силлитоу отзывается о вас исключительно с похвалой, сэр, то есть исключительно, сэр. И надеется однажды увидеться вновь. А тем временем, сэр, моя обязанность провозгласить вас Королем.

Мысли Сэма Ваймса затолкались, поскольку каждая пыталась прийти к финишу первой. Слово «король» встало у них на пути.

Продолжая улыбаться, капитан продолжал:

– Я имею в виду, Королем реки, сэр. Честь, которой мы удостоиваем героев, одержавших верх над Старой Изменницей. Позвольте пожаловать вам эту позолоченную медаль, сэр. Покажите этот маленький сувенир любому здешнему капитану – и вас провезут бесплатно от гор до самого моря, если пожелаете.

Толпа, впад в неистовый восторг, разразилась громкими аплодисментами, оркестр заиграл старую песенку под названием «Ты удивлен, мой друг?», в воздух взмыли букеты – и их тут же аккуратно

подобрали, потому что, сами понимаете, мотовство до добра не доведет. Оркестр заиграл, колеса закрутились, за кормой забурлила пена, и семейство Ваймсов отправилось вниз по реке в приятный вояж.

Юному Сэму позволили остаться на верхней палубе и посмотреть на танцовщиц, хоть он и не понял, в чем суть. Зато Ваймс понял. Еще там был фокусник и прочие развлечения, которым люди покоряются во имя веселья, хотя Ваймс действительно посмеялся, когда фокусник полез к нему в карман, чтобы подложить туда пиковый туз, и обнаружил нож, который Сэм взял с собой на всякий случай. Неприятностей следует ожидать именно в ту минуту, когда ты их точно не ожидаешь.

Фокусник точно не ожидал ножа и, вытаращив глаза, уставился на Ваймса, а потом сказал:

– Ох, боги, это же *вы!* Командор Ваймс собственной персоной, – и, к ужасу Ваймса, он повернулся к толпе и воскликнул: – Ура, дамы и господа, в честь спасителя «Чудо-Сисси»!

Ваймсу пришлось выйти и раскланяться, и Юный Сэм, разумеется, вышел и раскланялся вместе с отцом, заставив не одну пару женских глаз увлажниться от умиления. Затем бармен, который явно был не в теме, не сходя с места придумал коктейль «Сэм Ваймс», и впоследствии, когда этот коктейль вошел в меню всех питейных заведений на Равнинах, разумеется, кроме тех, где клиенты открывали бутылки зубами^[32], Сэм делал вид, что изрядно смущен. На самом деле он был так польщен этой честью, что даже выпил одну порцию, а потом вторую, поскольку Сибилла, учитывая обстоятельства, не возражала. А потом Ваймс сидел, подписывая подставки для кружек и клочки бумаги и болтая громче обычного, пока даже бармен не решил, что пора закрывать лавочку, и тогда Сибилла увела захмелевшего мужа в постель.

И по пути в номер он отчетливо услышал, как в коридоре одна дама спросила у другой:

– А кто этот новый бармен? Никогда его не видела на этом рейсе.

«Роберта Бисквит» плыла в ночи, оставляя за обширной кормой белый след. Одного быка отвели в стойло, а второй обеспечивал неторопливое движение вперед. Приятное путешествие продолжалось. Все, кроме лоцмана и впередсмотрящего, спали, были пьяны, ну или просто лежали. Бармена никто не видел; бармены приходят и уходят, в конце концов. Кто обращает на них внимание? В темном коридоре, в который выходили двери кают, ждала какая-то фигура. Она прислушивалась к шепотам, поскрипываниям и похрапываниям.

В каюте храпели, о да. Тень двинулась по неосвещенному коридору, и предательские скрипы терялись в симфонии звуков, издаваемых деревянным судном на ходу. Вот дверь. Вот замок. Последовало аккуратное изучение, которое скорее *символизирует* хитрость и силу, нежели действительно говорит об их наличии. Появилась отмычка, осторожно повернулись петли – и еще раз, когда дверь тихонько прикрыли изнутри. Тень улыбнулась так хищно, что эту улыбку вполне можно было разглядеть во мраке, особенно глазами, которым помогала тьма, и послышался крик, который внезапно оборвался...

– А теперь я тебе скажу, что будет дальше, – сказал Сэм Ваймс, когда коридор внезапно наполнился шумом, и нагнулся над распростертым на полу телом. – Тебя гуманно закуют в наручники до конца путешествия, и за тобой будет внимательно присматривать мой камердинер Вилликинс, который не только умеет готовить хорошие коктейли, но еще и не обременен обязанностями полисмена. – Он надавил чуть сильнее и добродушно продолжал: – То и дело мне приходится увольнять приличных парней за чрезмерную жестокость, и я их увольняю, можешь не сомневаться, – увольняю, когда они делают то, что сделает всякий среднестатистический член общества, если увидит умирающего ребенка или останки старухи и если ему хватит смелости. Он это сделает, чтобы восстановить нарушенный баланс ужаса в своей голове, – Ваймс надавил еще раз. – Закон зачастую обходится с *ними* мягко, если вообще обращает внимание, но стражник – слуга закона, особенно если работает у меня, а значит, его обязанности завершаются в момент ареста, мистер Стратфорд. Так что же мешает мне вышибить дух из убийцы, который, вооружившись уймой острых ножичков, ох боги, вломился в каюту, где, как он думал, спит мой маленький сын? Почему я всего лишь вырублю тебя, хоть и презираю себя за каждый глоток воздуха, который я тебе оставляю? Я отвечу, мистер. Между тобой и внезапной смертью сейчас стоит закон, которого ты не признаешь. И сейчас я разожму руки, исключительно чтоб ты не сдох, ведь я не могу этого допустить. В любом случае, советую даже не пытаться сбежать, потому что Вилликинс не ограничен никакими условностями, а еще он безжалостен и очень привязан к Юному Сэму, который, как я рад отметить, спит в каюте с матерью. Понимаешь? Ты вломился в одноместную каюту, где должен был спать маленький мальчик. К счастью для тебя, я тот еще хитрец, мистер Стратфорд, потому, что если бы ты влез в каюту к моей жене, которая храпит как мужчина, хоть я никогда не посмею ей об этом сказать, ты обнаружил бы, что в ее распоряжении внушительный запас оружия. Учитывая темперамент Овнецов, она,

вероятно, сделала бы с тобой что-нибудь такое, что даже Вилликинс сказал бы: «Ого, мэм, вы немного перестарались». Что они имеют, то хранят, мистер Стратфорд.

Ваймс усилил хватку.

– Ты, наверное, думаешь, что я идиот. Между прочим, какой-то тип, которого считают великим мыслителем, однажды сказал: «Познай самого себя». Так вот, я знаю самого себя, мистер Стратфорд, к собственному прискорбию, я знаю себя до доньшка, и благодаря этому я знаю *тебя* не хуже собственного лица в зеркале. Ты мелкий тиран, которому все легче и легче было нарушать закон и который решил, что остальные – ненастоящие люди, не такие, как ты, а для того, кто так думает, не бывает слишком тяжких преступлений. Нет преступлений, на которые бы ты не пошел. Подумай вот о чем: тебя повесят, а лорда Ржава, твоего хозяина, скорее всего, отпустят восвояси. Ты и правда думал, что он тебя защитит?

Распростертый на полу Стратфорд что-то проговорил.

– Прошу прощения, не расслышал!

– Я желаю сделать добровольное признание! – выкрикнул Стратфорд.

Ваймс покачал головой, хоть тот и не мог этого видеть.

– Стратфорд, тебя повесят, что бы ты ни сказал. И я не собираюсь с тобой торговаться. Ты наверняка и сам понимаешь, что тебе нечего предложить. Все очень просто.

Стратфорд прорычал:

– Будь он проклят, я все равно скажу! Ненавижу этого скользкого ублюдка! Что ты от меня хочешь услышать?

Ваймс порадовался, что Стратфорд не видит его лица. Он произнес:

– Не сомневаюсь, патриций Ветинари будет очень рад всему, что вы ему расскажете, *сэр*. Нрав у него изменчивый, и наверняка есть повешение и *повешение*.

Стратфорд, тяжело переводя дух, сказал:

– Все пили этот чертов коктейль, я сам видел. Ты выпил три и нализался в стельку!

Послышался смех, и дверь приоткрылась, впустив полоску света.

– Его светлость получил, так сказать, детскую версию, – ответил Вилликинс. – Извините, командор. Имбирь, чили, капелька огуречного сока и много кокосового молока.

– Кстати, очень вкусно, – заметил Ваймс. – Забери его отсюда, Вилликинс, а если попытается что-нибудь выкинуть, ты по природе своей знаешь, что делать.

Вилликинс поклонился и сказал:

– Спасибо, командор, я ценю ваш комплимент.

Отпуск у Сэма Ваймса закончился.

Конечно, последние дни были полны не только развлечений – исключено, если есть клик-башни и люди, которые отправляют сообщения вроде «Не хочу вас беспокоить, но я отниму всего минуточку»... Очень многие не хотели беспокоить Сэма Ваймса, но, сделав над собой огромное усилие, они преодолевали свое нежелание и все-таки его беспокоили. Одним из таких людей – причем его письмо не содержало никаких извинений – был Хэвлок Ветинари. Письмо патриция гласило: «Мы об этом поговорим».

Утром Ваймс нанял небольшую лодку с рулевым и очень приятно провел время, вместе с Юным Сэмом ища моллюсков на камнях одного из многочисленных маленьких островов вблизи побережья. Потом они набрали дров, развели костер, сварили добычу и съели, пользуясь щепками вместо вилок и соревнуясь, кто первым выковыряет скользкий кусочек из раковины. Разумеется, трапезу сопровождали черный хлеб с маслом, а также уйма соли и уксуса, поэтому моллюски на вкус скорее отдавали солью и уксусом, нежели моллюсками, но никто не возражал^[33].

Спровадив мужчин из дому, Сибилла на свой тихий лад меняла мир, сидя за письменным столом. Аккуратным курсивным почерком, которому научилась в детстве, она составляла огромное количество клик-сообщений. Одно было адресовано директору Королевской оперы, главной патронессой которой состояла ее светлость, другое – патрицию Ветинари, еще три – секретарю гномьего Короля-под-Горой, секретарю Алмазного короля троллей и секретарю госпожи Марголотты из Убервальда, правительницы всего, что находилось *над* землей.

Но на этом работа не закончилась. Едва служанка вернулась, отнеся на холм первую порцию сообщений, как ее немедленно послали обратно со второй. Госпожа Сибилла писала письма с редким энтузиазмом, и если на Равнинах и за их пределами в тот день осталась хоть одна значительная личность, не получившая письма от Сибиллы, то лишь потому, что имя этой личности выпало из изящно переплетенной и непрерывно пополняемой маленькой черной книжки... хотя на самом деле книжка была нежно-розовая, с крошечными вышитыми цветочками и вложенным флакончиком духов. Тем не менее по силе морального воздействия с ней могла сравниться разве что баллиста.

Вечером госпожа Сибилла выпила чаю в компании приятельниц – выпускниц Щеботанского колледжа – и приятно провела время за

разговором о детях, в то время как мир, движимый письмами, которые неслись над горами и долами с такой скоростью, какую не сумел бы обеспечить ни один волшебник, начал потихоньку меняться.

Ваймс отвел Юного Сэма в зоопарк, где повстречался со сторожами, которые сплошь имели знакомых на «Чудо-Сисси», поэтому для него открыли все двери и почти все клетки. Сам куратор явился посмотреть на радостного шестилетнего мальчика, который методично взвешивал помет жирафа на старинных табачных весах, препарировал его при помощи пары старых кухонных ножей и делал пометки в записной книжке с гоблином на обложке. Но для Сэма Ваймса кульминацией стал слон, которого так ждал Юный Сэм; как только Ваймсы прибыли, Джумбо оказал им большую услугу, и Юный Сэм познал истинное блаженство. Никакой филателист, обнаруживший редкую синюю треугольную марку в никому не нужной, купленной по случаю коллекции не был так счастлив, как Юный Сэм, шагавший с дымящимся ведерком. Юный Сэм увидел слона.

И Сэм Ваймс тоже. Куратор сказал, что Юный Сэм очень талантлив и у него природные склонности к натурфилософии. Заслышав это, счастливый отец благоразумно кивнул и понадеялся на лучшее.

В завершение они побывали на ярмарке, где Ваймс заплатил доллар, чтобы прокатиться на вертушке, а сдачи получил как с четвертака. Когда Ваймс заспорил, зритель выругался, размахнулся и, к собственному огромному удивлению, ощутил на запястье стальную хватку, после чего его провели через улюлюкающую толпу и вручили ближайшему щекотанскому стражнику, который отсалютовал и спросил, не распишется ли Ваймс у него на шлеме. Мелочь – но, как всегда говорил Ваймс, за мелочами кроются большие дела. Еще он выиграл кокос – несомненное достижение, – а Юный Сэм получил большую карамель, на которой было написано «Щекотан», и у него склеились челюсти (еще одно памятное событие).

Посреди ночи Ваймс, который некоторое время слушал шум прибоя, спросил:

– Ты спишь, дорогая?

Не получив ответа, он, как это обычно делается, немного повысил голос и повторил:

– Ты спишь, дорогая?

– Нет, Сэм, уже не сплю.

Ваймс уставился в потолок.

– Мне интересно, получится ли.

– Ну конечно! Все полны энтузиазма и заинтригованы. Я нажала на столько рычагов, что никакой бес-органайзер бы за мной не угнался. Не беспокойся. А у тебя какие успехи?

На потолке сидел геккон. В Анк-Морпорке их не увидишь. Геккон смотрел на Ваймса яркими глазами. Ваймс сказал:

– Ну, это более или менее стандартная процедура... – Он неуютно заерзал, и геккон удрал в угол. – Впрочем, я немного волнуюсь. Большая часть того, что я сделал, вполне законна, но кое-что, так сказать, получилось спонтанно...

– Ты просто проложил для закона путь, Сэм. Цель оправдывает средства.

– Боюсь, множество дурных людей оправдывали свои поступки этими словами, дорогая.

Сибилла протянула руку под одеялом и дотронулась до мужа.

– Не вижу причин, отчего хороший человек не может оправдать ими благой поступок. *Не волнуйся, Сэм.*

«Женская логика, – подумал Сэм. – Всё будет хорошо, потому что должно быть хорошо. Проблема в том, что реальная жизнь намного сложнее, и плевать она хотела на бумажки».

Ваймс некоторое время уютно дремал, а потом услышал, как Сибилла шепотом спросила:

– Он ведь не сбежит, правда, Сэм? Ты сказал, он умеет обращаться с замками.

– Ну, в щекотанской тюрьме замки надежные, и за ним постоянно наблюдает охранник, а в Анк-Морпорк его повезут экстренно и с вооруженным конвоем. Не представляю себе обстоятельства, при которых он мог бы улизнуть. В конце концов, здешние ребята сами хотят проделать все как положено. Держу пари, они уж начистят доспехи, чтоб блестели, как серебро. Они намерены меня впечатлить, понимаешь? Не беспокойся, я уверен, что ничего не случится.

Они спокойно лежали рядом. Наконец Ваймс сказал:

– Куратор зоопарка очень хвалил Юного Сэма.

Сибилла сонно пробормотала:

– Может быть, он станет вторым Вулсторпом, но, надеюсь, у него будет черта, которая у Вулсторпа отсутствовала, а именно здравый смысл.

– Что бы он ни делал, – сказал Сэм Ваймс, – я не сомневаюсь, что у парнишки прекрасно получится.

– Значит, он станет Сэмом Ваймсом, – произнесла Сибилла. – А теперь

давай спать.

На следующий день семья отправилась домой – то есть Сибилла и Юный Сэм поехали в Анк-Морпорк экспрессом, после небольшой заминки, которая привела к тому, что изрядно разросшуюся коллекцию Юного Сэма вынесли из кареты и сложили на крыше, – а Сэм Ваймс на «Черноглазой Сьюзен» вернулся в Холл, потому что еще оставались кое-какие дела. Поскольку он был Королем реки, лоцман позволил ему часть пути вести судно, хоть при этом и непрерывно заглядывал через плечо, просто на всякий случай. Ваймс искренне радовался, что бывало нечасто. Странно вдруг заняться делом, которое ты, оказывается, всегда хотел попробовать, хотя до сих пор этого не сознавал и даже не догадывался, что это за дело такое... и Сэм Ваймс, ненадолго воспарив над миром, правил судном и радовался, как мышь в кладовой.

В ту ночь он лежал один в пустом Овнец-Холле – не считая, разумеется, сотни слуг – и прокручивал в голове события минувшей недели, а особенно свои поступки. Вновь и вновь Ваймс подвергал себя безжалостному перекрестному допросу. Не солгал ли он? В общем, нет. Ввел ли кого-нибудь в заблуждение? В общем, нет. Вел ли себя так, как надлежит стражнику? Вот в чем вопрос, да?

Утром две юные горничные принесли ему завтрак, и Ваймс с удовольствием увидел, что в качестве дуэньи их сопровождает лакей. На свой лад ему это весьма польстило. Затем Ваймс отправился на прогулку по очаровательной сельской местности, слушая журчащее пение малиновок и прочих птиц (он так и не запомнил их названия, но в любом случае пели они здорово).

По пути он чувствовал взгляды, направленные на него с полей и из окон. Пару раз к нему подходили люди, энергично жали руку и поскорее удирали, и Ваймсу казалось, что весь мир тащится за ним по пятам. Атмосфера была так насыщена волнением, что в ближайшее время прямо-таки следовало во всю глотку крикнуть «бу!».

Но Ваймс просто ждал. Ждал вечера.

Кареты начали съезжаться к анк-морпоркской Опере очень рано. Предстояло что-то очень важное; афиша гласила, что в зале будет присутствовать не только патриций, но также и правительница Убервальда госпожа Марголотта, посол Короля-под-Горой и рубиновый наместник Алмазного короля троллей, который привез с собой такое же количество приближенных, секретарей, телохранителей, поваров и советников, что и

представители гномьей стороны.

На свой неискушенный лад жители Анк-Морпорка были весьма искушены, и на улицах толпилось больше народу, чем обычно. Они понимали, что происходит нечто важное. За крошечными бутербродами обсуждаются великие дела. Судьбы миллионов решаются парой тихих слов в уголке, а потом мир слегка меняется. Если нет, это все замечают.

Если только у вас не было золотистого пригласительного билета, на сей раз в Оперу не стоило светски опаздывать: в таком случае пришлось бы светски стоять в заднем ряду и вытягивать шею, чтобы разглядеть что-нибудь через головы остальных.

На закате Ваймс постоял у каталажки, с радостью приняв братский кивок от лоцмана небольшой лодки, которая проплыла мимо. Потом он побрел по улице к пабу и уселся на скамейке у входа. Ваймс вытащил табакерку и несколько секунд смотрел на нее, после чего решил, что по такому поводу Сибилла, скорее всего, позволила бы ему закурить сигару.

Сквозь дым первой блаженной затяжки он уставился на деревенскую лужайку, точнее, на груды сломанных изгородей. Эта куча беззвучно нашептывала ему что-то, звала, совсем как в тот день, когда Ваймс впервые ее увидел. Задумчиво сделав еще несколько затяжек, он зашагал к двери. Джимини улыбнулся, стоя под свеженамалеванной вывеской «Герб командора» и наслаждаясь пинтой, которую всякий расчетливый трактирщик выпивает каждый день, когда прочищает краны. Ведь пиво – это жидкий хлеб, правда? А от хлеба вреда не бывает, даже если он несвеж.

– Вы, кажется, чем-то озабочены, командор, – сказал трактирщик. – Что-то у вас вид задумчивый.

Ваймс кивком указал на шаткую пирамиду плетенок:

– Эта штука тебе очень нужна, друг мой?

Трактирщик равнодушно взглянул туда же.

– Ну, это же просто куча старых загоронок, только и всего. Их складывают здесь после очередной овечьей ярмарки, чтобы они не мешались. Вроде как местная вешка, ничего особенного.

– А, – сказал Ваймс, глядя на груды, готовую вот-вот рассыпаться. Ничего особенного, конечно, но все-таки она с чем-то ассоциировалась...

Он зашел в трактир вслед за Джимини.

– Сколько у тебя тут бренди?

– Не так уж много, но найдется пять-шесть бутылок, да еще небольшой бочонок, – Джимини пристально уставился на Ваймса. Тот давно раскусил трактирщика и прекрасно знал, что Джимини достаточно

умен, чтобы встать на сторону победителя.

Он вновь пыхнул сигарой.

– Отложи для меня две штуки, ладно? И лучше удостоверься, что у тебя хватит хорошего пива, потому что скоро тут будет битком набито.

Ваймс оставил трактирщика, а сам вновь вышел на улицу и вновь принялся разглядывать сложенные изгороди. Его мысли блуждали далеко-далеко. «Разумеется, это сработает, – сказал он себе. – У них у всех есть часы, и я уверен, что они их синхронизировали, пускай не каждый твердо знает, как пишется это слово. Это сродни крику, и я обучил большинство из них, и они в курсе, что если кто-нибудь им скажет: «Да вы знаете, кто я такой?», следует ответить: «Да, знаю, и ты арестован». Ваймс улыбнулся в душе, когда подумал, что среди стражников, прибывших сюда из города, есть два тролля, два вампира, вервольф и гном. «Вот что, наверное, называют символичным», – подумал он и вновь вытащил часы – как раз когда начали подтягиваться первые любители вечерней пинты.

Пора начинать...

Кареты стояли вплотную вокруг Оперы, когда различные особы, высокие и низкие, покидали свои экипажи и спешили к дверям, пробиваясь через толпу жаждущих войти. Хорошо было тому, кто прихватил с собой отряд троллей или гномов.

Анк-Морпорк любил сюрпризы, если, разумеется, они не затрагивали доходов. Занавес должен был подняться только через час, но никого это не смущало, потому что главным было находиться здесь, а еще важнее – чтоб тебя видели другие, особенно те, кому ты *хотел* попасться на глаза. Какое бы зрелище ни предстояло, оно обещало стать светским событием, и если ты здесь был, и если тебя видели, и если случившееся было важным, значит, важным был ты сам.

Предстоял исторический вечер, даже если таинственному представлению было суждено забыться. Очень богатые люди часто устраивают такие штуки из тщеславия, но сегодняшнее мероприятие интриговало особенно, а в случае провала сулило хотя бы здоровый смех.

День переходил в ночь. Паб наполнялся, клиенты тоже – Джимини сообщил им, что они опять пьют за счет командора Ваймса. Трактирщик внимательно наблюдал за ним с порога. Тени удлинились, а Ваймс неподвижно стоял, время от времени поглядывая на часы.

Наконец появился парнишка, всем известный как юный Фини, по-

прежнему с рукой на перевязи, но, тем не менее, по мнению стариков, он выглядел гораздо взрослее, чем до сих пор. С ним пришел кузнец Джефферсон, который даже в лучшие времена считался пороховой бочкой с зажженным фитилем, и у него, как и у Фини, был значок. Публика хлынула из паба, когда эти двое подошли к Ваймсу и начался тихий разговор. Люди гадали, для чего у кузнеца с собой рупор; наконец они увидели, как Джетро передал его Ваймсу. Фини и кузнец зашагали к пабу, и зеваки расступились, словно море, пропуская их внутрь.

Ваймс вновь посмотрел на часы. На лужайку сходилось все больше народу. Те, кто обладал чутьем на драматические события, сбегали домой и сообщили, что затевается какое-то дело, «пойдемте, глянем». Деревенским жителям, точь-в-точь как городским, нравятся интересные зрелища, даже если это чья-то смерть. Они тоже любят говорить: «Я там был и все видел», даже если приходится добавлять «бр-р-р».

Ваймс в последний раз убрал часы в карман и поднес рупор к губам.

– ДАМЫ И ГОСПОДА! – Кузнец смастерил неплохой громкоговоритель, и голос Ваймса разлетелся по всей лужайке. – Я слышал поговорку, дамы и господа, что в конце концов все грехи прощаются.

Краем губ, чтобы только Фини и кузнец слышали, Ваймс добавил:

– Посмотрим.

И продолжил:

– Здесь совершались дурные поступки. Здесь отдавали дурные приказы. Здесь выполняли дурные приказы. Но так больше никогда не будет... правда, дамы и господа? Потому что существует закон. Но прежде чем он появляется, должно случиться преступление.

Во мраке царила абсолютная тишина, когда Ваймс зашагал через лужайку к груде изгородей. Он разбил о них две бутылки бренди, отступил на шаг и бросил в грудку горящий окурок.

Разговоры в Опере стихли и прекратились, когда из-за занавеса на сцену вышла госпожа Сибилла. Она была женщиной, что называется, обширных пропорций, хотя и подозревала, что некоторые из них были даже более чем обширными. В любом случае она могла позволить себе платье от лучших портных и обладала манерами и осанкой, которые отличали ее сословие – ну, или, по крайней мере, сословие, к которому она принадлежала по рождению, поэтому, едва госпожа Сибилла вышла на сцену, раздались аплодисменты. Когда госпожа Сибилла решила, что они длятся уже достаточно долго, она сделала чуть заметный жест, и в зале, как по волшебству, воцарилась тишина.

У госпожи Сибиллы был особый тембр голоса для такого рода случаев. Каждому казалось, что она обращается именно к нему. Она сказала:

– Милорд патриций, госпожа Марголотта, ваша светлость господин наместник, послы, дамы и господа, я тронута, что вы все согласились прийти на мой маленький вечер, особенно учитывая то, что я упрямилась и так мало о нем рассказывала, – госпожа Сибилла сделала глубокий вдох, и несколько пожилых джентльменов на первых рядах чуть не разрыдались ^[34].

– Недавно мне посчастливилось найти несравненного музыканта, и без дальнейших промедлений я поделюсь с вами этим удивительным секретом. Можно потушить свет, Джеффри? Спасибо. Дамы и господа, я имею честь представить Слезы Гриба, которая сыграет нам свое сочинение под названием «Сумеречная серенада». Надеюсь, вам понравится. Точнее, я не сомневаюсь, что понравится.

Госпожа Сибилла отступила назад, когда занавес раздвинулся, и опустилась на стул рядом со Слезами Гриба, которая послушно сидела возле концертной арфы.

Невзирая на внешне невозмутимое обличье, сердце у Сибиллы стучало, словно отбивая чечетку. Притушить свет – отличная мысль. Чтобы девочка не увидела тысячи собравшихся в зале. Сибилла взяла Слезы Гриба за руку, боясь, что та, внезапно оказавшись на виду у всего Анк-Морпорка, вдали от дома, страшно испугается, но всё обернулось иначе. Девочка была необычайно спокойна, как будто не понимала, что должна испытывать трепет. Она на свой странный лад улыбнулась Сибилле и замерла, держа пальцы над струнами. В зале не было слышно ни звука, кроме шепота – зрители спрашивали друг друга, что это за маленькая, замершая в ожидании фигурка. Госпожа Сибилла тоже улыбнулась. Когда они поймут, будет уже поздно. Она посмотрела на часы.

Пламя поднялось так высоко над поместьем Овнецов, что сияние было видно в Анк-Морпорке (спорим на галлон бренди и связку тюрбо). Ветра почти не было, и костер напоминал маяк.

Ваймс объявил собравшейся толпе:

– Дамы и господа, сегодня местность, известная как Графства, переходит под власть закона, под которым я подразумеваю истинный закон, который записан, чтобы все могли его прочитать или даже изменить, если достаточное количество людей этого захотят. Старший констебль Наконец и констебль Джефферсон действуют при поддержке своих коллег из анк-

морпоркской городской Стражи, которой было бы приятно знать, что к их здешним коллегам относятся с должным уважением. В настоящий момент сюда, со всем уважением, везут разных лиц, хотя и, вероятно, к их неудовольствию. Некоторые из них – те самые люди, которые называют себя магистратом, и вскоре их увезут и попросят объяснить в присутствии законников, по какому праву они заняли эти должности. И если кто-нибудь из вас хочет возразить, пусть выйдет и скажет. Закон ради людей, а не наоборот. А если вдруг случается наоборот, не бойтесь братья за оружие, понятно? В баре по-прежнему наливают бесплатно, **НО ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВЫ ТУДА КИНЕТЕСЬ, Я СКАЖУ ЕЩЕ КОЕ-ЧТО!**

Ваймсу пришлось вновь поднести рупор к губам, потому что слова «бар» и «бесплатно» в одной фразе оказали воодушевляющий эффект на слушателей.

– И сейчас, дамы и господа, гоблины на Холме Висельника – как и прочие гоблины в этой местности – находятся под моей защитой и под защитой закона. Они также подчиняются закону, и уж я позабочусь, чтобы у них была своя полиция. Кажется, они – прирожденные операторы клик-башен, а потому, если угодно, они могут этим зарабатывать на жизнь. Я плачу за то, чтобы вон та клик-башня стояла постоянно. Вам будет от нее польза – и им тоже! Гоблины перестанут воровать у вас цыплят, потому что получают возможность их покупать, а если они таки будут воровать – значит, это преступление, и с ними обойдутся по закону. Один закон для всех, дамы и господа. Одна мерка.

Послышались одобрительные возгласы – громкие, как и подобает людям, у которых в перспективе бесплатная выпивка. Разумеется, кто-то мог и впрямь радоваться тому, что в мире появилось правосудие, но, в общем и целом, скорее всего, победу одержал бар. Необязательно для этого быть циником, достаточно просто знать людей.

Ваймс медленно пошел к ярко освещенному трактиру, хотя шансов попасть внутрь было немного. Напротив, шансы попасть в объятия мисс Фелисити Бидл равнялись ста процентам – именно это она и сделала, под смущенным взглядом кузнеца.

Ваймс высвободился, и мисс Бидл сказала:

– Вы прекрасный человек, командор, и, надеюсь, вам поставят памятник.

– А я надеюсь, что нет! Памятники ставят только мертвым.

Она рассмеялась, и Ваймс продолжил:

– Право, мисс Бидл, я не знаю, ждате ли мне памятника или пинка под зад. В чем-то я действовал вполне по закону, а в чем-то... поступал весьма

спорным образом. У меня есть офицер, который с цифрами обращается, как сержант Детрит с кувалдой, и он сейчас изучает счета сына одного из самых влиятельных людей в Анк-Морпорке. Опытные стражники уже посетили дома всех членов местного магистрата и каждому предъявили документ, скрепленный моей печатью, в котором говорится, что они больше не являются членами самозванного магистрата Графств и что им могут быть предъявлены официальные обвинения. Мое оправдание *должно* сработать, но, скорее всего, в этом деле победит тот, у кого будут лучшие адвокаты. Будущее, мисс Бидл, довольно туманно, но должен вам сказать, что Юный Сэм, вашими трудами, скорее всего, станет мировым экспертом по какашкам. Мы с женой очень довольны и надеемся лишь, что этим он не ограничится.

Вдалеке уже слышалось гроыхание повозок и карет. Птички возвращались в гнезда.

– Кажется, скоро придут люди, с которыми я захочу поговорить, мисс Бидл, хотя, подозреваю, это желание не будет взаимным.

– Разумеется, командор. Кстати говоря, гоблины, похоже, очень привязались к вашему капралу Шноббсу. Они обращаются с ним как с сородичем, а ему явно нравится Блеск Радуги, как и он ей. Возможно, вам будет интересно узнать, что гоблины дали капралу имя Сокрушающий Ветер.

Ни тени улыбки не было на лице мисс Бидл, и Ваймс ответил:

– Да, очень метко. Шнобби прямо-таки источает сквозняк. Более того, моя супруга высказала пожелание, чтобы я вне очереди присвоил ему звание сержанта на время пребывания здесь. Надеюсь, он поможет гоблинам постичь преимущества закона, хотя не исключаю, что отныне у местных жителей просто будут более искусно воровать кур.

– Да вы шутник, командор.

Выражение лица Ваймса оставалось неизменным.

– О да.

Он повернулся к Джефферсону:

– Знаешь, все было бы намного проще, если бы ты поверил мне с самого начала.

Кузнец пожал плечами:

– А с какой стати мне было вам верить? Вы богач.

– А теперь веришь?

Взгляд кузнеца долго оставался неподвижным – дольше, чем хотелось бы Ваймсу, – но в конце концов Джефферсон улыбнулся:

– Ну да. Пока что.

На это Ваймс мог дать только один ответ. Он тоже улыбнулся, когда произнес:

– Ты говоришь как настоящий стражник.

Когда Джетро и Фини прошли дальше, из-за спины Ваймса донеслось вежливое покашливание. Он обернулся и увидел встревоженное лицо полковника.

– У вас найдется минутка, командор?

«О боги», – подумал Ваймс.

– Для начала я скажу, командор, что полностью согласен с вашими действиями, и, боги мне свидетели, так и надо было поступить, – полковник вновь кашлянул. – Может быть, вы со мной не согласитесь... – Ваймс ждал, и полковник продолжил: – ...но моя жена – глупая женщина, которая боготворит титулы и, если можно так выразиться, ведет себя не по чину. Ее отец был рыбаком, отличным рыбаком... но знаете что? Она скорее умрет, чем кому-нибудь об этом расскажет.

Вновь последовала пауза, и в алом зареве Ваймс увидел блеск в глазах старика.

– Что с ней будет, командор? Сейчас ее стерегут две вежливые молодые леди в форме анк-морпоркской городской Стражи. Не знаю, будет ли от этого какой-нибудь прок на суде, но первое, что она сделала, когда стражники пришли ее арестовывать, так это налила им чаю. Хорошие манеры, сами понимаете. Скажите, она попадет в тюрьму?

Ваймс ощутил желание спросить: «А вы того хотите?» – но подавил его, увидев слезы на лице полковника.

– Вас зовут Чарльз, если не ошибаюсь?

Полковник явно удивился.

– Для друзей просто Чез, командор.

– Я один из них? – Не дожидаясь ответа, Ваймс продолжил: – Как поступить – это будут решать другие люди. А я просто позаботился, чтобы никто случайно не сбежал, прежде чем у меня появится возможность со всеми ними побеседовать, понимаете? Я не судья, и мне не позволят сидеть в числе присяжных. Стражникам это нельзя. И я даже не уверен, что существует наказание за глупость, тщеславие и недомыслие, хотя, пожалуй, если отправлять за решетку всех, кто в этом повинен, пришлось бы построить еще тысячи тюрем. Лично я хотел бы знать, что с убийцами, если я их найду, поступят по закону, и с перепуганными, нерассуждающими и послушными тоже обойдутся, как они того заслуживают. Честно говоря, сэр, я не хочу жить в мире идиотов. У меня нет никакого особого желания видеть вашу жену в тюрьме, хотя,

подозреваю, если она окажется в женском отделении Танги, ее кругозор весьма расширится. Она так любит командовать, что уже через пару недель будет всем там заправлять.

– Я ее правда очень люблю, – сказал полковник. – Мы прожили пятьдесят пять лет. Мне очень жаль, что мы доставили вам неприятности, и, как я уже сказал, я завидую, что у вас такая работа.

– Лично я позавидовал бы, что у вашей жены такой муж, – сказал Ваймс. – Знаете, полковник, я буду счастлив, если правда выйдет на свет, предпочтительно на страницах «Анк-Морпорк таймс», если вы понимаете.

– Прекрасно понимаю, командор.

Ваймс взглянул на старика, которому явно полегчало, и добавил:

– Не гарантирую, но полагаю, что патриций Ветинари постарается обеспечить себе поддержку, и, скорее всего, некоторые наказания будут чисто символическими. Сами понимаете, слишком много шкафов, слишком много скелетов. Слишком много вещей, которые случились слишком давно. Что делать, если какой-то стражник шляется вокруг и вытаскивает их на свет? Это называется реальная политика, сэр. Я подозреваю, что жизнь пойдет своим чередом, и вам недолго придется страдать без жены, и, насколько я понимаю, это значит, что в течение следующей недели вы сможете есть на ужин практически что угодно.

Явно воодушевившись, старик улыбнулся.

– Знаете, командор, я уверен, что тушеные креветки, если отнестись к ним с должным уважением, окажутся моими сердечными друзьями.

Полковник протянул руку. Ваймс принял ее, пожал и произнес:

– Приятного аппетита.

Было несколько версий того, почему щеботанский фургон, перевозивший очень важного заключенного, перевернулся посреди ночи и покатился вниз с крутого холма, по пути разлетевшись на куски. Вините темноту, туман, скорость – а главное, почтовый экспресс из Анк-Морпорка, который врезался прямо в него на повороте.

Когда пострадавшие пришли в себя настолько, чтобы хоть что-то понять, оказалось, что их стало меньше на одного заключенного, который умудрился открыть кандалы отмычкой, и больше на одного стражника, которому перерезали горло.

Было темно, холодно, непроглядно, и уцелевшие, сгрудившись кучкой, ждали до рассвета. В конце концов, как можно кого-то найти в темноте?

Стратфорд умел бегать быстро. Быстрые ноги – штука полезная. Он

придерживался дороги, которая была едва различима во мгле. Неважно, куда он шел; в конце концов, Стратфорд знал, что никто не сумеет назвать его особые приметы. Обладать неопределенной внешностью – подарок судьбы.

Спустя некоторое время он с удивлением и радостью услышал, как по дороге за ним рысит лошадь. «Какой-то смелый путник», – подумал Стратфорд, улыбнулся в тумане и стал ждать. К еще большему его удивлению, лошадь остановилась неподалеку, и всадник спешил. Стратфорд различал лишь силуэт в блестящем, насыщенном влагой воздухе.

– Боги мои, знаменитый мистер Стратфорд, – произнес добродушный голос, когда незнакомец подошел поближе. – И вот что я вам скажу: если шевельнетесь, сами побежите вдогонку за Смертью.

– А, это ты! Ваймс послал *тебя* за мной?

– Нет, сэр, – ответил Вилликинс. – Командор даже не знает, что я здесь, сэр, и не узнает, можете не сомневаться. Нет, сэр, я здесь, так сказать, из профессиональной гордости. Кстати, сэр, если вы подумываете убить меня и забрать мою лошадь, я буду крайне благодарен, если вы поторопитесь это сделать.

Стратфорд колебался. Что-то в голосе Вилликинса располагало к колебаниям. Он звучал спокойно, дружелюбно и... пугающе.

Вилликинс подошел чуть ближе и хихикнул.

– Ох, боги, сэр. Я и сам неплохой боец, а когда я узнал, как вы изрубили ту девушку, то подумал: ого. А в другой раз, когда у меня был выходной – очень важная штука выходной для тех, кто трудится в поте лица, – я съездил в Свес и узнал про вас кое-что. О, что я узнал. Вас и *правда* боятся.

Стратфорд продолжал медлить. Что-то здесь было не так. Вилликинс говорил дружелюбно и откровенно, как малознакомый человек, который завязывает приятельскую беседу в пабе, а Стратфорд привык, что люди очень нервничали, когда разговаривали с ним.

– А теперь послушай, – сказал Вилликинс, – я вырос на улице, я дрался и дрался подло, можешь не сомневаться. Я готов был схватиться с кем угодно, но я никогда не трогал женщин – ну, за исключением Чудачки Элси, которая сама была не прочь, и однажды она взяла меня за то место, которое я не стану называть, а я лежал со связанными, причем в нескольких местах, руками, вот и пришлось дать ей хорошего пинка. Веселые были деньки. Но ты? Ты просто убийца. Громила. Я дерусь, потому что меня могут убить, ну или мы с противником оба окажемся в канаве, слишком

измученные, чтобы ударить еще раз, ну а потом, скорее всего, мы поможем друг другу встать и пойдём в паб, чтобы выпить и умыться.

Он сделал еще шаг. Стратфорд отступил.

– А вы, мистер Стратфорд, намеревались убить сынишку командора Ваймса. Или устроить что-то еще похлеще. Знаете, что самое страшное? Если бы вам это удалось, командор арестовал бы вас и потащил в ближайший полицейский участок, хотя в душе искромсал бы себя в кровавые клочья. Он бы поступил именно так, потому что он, бедняга, боится встать на одну доску с вами, – Вилликинс рассмеялся. – Правда в том, мистер Стратфорд, что рядом со мной командор – это мальчик из воскресной школы, честное слово. Но в мире должна быть справедливость. Не обязательно судебная. *Просто* справедливость. Поэтому я вас убью. Но я честный человек и дам вам шанс убить меня первым. Иными словами, один из нас умрет, и в любом случае мир станет лучше и чище. Назовите это... уборкой. Я знаю, у вас есть оружие, потому что в противном случае вы бы предпочли бежать. Готов ручаться, вы забрали меч у одного из щёботанских бедолаг и, скорее всего, в суматохе его же и пырнули.

– Да, – сказал Стратфорд. – Он был стражником, а ты всего-навсего дворецкий.

– Вы совершенно правы, – ответил Вилликинс. – И я намного старше вас, и тяжелее, и медлительнее, но все-таки силенки у меня еще есть. Что вам терять?

Только лошадь, терпеливо стоявшая в тумане, видела, что произошло дальше, но, будучи лошадью, она была не в состоянии выразить свое мнение по этому поводу. Обладая она даром речи, она бы сказала, что один человек бросился вперед, держа в руках большую железную палку, а другой спокойно сунул руку в нагрудный карман. Последовал ужасный крик, бульканье... и тишина.

Вилликинс, пошатываясь, отошел к обочине и сел на камень, чтобы отдышаться. Стратфорд двигался быстро, в этом сомневаться не приходилось. Вилликинс вытер лоб рукавом, вытащил пачку сигарет и закурил, глядя в туман. Потом встал, посмотрел на убитого и произнес:

– Недостаточно быстро.

А потом, как и подобает порядочному гражданину, Вилликинс вернулся посмотреть, не может ли он чем-нибудь помочь незадачливому законнику, оказавшемуся в трудном положении. Всегда следует помогать законникам. Что бы мы делали без них?

Первый заместитель редактора «Анк-Морпорк таймс» искренне

ненавидел поэзию. Он был человеком простым и большую часть времени посвящал тому, что изгонял стихи со страниц газеты. Но поэты – известные ловкачи, они проберутся куда угодно, стоит только отвернуться. Сегодня выпуск и так запоздал настолько, что наборщики работали сверхурочно, и вдобавок заместитель редактора уставился на статью, которую только что принесли от Натчбулла Харрингтона, штатного музыкального критика, человека, к которому он питал глубочайшие подозрения. Заместитель редактора повернулся к ассистенту и сердито помахал листом:

– «Из каких пределов взялась она, эта музыка горних сфер?» Вот оно опять! Почему нельзя просто сказать «Откуда взялась эта музыка?». В любом случае идиотское начало статьи. И что такое горние сферы?

Ассистент задумался.

– Наверное, что-то связанное с горами. Но я могу и ошибаться.

Первый заместитель редактора пришел в отчаяние.

– Это прямо поэзия какая-то!

Некто очень хорошо выступил на концерте. Слушателям понравилось. Почему тот придурок в женской шелковой рубашке прямо так и не написал? В конце концов, в этой фразе заключено все, что нужно знать, не так ли? Заместитель редактора схватил красный карандаш, но, как только он принялся трудиться над злополучной рукописью, на лестнице послышались шаги, и в кабинет вошел мистер де Словв, редактор «Таймс», с таким лицом, словно он увидел привидение – или, быть может, привидение увидело его.

Он ошалело посмотрел на двух озадаченных сотрудников и с трудом выговорил:

– Харрингтон прислал заметку?

Первый заместитель протянул ему возмутительную рукопись.

– Да, шеф. По-моему, так просто чушь.

Де Словв схватил заметку, прочел, шевеля губами, и сунул обратно.

– Не менять ни единого слова. На первую полосу, Бакси, и, черт возьми, я очень надеюсь, что Отто сделал иконографию.

– Да, сэр, но...

– И не спорь, черт тебя дери! – рявкнул де Словв. – А теперь, с вашего позволения, я пройду к себе.

Он с грохотом зашагал по лестнице, а главный заместитель редактора и его ассистент принялись мрачно перечитывать заметку Натчбулла Харрингтона. Вот как она начиналась:

«Из каких пределов взялась она, эта музыка горних сфер, из какого

потайного грота или неведомого подземелья? Из какой темной пещеры? Из какого окна в рай она доносилась? Мы видели крошечную фигурку в лучах света, и музыка захлестывала нас, то утешая, то благословляя, то обвиняя. Каждый повстречался с призраками, демонами и давними воспоминаниями. Сольное выступление Слез Гриба, юной леди гоблинского происхождения, длилось не более получаса – или целую вечность, – а когда оно закончилось, тишина нарастала, ширилась и густела, пока наконец не взорвалась. Все стояли и до боли хлопали в ладоши, по лицам слушателей текли слезы. Мы унеслись куда-то, а потом вернулись, став другими и мечтая о повторном путешествии в рай, даже если по пути пришлось бы иметь дело с адом».

Главный заместитель редактора и его ассистент посмотрели друг на друга, как наверняка выразился бы Харрингтон, «в легком недоумении». Наконец заместитель проговорил:

– Кажется, ему понравилось.

Прошло три дня. Весьма насыщенные для Ваймса. Нужно было вновь ловить ритм – точнее сказать, выйти из одного и войти в другой, в то время как оба маятника не переставали качаться. Столько бумаг, которые надо прочесть! Столько бумаг, которые надо отодвинуть в сторону! Столько бумаг, которые надо передоверить! Столько бумаг, по поводу которых надо сделать вид, что он их не получал, и, возможно, они съедены горгульями...

Но сегодня в Продолговатом кабинете патриций Ветинари был близок к ярости. Впрочем, это понял бы только человек, хорошо его знавший. Патриций побарабанил пальцами по столу.

– «Снаркенфагистер»? Не сомневаюсь, что она сама выдумала это слово!

Стукпостук осторожно поставил на хозяйский стол чашку кофе.

– Увы, сэр, оно и правда существует. В Ничегофьорде оно означает изготовителя мелких, но необходимых вещиц, как-то: затычек, комнатных крючков для одежды, укороченных трубочек для коктейлей, если кто не любит высокие бокалы. Это слово имеет скорее исторический интерес, поскольку в ходе утренних изысканий я обнаружил, что последний известный снаркенфагистер умер двадцать семь лет назад в результате странного несчастного случая с участием точилки для карандашей. Кстати говоря, насколько мне известно, ваша составительница кроссвордов сама родом из Ничегофьорда.

– А! Здесь ты прав. Длинные зимы, сидение у очага и чудовищное

терпение. Но она держит зоомагазин на Пеликуньем спуске! Собачьи ошейники! Корм для кошек! Мотыль! И такая изворотливость! Такая ловкость! Такой словарный запас! Снаркенфагистер!

– Ну, сэр, она же главный поставщик кроссвордов для «Таймс», так что, наверное, это вполне естественно.

Патриций Ветинари успокоился.

– Один по горизонтали, один по вертикали. Она победила, а я зол. Как тебе известно, я очень редко злюсь, Стукпостук. Холодное, пусть и циничное, бесстрашие, – моя сильная сторона. Я могу изменить судьбу наций, но на каждом шагу меня обходит женщина, ничем не примечательная, кроме как сочинением кроссвордов!

Стукпостук кивнул.

– Да, сэр, и на этой ноте – и с вашего позволения я ее немного потяну – позвольте напомнить вам, что командор Ваймс ждет в другой комнате.

– Да? Ну так поскорей впусти его.

Ваймс вошел, *почти* безупречно отсалютовал и остановился по стойке смирно.

– А, ваша светлость, приятно видеть, что вы наконец вернулись. Как прошел отпуск, не считая незаконных действий, импровизированных облав, драк, погонь на суше, на море и на пресной воде, недозволенных расходов и, разумеется, испорченного воздуха в домах у сильных мира сего?

Ваймс неотрывно смотрел куда-то чуть выше головы патриция.

– Разрешите поправку, милорд. Воздух я не портил, разве что в носу поковырял.

– И, разумеется, это было необходимо? – сухо поинтересовался патриций Ветинари. – Ваймс, в последние несколько дней из-за вас через мои руки прошло огромное количество бумаг. В одних случаях адресаты требуют вашу голову на блюде, в других проявляют большую осмотрительность, поскольку сидят в тюремной камере и пребывают в смертельном ужасе. Позвольте мне кое-что прояснить, ваша светлость, а именно, что закон не имеет обратной силы. Иначе никто из нас не был бы в безопасности. Лорд Ржав-младший, возможно, совершил – и даже несомненно *совершил* – множество дурных поступков, но при действующем законе порабощение гоблинов не считается преступлением. Впрочем, полагаю, недавние разоблачения касательно его иных предприятий изрядно подпортят молодому человеку репутацию. Вы, возможно, этого не знаете, Ваймс, но в обществе такие вещи бывают хуже тюремного заключения – даже хуже смертного приговора. Сейчас у юного

Эмбриона Ржава мало друзей. Надеюсь, вас это хоть немного порадует.

Ваймс промолчал. Он подумал: «Шар в лузе».

Ветинари сердито взглянул на него и продолжал:

– Я получил красноречивое послание от лорда Ржава-старшего, который умоляет сохранить его сыну жизнь, если не свободу, и признает, что тот втоптал семейную честь в грязь, – патриций вскинул руку. – Его светлость – старик, а потому, Ваймс, если вы намеревались сказать «еще глубже», я настоятельно прошу проявить милосердие. Его светлость очень хочет избежать скандала. А теперь могу ли я услышать *вашу* точку зрения?

– Да. Скандал уже случился, сэр, и не единожды, – холодно отозвался Ваймс. – Эмбрион Ржав торговал живыми, дышащими, мыслящими существами. Многие умерли!

– Опять-таки, Ваймс, я вынужден напомнить, что закон не обращают вспять.

– Возможно, – ответил Ваймс, – а как насчет молодых троллей, которые попробовали эту дрянь? *Время* тоже не обратишь вспять.

– Заверяю вас, Ваймс, закон не останется в небрежении, и, раз уж вы спросили, в данный момент я веду переговоры с королем троллей, который требует – *требует* от меня – от *меня*, Ваймс! – чтобы молодого лорда Ржава передали ему для допроса касательно производства и распространения смертельных тролльих наркотиков. Разумеется, по тролльим законам бедолагу казнят, и я с прискорбием признаю, что в нынешний момент, учитывая сложности человеческой, тролльей и гномьей политики, это может иметь далеко идущие последствия, а потому с точки зрения интересов города, боюсь, выдать Эмбриона было бы ошибкой. Мне приходится улаживать эту проблему, и, поверьте, понадобится немало «кви», чтобы достигнуть «про кво». А сейчас всего лишь половина десятого утра!

У Ваймса покраснели костяшки пальцев.

– Гоблины – живые существа, которые умеют разговаривать и мыслить, у них есть песни и имена, а он обращался с ними как с предметами, которые можно ломать и выбрасывать!

– Совершенно согласен, Ваймс, но, как я уже говорил, гоблинов всегда считали чем-то вроде полевых вредителей. Именно поэтому Анк-Морпорк, Король-под-Горой, Алмазный король, Убервальд, Ланкр и все независимые города на равнинах намерены принять закон, согласно которому гоблины отныне будут считаться разумными существами, равными, пусть и не тождественными, троллям, гномам, людям, вервольфам, и прочая, и прочая, им вменяется подчиняться так называемому общему праву и гарантируется

его защита. Это значит, что убийство гоблина станет тяжким преступлением. Вы победили, командор, вы победили. Благодаря какой-то там серенаде. Да, конечно, были и другие причины, но именно ваша жена собрала большую часть иностранных послов на свой маленький вечер, она, Ваймс, оказалась просто воплощенным красноречием. Хотя, честно говоря, Ваймс, мне совестно. Некоторые проводят всю жизнь, строя планы, ведя переговоры, отдавая, забирая, подмазывая скрипящие колеса – иными словами, прикладывая массу усилий, чтобы помешать нашему изношенному миру разлететься на кусочки. И вдруг из-за какой-то музыки, Ваймс, – из-за музыки – некоторые весьма влиятельные государства решились действовать сообща, чтобы решить проблемы другого независимого государства, а заодно – так, походя – превратить животных в людей. Представляете, Ваймс? Да где это видано? И все из-за какой-то музыки, Ваймс. *Все из-за музыки.* Странно звенящие нотки и невероятные переливы, которые каким-то образом проникали в душу, напоминая некоторым, что душа у них есть. Госпожа Сибилла стоит десятка дипломатов. Вам повезло, командор.

Ваймс открыл рот, чтобы заговорить, но Ветинари перебил:

– А еще вы треклятый идиот, настоящий непрошибаемый идиот! Закон должен начаться с преступления? Да, понимаю! Но мириться не намерен! – Ветинари взял одно из лежавших на столе писем. – Лорд Ржав просит, чтобы его сыну дали относительно небольшой срок, а затем позволили эмигрировать на Четвертый континент и начать новую жизнь. Поскольку молодой Ржав был серьезно связан с контрабандой, штраф придется заплатить изрядный.

Он вскинул руку:

– Нет, выслушайте до конца; в конце концов, я тиран в этом городе или кто? – Ветинари тяжело опустился на кресло, вытер лоб и сказал: – Я и так уже утратил самообладание, столкнувшись с милой дамой, совершенно безукоризненной во всех прочих отношениях, которая сочиняет кроссворды для «Таймс». В любом случае, Ваймс, лорд Ржав отзывается о вас как об удивительно честном, неподкупном, прямом и бдительном человеке. Более того, он лишает сына наследства, а значит, после смерти старика титул перейдет к его дочери Регине, весьма свирепой особе с непростым характером и горячим нравом. И это, Ваймс, создает для меня еще одну проблему. Его светлость очень слаб, и, честно говоря, я надеялся в дальнейшем иметь дело с его сыном, невежественным, чванным и надутым идиотом... но Регина? Она же умна! По крайней мере, она не сочиняет кроссворды, – добавил патриций, словно обращаясь к самому себе. –

Теперь можете говорить, командор.

– Там произошло убийство, – мрачно произнес Ваймс.

Ветинари тяжело вздохнул.

– Нет, Ваймс. Там была просто бойня. Понимаете? На тот момент гоблины считались паразитами и – нет, не вздумайте на меня орать. В эту самую минуту во дворцах и канцеляриях по всему миру гоблинов делают людьми, такими же, как вы и я, но что было, то было. Я хочу, чтобы вы поняли: Стратфорд был бы предоставлен милосердному попечению мистера Трупера исключительно за то, что он и его дружки захватили «Чудо-Сисси», а не... В чем дело?

Ветинари оглянулся на Стукпостука и добавил:

– Разумеется, я имел в виду лодку, – и продолжал, не глядя на Ваймса:

– Это пиратство, и добрые жители Щеботана, где зарегистрированы упомянутые... э... лодка, в таких случаях высказываются за смертную казнь. Мне известно о многих других преступлениях, но, к сожалению, повесить человека можно лишь единожды. Однако, как выяснилось, мистер Стратфорд получил смертельную рану в стычке три дня назад. Его нашли неподалеку от разбившейся кареты, с хирургически перерезанным горлом. Какое приятное совпадение, не правда ли?

– Не надо на меня так смотреть, сэр.

– Боги мои, да я не обвиняю вас, командор, я просто подумал, не знаете ли вы каких-нибудь людей, затаивших зло на покойного.

– Нет, сэр, – ответил Ваймс, вытягиваясь по стойке смирно.

– Знаете, Ваймс, иногда лицо у вас так деревенеет, что хоть гвозди забивай. Скажите мне вот что: вы точно не отдавали никаких распоряжений?

«Как он это проделывает? – подумал Ваймс. – Как?» Вслух он ответил:

– Я понятия не имею, о чем вы говорите, сэр, но если я правильно догадываюсь, то – нет, не отдавал. Если в ту ночь и совершилось преступление, то не по моему приказу. Я хотел видеть Стратфорда на виселице. Как положено по закону.

Он подумал: «И я никогда не заговорю на эту тему с Вилликинсом».

Ветинари вскинул брови, когда Ваймс продолжал:

– Но этому подлецу, сыну его светлости, предстоят сплошные каникулы в теплой стране с дешевым вином! – он стукнул по столу кулаком, и патриций многозначительно смотрел на него, пока Ваймс не убрал руку. – Вы собираетесь так это и оставить?

– Иногда, как известно, горбатого можно исправить. Все мы надеемся на искупление, заслуживаем мы того или нет. Я присмотрю за этим юным

идиотом, не сомневайтесь.

– А вы пошлете вдогонку Темных Клерков?

– Темные Клерки – это миф, Ваймс, как известно. На самом деле за тамошними успехами молодого Ржава будут следить служащие из нашего посольства. Мир стал лучше, командор. Вы не понимаете, Ваймс, совершенно не понимаете сути всех сделок, стратагем и незримых уловок, к которым прибегают некоторые, чтобы и дальше было не хуже. Не ищите совершенства. Его не существует. Мы можем лишь стремиться к нему. Поймите это, командор, потому что, с моей точки зрения, иных вариантов у вас нет. И помните: за то, что вы сделали на этой неделе, *вас не забудут*. Пусть лорду Ржаву это не нравится, но новости расходятся быстро. Правду узнают и запишут в учебники по истории, – Ветинари слабо улыбнулся. – Я уж об этом позабочусь. А жизнь пойдет дальше, став чуточку лучше, чем прежде.

Ветинари взял очередное письмо, взглянул на него и сказал:

– Ступайте, командор, и помните, что я по многим причинам вам завидую. Передайте мои наилучшие пожелания своей милой супруге.

Ваймс посмотрел на Стукпостука. Лицо секретаря столь старательно не выражало ничего... что выражало всё.

Ветинари придвинул к себе папку и взял перо.

– Не смею более задерживать вас, командор.

Через час патриций Ветинари сидел за столом, сомкнув пальцы и явно задумавшись. Глядя в потолок, он, к большому удивлению Стукпостука, время от времени помахивал рукой, словно дирижировал незримой музыкой. Стукпостук знал, что не стоит его беспокоить, но в конце концов секретарь рискнул спросить:

– Памятный был концерт, не правда ли, сэр?

Ветинари перестал изображать дирижера и бодро произнес:

– О да. Говорят, иногда глаза на портрете следят за тобой по всей комнате – правда, я в этом сомневаюсь, – но мне интересно, может ли музыка следовать за человеком повсюду... – Он как будто пришел в себя и продолжал: – В общем и целом, Ржавы, хоть они и не обременены мозгами, всегда были честны и полны патриотизма, я прав, Стукпостук?

Секретарь без особенной необходимости поправил лежавшие на столе бумаги и ответил:

– Согласен, сэр. Юный Эмбрион – прискорбное исключение.

– Думаешь, он не исправится? – спросил Ветинари.

– Скорее всего, нет, – сказал Стукпостук, аккуратно складывая

перочистку. – В любом случае в нашем посольстве на Четвертом континенте делопроизводителем сейчас служит Арахна. Она умоляла дать ей эту должность, поскольку ее особенно интересуют ядовитые пауки.

– Наверное, у каждой девушки должно быть хобби, – заметил Ветинари. – Что, на Четвертом континенте много пауков?

– Насколько мне известно, сэр, они там просто кишат, и у Арахны, кажется, уже огромная коллекция.

Ветинари молчал, продолжая сидеть с закрытыми глазами.

Стукпостук кашлянул.

– Говорят, сэр, в конце концов все грехи прощаются.

Хэвлок, патриций Ветинари, неохотно оторвался от мыслей о чудесной музыке, которую мечтал услышать вновь.

– Не все, Стукпостук, не все.

Той ночью в постели в доме на Лепешечной улице, прислушиваясь к отсутствию сов и козодоев, Ваймс сказал:

– Кстати, дорогая, мне скоро придется еще разок съездить в Графства. Фини славный малый, но им нужна нормальная штаб-квартира и дельное руководство, а значит, что-то помимо Шнобби Шноббса и Фреда Колона.

Сибилла повернулась к мужу.

– Ну, не знаю, Сэм. Фред и Шнобби не так уж плохи, и, может быть, пока ничего другого и не нужно. Они хоть и стражники, но перемещаются чрезвычайно неторопливо, и, в общем, приятно, когда они рядом. Сейчас у тебя там двое молодых людей, полных задора и энергии, и, если ты не хочешь ничего испортить, вероятно, будет лучше подкрепить их кем-то более спокойным и устойчивым. Как тебе кажется?

– Ты, как всегда, права, дорогая.

– И потом, я видела Фреда. Необходимость пересмотреть свой взгляд на мир его явно потрясла.

– Он оправится, – заверил Ваймс. – Если только миновать внешнюю тупость, под ней, вопреки ожиданиям, обнаружится приличный человек.

Сибилла вздохнула.

– Да, Сэм, но этому приличному человеку нужен отпуск на солнышке. Там, где нет дыма, грязи и каторжной работы.

– Да это же самое приятное! – со смехом заметил Ваймс.

– Нет. Ему нужен отпуск. Всем нужен отпуск, Сэм. Даже тебе.

– Я его только что пережил, дорогая, спасибо большое.

– Нет, ты пережил несколько дней, полных драк, наводнений, убийств и я не знаю чего еще. Разбери бумаги на столе, убедись, что все заняты

делом, а потом мы поедем отдыхать на целую неделю, ты слышишь, Сэм Ваймс?

Эпилог

Три месяца спустя Сэм Ваймс снова поехал в отпуск, и на сей раз ему позволили вести «Черноглазую Сьюзен» до самого Щеботана, и он даже не врезался ни во что важное и был счастлив, как мышь в кладовой. Он удивлялся тому, каким веселым может быть отпуск, но гораздо большее удивление ждало Ваймса еще через восемь месяцев, когда его и Сибиллу пригласили на свадьбу мисс Эмили Гордон и старшего сына сэра Абутнотта Макивары, владельца знаменитой гончарной фабрики Макивары и, кстати говоря, изобретателя «Хрустящих орешков от Макивары, завтрака чемпионов», грубых и питательных, без которых желудки анкморпоркцев гораздо хуже справлялись бы со своей задачей. Свадебным подарком от Ваймса и Сибиллы была серебряная кастрюлька для варки яиц: Сибилла полагала, что яйцо-пашот лишним никогда не бывает.

Ваймс обрадовался, когда во время церемонии увидел на одной из мисс Гордон новенькую униформу сиделки, а на трех других – роскошные и довольно скандальные (как с восторгом заметила Сибилла) шляпки производства «Гордон и К^о».

Гермиона прислала свои извинения – по словам матери, в лесу ее задержал огромный неподатливый «пинис». У Ваймса на лице появилось странное выражение, но Сибилла толкнула мужа локтем и объяснила, что «пинис стробус» – это научное название сосны.

Но главное удивление ждало Ваймса в конце года, когда он обнаружил, что роман-бестселлер, вызвавший бурю в литературных кругах Анк-Морпорка, посвящен командору Сэмюэлю Ваймсу.

Он назывался «Гордость и сильнейшее предубеждение».

---

notes

Примечания

1

Обмен кадрами с щеботанской жандармерией себя оправдал: в Щеботане учились работать в духе Ваймса, а еда в столовой Псевдополис-ярда заметно улучшилась трудами капитана Эмиля, хоть в ней и было слишком много «а-ля».

И радоваться, что при решении почти всех хозяйственных вопросов ему отводится скромное второе место. Госпожа Сибилла полагала, что слово ее дорогого супруга должно быть законом для городской Стражи, но в ее случае является всего лишь вежливым предложением, которое следует милостиво принять к сведению.

Не считая вереницы художественно обнаженных женщин вдоль парапета. Они держали в руках амфоры, а амфоры – это искусство.

Это скользкий вопрос; для Ваймса все люди были равны, ну, с той разницей, что капитан равнее сержанта, а командор равнее капитана, а что касается капрала Шнобби Шноббса... э... никто еще не бывал равен капралу Шнобби Шноббсу.

5

Металл в данном случае неприемлем... и небезопасен.

Не говоря уже о Ваймсе – Дежурном по Доске, небезызвестной личности в гномьих кругах.

Вилликинс был превосходным дворецким, а также камердинером, когда того требовали обстоятельства, но некогда он также был превосходным уличным бойцом и прекрасно знал, что не следует поворачиваться спиной к человеку, у которого, возможно, есть оружие.

Впоследствии Ваймс задумался, откуда Вилликинс знает, как употреблять слово «дилемма», но факт остается фактом: если бывать в домах, где много книг, незаметно набираешься знаний. Если подумать, точно так же произошло и с самим Ваймсом.

Неоднократно стражники находили предсмертные записки и после внимательного изучения обнаруживали, что написаны они не тем почерком.

«Свинку под седлом» изобрел в год Горностая преподобный Джозеф Робинзон по прозвищу Детерминизм, настоятель церкви Всех Святых и Трех Грешников в приходе Нижний Свес. Насколько можно судить по записям, оставленным современниками, игра представляла собой сочетание бирюлек, поддавок и бренди. Не сохранилось никаких правил – да, скорее всего, их и вовсе не было.

Сибилла объяснила Ваймсу, что деревенская мода отстает от городской примерно на десять лет, отсюда турнюр для нее и бриджи для него – старинные, слегка пропахшие чем-то неприятным, бриджи с откидным полотнищем впереди и сзади.

См. книгу доктора Бентли Скупа «Викарий придет на чай, или Сто двадцать семь предупреждений в неловких ситуациях» (издательство Незримого университета).

Для Ваймса, который был абсолютно уверен, что невозможно почувствовать разницу между куриным и индюшачьим пуком, это увлечение оставалось загадкой, но в городе жили люди, которые заверяли, что им это под силу, и Ваймс радовался, что они дают выход своим странным наклонностям именно таким образом, вместо того чтобы, скажем, коллекционировать человеческие черепа, собранные на главной улице.

Поскольку говорить ему редко позволялось.

Четвертый мистер Сметка – владелец табачного магазина и табачной мельницы – решил, что его фамилии недостает авторитета, и почему-то выбрал имя «Изумлений», которое и впрямь сделалось авторитетным благодаря успеху его табачного предприятия, пользовавшегося невероятной популярностью у сельской знати и прочей публики. Поэтому в каждом поколении семьи был как минимум один Изумлений (а девочек обычно называли Изуминами).

И это, разумеется, правда.

У Колонов был долгий и счастливый брак, основанный на том, что Фред и его жена почти не имели дела друг с другом. Этого блаженного состояния они достигли благодаря тому, что он работал в ночную смену, а она днем, и наоборот. Оба решили, что иначе уйдет вся романтика.

Строго говоря, пол любого гнома остается тайной между ним – или, как вариант, ею – и его (ее) матерью до тех пор, пока гном не решит рассказать об этом кому-нибудь еще, хотя обычно можно догадаться, если внимательно понаблюдать за гномами и отметить тех, кто пьет херес или легкое белое вино. К сожалению, с гномами-стражниками это правило не всегда работает, потому что, как и все стражники, они пьют что угодно, лишь бы забыть, с чем они имели дело днем.

Если верить гномьим преданиям, мир был написан Таком, который также написал и его законы. Все написанное священно для гномов.

Насколько возможно передать эту фразу на языке, который звучит так, как будто кто-то прыгает на большом пакете с чипсами.

К сожалению, констебль Наконец питал слишком много иллюзией. В Анк-Морпорке мыши и тараканы решили забыть прежние раздоры и объединиться против людей.

Которые, в общем, были постоянными.

Будучи Фиглем, Чокнутый Крошка Артур был экономически выгодным стражником, поскольку за год при своих размерах съедал столько же, сколько обычный стражник за неделю. Хотя, надо признать, при своих размерах Артур за неделю выпивал больше спиртного, чем обычный стражник за год.

Первыми двумя были кража и непристойное поведение в публичном месте.

Раса моряков, представителей которой можно найти повсюду на Столатских равнинах. Говорят, они никогда не лгут, хотя эту информацию распространяют о себе сами зуны, создавая тем самым философскую дилемму. Утверждают, конечно, будто сама идея лжи так сложна для их восприятия, что некоторые зуны, добившиеся в этом изрядной сноровки, пользуются почетом среди сородичей и занимают высокие должности.

Честно говоря, в технических пособиях резкий подъем воды на Старой Изменнице называется «гребаным затором», но всякий, кто его переживал, учился выражаться нецензурно.

Как только констебль Пикша появился в щеботанской Страже, ему немедленно дали это прозвище, поскольку головы у всех стражников работают одинаково.

Или встала, или села, насколько мог судить Ваймс – типичная сухопутная крыса.

Звук легкого постукивания фарфоровой чашки о фарфоровое блюдечко отгоняет всех демонов. Малоизвестный факт.

Три дисграфии были дочерьми Слепого Ио (что бы там ни говорили); их звали Нудиция, Сладострастия и Изобилия.

Иными словами, казаться больше, чем он есть на самом деле, и дело наверняка запахнет керосином, если ты, налившись пивом по уши, решишь задать стражнику трепку.

Своими или чужими.

Для тех, кто с ними не знаком, заметим, что моллюски – это сопля моря.

Кто-то за несколько лет до того сказал, что увидеть, как вздымается под платьем грудь Сибиллы Овнец, – это все равно что постичь историю империй.